МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Агеев Алексей Сергеевич

Российско-неаполитанские дипломатические связи и внешняя политика Российской империи в конце XVIII – начале XIX века

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Андреев Андрей Юрьевич

Москва – 2026

Оглавление

Том 1

Введение 4

Глава 1. Становление дипломатических отношений Неаполитанского королевства и Российской империи: от нейтралитета к военно-политическому союзу (1780–1790-е гг.)..... 36

1.1. Ранний этап российско-неаполитанских отношений: от установления дипломатических связей (1777 г.) до Ясского мирного договора (1791 / 1792 г.) 37

1.2. Дипломатия Екатерины II и Неаполитанское королевство во время войны Первой антифранцузской коалиции (1792–1796 гг.) 65

1.3. Российско-неаполитанские дипломатические связи в первые годы правления императора Павла I: от мирных инициатив до заключения союзного договора (1796–1798 гг.).....118

1.4. Выводы к главе 1..... 158

Глава 2. Российская дипломатическая миссия в Неаполитанском королевстве в 1790-е – начале 1800-х гг.: структура, повседневность, коммуникации 162

2.1. Состав миссии: люди, иерархия и неформальные связи 164

2.2. Финансовое положение, бытовые условия и повседневные практики 200

2.3. Взаимодействие с Санкт-Петербургом и проблемы коммуникаций 224

2.4. Выводы к главе 2 232

Том 2

Глава 3. Российско-неаполитанские дипломатическая связи и война Второй антифранцузской коалиции (1799–1801 гг.) 3

3.1. Российская дипломатическая миссия при сицилийском дворе в 1799 г.: основные направления деятельности 5

3.2. Миссия маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге и кризис Второй антифранцузской коалиции (1799 г.) 50

3.3. Российско-неаполитанские дипломатические связи в условиях выхода Российской империи из Второй антифранцузской коалиции и сближения с Францией (1800–1801 гг.) 72

3.4. Выводы к главе 3 114

Глава 4. Российская империя и неаполитанские Бурбоны против наполеоновской Франции: от Флорентийского мира до разрыва дипломатических отношений (1801–1808 гг.) 118

4.1. Российско-неаполитанские дипломатические связи в первые годы правления императора Александра I: Мальтийский вопрос и французская оккупация (1801–1804 гг.) 118

4.2. Англо-русская экспедиция в Неаполитанское королевство (1805–1806 гг.): дипломатическая подготовка и реализация 137

4.3. Российская империя и Сицилийское королевство в 1806–1808 гг.: от краха Третьей антифранцузской коалиции до разрыва дипломатических отношений 192

4.4. Выводы к главе 4 209

Заключение 211

Список использованных источников и литературы 219

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. История внешней политики Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. неоднократно привлекала внимание исследователей, при этом в фокусе их внимания чаще оказывались или военные усилия Санкт-Петербурга, или взаимоотношения России с другими великими державами (Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией). Гораздо реже исследователи обращались к истории связей Санкт-Петербурга с европейскими малыми дворами. С одной стороны, в этом есть своя логика: в эпоху Нового времени именно действия великих держав в наибольшей степени определяли международный пейзаж, способствуя установлению того набора неписанных правил и обычаев поведения на международной арене, который П. Шредер определял как «международную систему»[1], в то время как малые государства играли гораздо более пассивную роль, были вынуждены приспосабливаться или даже становились жертвами сложившейся системы, основанной на поддержании конфликтного баланса сил через практику компенсаций и индемнизаций. С другой стороны, было бы неверно представлять, что великие державы действовали в политическом вакууме: подчас интересы региональных игроков, при всей их слабости и несамостоятельности в принятии решений, могли оказывать серьезное влияние на политику великих держав (в особенности если эти малые государства представляли для них стратегический, династический или экономический интерес).

Продуктивность изучения взаимодействия великой державы с малыми дворами для более глубокого понимания ее внешней политики продемонстрировал в своих работах американский исследователь Х. Рэгсдейл, убедительно доказавший, что логика российско-шведских и российско-датских отношений оказала значительное влияние на характер сближения между Россией и Францией

[1] *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994. P. XII.

в последний год правления императора Павла I[2]. По мнению историка, подобному пониманию, в частности, способствовал тот факт, что дипломатические связи Санкт-Петербурга с Копенгагеном и Стокгольмом имели постоянный и регулярный характер в течение всего рассматриваемого им периода[3]. Схожим образом можно оценить и потенциал изучения российско-неаполитанских связей, которые оставались непрерывными с 1777 по 1808 гг.

Неаполитанское и Сицилийское королевства, объединенные под властью династии неаполитанских Бурбонов (в документах того времени это государственное объединение часто называли Королевством Обеих Сицилий, хотя официальным это название стало только после 1816 г., в то время как титул короля Обеих Сицилий существовал с середины XV в.), имели для Российской империи особое значение среди множества других государств Апеннинского полуострова, что в значительной степени определялось ролью Южной Италии как стратегического плацдарма на пути к балканским владениям Османской империи. Именно Неаполь одним из первых среди других итальянских государств установил с Российской империей дипломатические отношения (1777 г.), а в последующие годы оказал санкт-петербургскому двору дипломатическую поддержку, присоединившись к декларации вооруженного нейтралитета (1783 г.), заключив с Российской империей торговый договор (1787 г.) и выступив в качестве посредника во время Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) Наконец, в годы войн Второй и Третьей антифранцузских коалиций (1798–1802, 1805–1806 гг.) Неаполитанское королевство было единственным итальянским государством, заключившим с Санкт-Петербургом союзный договор, – это обстоятельство неизбежно должно было оказать влияние на развитие российского внешнеполитического курса и отразиться на характере взаимоотношений Российской империи с другими

[2] *Ragsdale H.* Détente in the Napoleonic Era. Bonaparte and the Russians. The Regents Press of Kansas, 1980. P. 107–124.

[3] *Idem.* Was Paul Bonaparte's Fool? The Evidence of Neglected Archives // Paul I: A Reassessment of His Life and Reign / Ed. by H. Ragsdale. University of Pittsburg, 1979. P. 77.

европейскими государствами. Исходя из этого, представляется необходимым, отойдя от представления о внешней политике Российской империи исключительно как о деле самодержцев и их ближайшего окружения, а также как о преимущественно истории войн, обратиться к деятельности взаимных дипломатических миссий в Южной Италии и Санкт-Петербурге на рубеже XVIII–XIX вв. Это позволит не только углубить представления о средиземноморской политике России того времени и особенностях функционирования российского дипломатического ведомства, но также приблизиться к более комплексному пониманию роли Российской империи в системе международных отношений конца XVIII – начала XIX в.

Актуальность исследования обеспечена двумя факторами. Во-первых, настоящая работа направлена на то, чтобы закрыть лакуну, существующую в современной отечественной и зарубежной историографии (с опорой на широкий круг источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот). Во-вторых, в соответствии с современными методологическими установками исторической науки, развивающейся в русле антропологического поворота, особое внимание в настоящем исследовании уделено не только эволюции взаимоотношений между государствами, но и личному вкладу руководителей дипломатических миссий в развитие отношений между двумя дворами, а также повседневным практикам сотрудников российского посольства в Неаполитанском королевстве (сочетание институционального и антропологического подходов).

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является внешняя политика и дипломатия Российской империи в средиземноморском регионе в конце XVIII – начале XIX в. Предмет исследования – российско-неаполитанские дипломатические связи этого периода, выражавшиеся прежде всего в деятельности взаимных дипломатических миссий.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1777 г. по 1808 г., когда между Российской империей и двором короля Обеих Сицилий (из династии неаполитанских Бурбонов) существовали регулярные дипломатические связи.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и охватывают пространство Центрального и Восточного Средиземноморья (в первую очередь Южную Италию и Ионические острова), где разворачивалась деятельность русских дипломатов и военных отрядов, а также основные центры принятия внешнеполитических решений (Санкт-Петербург, Вену, Париж).

Цель и задачи исследования. Целью работы является анализ дипломатических отношений между Российской империей и Неаполитанским королевством с конца 1770-х гг. по 1808 г. и определение роли неаполитанского фактора в эволюции общей системы внешней политики и дипломатии Российской империи. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– выявить особенности российско-неаполитанских дипломатических связей на раннем этапе (1780–1790-е гг.);

– определить причины заключения российско-неаполитанского союзного договора 1798 г. в контексте внешней политики Российской империи;

– реконструировать коллективный социальный портрет российской дипломатической миссии в Южной Италии в 1790-е – начале 1800-х гг.;

– установить характер российско-неаполитанских дипломатических связей во время войны Второй антифранцузской коалиции;

– объяснить роль неаполитанского фактора во внешней политике Российской империи в период ее выхода из Второй коалиции и сближения с Францией (1800–1801 гг.);

– представить процесс подготовки и реализации англо-русской экспедиции в Неаполитанское королевство (1805–1806 гг.) в контексте внешней политики России в первые годы правления императора Александра I;

– охарактеризовать особенности эволюции российско-неаполитанских дипломатических отношений накануне и после заключения Тильзитского мира (1807 г.).

Методологическую основу исследования составляет система общенаучных и специально-исторических методов, среди которых следует выделить такие общеисторические методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный[4].

Историко-генетический метод предполагает выявление причинно-следственных связей и анализ изучаемых явлений по принципу от частного к общему, позволяя рассматривать российско-неаполитанские дипломатические отношения как сложную динамичную реальность, развивающуюся в тесной связи с общей эволюцией внешнеполитического курса Российской империи.

Историко-сравнительный метод (анализ изучаемых явлений с точки зрения их сущностных сходств и различий) позволяет не только сопоставлять между собой различные периоды истории российско-неаполитанских дипломатических связей, но и сравнивать деятельность конкретных дипломатов, а также характер адресованных им инструкций, отражавших взгляд руководства страны на развитие отношений между Санкт-Петербургом и Неаполем в конкретный исторический момент.

Историко-типологический метод (выявление общих черт в изучаемых явлениях, их типологизация) играет важную роль как на этапе первичной работы с историческими источниками (деление на группы, выявление сходства), так и на стадии итогового обобщения материала.

Историко-системный метод позволяет рассматривать российско-неаполитанские дипломатические связи в виде сложно структурированного единства особенного и общего. В контексте рассматриваемой темы историко-системный метод играет особую роль, так как речь идет об истории дипломатии как части истории международных отношений. Одним из главных понятий для разработки этого направления является понятие системы международных отношений. С одной стороны ее можно понимать как «весьма широкую <…>

[4] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 170–194.

систему взаимосвязанных договорами или враждебностью государств»[5]. Это традиционное представление позволяет рассматривать двусторонние отношения между государствами как часть более сложной системы со своими центрами и своей периферией[6]. С другой стороны, П. Шредер сравнивал систему международных отношений с набором грамматических правил и структур языка, видя в ней «представления, предположения, приобретенные навыки и реакции на вызовы, правила, нормы, процедуры и т.д.»[7].

Важную роль для более глубокого понимания сферы международных отношений играют наработки политологов, социологов и специалистов по теории международных отношений. Среди них следует назвать американского ученого Г.Дж. Моргентау, представителя школы политического реализма, который еще в 1940-х гг., развивая теорию баланса сил (или силовой политики), указывал в своих работах прежде всего на объективность и рациональность внешнеполитических отношений, на ведущую роль государства и его интересов при определении политического курса и, наконец, на значение силового фактора и борьбы за международное влияние как основы отношений между государствами[8].

Одновременно, изучая международные отношения и дипломатию конца XVIII – начала XIX в., нельзя не учитывать такого направления современной историографии, как новая дипломатическая история, рассматривающая связи между государствами, осуществляемые через уполномоченных представителей,

---

[5] *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970. С. 32.

[6] См.: *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004; От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб., 2020.

[7] *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994. P. XII.

[8] *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189–201.

как часть более широко понимаемой культурной сферы[9]. Историки, работающие в русле новой дипломатической истории, обращают особое внимание не только на проблемы церемониала, но и на антропологические особенности дипломатической службы, связанные с социальным портретом дипломатических миссий, использовавшимися дипломатами неформальными практиками и в целом с инструментарием дипломатической деятельности[10].

Степень разработанности темы исследования. История российско-неаполитанских дипломатических связей конца XVIII – начала XIX в. стала более или менее глубоко разрабатываться в литературе только с середины XX столетия, хотя отдельные сюжеты, связанные с этой темой, иногда затрагивались в отечественной и зарубежной историографии и в более ранний период.

В **отечественной историографии** дореволюционного периода вопросы, касающиеся дипломатических взаимоотношений Российской империи и Неаполитанского королевства, эпизодически рассматривались в общих работах, посвященных внешней политике санкт-петербургского двора и истории противостояния России с революционной и наполеоновской Францией [11]. Практически единственным исключением является исследование А.В. Висковатова «Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг.»,

---

[9] *Петрова М.А.* Международные отношения и дипломатия XVIII века в современной российской историографии // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3 / Под общей ред. А.В. Малыгина. М., 2017. С. 99–112; *Bely L.* L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIIe siècle. Paris, 2015. P. 483–501.

[10] *Mori J.* The Culture of Diplomacy: Britain in Europe 1750–1830. Manchester, 2011; *Смилянская Е.Б., Моряков Е.Ю.* Британский посол в Петербурге при Екатерине II: дипломатия и мелочи жизни лорда Чарльза Каткарта. М., 2025. С. 9–11.

[11] *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844; История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852–1853, Т. I–V.

опубликованное в 1827–1828 гг. в журнале «Славянин» [12] : фактически это единственная специальная русскоязычная работа XIX века, посвященная Неаполитанской революции и ее подавлению (центральным звеном историографической концепции автора является противостояние революционного хаоса силам монархического легитимизма, носителями и защитниками которого выступали, по его мнению, русские войска с эскадры Ф.Ф. Ушакова, участвовавшие в уничтожении Партенопейской республики).

В работах конца XIX – начала XX в. обстоятельства взаимодействия Российской империи с Неаполитанским королевством на рубеже XVIII–XIX вв. также получили лишь поверхностное освещение. Биографы Павла I и Александра I (Н.К. Шильдер, Е.С. Шумигорский и др.) практически не затрагивали этот сюжет, при этом продолжая характеризовать внешнюю политику России того времени в первую очередь как отражение характера и действий самодержца; в то же время появлялись отдельные обобщающие работы по истории русского флота, в которых затрагивались сюжеты, связанные со средиземноморской экспедицией адмирала Ф.Ф. Ушакова и англо-русской высадкой в Неаполе в 1805 г.[13]

В начале XX века появилось лишь две специальные работы, посвященные этой теме. Это, прежде всего, небольшая монография М.Д. Поливанова «М.М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг.» (1912 г.)[14], посвященная пребыванию в Южной Италии русских войск (с положительной характеристикой бескорыстной русской политики по отношению к итальянским государствам в противовес, как считал автор, коварной и эгоистичной политике

---

[12] *Висковатов А.В.* Военные происшествия в Неаполитанском королевстве // Славянин. 1827. Ч. 4. № LI. С. 437–449; № LII. С. 473–490; 1828. Ч. 5. № VIII. С. 271–286; № IX. С. 307–325; № X. С. 351–364.

[13] *Головизин К.* Очерки из истории русского флота / Морской сборник. 1883. № 10. С. 145–170; История русской армии и флота. Т. 9. М., 1911.

[14] *Поливанов М.Д.* М.М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг. СПб., 1912.

Великобритании), а также статья И. Борецкого–Бергфельда «Император Павел I и политическая судьба Италии», опубликованная в том же году в журнале «Русская старина»[15] (которая в действительности являлась кратким изложением материалов сборника документов миссии неаполитанского дипломата маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге, опубликованного в 1910 г. историком К. ди Сомма). Таким образом, в дореволюционной историографии так и не было создано единого и целостного нарратива, посвященного истории российско-неаполитанских внешнеполитических связей в конце XVIII–XIX вв. Не лучше обстояло дело и в ранней советской историографии, уделявшей гораздо больше внимания экономической истории и истории взаимоотношений России с великими державами (с акцентом на международных и экономических связях рубежа XIX–XX вв.)

Ситуация начала постепенно меняться в 1940-е гг., когда появилось первое издание фундаментальной работы «История дипломатии»[16] (второе расширенное издание вышло в 1959–1979 гг.[17]), в которой А.Л. Нарочницким и Е.В. Тарле были написаны разделы по истории международных отношений в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн. В этот же период была опубликована работа Е.В. Тарле «Адмирал Ушаков на Средиземном море. 1798–1800» (1948 г.)[18], отчасти затрагивавшая историю российско-неаполитанских связей (историк положительно оценивал действия русских моряков в Южной Италии, стремившихся, по его мнению, сгладить конфликт и проявить милосердие к побежденным якобинцам, и критически оценивал правящую элиту Королевства Обеих Сицилий, иногда переходя в их характеристиках на образный и яркий язык исторической публицистики).

---

[15] *Борецкий-Бергфельд И.* Император Павел I и политическая судьба Италии // Русская старина. 1912. №3, С. 509–522.

[16] История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1–3. М., 1941–1945.

[17] История дипломатии / под ред. В.А. Зорина и др. Т. 1–5. М., 1959–1974.

[18] *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. 1798–1800. М., 1948.

Важнейшим историографическим фактом середины XX века, оказавшим значительное влияние на изучение российско-итальянских связей как в России, так и в Италии, стала публикация на русском языке книги итальянского историка-марксиста Дж. Берти «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто» в 1959 г. (спустя два года после выхода ее итальянского издания). Появление этого труда, рассматривавшего политику Российской империи как один из важнейших внешних факторов объединения Италии, а также характерное для 1950-х–1960-х гг. сотрудничество ученых из Италии и СССР (выражением которого стало проведение совместных научных мероприятий, например, X Международного конгресса исторических наук в Риме (1955 г.), а также совместной конференции в Риме в мае 1966 г., по итогам которой в 1968 г. был опубликован сборник «Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений») оказало серьезное влияние на развитие темы российско-итальянских внешнеполитических связей в советской исторической науке. Важной вехой в истории развития советской италинистики стала публикация трехтомной «Истории Италии» под редакцией С.Д. Сказкина (1970–1971 гг.): во втором томе были, в частности, затронуты события «якобинского трехлетия» на Апеннинском полуострове (в том числе на основе архивных документов российской миссии в Неаполе)[19].

В то же самое время в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в советской исторической науке наметился интерес к комплексному изучению средиземноморской политики Российской империи (особое значение имела программная статья ленинградского историка А.Л. Шапиро, опубликованная в 1956 г.[20]) Среди советских работ 1960-х гг., посвященных внешней политике России в Средиземноморье в период 1792–1807 гг. и затрагивающих историю взаимоотношений Российской империи с итальянскими государствами, следует в первую очередь выделить монографию А.М. Станиславской «Русско-английские

[19] История Италии / под ред. акад. С.Д. Сказкина. Т. 1–3. М., 1970–1971.

[20] *Шапиро А.Л.* Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX века // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 253–288.

отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807 гг.» [21] , в которой исследовательница подробно рассмотрела политику Санкт-Петербурга в Средиземноморском регионе, тесно связав ее как с экономическими интересами русского дворянства, так и с равновесием европейских держав. Как отмечала Станиславская, для России Неаполитанское королевство играло важную роль в силу его тесных связей с Мальтой и Ионическими островами («Южная Италия, Мальта, Ионические острова, Египет… составляли… в европейской и русской политике единый военно-дипломатический комплекс» [22]). Отдельное внимание А.М. Станиславская уделила действиям российского посланника в Неаполитанском королевстве Д.П. Татищева и подготовке англо-русской экспедиции 1805 г.

В 1960-е гг. работу над исследованием истории российско-неаполитанских связей конца XVIII века начала Г.А. Сибирева. Итогом ее архивных разысканий стали несколько значимых публикаций по этой теме. В первом выпуске сборника «Проблемы итальянской истории» (1972 г.) была опубликована ее статья «Неаполитанская революция 1799 года и Россия»[23], содержавшая детальный анализ архивных и опубликованных материалов, свидетельствующих о взгляде русских дипломатов (В.В. Мусина-Пушкина-Брюса и А.Я. Италинского) на революционные события в Южной Италии, а также об участии русских войск в разгроме Партенопейской республики. Г.А. Сибирева подробно рассмотрела хронологию событий, с опорой на источники скорректировала чересчур апологетические оценки действий русских моряков, характерные для Е.В. Тарле, а также, проанализировав депеши и реляции обоих русских дипломатов, выдвинула гипотезу о коренном различии их взглядов на карательную политику неаполитанских Бурбонов, осуществлявшуюся после подавления революции. В

---

[21] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.

[22] Там же. С. 204.

[23] *Сибирева Г.А.* Неаполитанская революция 1799 года и Россия // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С. 56–86.

другом сборнике «Проблемы итальянской истории» (1978 г.) была опубликована еще одна статья Г.А. Сибиревой, посвященная раннему этапу истории двухсторонних отношений Российской империи и Королевства Обеих Сицилий[24], а спустя три года была издана ее монография «Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII века» (1981 г.)[25], до сих пор остающаяся единственным фундаментальным русскоязычным исследованием по этой теме. В этой работе автор детально рассмотрела как политическую, так и культурную историю взаимоотношений России и Неаполя на исходе XVIII столетия. Важно отметить, что, описывая историю дипломатических связей между двумя государствами в годы Французской революции и во время войны Второй антифранцузской коалиции, Г.А. Сибирева не добавила ничего существенно нового к оценке действий русских дипломатов и моряков в Южной Италии, которая была высказана ей ранее в статье 1972 года. На основе этого же материала, но с привлечением дополнительных источников, уже в начале следующего столетия ей была написана специальная статья, посвященная биографии В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, русского дипломата при неаполитанском дворе в 1797–1800 гг.[26] Портрет дипломата в новой работе Г.А. Сибиревой был изображен с бóльшим количеством значимых подробностей, однако в изложении обстоятельств российско-неаполитанского взаимодействия в разгар революционных событий 1799 года историк воспроизвела те же самые выводы, к которым пришла за тридцать лет до этого, опираясь на ту же аргументацию и систему доказательств.

В последние годы, помимо большого количества общих работ, посвященных истории внешней политики Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., в той или иной степени затрагивающих историю взаимоотношений между Санкт-

---

[24] *Она же.* Неаполитанское королевство и Россия в 1777–1791 гг. (становление отношений) // Проблемы итальянской истории. М., 1978. С. 200–226.

[25] *Она же.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.

[26] *Она же.* В.В. Мусин-Пушкин-Брюс – дипломат, масон, меценат // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 18. С. 266–285.

Петербургом и Неаполем[27], появилось несколько специальных статей, касающихся разных аспектов российско-неаполитанских связей в рассматриваемый период. Среди них следует назвать очерк Г.А. Гребенщиковой о руководителе российской миссии в Неаполе А.Я. Италинском[28] (впрочем, неаполитанскому периоду его карьеры в тексте уделено не так много внимания), статью И.А. Поплавской о восприятии Неаполитанского королевства сотрудником российской миссии А.Я. Булгаковым[29], исследование Е.Н. Рукавишникова о военных аспектах англо-русской экспедиции 1805–1806 гг.[30], а также статью Д.В. Зайцевой, посвященную восприятию Неаполитанской революции 1799 г. российским дипломатом В.В. Мусиным-Пушкиным[31] (при этом для автора гораздо большее значение имели отразившиеся в источниках реалии революции, нежели вопрос об авторе источников и его взглядах).

В **зарубежной историографии**, прежде всего в **итальянской исторической традиции**, российско-неаполитанские дипломатические связи обычно всегда рассматривались в тесной связи с более широкими сюжетами, такими как история Рисорджименто и проблема Юга. При этом важно отметить, что внимание итальянских историков, как правило, было сосредоточено вокруг узловых точек,

---

[27] *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011; *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014; *Гребенщикова Г.А.* Фрегат «Венус» в русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб., 2015; *Овчинников В.Д.* Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль, 2016; *Соколов О.В.* Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. СПб., 2019.

[28] *Гребенщикова Г.А.* Андрей Яковлевич Италинский // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 20–35

[29] *Поплавская И.А.* Неаполитанское королевство и Россия в начале XIX в.: на материале переписки братьев Булгаковых // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 170–191.

[30] *Рукавишников Е.Н.* Опыт, обретенный ценой неудач. Неаполитанский десант капитан-командора А.С. Грейга (1805–1806 гг.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 6. С. 66–75.

[31] *Зайцева Д. В.* Неаполитанская республика 1799 г. в донесениях русского дипломата В.В. Мусина-Пушкина-Брюса: новый взгляд на источник // Французский ежегодник 2024. Т. 57. М., 2024, С. 113–127.

важных для понимания этих глобальных процессов: в первую очередь вокруг Неаполитанской революции 1799 г. и «французского десятилетия» (1806–1815 гг.) Внешняя политика монархии неаполитанских Бурбонов на рубеже XVIII–XIX вв. обычно уходила на второй план, а если дипломатические отношения Неаполя с другими государствами и становились предметом изучения, то обычно они рассматривались или как внешний фактор революционных событий, или как своеобразный пролог к завоеванию Южной Италии французскими войсками.

Говоря об исследованиях конца XIX – начала XX в. следует в первую очередь назвать две работы Б. Мареска, посвященные дипломатической подготовке англо-русской высадки в 1805 г., а также деятельности неаполитанского дипломата А. Мишеру в 1799 г.[32] Большое значение для изучения российско-неаполитанских связей имеет сборник документов миссии маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге (1799 г.), изданный неаполитанским исследователем К. ди Сомма[33]. В целом же в итальянской историографии вплоть до середины XX в. интерес к российско-итальянским связям и истории России оставался довольно слабым. Во многом это было связано с интеллектуальным влиянием философа-идеалиста и историка Б. Кроче, который считал роль России в истории стран Южной Европы малозаметной, делая акцент на «неразвитости» русской интеллектуальной жизни того времени и вообще отказывая России в принадлежности к европейской цивилизации (в то же время перу Б. Кроче принадлежит один из первых биографических очерков, посвященных неаполитанскому дипломату в Санкт-Петербурге герцогу ди Серракаприола[34]). Постепенно ситуация изменилась к

---

[32] *Maresca B.* I due trattati stipulati dalla Corte Napoletana nel settembre 1805 // Archivio Storico per le Province Napoletane. Anno XII, fasc. III. Napoli, 1887; *Maresca B.* Il Cavaliere Antonio Micheroux nella reazione napolitana del 1799. Napoli, 1895.

[33] *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910

[34] *Croce B.* Il duca di Serracapriola e Giuseppe de Maistre // Uomini e cose della vecchia Italia. V. II. Bari, 1927. P. 193–225.

лучшему благодаря публикации на итальянском языке книги чешского политика Т. Масарика «Россия и Европа», научной деятельности в Италии русского историка-эмигранта Е.Ф. Шмурло, а также появлению трудов П. Гобетти «Paradosso dello spirito russo» (1926 г.) и Э. Ло Гатто «Storia della Russia» (1946 г.) Э. Ло Гатто еще в начале 1920-х гг. стал главным редактором историко-литературного альманаха «Russia». В первом томе этого издания, опубликованном в 1921 г., был помещен очерк Н. Кортезе, посвященный истории неаполитанского посредничества на переговорах между Российской империей и Османской Портой в 1790–1791 гг.[35]

Главную роль в произошедшем в середине XX века всплеске интереса итальянских историков к российско-итальянским дипломатическим связям в Новое время сыграли деятели социалистических движений, среди них – в немалой степени – лидер Итальянской коммунистической партии А. Грамши. В опубликованных посмертно «Тюремных тетрадях» (1935–1936 гг.), особенно в серии небольших очерков, посвященных Рисорджименто, А. Грамши не только рассмотрел историю объединения Италии через призму марксистского подхода, но и указал на политику великих держав как на один из важнейших внешних факторов этого процесса, обратив внимание будущих историков в том числе на историю контактов Российской империи с Неаполитанским королевством (особенно в очерке «Рисорджименто и Восточный вопрос»)[36].

Именно эта методология была положена в основу исследования Дж. Берти, историка-марксиста, тесно связанного с Советским союзом, «Russia e stati italiani nel Risorgimento» [«Россия и итальянские государства в период Рисорджименто»], изданного в 1957 г.[37] Делая акцент на дипломатических связях, Берти затрагивал в

---

[35] *Cortese N.* La mediazione Napoletana nelle trattative di pace tra Russia e Turchia nel 1790–91 (con lettere inedite di Caterina II e di Maria Carolina) // Russia. Rivista di letteratura – arte – storia / diretta da E. Lo Gatto. Anno I. V. I. Napoli, 1921. P. 74–103.

[36] *Gramsci A.* Il Risorgimento. Torino: Giulio Einaudi Editore, 1952. P. 111.

[37] *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.

том числе историю российско-неаполитанских отношений на рубеже XVIII–XIX вв., однако при этом необходимо отметить, что большой хронологический охват и довольно широкие географические рамки (с акцентом на отношения России с Пьемонтом) способствовали некоторой фрагментарности и неполноте изложения (вдобавок к этому историком практически не были использованы документы, исходившие от российского дипломатического ведомства и его представителей за рубежом – в своей работе Дж. Берти преимущественно опирался на итальянские дипломатические документы, что предопределило некоторую односторонность его взгляда).

В последующие годы значительный вклад в изучение российско-итальянских связей конца XVIII – начала XIX в. внесли Ф. Вентури, в статье 1966 г. обративший особое внимание на историю культурных связей между Российской империей и странами Апеннинского полуострова [38], а также В. Джиура (1967 г.) [39] и М.Л. Кавальканти (1979 г.) [40], занимавшиеся историей торговых связей между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий (при этом следует отметить, что в изложении событий дипломатической истории все эти авторы опирались на монографию Дж. Берти). Отдельно следует выделить несколько исследований, посвященных военной истории государств Апеннинского полуострова в эпоху Революционных и Наполеоновских войн, которые в начале 2000-х гг. были созданы коллективом военных историков при поддержке итальянского Генерального штаба [41]. Немало внимания в этих работах уделяется военной истории

---

[38] *Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968, С. 25–50.

[39] *Giura V.* Russia, Stati Uniti d'America e Regno di Napoli nell'età del Risorgimento. Napoli, 1967.

[40] *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia, 1775–1815. Genève. 1979.

[41] *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. I–II. Roma, 2001; *Ilari V., Crociani P., Boeri G.* Le Due Sicilie nelle guerre napoleoniche (1800–1815). T. I–II. Roma, 2008.

Неаполитанского королевства: его армии, стратегии, дипломатическим связям с европейскими государствами и истории военных действий на Юге Италии в 1798–1800, 1805–1806 гг.

В последние годы в итальянской историографии продолжается разработка сюжетов, связанных с историей дипломатических связей между Российской империей и Неаполитанским королевством. В первую очередь следует назвать Марину ди Филиппо, слависта из неаполитанского Университета Востока (L'Orientale), написавшую несколько статей по этой теме, одна из которых посвящена двум первым неаполитанским дипломатам при санкт-петербургском дворе, герцогу ди Сан-Никола и герцогу ди Серракаприола[42] (особенно подробно автор останавливается на фигуре второго дипломата, описывая как его непосредственный вклад в развитие дружественных отношений между двумя государствами, так и особенности его культурной инкорпорации в среду русской аристократии). Истории российско-неаполитанских связей в 1777–1861 гг. посвящена диссертация Д. Аморе, защищенная в 2017 г. в рамках совместной франко-итальянской программы при французском центре исследования славянской истории (Centre de recherches sur l'histoire des slaves)[43]. В своем исследовании Д. Аморе дал общий обзор как дипломатических, так и культурных связей между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий на общем фоне развития средиземноморской политики России, подчеркивая, что интерес к Неаполитанскому королевству для России был тесно связан с противодействием влиянию Великобритании и Франции в Восточном Средиземноморье. В работе Д. Аморе на основе архивных материалов детально реконструирована история первых контактов между государствами в 1780-е гг., при этом анализу российско-

[42] *Филиппо М. ди.* К истории отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8, С. 5–23. Этот текст является переведенной и дополненной версией статьи, которая вышла на итальянском языке в 2005 г.

[43] *Amore D.* Napoli, San Pietroburgo e il Mediterraneo, 1777–1861 (Tesi di dottorato). Napoli / Paris, 2017.

неаполитанских отношений в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн им было уделено не так много внимания, присутствуют отдельные неточности и, в целом, применительно к этому периоду источниковая база кажется гораздо менее репрезентативной (так, главным источником для описания событий 1800–1801 гг. для автора послужили мемуары А. Чарторыйского). Большой вклад в изучение взаимоотношений Неаполя и Санкт-Петербурга внесла М.В. Мафричи, специалист из Салернского университета, написавшая несколько статей об истории российско-неаполитанских торговых и дипломатических связей в 1777–1806 гг.[44], а недавно опубликовавшая обобщающую монографию по этой теме[45]. Опираясь на широкий круг неопубликованных документов из нескольких итальянских архивов (в том числе Государственного архива Неаполя), М. Мафричи детально проследила эволюцию торговых и политических контактов между двумя государствами, уделив особое внимание деятельности неаполитанского дипломата в Санкт-Петербурге герцога ди Серракаприола и вписав ее в широкий контекст международных отношений конца XVIII века. При этом важно отметить, что на страницах этой монографии практически не нашла никакого отражения деятельность российской миссии в Неаполитанском королевстве, а период 1790-х и тем более начала 1800-х гг. оказался освещен гораздо менее подробно, чем 1770-е – 1780-е гг.

Среди других современных исследователей, занимающихся историей российско-неаполитанских отношений, следует назвать историка из Салернского университета Э. Джина, автора исследования, посвященного эволюции внешней

---

[44] *Mafrici M.* La diplomazia in azione nel Sette-Ottocento: rapporti commerciali tra la Russia e il Regno di Napoli // Mediterraneo e/è Mar Nero. Due mari tra età moderna e contemporanea / a cura di L.M. Migliorini e M. Mafrici. Napoli, 2012. P. 31–54; *Idem.* Al servizio di Ferdinando IV. Antonino Maresca di Serracapriola a San Pietroburgo (1787–1806) // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2022. № 5–6. P. 209–244.

[45] *Idem.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026.

политики Неаполитанского королевства в последней четверти XVIII в.[46], а также Б. Такушинову, итальянского историка российского происхождения, написавшую несколько работ об истории российско-неаполитанских культурных связей (в том числе о роли в этих контактах герцога ди Серракаприола)[47].

Во **французской историографии** всегда уделялось особое внимание эпохе Революционных и Наполеоновских войн. Многие ранние исследования французских историков, особенно посвященные правлению Наполеона, нередко носили апологетический характер по отношению к французской внешней политике, подчеркивая ее оборонительный характер (это касается в том числе ставших классическими многотомных работ А. Сореля, А. Вандаля и Э. Дрио, появившихся на рубеже XIX–XX вв.[48]). При этом история средиземноморской политики Российской империи, в том числе российско-неаполитанских связей, как правило, находила в этих работах лишь поверхностное отражение (то же самое наблюдается и в трудах современных французских исследователей, среди которых следует в первую очередь назвать Ж. Тюлара, биографа Наполеона, под редакцией которого в 1989 г. вышло фундаментальное справочное издание «Dictionnaire Napoléon»[49], а также Т. Ленца, главного редактора нового издания корреспонденции Наполеона и автора нескольких обобщающих работ[50]). Для изучения истории

---

[46] *Gin E.* Ferdinando IV di Borbone. Il Regno di Napoli e il Grande Gioco del Mediterraneo. Rubbettino, 2022.

[47] *Takushinova B.* I russi e il Grand Tour nel Regno di Napoli. Viaggi, diplomazia, collezionismo. Napoli, Luciano Editore, 2023; *Idem.* Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e arte. Antonino e Nicola Maresca di Serracapriola // Russia e Stati italiani al tramonto dell'Antico Regime / a cura di M. Natalizi, M. Navone, D. Tongiorgi, Roma, 2025. P. 167–185.

[48] *Sorel A.* L'Europe et la Révolution française. V. 1–8. Paris, 1885–1904; *Vandal A.* Napoléon et Alexandre Ier. L'alliance russe sous le premier empire. V. 1–3. Paris, 1891–1896; *Driault E.* Napoléon et L'Europe. Paris, 1910–1927.

[49] Dictionnaire Napoléon / sous la direction de J. Tulard. V. 1–2. Paris: Fayard, 1989.

[50] *Lentz T.* Le Grand Consulat: 1799–1804. Paris: Fayard, 1999; *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 1–4. Paris: Fayard, 2002–2010.

российско-неаполитанских связей по-прежнему сохраняет свое значение двухтомный сборник дипломатических документов 1802–1806 гг., изданный Ш. Ориолем в 1904–1905 гг.[51] (автор собрал обширный материал, снабдив его подробным комментарием, в котором он, в целом, проявил критичность к английской политике, одновременно выступая апологетом действий Наполеона). Из современных работ, напрямую затрагивающих историю российско-неаполитанских отношений, следует назвать биографию королевы Марии Каролины[52], написанную А. Блонди, специалистом по истории Средиземноморья и Мальты в XVIII веке, ранее опубликовавшим биографию императора Павла I[53].

Наконец, в **англоязычной литературе** проблемы дипломатических отношений России и Неаполя также практически не нашли специального отражения. Исключение представляет собой классическая работа Г. Актона, посвященная истории династии неаполитанских Бурбонов (1957 г.)[54], содержащая в том числе богатый материал по истории российско-неаполитанских связей (при этом автора гораздо больше занимала история неаполитанской придворной жизни, описывая которую, он нередко вступал в полемику с итальянской «республиканской» историографической традицией). Отдельные стороны взаимоотношений России и Неаполя были затронуты в обобщающих исследованиях, посвященных истории Южной Италии[55], деятельности британской

---

[51] *Auriol Ch.* La France, L'Angleterre et Naples de 1803 à 1806. T. 1–2. Paris, 1904–1905.

[52] *Blondy A.* Marie-Caroline d'Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025.

[53] *Idem.* Paul Ier. La folie d'un tsar. Paris: Perrin, 2020.

[54] *Acton H.* The Bourbons of Naples (1734–1825). London, Prion Books Limited, 1998.

[55] *Johnston R.M.* The Napoleonic Empire in Southern Italy and the Rise of the Secret Societies. V. 1. London, 1904; *Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions (1780–1860). Oxford University Press. 2009.

дипломатии и флота[56], истории международных отношений[57]. Особенно следует выделить работы Н. Сола, посвященные средиземноморской политике Российской империи в 1797–1807 гг. (в том числе взаимоотношениям с итальянскими государствами)[58], а также монографию американского историка У.Г. Флэйхарта «Counterpoint to Trafalgar: The Anglo-Russian invasion of Naples, 1805–1806» (1992 г.)[59] – это единственное большое исследование, посвященное истории англо-русской экспедиции в Неаполитанское королевство. На основе материалов британских архивов автор детально реконструировал ход экспедиции и, в целом, пришел к выводу об ее стратегическом успехе (несмотря на потерю Неаполитанского королевства, британцы смогли достичь своих целей, завладев Сицилией).

Источниковая база исследования репрезентативна и включает большое количество как опубликованных, так и архивных материалов, которые можно разделить на четыре группы.

Первая группа – международные договоры. В настоящей работе использованы публикации международных договоров в сборниках документов[60].

---

[56] *Minto E.* A memoir of the right honourable Hugh Elliot. Edinburgh, 1868; *Mackesy P.* The War of the Mediterranean 1803–1810. Harvard University Press, 1957.

[57] *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994; *Esdaile Ch.* Napoleon's Wars. An International History. New York, 2007.

[58] *Saul N.E.* Russia and the Mediterranean, 1797–1807. University of Chicago Press, 1970; *Saul N.E.* The objectives of Paul's Italian policy // Paul I: A reassessment of his life and reign / ed. by H. Ragsdale. University of Pittsburg, 1979, P. 36–39.

[59] *Flayhart WH.* Counterpoint to Trafalgar: The Anglo-Russian invasion of Naples, 1805–1806. University of South Carolina Press, 1992.

[60] *Martens G.F.* Recueil des principaux Traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. conclus par les puissances de l'Europe. Tome VI. 1795–1799. Gottingue, 1829; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., Т. 2, 6, 9. СПб., 1875–1892; *De Clercq M.* Recueil des traités de la France. T. I. 1713–1802. Paris, 1864; *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à

Особое значение имеют договоры между Россией и Неаполем (торговый договор 1787 г., союзный договор 1798 г., союзная конвенция 1805 г.), позволяющие судить о нормативных рамках взаимодействия между дворами, а также договоры между Российской империей и другими европейскими державами, в которых прямо или косвенно затрагивались проблемы, связанные с Италией.

Вторая группа – делопроизводственная документация и дипломатическая переписка. Основная источниковая база настоящего исследования – материалы делопроизводства российской Коллегии иностранных дел (КИД) и Министерства иностранных дел (МИД), сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Материалы фонда 70 АВПРИ («Сношения России с Неаполем») охватывают период от установления дипломатических отношений до 1800 г. Условно их можно поделить на две части: комплекс документов, связанных с деятельностью российских дипломатов в Южной Италии (А.К. Разумовский, П.М. Скавронский, А.Я. Италинский, Ф.Г. Головкин, В.В. Мусин-Пушкин-Брюс), а также материалы, исходившие от неаполитанской миссии в Санкт-Петербурге, которую в течение многих лет бессменно возглавлял герцог ди Серракаприола. Прямым продолжением этого фонда (с 1801 г.) являются материалы фонда 133 («Канцелярия МИД»), которые также можно условно разделить на две части: дела, содержащие документы о деятельности российской миссии в Южной Италии (А.Я. Италинский, Н.Н. Леонтьев, П.И. Карпов, Д.П. Татищев) и неаполитанской миссии в России (герцог ди Серракаприола). Отдельно необходимо выделить переписку между монархами (Марией Каролиной, Фердинандом IV, Екатериной II, Павлом I и Александром I), которую также можно считать частью делопроизводства внешнеполитических ведомств (хотя в случае с неаполитанской королевой, как кажется, ситуация более сложная). Наконец, в том же фонде «Канцелярия»

Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1–3. М., 1960–1963.

находятся документы, связанные с военными миссиями генерал-майора Р.К. Анрепа и генерала Б.П. Ласси в 1804–1806 гг. (чья деятельность также координировалась по линии МИД).

Говоря о материалах, связанных с функционированием российской миссии при неаполитанском дворе, следует, прежде всего, упомянуть о документах, исходивших от самих русских дипломатов: это реляции (донесения на Высочайшее имя), депеши (донесения, адресованные руководству КИД / МИД), министерские цидулы (краткие официальные уведомления, подтверждавшие факт получения из Санкт-Петербурга канцелярских цидул, официальных уведомлений от КИД). Чаще всего это бумаги, созданные в результате коллективной деятельности миссии, однако некоторые из этих документов, являясь по форме делопроизводственными документами, в действительности представляют собой источники личного происхождения (таковы, к примеру, собственноручные письма Д.П. Татищева А. Чарторыйскому, с которым дипломата связывали тесные дружеские отношения, а также практически вся корреспонденция графа Ф.Г. Головкина, стремившегося писать свои донесения в увлекательной манере). Помимо этого, в фондах 70 и 133 сохранились ответные депеши и инструкции, адресованные руководством КИД и МИД дипломатам в Южной Италии (как правило, в виде копий, проектов или черновиков). Эти документы позволяют судить об эволюции восприятия российско-неаполитанских связей российской правящей элитой.

Материалы, связанные с деятельностью неаполитанского посольства при российском дворе, включают собственноручные записки неаполитанских дипломатов (герцога ди Серракаприола и маркиза ди Галло), адресованные чинам КИД, официальные ноты на французском языке и приложенные к ним копии документов из Неаполя и Палермо. Важную роль для более глубокого понимания деятельности неаполитанского дипломата в Санкт-Петербурге играют дела из фонда 6 АВПРИ («Секретнейшие дела (перлюстрация)»), содержащие копии документов официальной и частной переписки герцога ди Серракаприола (до 1800 г.), которая методично вскрывалась и переписывалась на российской почте (в число

этих бумаг не входят письма, отправленные и полученные с неаполитанскими курьерами, а также зашифрованные документы – таким образом, комплекс документов не является полным, с другой стороны он все же вполне репрезентативен, хотя бы в силу того, что среди материалов перлюстрации находятся не только официальные, но и частные письма). Наконец, в фонде 270 АВПРИ («Генеральное консульство в Неаполе») сохранился конволют с копиями депеш герцога ди Серракаприола за 1799–1801 гг., сделанными в 1870-е гг. (аутентичность подтверждается сравнением их текстов с некоторыми перлюстрированными документами из Ф. 6 АВПРИ).

В качестве вспомогательного материала были использованы документы еще нескольких фондов, связанные с внутренней работой ведомства иностранных дел: документы, касающиеся штатов КИД и выплаты жалования (ф. 2), внутренняя переписка членов КИД (ф. 5), доклады КИД (ф. 8), послужные списки сотрудников КИД и МИД (ф. 159). Такую же вспомогательную роль имело обращение к документам канцелярии Военной коллегии, сохранившимся в ф. 2 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также материалам по истории Мальтийского ордена, сохранившимся в АВПРИ (Ф. 66) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (Ф. 28). Наконец, некоторое количество делопроизводственных документов, связанных с деятельностью КИД на рубеже XVIII–XIX вв., в том числе новые штаты Коллегии 1800 г., находится в личном фонде Д.П. Татищева (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 762).

В работе также были использованы публикации делопроизводственных документов, связанных с деятельностью дипломатического, военного и военно-

морского ведомств Российской империи [61] , а также сборники документов, посвященные деятельности иностранных дипломатических ведомств[62].

Третья группа – документы личного происхождения. Важнейшую роль для настоящей работы играют материалы личных архивов российских дипломатов А.Я. Италинского (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598; Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465) и Д.П. Татищева (ОР РНБ. Ф. 762; Ф. 836. Д. 2). Личный фонд А.Я. Италинского представляет собой обширный комплекс документов, позволяющий детально реконструировать повседневные практики российской миссии в 1790-е гг. (он включает адресованные Италинскому официальные и частные письма разных лиц, а также его собственноручные заметки и черновики)[63]. Личный фонд Татищева (часть которого оказалась в составе хранящегося в ОР РНБ фонда А.И. Чернышева) является менее обширным, однако включает такие важные материалы как адресованные Татищеву записки неаполитанской королевы Марии Каролины

---

[61] Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1–2 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70, 77. СПб., 1890–1891; А.В. Суворов. Документы. Т. IV / под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1953; Адмирал Ушаков. Т. I–III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1951–1956; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1–3. М., 1960–1963.

[62] *Vivenot A. von.* Zur Geschichte des Rastadter Congresses. Wien, 1871; Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österr. Ministers des Äussern: Beiträge zur Beurtheilung der politischen Verhältnisse Europas in den Jahren 1792–1801. V. 1–2, Wien, 1872; *Bailleu P.* Preussen und Frenkreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. V. 1–2, Leipzig, 1881–1882; *Auriol Ch.* La France, L'Angleterre et Naples de 1803 à 1806. T. 1–2. Paris, 1904–1905; *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910; Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. G. Penzo Doria. Venezia, 1993; *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale / sous la direction de T. Lentz. V. 1–6. Fayard, 2006–2009.

[63] См.: *Агеев А.С.* Неаполитанская миссия А. Я. Италинского по материалам личного архива дипломата (опыт реконструкции дипломатической повседневности) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 8 (154). [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840036453–7–1/ (дата обращения: 18.03.2026).

(1805–1808 гг.) и частные письма А. Чарторыйского (1805–1806 гг.) Принимая во внимание тот факт, что в Ф. 133 АВПРИ хранятся не только официальные донесения в МИД от имени Татищева, но и написанные его почерком частные письма Чарторыйскому, можно сделать вывод о наличии полного комплекса переписки между посланником в Неаполе и управляющим МИД за период 1805–1806 гг.

Важное значение для реконструкции повседневной деятельности миссии в Неаполе имеют опубликованные письма канцелярского служителя А.Я. Булгакова отцу и брату, которые позволяют судить об особенностях функционирования российской миссии в первые годы XIX века[64].

Помимо этого, в работе были использованы опубликованные материалы личной переписки между Екатериной II и Г.А. Потемкиным, письма королевы Марии Каролины маркизу ди Галло, письма А.Я. Италинского графу С.Р. Воронцову, мемуары маркиза ди Галло, графа Ф.Г. Головкина, М.К. Огинского, князя А. Чарторыйского, А.Я. Булгакова, графа Р. Дама, королевы Марии Каролины, а также личные дневники Ф. де Миранда, мичмана Е.Е. Левенштерна и короля Обеих Сицилий Фердинанда IV («Секретный дневник»)[65].

---

[64] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 640–643; *Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010.

[65] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка / под ред. В.С. Лопатина. М., 1997; Correspondance inédite de Marie-Caroline, reine de Naples et de Sicile, avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911; Архив князя Воронцова. Кн. XX. М., 1881; Correspondance inédite de Marie-Caroline, reine de Naples et de Sicile, avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911; Memorie del duca di Gallo / a cura di B. Maresca // Archivio storico per le Province Napoletane. Anno XIII. Fascicolo II. Napoli, 1888. P. 204–441; *Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты и воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; предисл. и примеч. С. Боннэ; Сост., вступит. ст., подгот. текста, коммен. Д. Исмаил-Заде. М. 2003; *Oginski M.* Memoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'a la fin de 1815. T. II. Paris, 1833; Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вст. ст. А. Кизеветтера. Т. 1. М., 1912; Эпоха

Четвертая группа – материалы публицистики в виде двух шведских памфлетов 1794–1795 гг., направленных против Российской империи и Неаполитанского королевства[66].

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на основе широкого круга источников (в том числе впервые введенных в научный оборот) комплексно реконструируются дипломатические связи Российской империи с Неаполитанским королевством в 1777–1808 гг. и решение семи поставленных задач привело к получению нового знания. Во-первых, выявлены особенности взаимоотношений между Санкт-Петербургом и Неаполем в конце 1770-х – 1790-е гг. Во-вторых, определены основные причины заключения военно-политического союза между Российской империей и королем Обеих Сицилий (1798 г.). В-третьих, детально реконструированы состав и особенности функционирования российской дипломатической миссии в Южной Италии в 1790–1800-е гг. В-четвертых, установлен характер деятельности российских и неаполитанских дипломатов во время войны Второй антифранцузской коалиции. В-пятых, объяснена роль неаполитанского фактора в эволюции российского внешнеполитического курса в период разрыва дипломатических отношений с главными союзниками по Второй антифранцузской коалиции и начала российско-французского сближения (1800–1801 гг.). В-шестых, показаны процесс дипломатической подготовки англо-русской высадки в Южной Италии (1805–1806

1812 года в мемуарах и дневниках российских дипломатов. М., 2024; *Damas R.* Mémoires du comte Roger de Damas / publié et annotés par J. Rambaud. Paris, 1912; Mémoire de Marie Caroline reine de Naples. Cambridge, 1912; *Миранда Франсиско де.* Путешествие по Российской империи. М., 2001; *Левенштерн Е.Е.* Дневники Е. Е. Левенштерна, офицера Русского Императорского флота / пер. с нем. Т. К. Шафрановской и А. Шурбелева. СПб., 2024; *Ferdinando IV di Borbone*. Diario segreto 1796–1799 / ed. curata da E. Dessì, M. Maccaferri. M2 Edizioni. 2023.

[66] Estratto degli atti principali che mettono in chiaro la causa di delitto di stato pendente nel Parlamento di Suezia riguardo alla conspirazione tramata contro il presente Governo del Regno… [S. l.], 1794; [*Monti V.*]. Lettera di Francesco Piranesi al Signor Generale D. Giovanni Acton. [S. l.], 1795.

гг.) и главные причины ее краха. В-седьмых, охарактеризованы особенности российско-неаполитанских отношений в условиях кризиса Четвертой антифранцузской коалиции (1806–1807 гг.).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения и развития существующих представлений об истории внешней политики и дипломатии Российской империи в Средиземноморском регионе, истории российско-итальянских политических и культурных связей, а также взаимоотношений Российской империи с другими европейскими малыми дворами в XVIII–XIX вв. Предложенная в работе методология по изучению повседневности российской дипломатической миссии в Неаполитанском королевстве может быть использована для дальнейшего исследования российской и зарубежной дипломатии в эпоху Нового времени в ее институциональном и антропологическом измерениях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы для подготовки новых исследовательских работ, при разработке общих и специальных курсов по истории России, а также истории внешней политики, дипломатии и международных отношений XVIII–XIX вв.

Достоверность исследования обеспечивается широкой источниковой базой, включающей в себя международные правовые акты, источники личного происхождения, материалы делопроизводства и публицистики (в том числе неопубликованные документы из трех государственных архивов (АВПРИ, РГАДА, РГВИА) и ОР РНБ).

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Положения и результаты работы были изложены в 5 публикациях автора общим объемом 5,1 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 4,7 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в

диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 473 страницы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эволюция российско-неаполитанских дипломатических отношений в конце XVIII – начале XIX в. прошла несколько важных этапов: от взаимной настороженности (1777 г. – начало 1780-х гг.) к торгово-экономическому сотрудничеству и совместной борьбе с французским влиянием в Константинополе и Восточном Средиземноморье (1780–1790-е гг.), а затем – к военно-политическому союзу, сохранявшему свое значение в годы войн Второй и Третьей антифранцузских коалиций (1798–1806 гг.) С самого начала интерес Российской империи к Неаполю был опосредованно связан со стремлением санкт-петербургского двора защитить баланс сил и собственную сферу влияния в Восточном Средиземноморье, а характер российско-неаполитанских связей напрямую зависел от характера взаимоотношений между Россией и Османской империей.

2. Союзный договор между Российской империей и Неаполитанским королевством (18 (29) декабря 1798 г.) был прямым следствием усиления французской экспансии в Центральном и Восточном Средиземноморье, угрожавшей стратегическим интересам России на Балканах и в зоне черноморских проливов. Немаловажную роль в заключении союза играл идеологический фактор, связанный с интересом императора Павла I к судьбе острова Мальта, верховным сувереном которого формально являлся король Обеих Сицилий. Заключение российско-неаполитанского договора стало возможным исключительно благодаря сближению между Россией и Османской империей и заключению российско-османского союза, открывшего русскому военному флоту проход через

черноморские проливы. При этом по своим условиям и обстоятельствам подписания российско-неаполитанский договор, впервые предполагавший отправку русских войск на Апеннинский полуостров, имел антиавстрийский характер (изначально австрийская дипломатия не была заинтересована в отправке русских войск в Италию, а в конце 1798 г. отказалась поддержать короля Обеих Сицилий, вступившего в войну с французами).

3. Российская дипломатическая миссия в Неаполитанском королевстве представляла собой периферийную структуру, в которой формальная иерархия играла гораздо меньшую роль по сравнению с реальным опытом и неформальными связями. С середины 1780-х гг. реальным руководителем миссии являлся советник посольства А.Я. Италинский, входивший в «воронцовскую клиентелу», обладавший обширной сетью информаторов и пользовавшийся доверием неаполитанского двора, в то время как полномочные министры выполняли в основном церемониальные и представительские функции (именно устойчивость неформальных связей и периферийный характер миссии способствовали тому, что дипломатический скандал, вызванный в 1795 г. поведением неопытного полномочного министра графа Ф.Г. Головкина, никак не отразился на характере межгосударственных связей). Сотрудники миссии, страдавшие из-за хронического недофинансирования (размеры жалованья не менялись в течение более чем 20 лет) и бытовой неустроенности, выполняли в первую очередь задачу по сбору информации, внимательно наблюдая в том числе за французской экспансией в Средиземноморском регионе.

4. Во время войны Второй антифранцузской коалиции неаполитанский фактор сыграл важную роль, повлияв на ухудшение российско-австрийских отношений. Сицилийский двор рассчитывал опереться на помощь со стороны русских войск и эскадры Ф.Ф. Ушакова для противостояния расширению австрийского влияния в Италии и искал поддержку в Санкт-Петербурге. Представления неаполитанских дипломатов – герцога ди Серракаприола и маркиза ли Галло – не имели успеха, однако объективно способствовали обострению

противоречий между Санкт-Петербургом и Веной. Российская миссия в этот период должна была играть важную роль в осуществлении взаимодействия между союзниками и установлении власти императора Павла I над Мальтой, однако после разрыва с союзниками и ухода эскадры Ф.Ф. Ушакова реализовать эти задачи стало невозможно.

5. В 1800–1801 гг. решение санкт-петербургского двора о начале переговоров с Францией было вызвано в том числе стремлением защитить интересы своих малых союзников (включая Неаполитанское королевство), выступив в качестве посредника между ними и французским правительством и не допустив сближения между Парижем и Веной. На практике все попытки российской дипломатии взять на себя функции посредника между Францией и Неаполем были де-факто заблокированы французами, которые в марте 1801 г. заключили с неаполитанским правительством сепаратный мир, предполагавший оккупацию адриатических провинций королевства французскими войсками и не соответствовавший российско-французским договоренностям.

6. В первые годы правления императора Александра I неаполитанский фактор сыграл важную роль в разрыве России с Францией (1804 г.). В Санкт-Петербурге было негативно воспринято нарушение французами нейтралитета неаполитанского короля, а французские войска, оккупировавшие адриатические провинции королевства, воспринимались как прямая угроза русской базе на Ионических островах и Западным Балканам. Именно стремление предотвратить угрозу французской агрессии на Балканах сподвигло российское руководство с весны 1804 г. приступить к тщательному планированию высадки русских войск в Южной Италии, которое должны были осуществлять генерал-майор Р.К. Анреп, генерал Б.П. Ласси, а также посланник в Неаполе Д.П. Татищев, наделенный широкими полномочиями и активно действовавший на финальном этапе подготовки экспедиции. Несмотря на тщательную подготовку, совместная англо-русская экспедиция потерпела неудачу как из-за противоречий между союзниками, так и в силу изменения стратегической обстановки в Европе.

7. В 1806 г., после возвращения большей части русских войск с Ионических островов в Черное море и начала Далматинской экспедиции, отвлекавшей на себя все силы русского контингента на Корфу, а тем более после начала Русско-турецкой войны, оборвавшей связи с черноморскими портами, оказание помощи сицилийскому двору стало невозможным. Под влиянием неблагоприятных политических обстоятельств в 1807 г. санкт-петербургский двор отказался от поддержки неаполитанских Бурбонов, руководствуясь прагматизмом и пониманием государственных интересов Российской империи.

Глава 1. Становление дипломатических отношений Неаполитанского королевства и Российской империи: от нейтралитета к военно-политическому союзу (1780–1790-е гг.)

В последней четверти XVIII века взаимоотношения между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий (Неаполитанское и Сицилийское королевство) претерпели серьезную эволюцию: от установления дипломатических отношений (1777 г.) до подписания торгового договора (1787 г.) и, наконец, заключения военно-политического союза (1798 г.), ставшего одним из системообразующих документов Второй антифранцузской коалиции. Как и почему это стало возможно? Какие факторы – стратегические, институциональные и персональные – способствовали сближению между большим европейским двором и периферийным региональным государством? Наконец, как в Неаполе и Санкт-Петербурге понимали цели сближения между государствами, и какое влияние на его характер оказали перемены, происходившие в этот период на международной арене?

Для ответа на эти вопросы кажется необходимым детально проанализировать эволюцию дипломатических отношений между Неаполем и Санкт-Петербургом, с одной стороны, рассматривая их на фоне большой европейской политики и с учетом изменений, происходивших во взаимоотношениях между великими державами (от русско-турецких войн до противостояния европейских дворов с революционной Францией), с другой стороны, обращая особое внимание на то, как формировалась повседневная ткань дипломатических отношений между Неаполем и Санкт-Петербургом, и кем были те люди, которые в разное время возглавляли взаимные дипломатические миссии (в XVIII веке роль личностного фактора в дипломатической среде была особенно высока, а система патронажа и неформальных связей пронизывала всю систему государственного управления). Немалое внимание должно быть уделено и тому, как в Санкт-Петербурге смотрели на небольшое итальянское государство, и как этот взгляд менялся с течением времени (особенно важными источниками для решения этой задачи

представляются инструкции, адресованные новым российским полномочным министрам в Неаполе, составленные в 1777, 1794 и 1797 гг.)

В первом разделе (1.1.), имеющем вводный характер, будет показано, как складывались взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством в течение первых 15 лет после установления дипломатических связей, какими были основные направления сотрудничества между дворами, и какую роль в укреплении их взаимоотношений играли сотрудники взаимных посольских миссий (в целом важно отметить, что период 1780-х гг. достаточно глубоко изучен в отечественной и итальянской историографии). Второй раздел (1.2.) будет посвящен развитию российско-неаполитанских дипломатических связей в последние годы правления императрицы Екатерины II (1792–1796 гг.), которое происходило на фоне Революционных войн в Европе, серьезно повлиявших на характер взаимоотношений между государствами. Особое внимание в § 1.2. будет уделено короткой и неудачной миссии российского полномочного министра в Неаполе графа Ф.Г. Головкина (1795–1796 гг.), ставшей для российско-неаполитанских дипломатических связей своеобразной «проверкой на прочность». Наконец, третий раздел (1.3.) будет посвящен отношениям между Санкт-Петербургом и Неаполем в первые годы царствования императора Павла I, истории складывания военно-политического союза (1798 г.) и той роли, которую сыграли в этом процессе сотрудники взаимных дипломатических миссий в Неаполе и Санкт-Петербурге.

1.1. Ранний этап российско-неаполитанских отношений: от установления дипломатических связей (1777 г.) до Ясского мирного договора (1791 / 1792 г.)

Дипломатические отношения между Российской империей и Неаполитанским королевством были официально установлены в 1777 г. (при посредничестве испанской миссии в Вене)[67]. В этот период, после окончания

[67] До этого взаимоотношения Санкт-Петербурга и Неаполя на официальном уровне, как правило, ограничивались церемониальным взаимодействием, в том числе обменом известительными

Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кючук–Кайнарджийского договора, открывшего русским торговым судам проход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы, российская дипломатия проявила особый интерес к Центральному и Восточному Средиземноморью, в том числе к итальянским государствам. Если в годы войны 1768–1774 гг. интерес Санкт-Петербурга к итальянским дворам носил в первую очередь стратегический характер (в условиях действия в Средиземном море русских военных эскадр[68]), то после окончания военных действий на итальянские государства в российской столице смотрели прежде всего как на потенциальных торговых партнеров, хотя стратегические задачи также сохраняли свое значение: российский военный флот нуждался в надежных морских базах в Средиземном море на случай возобновления военного конфликта с Османской империей, а близость адриатического побережья Апеннинского полуострова к балканским владениям Османской Порты делала поддержание контактов с итальянскими государствами особенно ценным.

грамотами по торжественным случаям. В АВПРИ хранятся известительные грамоты неаполитанских монархов, самая ранняя из которых (1738 г.) сообщает о восшествии на престол короля Карла VII Бурбона (1735–1759 гг.), первого монарха независимого Неаполитанского королевства (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/1. № 1 (1738)). Обычно подобные церемониальные контакты происходили через посредничество испанских дипломатов (*Филиппо М. ди*. К истории отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 6–7). Важную роль в установлении дипломатических отношений между дворами сыграли барон Ф.М. Гримм, посетивший Неаполь в начале 1776 г., и неаполитанский просветитель аббат Ф. Галиани (*Mafrici M.* Al servizio di Ferdinando IV. Antonino Maresca di Serracapriola a San Pietroburgo (1787–1806) // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2022. № 5–6. P. 210–211).

[68] О российско-итальянских отношениях в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: *Велижев М.Б.* Итальянские государства и Россия в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика // Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 219–282.

В 1777 г. первым дипломатическим представителем Российской империи при дворе короля Обеих Сицилий (в звании полномочного министра) стал граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836 гг.), сын гетмана Украины и блестяще образованный молодой человек, до 1776 г. пользовавшийся особым доверием великого князя Павла Петровича. Доверие великого князя и милость императрицы Екатерины II А.К. Разумовский утратил вскоре после смерти первой жены наследника великой княгини Натальи Алексеевны: в 1776 г. он был сослан в Ревель, а затем в Батурин, где в начале 1777 г. получил приказ о назначении российским полномочным министром в Неаполе [69]. Задачи, поставленные перед графом А.К. Разумовским в инструкции Государственной коллегии иностранных дел (КИД) от 16 февраля 1777 г., ярко свидетельствуют о том, как в Санкт-Петербурге в то время воспринимали Неаполитанское и Сицилийское королевства: из-за их географической удаленности и периферийности российский полномочный министр в Неаполе был обречен на роль пассивного наблюдателя, о чем в тексте документа говорилось практически напрямую («Как довольное земель расстояние, так и настоящее интересов европейских сопряжение, немного могут обещать ему больших непосредственных негоциаций с местом его резиденции» [70]). Если говорить о политических задачах, то, находясь в Южной Италии, А.К. Разумовский должен был в первую очередь «открывать, познавать и преследовать движении, виды и намерении бурбонской политики» [71]. Южно-итальянская монархия рассматривалась, таким образом, как государство, действовавшее в фарватере политики династии Бурбонов, и отношение к нему в 1770-х гг. было достаточно настороженным[72].

---

[69] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в 1777–1791 гг. (становление отношений) // Проблемы итальянской истории. 1978. М., 1978. С. 201–202.

[70] *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 663.

[71] Там же.

[72] Характерно, например, что 12 сентября 1776 г. в инструкции капитан-лейтенанту Ф.Ф. Ушакову, который должен был сопровождать из Ливорно в Черное море несколько российских фрегатов

В течение всей первой половины XVIII века и особенно в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. старшие бурбонские дворы (Франция и Испания) занимали враждебную позицию по отношению к Российской империи и перспективам расширения ее влияния в Восточном Средиземноморье (особенно это касалось Франции, чьи интересы сталкивались с интересами Российской империи не только во владениях Османской империи, но также в Швеции и Польше)[73]. Санкт-петербургский двор был заинтересован в ослаблении и разъединении бурбонских дворов (этой цели в том числе должна была служить «северная система» графа Н.И. Панина, руководившего внешней политикой Российской империи в 1762–1781 гг.) Неаполитанское королевство представляло собой в данном случае удобный «наблюдательный пункт» для получения сведений о французской торговле в Леванте и средиземноморской политике Испании, связанной с Францией династическими узами и договором о взаимопомощи (Фамильным пактом 1761 г.)

У такого восприятия Неаполитанского королевства были вполне объективные причины: неаполитанский король Фердинанд IV (1759–1825 гг.), представитель младшей ветви династии Бурбонов, приходился сыном испанскому королю Карлу III (1759–1788 гг.), который до своего переезда в Мадрид и сам был королем Обеих Сицилий (1734–1759 гг.), а после воцарения в Испании пытался оказывать влияние на политику Неаполитанского королевства через регента Б. Тануччи, прямую переписку с сыном и с помощью испанских дипломатов при неаполитанском дворе. При этом важно отметить, что вторая половина 1770-х и особенно первая половина 1780-х гг. стали качественно новым этапом во внешней

Балтийского флота капитан 2 ранга Т.Г. Козлянинов предостерегал его от захода в неаполитанские порты: «Касательно до захождения, в случае нужды, в порты Средиземного моря христианских держав можете вы заходить без опасения, кроме французских, гишпанских и неаполитанских, в которые не заходить, однако ж, и в вышеписанные без необходимой и законной нужды того не делать» (Адмирал Ушаков. Т. I / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1951. С. 21).

[73] См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995.

политике Неаполитанского королевства. Новый внешнеполитический курс неаполитанского двора, названный историком Э. Джином политикой «активного нейтралитета (la neutralitá attiva)», заключался в стремлении балансировать между испанскими Бурбонами и австрийскими Габсбургами, сохранять дружественные отношения с Великобританией и укреплять свои собственные военно-морские силы для того, чтобы поддерживать нейтральный статус и противостоять североафриканским пиратским государствам Алжира, Туниса и Триполи (формально являвшимся провинциями Османской империи)[74]. Первой важной вехой на пути к выходу Неаполя из-под опеки Мадрида стала женитьба короля Обеих Сицилий Фердинанда IV на эрцгерцогине Марии Каролине, дочери австрийской императрицы Марии Терезии (1768 г.) – эта властная женщина, преданная династическим интересам австрийских Габсбургов, внесла свой вклад в отставку Б. Тануччи (1776 г.), а в последующие годы упорно и целенаправленно пыталась оказывать влияние на внешнюю политику Неаполитанского королевства[75]. Второй важной вехой стало назначение на должности руководителя морского департамента (1779 г.) и военного министра (1780 г.) Джона (Джованни) Актона (1736–1811 гг.), британского эмигранта французского происхождения, ранее руководившего флотом в Великом герцогстве Тосканском. Дж. Актон с самого начала развернул активную деятельность, разработав программу строительства в Неаполитанском королевстве военно-морского флота, вызвавшую острое недовольство в Мадриде, а в последующие годы стал фаворитом и доверенным

---

[74] *Gin E.* Ferdinando IV di Borbone. Il Regno di Napoli e il Grande Gioco del Mediterraneo. Rubbettino, 2022. P. 35–74.

[75] См.: *Mafrici M.* Maria Carolina d'Asburgo-Lorena e la politica internazionale napoletana (1770–1799) // Io, la Regina II / a cura di G. Sodano e G. Brevetti. Palermo, 2020. P. 25–50; *Blondy A.* Marie-Caroline d’Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025. Э. Джин убедительно показал, что в действительности степень влияния королевы на принятие конкретных политических решений, вопреки ее публичному имиджу, была минимальной, а главную роль в формировании политического курса в 1780-е–1790-е гг. играли король Фердинанд IV и его фаворит Дж. Актон (*Gin E.* Op. cit.)

лицом короля, государственным секретарем королевства (1789 г.) и одним из самых влиятельных сановников в Южной Италии[76].

С одной стороны, российско-неаполитанское сближение было частью неаполитанской политики активного нейтралитета (важную роль играл в том числе тот факт, что Российская империя, отойдя от «северной системы», с 1781 г. была союзником австрийских Габсбургов). С другой стороны, это сближение вполне соответствовало и задачам российского двора: в 1780-е гг. необходимость усиления российского присутствия в Средиземном море была тесно связана со знаменитым «Греческим проектом» императрицы Екатерины II и перспективами скорого возобновления войны с Османской империей[77]. В то же самое время хозяйственное освоение Северного Причерноморья требовало расширения торговых контактов со странами Центрального и Восточного Средиземноморья, особенно после присоединения к Российской империи Крыма (1783 г.) и открытия портов Херсона, Феодосии и Севастополя «для судов всех дружественных держав» (22 февраля (4 марта) 1784 г.)[78] Одним из средств расширения экономического и политического

---

[76] О деятельности Актона см.: *Nuzzo G.* La Monarchia delle Due Sicilie tra ancien régime e rivoluzione. Napoli, 1972. P. 30–50. Автор опровергает ставшую традиционной в ранней итальянской историографии трактовку Актона как человека проанглийской ориентации, показывая сложность и многофакторность его политики, подчиненной конкретным обстоятельствам и задачам.

[77] Сущность «Греческого проекта» является предметом большой историографической дискуссии. См.: *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII века) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78.; *Ragsdale H.* Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project // The Slavonic and East European Review. Vol. 66, № 1. 1988. P. 91–117; *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011. С. 210–239.

[78] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 29. 26 марта 1784 г. КИД поручила российскому посланнику в Неаполе А.К. Разумовскому распространить этот манифест в переводе на итальянский язык в газетах Королевства Обеих Сицилий (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 157. Л. 2об. – 3об.)

присутствия в Средиземноморье было основание консульских представительств. Только в течение 1783–1786 гг. появилось 13 российских консульств в греческих землях Венецианской республики и Османской империи[79], тогда же появились и первые консульские посты в Королевстве Обеих Сицилий: в Отранто (1782 г.), Мессине (1783 г.) и Неаполе (1785 г.)[80]. Другим важным средством стало подписание торговых договоров между санкт-петербургским двором и странами, имевшими выход в Средиземное море: в 1783 г. был подписан российско-османский торговый договор, в 1785 г. – российско-австрийский, в 1786 г. – российско-французский, в 1787 г. – российско-португальский. Важной задачей, стоявшей перед российской дипломатией в 1780-е гг., было заключение аналогичного договора и с неаполитанским двором.

В 1782 г. во время своего путешествия по Европе Неаполитанское королевство посетили великий князь Павел Петрович и его вторая жена великая княгиня Мария Федоровна[81]. Вскоре после этого символического жеста последовали конкретные политические шаги: не поддержав Париж и Мадрид в войне против Великобритании, вспыхнувшей во время Американской войны за независимость (1775–1783 гг.), в 1783 г. неаполитанский двор присоединился к Лиге нейтральных государств, основанной на принципах декларации, провозглашенной Екатериной II тремя годами ранее (при этом важно отметить, что присоединение к Декларации о вооруженном нейтралитете было непременным условием российской стороны для налаживания дальнейших торговых связей[82], а

---

[79] *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 53.

[80] *Cavalcanti M.L.* Le relazione commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève. 1979. P. 99.

[81] См.: *Amore D.* Napoli, San Pietroburgo e il Mediterraneo, 1777–1861 (Tesi di dottorato). Napoli / Paris, 2017. P. 74–83; *Зазулина Н.Н.* Миссия великого князя. Путешествие Павла Петровича в 1781–1782 годах. М., 2015. С. 186–205.

[82] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 57–58.

неаполитанский кабинет пошел на этот шаг только после получения согласия Мадрида и в условиях постепенного «затухания» конфликта между бурбонскими дворами и Великобританией[83]). Соглашение о присоединении Неаполитанского королевства к Лиге нейтральных государств было подписано в Санкт-Петербурге 10 (21) февраля 1783 г. членами КИД и первым дипломатическим представителем короля Обеих Сицилий при российском дворе (1779–1783 гг.) Муцио да Гаэта, герцогом Сан-Никола (Muzio da Gaeta, Duca di San-Nicola), человеком высокой культуры, литератором и знатоком европейских языков. Пользуясь расположением императрицы и особой близостью к ее фавориту А.Д. Ланскому, принимая активное участие в культурной жизни Санкт-Петербурга, герцог Сан-Никола в то же время не отличался усердием в исполнении политических дел, из-за чего уже в июле 1782 г. в Неаполе было принято решение о его отзыве[84].

Граф А.К. Разумовский, возглавлявший российскую миссию в Неаполе, в это время играл прежде всего роль информатора: в 1780–1781 гг. он собирал и пересылал в Санкт-Петербург сведения о неаполитанских тарифах, торговых договорах и привилегиях, которыми пользовались в Королевстве Обеих Сицилий подданные других государств[85]. С середины 1782 г. по указанию КИД и при поддержке аббата Ф. Галиани (советника короля Обеих Сицилий по делам коммерции) Разумовский вел с неаполитанским правительством прямые переговоры о заключении российско-неаполитанского торгового договора, а также военно-морской конвенции, в которой должен был быть урегулирован вопрос о количестве российских военных судов, допускаемых в неаполитанские и сицилийские порты[86]. В середине 1780-х гг., на фоне обострения отношений между Неаполем и другими бурбонскими дворами, обеспокоенными «дрейфом»

---

[83] *Gin E.* Op. cit. P. 58.

[84] *Филиппо М. ди.* Указ. соч. С. 8–10; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 45–69.

[85] *Cavalcanti M.L.* Op. cit. P. 123–127.

[86] *Gin E.* Op. cit. P. 59–60.

неаполитанского кабинета в сторону сближения с Австрией и Россией, тесное сотрудничество А.К. Разумовского с Дж. Актоном и близкие отношения российского дипломата с благоволившей ему королевой Марией Каролиной, по-видимому, косвенным образом повлияли на его отзыв с поста полномочного министра при неаполитанском дворе (характерно, например, что несколько писем королевы Разумовскому, добытых благодаря маркизу делла Самбука и одной из придворных дам (Анна Монкада, княгиня Ячи), стали одной из важных «улик» для испанского дипломата Симона де Лас Касаса и Аррагори, в 1785 г. интриговавшего против Марии Каролины и Актона[87]). Слухи об участии А.К. Разумовского в интригах вызвали недовольство Екатерины II. В записке второму члену КИД А.А. Безбородко, написанной в 1784 г., императрица в шутливом тоне просила: «Передайте через Серра Каприола неаполитанскому королю, что граф Разумовский un ragazzo [мальчик], которого не нужно баловать»[88]. Решив отозвать своего посланника из Неаполя, 14 марта 1784 г. Екатерина II подписала указ КИД о переводе графа Разумовского из Неаполя в Венецию (в том же качестве полномочного министра)[89], а спустя два месяца, 8 мая 1784 г. вице-канцлер граф

---

[87] *Barra V.* Maria Carolina, la principessa di Jaci e la “cabala spagnola” // Meteore. Ascese e oblio nei territori dell'Italia Spagnola (metà XVI–metà XVIII sec.) / a cura di Calabrese M.C., Cremonini C., Scalisi L. // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2024. № 9–10. P. 526–527. Предшественник Лас Касаса испанский дипломат А. де Н.О. и Херрерия в письме графу Флоридабланка от 23 августа 1784 г. утверждал, что конфиденциальные письма Марии Каролины графу Разумовскому были выкраны из резиденции российского посланника лично маркизом делла Самбука, который, действуя по просьбе королевы, проник в апартаменты графа на втором этаже особняка при помощи приставной лестницы (*Knight C.* Il Regno di Napoli dalla tutela all'emancipazione (1775–1789). Lettere di Ferdinando IV a Carlo III ad altri documenti inediti. V. II. Napoli, 2015. P. 500–501).

[88] Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. 1789–1796 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 42. СПб.,1885. С. 279.

[89] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 156. Л. 1.

И.А. Остерман подписал рескрипт о назначении Разумовского чрезвычайным посланником и полномочным министром при датском дворе[90] (грамота об отзыве Разумовского, адресованная неаполитанскому королю, была подписана Екатериной II 24 мая 1784 г.)[91]

Уже в рескрипте И.А. Остермана А.К. Разумовскому от 8 мая было упомянуто имя его преемника. Им должен был стать граф Павел Мартынович Скавронский (1757–1793 гг.), родственник жены первого российского императора Марты Скавронской (Екатерины I), долгие годы проживавший в Европе и хорошо владевший итальянским языком. Своим назначением граф был обязан в первую очередь покровительству князя Г.А. Потемкина, на племяннице которого Екатерине Энгельгардт был женат. Важную роль в судьбе графа Скавронского сыграла также его мать графиня Мария Николаевна Скавронская (Строганова), со второй половины 1770-х гг. и до самой своей смерти (1804 г.) постоянно проживавшая в Италии. Сама императрица Екатерина II была, судя по всему, невысокого мнения о характере и способностях графа Скавронского (в письме Потемкину, написанном не ранее ноября 1781 г., обсуждая свадьбу его племянницы, она охарактеризовала будущего российского министра в Неаполе следующим образом: «Этот юноша еще не возмужал,... он глуповат и неловок»[92]). Критически отзывались о Скавронском и другие его современники, описывавшие графа как высокомерного человека, отличавшегося «причудливым характером» и странным поведением (ходили слухи о его «меломании», проявлявшейся не только в любви к музыке, но и в требовании, чтобы слуги и гости, посещавшие посольский дом графа в Неаполе, говорили «речитативом»). Русский дворянин В.Н. Зиновьев, в 1783–1789 гг. путешествовавший по Европе и видевший графа П.М. Скавронского в 1785 г., описывал его следующим образом: «Соединяет он с крайнею неосторожностию в разговорах высокомерие о своем месте и для того слово “депеши” везде в разговоре

[90] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 157. Л. 4–5об.

[91] Там же. Л. 6–7.

[92] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка / под ред. В.С. Лопатина. М., 1997. С. 147–148.

употребляет; везде и во всякой тесноте кричит о сем и людям своим приказывает, что он “il ministro di Moscovia”»[93].

Аккредитация нового полномочного министра в 1784 г. сопровождалась громким скандалом: его предшественник граф А.К. Разумовский, пользовавшийся поддержкой неаполитанского двора и покровительством Марии Каролины, не желал терять свою должность, тянул с отъездом из Неаполя и пытался добиться пересмотра решения Екатерины II о своем отзыве (испанский дипломат Херрерия видел в этом следствие интриг неаполитанской королевы и венского двора[94]). Граф П.М. Скавронский прибыл в Неаполь 24 июля 1784 г., но не смог сразу вступить в новую должность из-за отсутствия в городе графа Разумовского, на три недели уехавшего на остров Искья[95]. Когда граф А.К. Разумовский вернулся в Неаполь (29 июля (8 августа) 1784 г.), он отказался сложить с себя полномочия российского министра, несмотря на уже состоявшуюся отпускную аудиенцию у короля Обеих Сицилий. Формально желание Разумовского сохранить должность было подтверждено полученным им в эти дни рескриптом вице-канцлера графа И.А. Остермана, отправленном с эстафетой 17 июля 1784 г., в котором содержались следующие строки: «Угодно Ея Императорскому Величеству, чтоб Вы и по прибытии Графа Павла Мартыновича Скавронского продолжали пребывание свое в Неаполе, откладывая поездку свою к назначенному Вам месту впредь до указа под лучшим по благоусмотрению Вашему предлогом, хотя бы до получения сего письма дана Вам была и отпускная аудиенция»[96] (по словам самого Разумовского, вице-канцлер при этом ссылался на важность наблюдения за конфликтом между

---

[93] Цит. по: *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 41.

[94] *Knight C.* Op. cit. P. 629.

[95] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 162. Л. 37–37об. Письмо графа П.М. Скавронского вице-канцлеру графу И.А. Остерману.

[96] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 162. Л. 29об. (цитата из рескрипта была приведена Разумовским в письме Скавронскому от 20 (31) августа 1784 г.)

Неаполем и «старшими ветвями дома Бурбонов», принимая во внимание доверие неаполитанского двора к российскому министру [97]). Несостоявшийся отзыв Разумовского спровоцировал острый конфликт между ним и графом Скавронским. 23 августа (3 сентября) 1784 г. Разумовский написал вице-канцлеру И.А. Остерману длинную депешу с жалобами на своего преемника, к которой приложил оригиналы трех его писем (в них Скавронский настаивал на необходимости своего вступления в должность, утверждая, что в рескрипте Разумовскому из Санкт-Петербурга не содержится никаких политических предписаний, которые дают ему право, оставаясь в Неаполе, сохранять за собой пост полномочного министра[98]). Своего преемника А.К. Разумовский охарактеризовал как «человека молодого и безрассудного (l'homme jeune et irreflechi)» с плохой репутацией, о чем в Неаполе были хорошо осведомлены благодаря известиям из Рима, куда граф Скавронский в прошедшие годы неоднократно приезжал, шокируя местную публику своим странным поведением: «Глупыми и юношескими выходками, часто повторяемыми в присутствии большого количества людей, он приобрел репутацию, которая может быть безразлична для путешественника, однако губительна для публичного министра»[99]. Как утверждал Разумовский, назначение Скавронского полномочным министром вызвало негативную реакцию неаполитанского двора, а отправившись на три недели на остров Искья, российский посланник надеялся хотя бы на некоторое время отсрочить приезд Скавронского в Южную Италию[100].

Эта депеша Разумовского была получена в Санкт-Петербурге 20 сентября 1784 г., а уже через четыре дня (24 сентября) последовало Высочайшее повеление императрицы Екатерины II графу А.К. Разумовскому о передаче всех министерских

---

[97] Там же. Л. 19–19об. (Разумовский кратко описал содержание рескрипта в депеше И.А. Остерману от 22 августа (3 сентября) 1784 г.)

[98] Там же. Л. 27–28, 33–33об., 35–36 (все три – от 31 августа 1784 г.). Копия ответа А.К. Разумовского на первое письмо П.М. Скавронского (20 (31) августа): там же. Л. 29–32.

[99] Там же. Л. 20.

[100] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 162. Л. 20об.–21.

дел в ведение графа Скавронского и отъезде из Неаполя в Копенгаген. В тот же день граф И.А. Остерман информировал об этом и П.М. Скавронского, поручив новому министру «употреблять всевозможные способы снискать доверенность того двора, при коем находиться будете, и особливо дружество Генерала Актона, которой как здесь известно, имея великую в тамошних делах силу, соединяет с оною превосходные личныя качества»[101] (само письмо Скавронскому было высочайше апробировано еще 17 сентября 1784 г., а значит, на окончательное решение императрицы отозвать Разумовского не повлияла депеша с жалобой, которая в тот момент еще не дошла до российской столицы). Получив однозначные приказы из Санкт-Петербурга, 20 ноября (1 декабря) 1784 г. граф А.К. Разумовский вручил королю Фердинанду IV свою отпускную грамоту, после чего сдал все дела неаполитанской миссии П.М. Скавронскому[102] и уже в начале 1785 г. покинул Южную Италию.

Советский историк Г.А. Сибирева предполагала, что во время нахождения графа П.М. Скавронского в должности полномочного министра (1784–1793 гг.) реальной работой (в том числе по составлению депеш) в неаполитанской миссии занимался его подчиненный, советник посольства (с 1785 г.), малороссийский дворянин и доктор медицины Андрей Яковлевич Италинский (1743–1827 гг.) Это предположение кажется вполне правдоподобным, особенно если учесть, что во второй половине 1780-х гг. А.Я. Италинскому приходилось неоднократно и подолгу возглавлять российскую миссию в Неаполе в качестве поверенного в делах во время отсутствия полномочного министра. С 19 ноября 1785 г. по 23 мая 1786 г. граф Скавронский был в отпуске для сопровождения своей семьи (полученном в соответствии с его прошением от 25 сентября 1785 г.), а с 23 февраля по 14 октября 1787 г. отсутствовал в Неаполе из-за необходимости отправиться в Херсон и сопровождать императрицу Екатерину II во время ее путешествия по Крыму.

---

[101] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 167. Л. 1об.–2.

[102] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 162. Л. 57–57об. Депеша А.К. Разумовского вице-канцлеру И.А. Остерману от 26 ноября (7 декабря) 1784 г.

Наконец, летом 1788 г. Скавронский дважды выезжал из Неаполитанского королевства в «разные места Италии» «для поправления здоровья» (29 июня – 20 июля 1788 г., 2 августа – 12 сентября 1788 г.)[103] В течение всего этого срока, суммарно составившего один год, три месяца и двадцать два дня, заботы о руководстве повседневной работой миссии целиком и полностью легли на плечи А.Я. Италинского.

Если говорить о характере деятельности российской миссии, то со вступлением в должность Скавронского она не претерпела серьезных изменений: в своих донесениях императрице и вице-президенту КИД полномочный министр и поверенный в делах по-прежнему сообщали о ходе переговоров о заключении торгового договора и военно-морской конвенции между Россией и Неаполем[104] (важно отметить, что в июле 1785 г. ведение переговоров с российским министром было целиком возложено на морского и военного министра Дж. Актона, который должен был теперь действовать независимо от руководителя департамента иностранных дел и сторонника «испанской партии» маркиза Марио делла Самбука[105]). Много внимания П.М. Скавронский и А.Я. Италинский уделяли в своих донесениях и политике бурбонских дворов. К тому времени конфликт Неаполя с Мадридом и Парижем достиг своего пика: в 1784 г. испанский король Карл III исключил своего сына Фердинанда IV и его потомков из числа претендентов на испанский престол, а в ноябре 1785 г. испанский дипломат в Неаполе Симон де Лас Касас и Арагорри, в течение всего года интриговавший против Дж. Актона и королевы Марии Каролины, предъявил королю Обеих Сицилий ультиматум от имени его отца, требуя, в частности, отставки военного и морского министра, присоединения Неаполитанского королевства к Фамильному пакту и прекращения тесных сношений Неаполя с Российской империей (интересно, что в

[103] АВПРИ. Ф. 8. Оп. 8/1. Д. 22. Л. 33–34.

[104] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 171 (январь–июнь 1785 г.), Д. 172 (январь–май 1785 г.), Д. 182 (февраль–декабрь 1786 г.)

[105] *Gin E.* Op. cit. P. 61.

компрометирующих бумагах, собранных Лас Касасом, утверждалось, будто Актон был готов предоставить России контроль над портами Агоста и Бриндизи[106]). В результате после громкого скандала Лас Касас был отозван из Неаполя, а во главе неаполитанского департамента иностранных дел вместо маркиза делла Самбука в январе 1786 г. была поставлена компромиссная фигура маркиза Доменико Караччоло (сторонника сближения с Францией), с которым Дж. Актон должен был разделить свои полномочия по ведению переговоров с российским министром[107].

Несмотря на готовность к компромиссам, неаполитанский двор демонстрировал явное желание сблизиться с Санкт-Петербургом, отстаивая независимость своей политики перед лицом других бурбонских дворов. Как утверждал А.Я. Италинский, даже проект торгового договора с Россией, предложенный неаполитанской стороной в начале 1786 г., имел ярко выраженную антифранцузскую направленность (прописанное в одной из статей документа требование о «содержании... таможенной стражи и чинении осмотра» в отношении российских купеческих кораблей, приходящих в порты королевства, должно было, по мнению Италинского, помочь неаполитанскому правительству в борьбе с французскими торговыми привилегиями)[108]. При этом, однако, важно отметить, что в середине – второй половине 1780-х гг. для отношений Санкт-Петербурга с Парижем был характерен постепенный отход от прежней конфронтации (неслучайно уже в 1786 г. между двумя дворами был заключен торговый договор) [109] . В этот период постепенно налаживались и отношения между

---

[106] *Blondy A.* Op. cit. P. 159.

[107] *Gin E.* Op. cit. P. 62.

[108] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 43–44. На практике, однако, эта борьба не увенчалась успехом, и в начале XIX в. из-за таможенного досмотра русские торговые корабли находились в невыгодном положении по сравнению с торговыми кораблями других европейских держав.

[109] *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI: Русско-французские отношения (1774–1792). М., 2001. С. 240–302.

Российской империей и Испанией[110], что не могло не оказывать влияния на динамику российско-неаполитанских отношений (хотя оба старших бурбонских двора по-прежнему с недоверием и опаской смотрели на перспективы расширения российского влияния в Центральном и Восточном Средиземноморье).

Переговоры о заключении торгового договора в середине 1780-х гг. проходили не только в Неаполе, но и в Санкт-Петербурге. Важную роль в них сыграл новый неаполитанский полномочный министр при российском дворе (1783–1822 гг.) Антонино Мареска Доннорсо, герцог ди Серракаприола (Antonino Maresca Donnorso, Duca di Serracapriola) (1750–1822 гг.), выходец из соррентийского поместного дворянства (nobilitá di seggio), сын Камиллы Доннорсо и Никола Мареска (1691–1759 гг.), первого герцога ди Серракаприола (с 1729 г.) и руководителя финансового ведомства Неаполитанского королевства (Regia Camera della Sommaria)[111]. В отличие от своего предшественника герцога Сан-Никола, Антонино Мареска не имел репутации высокообразованного человека и даже по-французски до конца своей жизни изъяснялся с ошибками[112] (хотя преувеличивать степень его необразованности не следует: А. Мареска, глубоко интегрированный в европейскую элитарную культуру, был известен как заядлый театрал, меценат и

---

[110] История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М., 2014. С. 156–158.

[111] *Amore D.* Napoli, San Pietroburgo e il Mediterraneo, 1777–1861 (Tesi di dottorato). Napoli / Paris, 2017. P. 57. В Южной Италии семейству Мареска принадлежали земельные владения на северо-западе провинции Капитаната и в Пьяно-ди-Сорренто, дворец в самом Неаполе (в Кьяйе), а также права на многочисленные выплаты по долговым обязательствам (arrendamenti), составлявшие наиболее значительную часть доходов дома Мареска. Стоит отметить, что после отъезда Антонино Мареска в Россию финансовыми делами в поместьях семейства занимался его родной брат и зять (муж дочери от первого брака) маркиз Бенедетто Мареска, с которым они состояли в переписке (*Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Pevolutions (1780–1860). Oxford University Press. 2009, P. 63–65).

[112] *Blanch L.* Scritti storici / a cura di B. Croce. V. I. Il Regno di Napoli dal 1801 al 1806 e la campagna del Murat nel 1815. Bari, 1945. P. 29.

активный член масонских лож). Важно отметить, что назначение посланником в Санкт-Петербург молодой соррентийский аристократ получил по своему собственному желанию, заплатив за должность министра колоссальную сумму в 6000 дукатов. Важными факторами, которые также могли способствовать назначению герцога на этот пост, были его масонские связи и поддержка со стороны аббата Ф. Галиани[113]. 27 января 1783 г. руководитель иностранного департамента Неаполитанского королевства маркиз делла Самбука подписал инструкции герцогу ди Серракаприола, носившие максимально общий характер и предписывавшие ему в первую очередь «получить разъяснения по всем вопросам» у испанского посланника в Санкт-Петербурге[114]. Прибыв в российскую столицу в сентябре 1783 г., герцог ди Серракаприола быстро смог, благодаря своим личным качествам, добиться доверия санкт-петербургского двора и со временем снискать славу опытного переговорщика, твердого сторонника сближения с Россией и последовательного защитника европейского легитимизма[115].

Современники отмечали особое внимание герцога ди Серракаприола к вопросам этикета и церемониала. Еще по пути в Санкт-Петербург, получив аудиенции у Папы Римского и австрийского монарха Иосифа II, он настойчиво

---

[113] *Amore D.* Op. cit. P. 59. Интересно, что другим претендентом на должность посланника при российском дворе был неаполитанский просветитель Г. Филанджери (Ibid. P. 57). Д. Аморе считает А. Мареска противником «испанской» партии, в то время как М. Мафричи утверждает, что он являлся «фаворитом» Анны Монкада, княгини Ячи, известной своими происпанскими взглядами (*Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 77).

[114] *Берти Дж.* Указ. соч. С. 112–113; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 80–81.

[115] *Филиппо М. ди.* К истории отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 11–13; *Merrigi M.* Maresca, Antonino // Dizionario Biografico degli Italiani. V. 70. Roma, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/antonino–maresca–duca–di–serracapriola/ (дата обращения: 18.01.2026).

пытался выяснить, не будет ли целование руки (bacciamano) Екатерины II его женой, дочерью пьемонтского маркиза Марией Аделаидой дель Каррето ди Камерано, трактоваться как признание ею вассальной зависимости от российской императрицы (в ответ австрийский император якобы заметил: «В этом мире целуют так много разных вещей. Почему бы не поцеловать и руку императрицы»)[116]. Спустя несколько лет именно герцогу ди Серракаприола пришлось разъяснять иностранному путешественнику принятые в Российской империи правила целования руки. В дневниковой записи от 22 июня 1787 г. венесуэльский путешественник Франсиско де Миранда, описывая свою аудиенцию у великой княгини Марии Федоровны в Гатчине, сообщал следующее: «Я не поцеловал ей руку, поскольку не знал, что так принято, но потом Серракаприола просветил меня на сей счет, и я после обеда принес ей свои извинения, а она, смутившись, сказала: “Вы, верно, думаете, что я sur le qui-vive [злюсь]? Полно, это вам, конечно, герцог наговорил, но в этом вовсе не было необходимости”»[117]. Помимо яркого свидетельства об осведомленности неаполитанского дипломата в вопросах российского придворного церемониала, эта дневниковая запись важна еще и как доказательство того, что в 1780-е гг. герцог Антонино Мареска ди Серракаприола был вхож в гатчинский дворец великого князя, а значит в равной степени пользовался благорасположением «большого» и «малого» дворов (29 июня 1787 г. Ф. де Миранда сообщил также о присутствии А. Мареска на ужине у великокняжеской четы в Павловске[118]).

---

[116] *Croce B.* Uomini e cose della vecchia Italia. V. II. Bari, 1927. P. 195. Д. Аморе и М. Мафричи практически дословно воспроизводят этот эпизод, ссылаясь на документ «Annali della mia missione [История моей миссии]», сохранившийся в личном фонде семейства Мареска в Государственном архиве Неаполя (*Amore D.* Op. cit. P. 60; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 82).

[117] *Миранда Франсиско де.* Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 229–230.

[118] Там же. С. 241.

Успеху своей дипломатической карьеры герцог ди Серракаприола был обязан не только знанию этикета, благоразумию и такту, но также своей способности найти общий язык с российской аристократией и стать «своим» в дворянском мире Санкт-Петербурга. Сохраняя свою должность при Екатерине II, Павле I и Александре I (в какой-то момент он даже был назначен дуайеном дипломатического корпуса), герцог ди Серракаприола поддерживал хорошие отношения с наиболее влиятельными фигурами при дворе, а после своего второго брака с Анной Александровной Вяземской (1788 г.), дочерью екатерининского генерал-прокурора, еще и состоял в прямом родстве с русскими аристократическими родами Вяземских и Тургеневых[119] (весной 1800 г. дипломат Ф.Г. де Брэ, в течение нескольких месяцев находившийся в Санкт-Петербурге вместе с делегацией баварского приорства Мальтийского ордена, описал неаполитанского посланника следующим образом: «Он ловкий и любезный господин, знающий местные условия и, благодаря своему браку с княжной Вяземской, установивший связи, которыми он умеет пользоваться»[120]). Женитьба на Анне Вяземской, «изящной даме» выдающихся внутренних качеств (которая впоследствии, наряду с мужем, стала хозяйкой одного из самых блестящих салонов Санкт-Петербурга, по оценке Дж. Берти, «одного из центров европейских легитимистов» [121]), оказалась для Антонино Мареска выгодной не только благодаря родству с русской аристократией: в качестве дара он

---

[119] *Филиппо М. ди.* Указ. соч. С. 13–14. Первая супруга герцога ди Серракаприола Мария Аделаида дель Каррето ди Камерано умерла 12 декабря 1787 г. Неаполитанский композитор и капельмейстер при санкт-петербургском дворе Доменико Чимароза, пользовавшийся покровительством А. Мареска, написал на ее смерть знаменитый реквием (Missa pro defunctis) соль-минор, который был исполнен в капелле католического собора Св. Екатерины в Санкт-Петербурге (*Lanfranchi A.* Cimarosa, Domenico // Dizionario Biografico degli Italiani. V. 25. Roma, 1981 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/domenico–cimarosa_(Dizionario–Biografico)/ (дата обращения: 18.01.2026).

[120] *Bray F.G.* Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen Francois Gabriel de Bray (1765–1832). Leipzig, 1901. S. 133.

[121] *Берти Дж.* Указ. соч. С. 146.

получил восемьдесят тысяч рублей, а его супруга после смерти отца (1793 г.) унаследовала имение Мурзинка в окрестностях Петербурга [122], живописную усадьбу на берегу Невы с двухэтажным господским домом, церковью и английским парком[123]. Как свидетельствует переписка дипломата, в летнее время (как правило, в конце мая – начале июня) Антонино Мареска любил приезжать в Мурзинку хотя бы на несколько дней для того, чтобы «насладиться прекрасной погодой, пока это возможно»[124] (благо, что имение находилось всего лишь в 12 верстах от столицы); здесь же, в Мурзинке провели свои ранние годы дети четы Серракаприола, Елена Антоновна (1794–1820 гг.), впоследствии вышедшая замуж за графа С.Ф. Апраксина, и Никола Мареска (1790–1870 гг.), в будущем – дипломат, министр иностранных дел Королевства Обеих Сицилий, унаследовавший от отца титул герцога ди Серракаприола.

Заключение торгового договора с Российской империей стало первым серьезным успехом герцога ди Серракаприола на дипломатическом поприще (хотя, как уже отмечалось, условия соглашения были выработаны в ходе переговоров, в течение пяти лет проходивших как в Санкт-Петербурге, так и в Неаполе). Российско-неаполитанский трактат «О взаимной дружбе и торговле» был подписан в Царском селе неаполитанским полномочным министром, членами КИД И.А. Остерманом, А.А. Безбородко и А.И. Морковым, и президентом Коммерц-коллегии графом А.Р. Воронцовым 6 (17) января 1787 г. Документ, состоявший из 39 статей и заключенный сроком на 12 лет (до 1799 г.), гарантировал подданным обоих государств режим наибольшего благоприятствования: уменьшались пошлины на импорт сицилийских вин, российских кож (юфти), свечного сала, мехов, икры и железа, разрешался свободный вход российских и неаполитанских торговых судов в порты и гавани обоих государств, определялись основные правила

[122] *Филиппо М. ди.* Указ. соч. С. 13–14.

[123] Дворец гр. Апраксина // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 14.

[124] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 196. Л. 317об. Письмо герцога ди Серракаприола датскому дипломату Н. Розенкранцу, 29 мая (9 июня) 1797 г.

ведения коммерческой деятельности. При этом договор далеко выходил за рамки обычного торгового трактата, фактически включая в себя проект военно-морской конвенции и положения соглашения 1783 г. о присоединении Неаполитанского королевства к Лиге нейтральных государств. В статье 9 были зафиксированы количественные ограничения на единовременный вход в неаполитанские и сицилийские гавани российских военных судов: не более четырех в укрепленные порты (Гаэту и Мессину) и не более трех в порты без гарнизона (Байи, Агосту и Сиракузы). Статьи 17–25 подтверждали основные положения о вооруженном нейтралитете (включая определение контрабанды, правила ведения торговли с нейтральными государствами в военное время, а также правила досмотра арматорами нейтральных судов)[125].

Для неаполитанской стороны особое значение имела секретная декларация, подписанная в тот же день (6 (17) января 1787 г.) В соответствии с этим документом российский полномочный министр в Неаполе должен был по запросу короля Обеих Сицилий предоставлять его «природным подданным (propres sujets)» право на поднятие российского купеческого флага для свободного прохода через черноморские проливы[126] (в 1780-е гг. только османские, российские и австрийские корабли могли проходить через Босфор и Дарданеллы, попытки неаполитанского правительства добиться от Османской Порты такого же права в 1780-е гг. не имели успеха[127]).

---

[125] Договор, заключенный Россиею и королем Обеих Сицилий. О взаимной дружбе и торговле. СПб., 1787 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004142244?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 19.01.2026).

[126] Текст секретной декларации см.: *Giura V.* Russia, Stati Uniti d’America e Regno di Napoli nell’età del Risorgimento. Napoli, 1967. P. 341–342.

[127] *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 136–139.

Екатерина II ратифицировала российско-неаполитанский договор «О дружбе и торговле» 27 мая 1787 г. в Карасубазаре во время своей поездки в Крым. Это путешествие имело важное символическое значение, являясь своеобразной «декларацией» прочности российского господства в Северном Причерноморье. Серьезным было и внешнеполитическое значение этой поездки: вместе с российской императрицей Крым посетил ее союзник император Священной Римской империи Иосиф II. В контексте истории российско-неаполитанских связей важно отметить, что в путешествии по Крыму Екатерину II сопровождал не только приехавший из Южной Италии российский полномочный министр граф П.М. Скавронский, но и специальный уполномоченный неаполитанского двора Марцио Мастрилли, маркиз ди Галло (Marzio Mastrilli, marchese di Gallo) (1753–1833 гг.), официально отправленный в Крым для того, чтобы обсудить ряд вопросов, не до конца решенных при заключении российско-неаполитанского договора (в частности, об учреждении в Северном Причерноморье неаполитанского консульства), а неофициально – для осмотра черноморского побережья и наблюдения за переговорами Екатерины II и Иосифа II («дабы наблюдать (vegliare) за всеми решениями и планами, которые могли бы быть приняты в отношении османской державы»[128]). Маркиз ди Галло был милостиво принят российской императрицей. Венецианский дипломат в Санкт-Петербурге Фериго Фоскари сообщал в одной из своих депеш, что в качестве подарка от Екатерины II неаполитанец получил 4000 рублей («zecchini 4 milla») и табакерку, украшенную драгоценными камнями[129]. С ответной почетной миссией в Неаполь был отправлен входивший в свиту Екатерины II флигель-адъютант генерал Василий Иванович Левашов (ок. 1740–1804 гг.), который должен был передать Их

[128] Memorie del del duca di Gallo / a cura di B. Maresca // Archivio storico per le Province Napoletane. Anno XIII. Fascicolo II. Napoli, 1888. P. 225.

[129] Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. G. Penzo Doria. Venezia, 1993. P. 156.

Сицилийским Величествам слова благодарности российской императрицы за миссию маркиза ди Галло[130].

Практической реализации положений нового российско-неаполитанского договора помешало начало новой войны между Россией и Османской империей (1787–1791 гг.) В ходе этого конфликта неаполитанский двор сохранял нейтралитет, хотя занимал вполне благожелательную позицию по отношению к России и Австрии (не поддерживая, однако, венский двор настолько активно, насколько этого желала королева Мария Каролина, напрямую взаимодействовавшая со своим братом Иосифом II через маркиза ди Галло, в 1790 г. получившего должность неаполитанского посланника в Вене и являвшегося одним из доверенных корреспондентов королевы[131]).

В 1789–1791 гг. сицилийский порт Сиракузы использовался в качестве базы для российской легкой флотилии, действовавшей против османского судоходства в Восточном Средиземноморье, а графу П.М. Скавронскому, также как и другим российским дипломатам в Италии, приходили предписания из Санкт-Петербурга, касавшиеся организации действий флотилии, вопросов снабжения и проблемы возмещения убытков, нанесенных торговым судам нейтральных держав эскадрой греческого капера на российской службе Л. Кацониса[132]. Важную роль в годы Русско-турецкой войны играла деятельность российских и неаполитанских дипломатов по сбору информации. До весны 1792 г. граф Скавронский пересылал в Санкт-Петербург актуальные новости из османской столицы, которые получал

---

[130] Ibid (Ф. Фоскари ошибочно передает фамилию генерала как «Lesanow»). Мнение Г.А. Сибиревой о том, что именно в 1787 г. маркиз ди Галло приобрел в России «репутацию интригана», впоследствии помешавшую ему добиться успеха во время миссии 1799 г., кажется лишь смелым предположением (*Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 49).

[131] *Gin E.* Op. cit. P. 72–73.

[132] См.: *Гребенщикова Г.А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Часть третья. СПб., 2023. С. 58, 72–199; *Кондратенко Р.В.* Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах. СПб., 2014.

«стараниями Ректора и Сената» Рагузы (Дубровника) [133] . Другим важным информационным каналом была неаполитанская миссия в Вене: маркиз ди Галло регулярно передавал российскому послу при австрийском дворе князю Д.М. Голицыну «письма из Константинополя», полученные от неаполитанских агентов[134].

Важным эпизодом дипломатической истории Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. стало обращение санкт-петербургского двора к неаполитанскому посредничеству для организации прямых переговоров с Османской империей (1790–1791 гг.) В этот период Российская империя была вынуждена противостоять Великобритании, Пруссии и Голландии, объединившимся в тройственный союз (1788 г.) и стремившимся навязать Екатерине II свое посредничество для переговоров с Османской империей на условиях сохранения status quo ante bellum. В то же самое время смерть австрийского монарха Иосифа II и вступление на престол его брата Леопольда II (1790 г.) угрожали подорвать прочность российско-австрийского союза (в июле 1790 г. Леопольд II подписал с берлинским двором Рейхенбахскую конвенцию, обязуясь выйти из войны с Османской империи на условиях сохранения довоенного status quo, а в августе 1791 г. заключил с Османской Портой сепаратный мир в Систове). Уже весной 1790 г. российскому руководству была очевидна необходимость завершить конфликт с Портой, однако при этом следовало сделать все возможное для того, чтобы отстранить от будущих переговоров Пруссию и Великобританию и вести их на наиболее выгодных для российской стороны условиях.

В мае 1790 г. вице-канцлер граф И.А. Остерман обратился к герцогу ди Серракаприола с просьбой о том, чтобы представитель короля Обеих Сицилий при Османской Порте (с 1789 г.), потомственный дипломат граф Гульельмо Костантино

---

[133] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 14.

[134] *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011. С. 13.

Лудольф (Guglielmo Costantino Ludolf) (1755–1839 гг.)[135] передал правительству Османской империи предложение российской стороны вступить в прямые переговоры, не допуская вмешательства в них третьих держав (в первую очередь Пруссии). Получив известия из Санкт-Петербурга, Дж. Актон, после смерти маркиза Караччоло (1789 г.) сосредоточивший в своих руках управление всей внешней политикой Неаполитанского королевства, уполномочил графа Лудольфа на ведение переговоров в пользу санкт-петербургского двора. Уже 11 августа 1790 г. неаполитанский чрезвычайный посланник представил Османской Порте секретную записку, в которой сообщил о «мирных расположениях (pacifiche disposizioni)» Санкт-Петербурга и Вены по отношению к Османской империи[136]. Поначалу ответ османской стороны был отрицательным: в октябре 1790 г. рейс-эфенди заявил о готовности Османской империи прибегнуть к посредничеству Пруссии. В январе 1791 г. переговоры графа Лудольфа с Османской Портой были возобновлены и с февраля 1791 г. приняли еще более активный характер: речь шла уже не только об организации двусторонних мирных переговоров, но и о согласовании требований воюющих сторон (при этом важно отметить, что неаполитанская сторона рассчитывала в ходе этих переговоров добиться от Порты права на проход неаполитанских судов через Босфор и Дарданеллы, о чем Г.К. Лудольфа напрямую проинструктировал первый министр королевства Дж. Актон[137]). Начиная с первых месяцев 1791 г. в переговорах напрямую участвовали неаполитанский посланник в Вене маркиз ди Галло и российский

---

[135] См.: *Pezzi M.* Guglielmo Costantino Ludolf. Nota per la biografia di un diplomatico europeo tra Sette e Ottocento // Africana. Rivista di Studi Extraeuropei. XV (2009). Edistudio, 2009. P. 81–85; *Скаммакка дель Мурго Е.* Графы Лудольф. М., 2013. С. 9–59.

[136] *Cortese N.* La mediazione Napoletana nelle trattative di pace tra Russia e Turchia nel 1790–91 (con lettere inedite di Caterina II e di Maria Carolina // Russia. Rivista di letteratura – arte – storia / diretta da E. Lo Gatto. Anno I. V. I. Napoli, 1921. P. 82–83.

[137] *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 153–154.

посол князь Д.М. Голицын, чему способствовало недолгое пребывание в австрийской столице неаполитанской королевской четы. В сентябре 1790 г. в Вену отправился для встречи с монархами и герцог ди Серракаприола. Будучи человеком с независимым мышлением, подозрительно относившимся к Австрии, он сыграл в переговорах гораздо менее активную роль, чем маркиз ди Галло, пользовавшийся поддержкой неаполитанской королевы и доверием венского двора (впоследствии, однако, проавстрийские взгляды маркиза ди Галло привели к расхождению между его действиями и официальной политикой Неаполя: в августе 1791 г. Галло под влиянием австрийского монарха поддержал идею прусского посредничества и самовольно отослал обратно в Неаполь депеши Актона герцогу ди Серракаприола о неаполитанской медиации, чем вызвал гнев со стороны короля)[138].

В начале 1791 г. Екатерина II возлагала на неаполитанское посредничество большие надежды, о чем особенно ярко свидетельствует надпись, собственноручно сделанная ей на листе, сопровождавшем переводы с документов, приложенных к письму герцога ди Серракаприола из Вены (полученному 21 февраля 1791 г.): «Королю обоих Сицилий сей поступок делает честь... не без вероятия что безкорыстные и чисто сердечные внушения сего двора скорее доведут дела к концу»[139].

В течение последующих нескольких месяцев граф Лудольф неоднократно делал представления Османской Порте, о чем регулярно информировал Актона, отправляя курьеров через Анкону и Отранто (16 июня Дж. Актон отправил копии семи донесений Лудольфа за 8 апреля – 22 мая герцогу ди Серракаприола[140]). 20 мая 1791 г. добрые услуги Неаполя, предложенные Лудольфом, были приняты Османской Портой (при условии согласования ее позиции с Берлином), однако уже 26 июня 1791 г. во время четырехчасовой конференции с неаполитанским посланником рейс-эфенди однозначно высказался о необходимости продолжения

---

[138] *Nuzzo G.* Op. cit. P. 250–254; *Mafrici M.V.* Op. cit. P. 160–161.

[139] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 329. Л. 1.

[140] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 326. Л. 38–39об.

войны и заключения мира с Россией исключительно на условиях status quo ante bellum [141] . В это время, в мае–июне 1791 г. неуступчивость османского правительства была связана в том числе с активными действиями британской и прусской дипломатии, направленными против России (именно на весну 1791 г. пришелся Очаковский кризис, когда из-за требований британского премьер-министра У. Питта-младшего об отказе русских от крепости Очаков в устье Днестра Российская империя и Великобритания едва не оказались в состоянии войны[142]). 16 июня 1791 г. Дж. Актон писал герцогу ди Серракаприола: «Кажется, если не ошибаюсь, что Порта находится в недоумении, на что бы решиться, и колеблется между надеянием на обещанную ей от Пруссии и ея союзников диверсию, внимательным рассмотрением настоящаго ея положения, и опасением худшаго, коему может себя подвергнуть; и изыскивает средства, дабы вытти из заблуждения, избавиться опаснейших бедствий и воспользоваться великодушными предложениями Ея Императорского Величества»[143].

В конечном счете прелиминарии российско-османского мирного соглашения были подписаны 31 июля (11 августа) 1791 г. в результате прямых переговоров, в которых не участвовали ни представитель Неаполитанского королевства, ни дипломаты держав тройственного союза. Российской империи удалось закрепить за собой территорию между Южным Бугом и Днестром, включая крепость Очаков. Переговоры между российскими и османскими уполномоченными продолжились в Яссах, где 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) был подписан окончательный мирный договор между Санкт-Петербургом и Османской Портой (сотрудники российской посольской миссии в Неаполе узнали о заключении Ясского мира от российского посла в Вене в самом начале 1792 г., в начале февраля 1792 г. эта новость была подтверждена сообщениями из Рагузы (Дубровника), а уже в конце

---

[141] *Cortese N.* Op. cit. P. 94.

[142] *Соколов А.Б.* «Очаковское дело». Англо-российский конфликт 1791 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3–22.

[143] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 326. Л. 39об.

марта 1792 г., получив известие о мире от вице-канцлера И.А. Остермана от 13 февраля, граф П.М. Скавронский официально уведомил об этом событии неаполитанский двор[144]). При этом важно отметить: пока шли переговоры в Яссах, граф Г.К. Лудольф находился в постоянной переписке с представлявшим на этих переговорах интересы России графом А.А. Безбородко и по его просьбе неоднократно делал представления Османской Порте, поддерживая позицию Санкт-Петербурга по спорным вопросам, в том числе о территориальном разграничении[145].

С одной стороны, неаполитанское посредничество не принесло Екатерине II желаемых результатов (срыв попыток держав тройственного союза вмешаться в урегулирование конфликта и начало прямых российско-османских переговоров были вызваны иными причинами, в том числе успехами русского оружия и действиями российской дипломатии). С другой стороны, дружественная позиция неаполитанского двора и участие, которое приняли в переговорах с Османской Портой герцог ди Серракаприола и граф Лудольф, способствовали укреплению отношений между двумя государствами. Важно отметить, что вплоть до приезда в Константинополь российского уполномоченного граф Г.К. Лудольф де-факто представлял интересы Российской империи при Османской Порте[146] и даже взял на себя заботу о содержании русских пленных, находившихся в османской столице[147].

В течение 1780-х гг. взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством, изначально настороженные и ограниченные церемониальным общением, претерпели серьезные изменения. Это десятилетие было важным по многим причинам: именно в 1780-е гг. были подписаны первые международные акты, заложившие юридическую основу взаимодействия между дворами на долгие годы вперед (в первую очередь договор «О дружбе и торговле»

---

[144] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 222. Л. 48–48об.

[145] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 330. Л. 3об.

[146] *Gin E.* Op. cit. P. 71.

[147] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 330. Л. 45.

1787 г. и дополнившая его секретная конвенция о «праве флага»), а во взаимных дипломатических миссиях начали свою карьеру люди, которым впоследствии было суждено сыграть важнейшую роль в развитии российско-неаполитанских связей (герцог ди Серракаприола в Санкт-Петербурге и А.Я. Италинский в Неаполе). Если же говорить о характере взаимоотношений между Россией и Неаполем, то наиболее важными сферами дипломатического сотрудничества между двумя государствами в 80-е гг. XVIII века стали развитие торговли и «добрые услуги» Неаполя во взаимодействии санкт-петербургского двора с Османской Портой. И хотя эти направления сохраняли свою актуальность и в последующем десятилетии (1790-е гг.), в этот период беспрецедентное влияние на систему международных отношений оказала революция во Франции, спровоцировавшая начало в Европе Революционных войн и неизбежно повлиявшая на характер российско-неаполитанских дипломатических связей.

1.2. Дипломатия Екатерины II и Неаполитанское королевство во время войны Первой антифранцузской коалиции (1792–1796 гг.)

Французская революция стала одним из ключевых событий конца XVIII столетия. Падение во Франции «старого режима», появление новой радикальной идеологии и стремление французских революционеров или распространить революционные принципы, или достичь «естественных границ» (идеологическая концепция, за которой скрывалось традиционное желание обеспечить безопасность государства путем расширения собственной территории и сферы влияния, вполне типичное для системы международных отношений конца XVIII века[148]) – все это вызвало негативную реакцию европейских дворов, которые, выступая в поддержку контрреволюционных сил, зачастую преследовали свои собственные корыстные интересы.

[148] *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994. P. 115–116.

Хотя российская императрица Екатерина II с самого начала напрямую не вмешивалась в вооруженное противостояние с Францией, ее по праву можно считать одной из главных вдохновительниц антифранцузской коалиции (при этом, в отличие от того же венского двора, она считала главным средством борьбы с Французской революцией в первую очередь поддержку роялистских сил во главе с братьями французского короля)[149]. Если в 1788–1790 гг. российская дипломатия еще рассчитывала на возможность создания союза с Францией (совместно с Австрией и Испанией) в противовес тройственному союзу Великобритании, Пруссии и Голландии, то уже с лета 1790 г. санкт-петербургский двор занял открыто враждебную позицию по отношению к Французской революции. Именно в это время активизировались переговоры вице-канцлера И.А. Остермана с представителями других европейских дворов, посвященные необходимости создания широкой антифранцузской коалиции, которая должна была состоять из «объединенных итальянских государств, объединенной Германии, а также государств Севера» [150] . В конце 1791 – начале 1792 гг. формирование антифранцузского союза фактически шло двумя параллельными путями: с одной стороны, на основе сближения Берлина и Вены (кульминацией стал австро-прусский союз, заключенный в феврале 1792 г.), с другой стороны, путем объединения Санкт-Петербурга, Мадрида и Стокгольма. 8 (19) октября 1791 г.

---

[149] В историографии существуют диаметрально противоположные оценки роли Екатерины II в складывании Первой коалиции. Среди современных авторов наиболее взвешенной представляется позиция историка П.П. Черкасова, который подчеркивает, что для дипломатии Екатерины II была характерна определенная конъюнктурность: несмотря на ненависть императрицы к Французской революции, она была вынуждена концентрировать усилия для решения более насущных внешнеполитических задач (связанных, прежде всего, с Польшей), а ее борьба с Французской революцией ограничивалась в первую очередь помощью французским роялистам, что вполне отвечало собственным взглядам императрицы на способы восстановления монархии во Франции (*Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI: Русско-французские отношения (1774–1792). М., 2001. С. 499–506).

[150] *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 132–133.

российским дипломатом графом О.М. Штакельбергом и сановниками шведского короля Густава III был подписан Дротнинхольмский союзный договор между Россией и Швецией (вместе с секретной военной конвенцией «О восстановления равновесия в Европе и французской монархии»), по условиям которого российская сторона обещала своему союзнику военную или денежную помощь[151]. Параллельно активно шли переговоры между Санкт-Петербургом и Мадридом. В октябре 1791 г. премьер-министр Испанского королевства граф Флоридабланка от имени короля Карла IV (сына умершего в 1788 г. Карла III) предложил европейским дворам план по подавлению революции во Франции, предполагавший, в частности, вторжение во французские пределы армии эмигрантов при деятельной поддержке шведских войск[152]. В Санкт-Петербурге на этот план отреагировали положительно, и к концу 1791 г. перспектива оформления антифранцузского военного союза Российской империи, Швеции и Испании выглядела вполне реалистичной (5 января 1792 г. об этом герцогу ди Серракаприола написал из Константинополя неаполитанский дипломат при Османской Порте граф Г.К. Лудольф, подчеркивая важность присоединения к этой коалиции Австрии: «Также и я прошу Бога об успехе известного союза, постановленного между Россией, Швециею и Гишпаниею для возобновления Французской Монархии, и желаю, чтоб и Император [Священной Римской империи] точнее изъяснился о том…»[153]) Осуществлению этого проекта помешал уход с политической арены ключевых сторонников «крестового похода» против Франции: 28 февраля 1792 г. был отправлен в отставку граф Флоридабланка, а 16 марта 1792 г. в Стокгольме был убит на балу шведский король Густав III.

---

[151] *Джеджула К.Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972. С. 298; *Стегний П.В.* «Прощайте, мадам Корф». Из истории тайной дипломатии времен Французской революции. М., 2025. С. 359.

[152] *Саплин А.И.* Россия и Испания против Французской революции // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 461–463.

[153] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 330. Л. 10–10об.

Следует упомянуть и о ситуации в Польше, в начале 1790-х гг. препятствовавшей активному вовлечению Российской империи во французские дела. Обстановка на территории Речи Посполитой после принятия конституции 3 мая 1791 г. с каждым месяцем усложнялась, угрожая влиянию Российской империи в регионе и провоцируя сложные переговоры Санкт-Петербурга с Веной и Берлином. В мае 1792 г. на территорию Речи Посполитой были введены русские войска для оказания вооруженной поддержки Тарговицкой конфедерации, выступавшей за уничтожение конституции 1791 г. и восстановление «шляхетских вольностей», в начале 1793 г. последовал второй раздел Речи Посполитой между Россией и Пруссией, в марте – ноябре 1794 г. русские войска участвовали в подавлении восстания Т. Костюшко, а в октябре 1795 г. были подписаны договоренности между Санкт-Петербургом, Веной и Берлином о третьем разделе, положившие конец существованию независимого польского государства [154] . Важность польского направления внешней политики диктовала российскому руководству необходимость информационного обеспечения собственных военных и политических действий в Польше. Эту задачу должны были решать в том числе дипломаты на местах, не исключая и полномочного министра при неаполитанском дворе графа П.М. Скавронского (в июле 1792 г. он получил от вице-канцлера графа И.А. Остермана две «печатные тетради» с подробным изложением причин, побудивших Екатерину II ввести войска в Польшу[155], а в августе 1793 г. – майскую декларацию о причинах присоединения польских уездов и воеводств к Российской империи [156]). Наконец, после краха Речи Посполитой за границей оказалось большое количество польских эмигрантов, некоторые из которых пользовались особым покровительством Французской республики. Наблюдение за ними также входило в полномочия российских дипломатов на европейской «периферии», и в середине 1790-х гг. неаполитанский двор оказывал российской дипломатии

[154] См.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 233–396.

[155] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 1–1об.

[156] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 230. Л. 5.

всевозможное содействие в решении этой задачи (так, в ноябре 1795 г. новый полномочный министр Российской империи в Неаполе граф Ф.Г. Головкин донес в Санкт-Петербург о случайной встрече с польским эмигрантом Михалом Клеофасом Огинским и о том, что «многие важные поляки скрываются в Неаполе»; по словам российского посланника, первый министр королевства Дж. Актон обещал ему предоставить их имена и подробные сведения об их поведении[157]).

К заинтересованности России в решении «польского вопроса» к 1796 г. добавились такие проблемы как обострение отношений со Швецией (особенно после дипломатического признания Стокгольмом Французской республики) и начало полномасштабной войны с Персией – все это, наряду со слабостью собственных сил, способствовало тому, что участие России в борьбе с Французской революцией до самой смерти Екатерины II в основном ограничивалось активной поддержкой французских эмигрантов, ограничительными мерами внутри страны и заключением союзных договоров с европейскими дворами. 3 (14) июля 1792 г. в Санкт-Петербурге был продлен союзный и оборонительный договор России с Австрийской монархией, по которому высокие договаривающиеся стороны обязывались оказывать друг другу поддержку вспомогательными войсками[158], 27 июля (7 августа) 1792 г. был заключен аналогичный договор с Пруссией[159], а 14 (25) марта 1793 г. в Лондоне была подписана российско-британская конвенция, в которой речь шла уже непосредственно о совместной вооруженной борьбе с

---

[157] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 71об. В своих мемуарах М.К. Огинский подтвердил, что после случайной встречи в театре Сан-Карло с графом Ф.Г. Головкиным за ним был установлен полицейский надзор, заставивший его поспешить с отъездом из Неаполя в Константинополь, куда он ехал с тайной дипломатической миссией, порученной ему французским правительством. При этом граф Головкин, по словам Огинского, фактически смог предупредить его через их общего знакомого, датского министра Бурка (*Oginski M.* Memoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'a la fin de 1815. T. II. Paris, 1833. P. 116–119).

[158] *Мартенс Ф.Ф.* Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. Трактаты с Австрией. СПб., 1875. С. 198–213.

[159] Там же. Т. VI. Трактаты с Германией. СПб., 1883. С. 148–158.

«лицами, отправляющими правительственную власть во Франции» (Российская империя, таким образом, признавала себя в состоянии войны с Французской республикой и, обязуясь предпринять все необходимые меры для «причинения ущерба торговле Франции», фактически отошла от принципов вооруженного нейтралитета)[160]. Условия конвенции 1793 г. были уточнены российско-британским союзным договором, подписанным в Санкт-Петербурге 7 (18) февраля 1795 г.: Екатерина II обещала предоставить в помощь британцам вспомогательные войска, которые, однако, «за дальностию мест» не должны были использоваться «в Испании, Португалии, Италии, а тем менее вне Европы» (ст. XVI)[161]. В июне 1795 г. во исполнение секретной и отдельной статьи трактата в Северное море из Ревеля была отправлена российская эскадра вице-адмирала П.И. Ханыкова, которая должна была действовать против французов совместно с британским флотом[162] – фактически это стало единственной военной акцией, предпринятой Екатериной II против революционной Франции. 17 (28) сентября 1795 г. к российско-британскому договору присоединилась Австрия[163], что положило начало тройственному союзу Санкт-Петербурга, Лондона и Вены, направленному против Французской республики. Летом – осенью 1796 г. российский двор даже готовил отправку 60-тысячного корпуса русских войск в помощь Австрийской монархии, однако эта мера так и не была осуществлена из-за смерти российской императрицы (6 (17) ноября 1796 г.)

Средиземноморское направление российской внешней политики, в том числе взаимодействие с итальянскими государствами, в эти годы носило второстепенный характер (об этом свидетельствовала и XVI статья российско-британского

---

[160] Там же. Т. IX (X). Трактаты с Англией. СПб., 1892. С. 358–361.

[161] Там же. С. 368–383.

[162] *Гребенщикова Г.А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Часть третья. СПб., 2023. С. 547–564.

[163] *Мартенс Ф.Ф.* Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. Трактаты с Австрией. СПб., 1875. С. 252–261.

договора, фактически выводившая Апеннинский полуостров за пределы сферы непосредственных интересов Российской империи). Российско-неаполитанские взаимоотношения в этот период преимущественно ограничивались развитием торговли[164], хотя важное значение на них оказывали и события войны Первой антифранцузской коалиции, и динамика отношений со шведским двором, и, прежде всего, необходимость совместной борьбы с французским влиянием в Восточном Средиземноморье.

Королевство Обеих Сицилий было одним из многих европейских государств, которые российская дипломатия в первой половине 1790-х гг. активно пыталась вовлечь в противостояние с революционной Францией. В 1790–1792 гг. вице-канцлер граф И.А. Остерман регулярно проводил с неаполитанским посланником Антонино Мареска герцогом ди Серракаприола конференции и «дружеские беседы», посвященные необходимости совместной борьбы европейских дворов с Францией. С конца 1791 г. напрямую взаимодействовать по этому же вопросу с неаполитанским двором должен был и полномочный министр Российской империи в Южной Италии граф П.М. Скавронский: депешей от КИД от 23 декабря 1791 г. ему предписывалось сделать представление о необходимости совместных усилий европейских дворов (неаполитанского, австрийского, прусского, испанского и

[164] Весной 1792 г. российско-неаполитанская торговля на Черном море была возобновлена и оставалась непрерывной в течение 1790-х–1800-х гг. При этом важно отметить, что общий объем взаимной торговли как через Черное, так и через Балтийское море, в этот период был невелик, на что повлияли сложные политические обстоятельства, а также необходимость прибегать к большому количеству посредников (см.: *Cavalcanti M.L.* Le relazione commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève. 1979. P. 151–206; *Mafrici M.* Al servizio di Ferdinando IV. Antonino Maresca di Serracapriola a San Pietroburgo (1787–1806) // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2022. № 5–6. P. 228–238). Тем не менее, в начале 1790–х гг. российское зерно из Северного Причерноморья («крымский хлеб») стало значимым подспорьем для Неаполитанского королевства, страдавшего от неурожая и перебоев поставок продовольствия в столицу (П.М. Скавронский сообщил об этом в депеше от 28 мая (8 июня) 1793 г.: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 229. Л. 56–56об.)

сардинского) для борьбы с «чрезмерностями (extremités) революции во Франции», при этом основой для будущих действий держав должен был стать план, незадолго до этого предложенный мадридским двором [165].

Поначалу российско-неаполитанские переговоры, проходившие как в Санкт-Петербурге, так и в Неаполе, не оставляли никаких сомнений в готовности Неаполитанского королевства, действуя в фарватере политики Австрийской монархии, поддержать «общее дело» европейских дворов (так, 14 сентября 1791 г. на конференции с И.А. Остерманом герцог ди Серракаприола заявил, что король Фердинанд IV «готов употребить в пользу французского короля все зависящие от него способы» и уже повелел своему дипломату в Вене согласовать с императором Священной Римской империи меры для противостояния Французской революции[166]). На практике, однако, ситуация была более сложной: неаполитанский двор продолжал следовать политике нейтралитета, пытаясь балансировать между Веной и Мадридом (и заодно принимая в расчет тогда еще нейтральную позицию Лондона по отношению к Франции). Выражая готовность поддержать «представления» из Мадрида и Санкт-Петербурга только при условии одобрения этого плана австрийским монархом, неаполитанский двор в течение 1792 года фактически оставался в бездействии, как из-за острых разногласий между потенциальными партнерами по коалиции, так и в силу собственных опасений перед французской угрозой со стороны Средиземного моря.

В конце 1791 – начале 1792 гг. неаполитанская сторона отказалась поддержать антифранцузский план Испании из-за противоречий между Мадридом и Веной в вопросе об оценке новой французской конституции, принятой королем Людовиком XVI в сентябре 1791 г. (об этом герцог ди Серракаприола сообщил графу И.А. Остерману на конференции 11 января 1792 г. [167]). В марте 1792 г. активной поддержке будущей борьбы с Францией со стороны Неаполя помешала

[165] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 219. Л. 4–4об.

[166] *Дженджула К.Е.* Указ. соч. С. 312.

[167] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 97. Л. 1–2.

новость о смерти австрийского монарха Леопольда II[168]. Наконец летом 1792 г., уже после начала вооруженного конфликта между Францией и Первой антифранцузской коалицией в составе Австрии и Пруссии (апрель 1792 г.), неаполитанский первый министр Дж. Актон оправдывал бездействие своего двора, прежде всего, угрозой Неаполю со стороны французской Тулонской эскадры, а также 4-тысячного корпуса на Корсике и французских агентов, которые, по его словам, должны были распространять в Неаполитанском королевстве «мерзостные правила Якобинского клуба»[169] (важно при этом отметить, что, помимо широких оборонительных мер и ужесточения внутриполитического курса, именно в 1792 г. неаполитанский двор принял участие в переговорах о создании оборонительной лиги итальянских государств, которые были инициированы самим Дж. Актоном, оказались затруднены из-за пассивности других итальянских дворов и желания австрийского правительства играть в этом объединении главенствующую роль и, в итоге, так и не принесли никакого результата[170]).

Колебания и нерешительность неаполитанского двора особенно ярко проявились непосредственно в его взаимоотношениях с Францией, свидетелями чему были сотрудники российской дипломатической миссии в Южной Италии. Поначалу взаимоотношения Неаполя с Францией, хотя не исключали взаимного недоверия и конфликтных ситуаций, оставались относительно благоприятными и вполне традиционными, в том числе на церемониальном уровне. В августе 1792 г. в Неаполь прибыл новый французский полномочный министр Арман Мако (Armand Mackau). 13 (24) августа он получил аудиенцию у короля Обеих Сицилий, вручил ему свои верительные грамоты и в тот же день «учинил повестку» всем

---

[168] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 330. Л. 30об.–31. Копия письма Дж. Актона герцогу ди Серракаприола, 10 марта 1792 г.

[169] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 330. Л. 39. Копия письма первого министра Дж. Актона герцогу ди Серракаприола от 10 июля 1792 г.

[170] *Acton H.* The Bourbons of Naples (1734–1825). London, 1998. P. 252–253; *Nuzzo G.* Op. cit. P. 301–360.

представителям дипломатического корпуса, за исключением австрийского посла графа Эстерхази (визитная карточка была направлена в том числе графу П.М. Скавронскому, который на следующий день посетил резиденцию французского министра и, не застав его дома, оставил ему свою визитную карточку[171] – таким образом, летом 1792 г. взаимоотношения между российскими и французскими дипломатами на местах все еще сохраняли свой прежний характер). Уже через две недели в Неаполе стало известно о свержении монархии во Франции (10 августа 1792 г.), после чего при дворе было принято решение больше не признавать А. Мако в качестве полномочного министра (хотя при этом саму возможность признания в будущем новой республики король Обеих Сицилий не отрицал[172]). К началу октября 1792 г. стало известно также о начале войны Франции с Пьемонтом и захвате французскими войсками Ниццы и Виллафранка. Угроза французского вторжения на территорию Апеннинского полуострова становилась все более реальной, и важной частью этой угрозы был страх перед распространением революционных идей. Неаполитанский двор вряд ли мог что-то этому противопоставить, особенно учитывая британский нейтралитет и военную катастрофу, осенью 1792 г. постигшую австро-прусские войска на территории Франции. Наблюдая за оборонительными мерами неаполитанского правительства, граф П.М. Скавронский с откровенностью и пессимизмом писал в своей депеше вице-канцлеру графу И.А. Остерману от 16 (27) октября: «Не возможно… сказать, чтобы собственные силы государства сего довлели к защищению его от поисков мощного неприятеля, какова есть Франция» [173] . Этот прогноз оказался справедливым: именно слабость «собственных сил» в конечном счете заставила неаполитанский двор в ноябре 1792 г. признать Французскую республику и

[171] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 46–46об.

[172] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 70об.

[173] Там же.

полномочного министра А. Мако в качестве ее официального представителя[174]. Произошло это под влиянием полученных из Генуи известий о выходе из Тулона французской эскадры под командованием контр-адмирала Л.Р. де Латуш-Тревиля, которая должна была идти в Неаполь и оказать давление на неаполитанский двор, заставив его признать республику и взять на себя обязательство соблюдать строгий нейтралитет.

В Санкт-Петербурге новость о дипломатическом признании Неаполитанским королевством Французской республики вызвала острое недовольство. Уже в начале декабря 1792 г. вице-канцлер И.А. Остерман сделал герцогу ди Серракаприола энергичное внушение о том, что «уступки... наносят вред общему делу», на что неаполитанский дипломат ответил словами о «мудрости» неаполитанского правительства, не пожелавшего подвергать своих подданных опасностям войны[175]. Когда французская эскадра появилась в Неаполитанском заливе (16 декабря 1792 г.), король Фердинанд IV уже признал Французскую республику. Тем не менее, одним лишь дипломатическим признанием условия французов не ограничивались: французское революционное правительство требовало от неаполитанского двора

---

[174] Важно отметить, что в ноябре 1792 г. российский полномочный министр в Неаполе, еще не имевший никаких точных инструкций из Санкт-Петербурга о том, как следовало вести себя с представителем непризнанной республики, в церемониальных вопросах как будто бы продолжал действовать «по инерции». В частности, П.М. Скавронский не отказался присутствовать на обеде, который Дж. Актон дал в своей резиденции в честь нового французского посланника (на это мероприятие были приглашены все европейские дипломаты, кроме австрийского посла и сардинского министра), а после трапезы даже имел с Арманом Мако короткую беседу, которую следующим образом описал в своей депеше вице-канцлеру И.А. Остерману от 20 ноября (1 декабря) 1792 г.: «Он после обеда, подошедши ко мне, изъявлял желание свое иметь со мною обращение, и приобресть дружбу мою не как министр французский, но как частная особа; я в ответ сказал ему то, что взаимная учтивость предписывает, и из чего он мог вразуметь, что обращение мне иметь с ним так, как он желает, многие обстоятельства препятствовать должны» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 92об.)

[175] *Берти Дж.* Указ. соч. С. 147.

назначить своего представителя в Париж, открыть порты Королевства Обеих Сицилий для французских судов, а также отказаться от антифранцузской политики в Константинополе и отозвать оттуда своего посланника графа Г.К. Лудольфа.

Французское требование об отзыве графа Г.К. Лудольфа из османской столицы имеет особое значение в контексте истории российско-неаполитанских отношений. Недовольство французского правительства неаполитанским посланником при Высокой Порте было вызвано конкретным эпизодом: летом 1792 г. граф Г.К. Лудольф, действуя в соответствии с инструкциями Дж. Актона, смог добиться того, что султан Селим III отказался признать в качестве французского посла Шарля Луи де Семонвиля, которого французское правительство уполномочило стараться о возобновлении войны Османской империи с Россией и Австрией[176] – тем самым французская дипломатия фактически перешла в прямое наступление против интересов Российской империи, что не могло не встревожить санкт-петербургский двор. Отчасти именно опасения перед французскими интригами в Константинополе способствовали особенно болезненной реакции российского двора на дипломатическое признание королем Обеих Сицилий Французской республики. В декабре 1791 г. герцог ди Серракаприола писал в Вену маркизу ди Галло: «Генеральная атака на меня и других послов, предпринятая графом Остерманом, я полагаю, вызвана опасением, что французский флот, избавившись от необходимости находиться у берегов Италии, сможет направиться к Порте, чтобы поддержать планы господина Семонвиля, направленные против здешнего двора»[177].

Сам факт выхода в море Тулонской эскадры вызвал тревогу не только в Санкт-Петербурге, но и среди сотрудников российской миссии в Неаполе. В ноябре 1792 г. в депешах российского полномочного министра при дворе короля Обеих Сицилий впервые появились сообщения о потенциальной угрозе черноморским портам

[176] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 73–74.

[177] *Берти Дж.* Указ. соч. С. 146–147; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 190–191.

Российской империи со стороны французского флота. 20 ноября (1 декабря) П.М. Скавронский писал, ссылаясь на новости из Генуи: «...Следовало б заключить, что эскадра Тулонская или употреблена будет против Гишпании, или пойдет к Дарданеллам, дабы оттуда, когда Порта согласится на предложения Франции, войти тотчас в Черное море и действовать против России...»[178]. Спустя несколько дней (7 (18) декабря), уже после прибытия эскадры Латуш-Тревиля на неаполитанский рейд, дипломат повторил тезис об угрозе черноморским портам, ссылаясь на мнение французского посланника («Г-н Мако уверяет, что по соединении весь флот пойдет в Сардинию, а потом в Черное море, вследствие сделанного уже России объявления войны»[179]), а два дня спустя вообще процитировал письмо А. Мако первому министру Дж. Актону: «Я спас Неаполь [от французской эскадры – А.А.]... Мы собираемся объявить войну России...» [180] С этого времени сообщения о потенциальной французской угрозе черноморскому побережью неоднократно находили отражение в дипломатических донесениях российских представителей в Неаполе. Нередко эта информация исходила от самого неаполитанского двора, который стремился продемонстрировать императрице Екатерине II и сотрудникам российской миссии свою заинтересованность в укреплении взаимных связей. Так, 16 (27) апреля 1793 г. советник посольства А.Я. Италинский, фактически в обход главы миссии П.М. Скавронского, получил от неаполитанской королевы Марии Каролины выписку из перехваченных французских депеш, в которых содержались не только инструкции французскому поверенному в делах в Константинополе М.Л. Декоршу (маркизу Сен-Круа), предписывавшие ему склонять Порту к войне с Россией, но и проект некого «барона Анжели» о подготовке антироссийского восстания в Крыму и на Кубани[181]. В ноябре 1793 г. П.М. Скавронский со слов неаполитанского двора вообще передавал И.А. Остерману фантастические

[178] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 93об.

[179] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 103об.–104.

[180] Там же. Л. 109.

[181] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 231. Л. 1–4об.

известия о заключении союзного договора, направленного против Российской империи, между Османской империей, Францией, Швецией и Данией: «Старательством Декорша заключен в Константинополе союз наступательной против России с Оттоманскою Портою, Швециею, Даниею и Конвенциею французскою [Национальным конвентом – А.А.]. Вследствие онаго союза Швеция и Дания обязались начать в будущем майе месяце неприятельские действия, а Конвенция дает Его Величеству султану 25 тысяч сухопутного войска и 12 линейных кораблей» [182] (более того, спустя 10 дней Скавронский сообщил о получении неаполитанским двором «подлинных трактатов» из Константинополя, в которых будущие действия Османской империи были поставлены в зависимость от политики Великобритании [183] , – в целом известие о «наступальном союзе» впоследствии так и не было подтверждено). В последующие годы информация о французской угрозе черноморским портам стала встречаться в донесениях из Неаполя гораздо реже и основывалась на менее надежных источниках: так, в июне 1794 г. Италинский, рассуждая о Дарданеллах как о цели вновь вышедшей из Тулона французской эскадры, уже опирался исключительно на слухи («Некоторые здесь думают»)[184], а в феврале 1795 г. цитировал полученную от королевы копию перехваченного письма Декорша Национальному конвенту, в котором не содержалось ничего, кроме общих рассуждений о том, насколько было бы удобно поднять Османскую Порту на борьбу с Россией в условиях продолжающегося восстания в Польше: «Не будет сложным вооружить турок против русских и против австрийцев» [185] (в начале 1795 г., когда движение Т. Костюшко уже было разгромлено, эти размышления явно потеряли свою актуальность). Наконец, уже в марте 1796 г. королева Мария Каролина через своего секретаря передала Италинскому копию депеши неаполитанского посланника в Константинополе о

[182] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 230. Л. 76–76об.

[183] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 230. Л. 78–79.

[184] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 235. Л. 11об.

[185] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 242. Л. 9–11.

стремлении шведского и французского министров склонить Порту к войне с Российской империей[186], однако в данном случае это был всего лишь дружеский демонстративный жест, не имевший по-настоящему важного значения (это, по словам Италинского, признала и сама королева, отметив: «Об этом уже известно в Петербурге…»[187]).

Важно подчеркнуть, что в большинстве случаев сотрудники российской миссии в Неаполе передавали в Санкт-Петербург известия, полученные по официальным каналам из Константинополя. Именно столица Османской империи в первой половине 1790-х гг. оставалась важнейшим центром по сбору информации о французской угрозе, причем неаполитанская и российская дипломатические миссии действовали на этом направлении в тесном сотрудничестве. Вопреки требованиям французов, граф Лудольф в 1792 г. так и не был отозван из Константинополя. В последующие годы он продолжал противостоять французскому влиянию в османской столице, действуя как самостоятельно, так и совместно с российскими дипломатами, поверенным в делах А.С. Хвостовым (1793–1794 гг.) и новым российским полномочным министром графом В.П. Кочубеем (1794–1798 гг.)[188]. Неаполитанский дипломат регулярно делал

---

[186] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 23–23об., Л. 27–29.

[187] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 28.

[188] Еще в декабре 1792 г., узнав о назначении В.П. Кочубея, племянника А.А. Безбородко, российским полномочным министром, граф Лудольф писал герцогу ди Серракаприола: «Разумеется, я всегда буду рад находиться с ним в самой тесной дружбе (mi troverà sempre ben disposto a vivere ed a formare con Lui la più stretta amicizia), сделаю все, что от меня зависит, чтобы оказать ему честь и тем самым продемонстрировать всю привязанность и признательность, которые я питаю к его достойному дяде (degnissimo zio)» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 331. Л. 3). После возвращения В.П. Кочубея в Россию (июнь 1798 г.) именно с ним граф Г.К. Лудольф связывал свои надежды на улучшение финансового положения. В письме своей сестре графине Сен-При от 12 июля 1798 г. граф Лудольф давал дипломату положительную оценку («Он любезен (aimable), и я сильно к нему привязан») и выражал надежду на то, что Кочубей «повлияет на те благие намерения (bonnes intentions), которые его двор всегда имел в отношении меня». Как

энергичные представления дивану и рейс-эфенди о необходимости сохранения мира с Россией и борьбы против «якобинской крамолы (fazione giacobina)». Продолжалось это вплоть до 1795 г., когда через герцога ди Серракаприола неаполитанскому дипломату было передано пожелание санкт-петербургского двора, чтобы он больше не вступал с Портой в переговоры, касающиеся российско-османских отношений, без предварительной просьбы с российской стороны[189] (тем самым фактически был положен предел посреднической деятельности неаполитанского дипломата, продолжавшейся с лета 1790 г.) Усилия графа Лудольфа, действовавшего при поддержке российского министра и представителей других европейских держав-союзников, имели определенный успех: в течение 1790-х гг. Османская Порта сохраняла нейтралитет, проявляла осторожность по отношению к Франции и, стараясь не раздражать европейские дворы, до 1795 г. так и не признала Французскую республику (хотя неофициально французский дипломат Декорш уже осенью 1793 г. был принят правительством Селима III, да и в целом развитие сотрудничества с Францией вполне отвечало интересам Османской империи, вступившей в период военных и административных реформ, требовавших в том числе помощи французских военных специалистов, судостроителей и инженеров)[190].

следует из дальнейшего текста письма, речь шла о некой финансовой помощи, которую Лудольф в то время ожидал от Павла I, заранее заручившись ходатайством Кочубея в этом вопросе: «Мне бы хотелось, чтобы щедрость императора распространилась и на меня; я в этом отчаянно нуждаюсь. Поскольку мои финансы находятся в расстройстве» (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 82об.)

[189] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 193. Л. 33.

[190] *Firges P.* French Revolutionaries in the Ottoman Empire. Diplomacy, Political Culture, and the Limiting of Universal Revolution, 1792–1798. Oxford University Press, 2017. P. 58–78; История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1. История Османского государства и общества. С. 56–59.

В 1793 году казнь французского короля Людовика XVI (21 января) и объявление Францией войны Великобритании (1 февраля) способствовали постепенному переходу Неаполитанского королевства к открытой поддержке антифранцузской коалиции.

В первые месяцы 1793 г. неаполитанский двор, при всей своей антипатии к французскому правительству и его посланнику А. Мако, все еще старался проявлять осторожность, неохотно реагируя на антифранцузские инициативы иностранных дипломатов (так, в марте 1793 г. первый министр Дж. Актон отказал графу П.М. Скавронскому в официальной публикации указа Екатерины II от 8 (19) февраля 1793 г. об окончательном разрыве российско-французских отношений и высылке французов из России, из-за чего российский полномочный министр был вынужден по примеру французского посланника прибегнуть к печати указа в своем собственном посольском доме и самостоятельному распространению 600 экземпляров на территории Неаполитанского королевства [191]). Ключевым моментом, повлиявшим на решение неаполитанского руководства вступить в войну против Франции, стало получение в Неаполе известия об отправке в Средиземное море сильной британской эскадры (апрель 1793 г.) За этим последовали переговоры между Дж. Актоном и британским послом У. Гамильтоном, увенчавшиеся подписанием 12 июля 1793 г. англо-неаполитанского союзного договора, по условиям которого неаполитанский двор должен был предоставить своему британскому союзнику 4 линейных корабля, 4 фрегата и 6-тысячное войско в обмен на защиту берегов королевства британским королевским флотом [192] . После последних колебаний со стороны неаполитанского правительства и «великих домогательств» У. Гамильтона 1 сентября 1793 г., в тот же самый день, когда эскадра адмирала С. Худа прибыла в Неаполитанский залив, а британский посол получил ратификационные грамоты июльского трактата, король Фердинанд IV официально

---

[191] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 229. Л. 38об.

[192] *Gin E.* Ferdinando IV di Borbone. Il Regno di Napoli e il Grande Gioco del Mediterraneo. Rubbettino, 2022. P. 81.

объявил о разрыве отношений с Французской республикой (в тот же день королевским указом во имя «защиты монархии и Церкви» всем французам было предписано в течение 20 дней покинуть королевство[193]). Уже спустя несколько дней неаполитанская эскадра была отправлена в Тулон, главную французскую военно-морскую базу на Средиземном море, которая в то время находилась в руках роялистов, призвавших на помощь британский флот. Неаполитанцы приняли участие в обороне Тулона от республиканских войск, действуя совместно с англичанами, испанцами и пьемонтцами (при этом взаимодействие между союзниками было серьезно осложнено неопытностью участвовавших в операции войск, их низким уровнем дисциплины, а также взаимным недоверием и постоянными конфликтами, в том числе открытой ссорой неаполитанского адмирала Б. Фортегерри с британским адмиралом С. Худом[194]). В конечном счете совместная операция обернулась катастрофой: 18 декабря 1793 г. Тулон был занят республиканцами, а войска союзников были вынуждены спешно оставить город. По итогам неудачной экспедиции выиграла одна лишь Великобритания, ставшая господствующей морской силой на Средиземном море, благодаря уничтожению французского военного флота в Тулоне. В Неаполе это обстоятельство вызвало широкое недовольство, не оставшееся незамеченным для российского советника посольства А.Я. Италинского, который в это время был вынужден возглавить миссию после скоропостижной смерти графа П.М. Скавронского (28 ноября 1793 г.) В депеше вице-президенту КИД от 20 (31) декабря Италинский писал: «Многие здесь весьма недовольны сожжением Арсенала и флота Тулонского; почитают обстоятельство сие таким, которое делает Англию на море очень сильною, больше,

---

[193] *Zaugg R.* Guerra, rivoluzione, xenofobia. L'espulsione dei francesi dal Regno di Napoli (1793) // Il Mediterraneo delle città: scambi, confronti, culture, rappresentazioni. Viella, 2008. P. 300–321.

[194] Об обороне войсками союзников Тулона и ее политических предпосылках см.: *Верченкова В.В.* Осада Тулона 1793 года: геополитический и антропологический аспекты: дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.2. М.: ФГБОУ ИВИ РАН, 2023. С. 26–185.

нежели надлежит ей быть, полагая могуществу ея пределы, безопасные прочим морским державам»[195].

В течение 1793–1794 гг. руководители российской дипломатической миссии в Неаполе, сначала полномочный министр граф П.М. Скавронский, а вслед за ним и поверенный в делах А.Я. Италинский продолжали выполнять функции информаторов, сообщая в Санкт-Петербург детальные сведения о внутреннем положении Неаполитанского королевства, страдавшего от тяжелого финансового кризиса и неурожая, а также о ходе переговоров неаполитанского двора с британским послом, обстоятельствах и последствиях Тулонской экспедиции[196]. Неаполитанское королевство в этот период продолжало играть во внешней политике России объективно периферийную роль. Исключение составляли проблемы обеспечения торговли и совместной борьбы с французским влиянием в Османской империи. Именно этим двум сюжетам в 1793–1794 гг. было посвящено большинство официальных нот и адресованных вице-канцлеру записок неаполитанского посланника в Санкт-Петербурге герцога ди Серракаприола, который находился в регулярной переписке с неаполитанском консулом в России В. Музенга и графом Г.К. Лудольфом[197]. В свою очередь П.М. Скавронский и А.Я. Италинский в течение этих двух лет пять раз по просьбе Актона выдавали «пасы» (разрешения на поднятие российского флага) неаполитанским и сицилийским торговым кораблям, действуя в соответствии с императорским указом от 30 июня 1792 г.[198]

Вероятно, именно малозначительность Неаполитанского королевства для Российской империи повлияла на отказ императрицы Екатерины II всерьез обсуждать идею о династическом браке великого князя Константина Павловича с неаполитанской принцессой Амалией (хотя формально главным камнем

[195] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 231. Л. 23–23об.

[196] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 229, 230.

[197] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 331, 333.

[198] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 224. Л. 11–14об.

преткновения стал вопрос о религии невесты). Летом 1793 г. идея о бракосочетании дочери неаполитанского короля и внука российской императрицы была конфиденциально предложена Екатерине II королевой Марией Каролиной через графа П.М. Скавронского («Чувства, которые испытывает к Вашему Величеству Ее величество королева Неаполя, походят на культ», – писал российский министр в своей реляции от 16 (28) июня, подчеркивая, что лишь после получения согласия российской императрицы на этот брак Мария Каролина была готова написать ей об этом напрямую [199]). Ответ Екатерины II графу Скавронскому, написанный 17 сентября, был подчеркнуто вежливым и любезным по отношению к неаполитанской королеве («...Чувства, которые эта монархиня уже в течение многих лет демонстрирует по отношению ко мне, мне бесконечно дороги, ценны, приятны... Однако на том месте, которое я занимаю уже тридцать два года, опыт научил меня, что не можно и не должно следовать лишь движениям своего сердца» [200]). Характерно, что российская императрица не отказывала королеве напрямую, а лишь предлагала предварительно прояснить несколько наиболее важных моментов, обращая внимание, прежде всего, на вопрос о религии (невеста должна была принять православие), а также прося дать подробное описание принцессы Амалии и предупреждая о некрасивой внешности и «неслыханной живости» великого князя Константина («il n'est pas beau et d'une vivacité innouïe»)[201]. Одновременно в проекте письма неизвестному адресату, написанном примерно в то же самое время, российская императрица была более искренна и не скрывала своей антипатии по отношению к неаполитанским Бурбонам: «Неаполитанскому двору пришла охота весьма некстати наградить нас одним из своих уродцев, потому что все их дети дряблые, подвержены падучей болезни, безобразные и плохо воспитаны... Тут больше ничего, как вредная, хитросплетенная несообразность и

[199] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 228. Л. 4об.–5.

[200] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 227. Л. 2–2об.

[201] Там же. Л. 3об.

интрига» [202] (эти слова были написаны после того, как предложение о династическом браке повторил через российского посла в Вене графа А.К. Разумовского неаполитанский дипломат маркиз ди Галло, якобы действовавший по собственной инициативе). Важно отметить, что неаполитанский посланник в Санкт-Петербурге герцог ди Серракаприола выдвинул аналогичный проект династического брака неаполитанской принцессы с российским великим князем еще в 1790 году. Тогда он нашел поддержку со стороны королевы Марии Каролины, однако идея брака была отвергнута королем Обеих Сицилий Фердинандом IV, руководствовавшимся исключительно конфессиональными соображениями («Я был бы безумцем, если бы отдал свою дочь схизматику, я удивляюсь тому, что Вы предлагаете мне подобное» [203]) Теперь же о желании укрепить связи с Россией путем династического брака впервые заговорила сама неаполитанская королева, что явно свидетельствовало о росте значения и престижа Российской империи в глазах неаполитанского двора: именно матримониальная политика была одним из наиболее важных направлений деятельности Марии Каролины, считавшей семейные и политические связи неразрывно связанными[204].

1794 год для Королевства Обеих Сицилий ознаменовался первыми поисками выхода из внешнего конфликта, потребовавшего от неаполитанского правительства слишком больших материальных усилий. Если весной – летом 1794 г. неаполитанский двор, по-прежнему претендовавший на лидерство в формировании оборонительной Лиги итальянских государств, согласился отправить войска для борьбы с французами в Северной Италии (1 июля 1794 г. король по просьбе Вены утвердил решение об отправке в Ломбардию нескольких кавалерийских полков во

---

[202] Цит. по: *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 77. Вряд ли это была депеша, адресованная П.М. Скавронскому или А.К. Разумовскому, как предполагает Г.А. Сибирева.

[203] *Amore D.* Op. cit. P. 149; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 151–152.

[204] *Recca C.* «Carissimo fratello e amico». Le politiche matrimoniali di Maria Carolina d'Austria // Io, la Regina II / a cura di G. Sodano e G. Brevetti. Palermo, 2020. P. 51–68.

главе с князем Куто)[205], то уже в конце 1794 г. были начаты секретные франко-неаполитанские переговоры в Венеции[206], а первый министр Дж. Актон принял в королевской резиденции в Казерте французского эмиссара в Генуе Нальяка, инкогнито прибывшего в Неаполь для выработки условий мирного договора (французский дипломат, однако, не имел соответствующих полномочий от Национального конвента и был вынужден покинуть Южную Италию, не добившись никаких результатов) [207] . Одновременно серьезно усложнилась внутриполитическая обстановка в Королевстве Обеих Сицилий: именно на 1794 – начало 1795 гг. пришелся пик правительственных репрессий, направленных против реальных и мнимых якобинцев.

Впервые о существовавшей в Неаполе «якобинской угрозе» российский полномочный министр граф П.М. Скавронский сообщил в декабре 1792 г., рассказывая о том, как частью неаполитанцев было воспринято прибытие в город французской эскадры («Имеются... зараженные французскими мыслями люди, которые видя пред глазами те два корабля, делают покушения произвести в народе мятеж. Несколько раз уже в разных местах найдены красные колпаки с надписью вольность или голод [sic!]»)[208]. К 1794 г. сведения о «якобинцах» и обрушившихся на них правительственных репрессиях стали одним из наиболее частых сюжетов, встречавшихся в донесениях поверенного в делах А.Я. Италинского вице-канцлеру графу И.А. Остерману. «Немаловажное число легкомысленных людей в Неаполе и разных местах в Государстве заразились развращенными французских жакобинов мыслями», – писал А.Я. Италинский в депеше от 2 (13) мая 1794 г. В этом же донесении он сообщал о некоем мессинце, который богохульствовал и прославлял Францию в церкви дель Кармине, едва не был растерзан за это прихожанами, вслед

---

[205] *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. I. La guerra continentale. Roma, 2001. P. 234–235.

[206] *Mafrici M.V.* Op. cit. P. 194–195.

[207] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 235. Л. 75–79.

[208] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 222. Л. 124об.

за чем был арестован и после медицинского освидетельствования приговорен к смертной казни (по словам Италинского, на предсмертную исповедь этого человека возили с завязанным ртом, предварительно накрывая святые образы, чтобы он не осквернил их ни своими словами, ни даже своим взглядом, а после его казни неаполитанский архиепископ, впечатленный «ужасным примером», «велел быть во всех церквах три дни молению о спасении сего государства от распространения в оном мыслей, которые похитителями государственной власти во Франции почитаются филозофическими»)[209]. Подобных сообщений действительно очень много в дипломатических донесениях А.Я. Италинского за этот период (наиболее важные из них, касавшиеся связей неаполитанских заговорщиков с французскими дипломатами в Генуе, а также перехваченной переписки французского агента в Польше и Константинополе Жене, свидетельствовавшей о французских интригах против Санкт-Петербурга, были проанализированы в монографии советского историка Г.А. Сибиревой[210]). Здесь важно подчеркнуть: в 1792–1794 гг. в Неаполитанском королевстве действительно существовали революционные общества и клубы, в том числе «Патриотическое общество (La Società Pattriotica)» и вышедшая из его недр радикальная организация «Республика или смерть (Repubblica o Morte)», ставившая целью свержение монархии, а в 1794 г. в столице действительно был раскрыт антигосударственный заговор[211]. Тем не менее, и в 1794, и в 1795 гг. за обвинениями в «якобинстве» часто скрывались или банальная «охота на ведьм», или борьба за политическое влияние. Особенно показательным стало дело дона Луиджи де Медичи, начальника неаполитанской полиции, сторонника реформистской политики и брата фаворитки королевы маркизы де Сан-Марко, который феврале 1795 г. был обвинен в подготовке якобинского заговора и

[209] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 234. Л. 68–71. Подробности о предсмертной исповеди и казни обвиняемого содержатся в следующей депеше А.Я. Италинского от 6 (17) мая 1794 г.

[210] См.: *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 81–84.

[211] О неаполитанских якобинцах и заговоре 1794 г. см.: *Croce B.* La Rivoluzione Napoletana del 1799. Napoli, 1998. P. 205–246.

заточен в крепость Гаэты (А.Я. Италинский в своих донесениях вслед за королевским двором включил Медичи в число «подданных, усердствующих Конвенции [Конвенту]», и обвинил его в «изменнических умыслах»[212]). Как показывают современные исследования, одной из главных причин ареста Медичи стали интриги первого министра Дж. Актона, стремившегося дискредитировать своего политического оппонента[213].

В 1794 г. усложнилось и внешнеполитическое положение Королевства Обеих Сицилий. Одним из наиболее ярких и наименее изученных эпизодов этого периода является конфликт Неаполя со Швецией из-за «дела Армфельта», продолжавшийся около двух лет (1794–1796 гг.) и урегулированный при участии санкт-петербургского двора. В феврале 1794 г. неаполитанский двор отказался выдать Швеции Г.М. Армфельта, полномочного министра Шведского королевства при итальянских дворах, возглавлявшего оппозицию против главы регентского совета Г. Рейтерхольма и заочно приговоренного к смерти по обвинению в заговоре[214] (интересно, что, сообщая об этом событии в Санкт-Петербург, А.Я. Италинский 4 (15) февраля написал две разные депеши: в одной он описывал переговоры Дж. Актона и короля Фердинанда IV с прибывшим в город представителем шведского регента и внезапное исчезновение Армфельта, в другой, составленной с использованием шифра, писал о покровительстве, оказанном Армфельту королевой Марией Каролиной, предложившей ему временное убежище в королевском дворце в Казерте[215]). В итоге, в начале марта 1794 г. Армфельт тайно покинул Неаполь и

---

[212] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 242. Л. 13об. –16.

[213] *Vanga M.* Medici, Luigi de’ // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 73: Meda–Messadaglia. Rome. 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/luigi-de-medici_(Dizionario-Biografico)/ (дата обращения: 25.11.2025).

[214] *Knapas R.* Armfelt, Gustav Mauritz // Biografiskt lexikon för Finland 1. Svenska tiden. Helsingfors / Stockholm. 2008. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.blf.fi/artikel.php?id=2556 (дата обращения: 25.11.2025).

[215] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 234. Л. 25–25об., 28–29.

уехал в Санкт-Петербург, где нашел поддержку со стороны российской императрицы (8 марта 1794 г. неаполитанская королева Мария Каролина написала императрице Екатерине II собственноручное письмо, в котором просила ее о покровительстве Армфельту [216]). Отношения Королевства Обеих Сицилий со Стокгольмом оказались на грани разрыва: уже в начале февраля 1794 г. в Неаполе несколько человек было арестовано по обвинению в планировавшемся убийстве Армфельта (заказчиком которого якобы являлся шведский дипломатический представитель в Риме Франческо Пиранези), а один из сотрудников шведского посольства в Риме Винченцо Монти развернул против неаполитанского двора настоящую «памфлетную войну».

24 октября (4 ноября) 1794 г. А.Я. Италинский сообщил о получении из Рима двух печатных экземпляров сборника документов на итальянском языке, которые должны были доказать вину Г.М. Армфельта («Estratto degli atti principali che mettono in chiaro la causa di delitto di stato pendente nel Parlamento di Suezia»). Как свидетельствовала королева Мария Каролина, в Неаполь это сочинение было прислано буквально в количестве нескольких сотен экземпляров («des centaines») [217] . Важно подчеркнуть, что в этом сборнике, состоявшем из переведенных фрагментов частной переписки обвиняемых, содержалась информация не только о планах Армфельта и его сторонников, направленных против режима регента, но и о поддержке, которую им должны были оказать российский посол в Вене граф А.К. Разумовский и российский посланник в Стокгольме граф О.М. Штакельберг[218]. Таким образом, шведское дипломатическое представительство в Риме, инициировав появление этой книги, фактически напрямую выступило против санкт-петербургского двора.

---

[216] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 53. Л. 2–3.

[217] Correspondance inédite de Marie-Caroline reine de Naples et de Sicile avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911. P. 14.

[218] Estratto degli atti principali che mettono in chiaro la causa di delitto di stato pendente nel Parlamento di Suezia riguardo alla conspirazione tramata contro il presente Governo del Regno... 1794. P. 34.

В это время взаимоотношения России и Швеции в целом находились на низком уровне из-за признания регентским режимом Французской республики, отказа Стокгольма прекратить торговлю с Францией и заключения двух франко-шведских договоров о союзе и денежных субсидиях в 1793 и 1795 гг. (первый договор не был ратифицирован)[219], а также антироссийских интриг драгомана шведского посольства в Константинополе. В Стокгольме негативно был воспринят отказ Екатерины II выдать Швеции поселившегося в Калуге Г.М. Армфельта (несмотря на предложенный регентским режимом проект династического брака юного шведского короля Густава IV и внучки российской императрицы)[220]. Появление в Италии памфлета на итальянском языке, обвинявшего российских дипломатических представителей в содействии заговорщикам, стало лишь еще одним недружественным шагом со стороны шведского правительства, который вряд ли мог вызвать особую обеспокоенность в Санкт-Петербурге (в письме маркизу ди Галло неаполитанская королева, сообщая о присылке памфлета, не без сожаления констатировала: «Я считаю, что российский двор не уделяет этому достаточного внимания (Je trouve que la cour de Russie n'y est point assez ménagée)»[221]).

Уже в начале следующего 1795 г. в Риме появился второй памфлет, написанный В. Монти от имени своего начальника Ф. Пиранези в форме письма первому министру Неаполитанского королевства Дж. Актону («Lettera di Francesco Piranesi al Signor Generale D. Giovanni Acton»). В этом документе главе неаполитанского правительства была адресована ни много ни мало угроза войны со

---

[219] *Платен К.Х. фон.* Стединк. Курт фон Стединк (1746–1837) – космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб., 1999. С. 253–256; *Рогинский В.В.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012. С. 95.

[220] *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 716.

[221] Correspondance inédite de Marie-Caroline reine de Naples et de Sicile avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911. P. 14.

Шведским королевством («Швеция, спровоцированная вами, приготовляет свои корабли для того, чтобы представить Неаполю свои доводы посредством красноречия своих пушек»[222]). В своем донесении от 24 февраля (3 марта) 1795 г. А.Я. Италинский сообщил о рассылке этой брошюры из Рима иностранным дипломатам в Неаполе и дал ей резко негативную характеристику: «В усилиях своих очистить себя от бесславия [Пиранези] не только не наблюдает никаких правил благопристойности, но воспален необузданною страстию мщения употребляет все возможные орудия для язвления Генерала [Актона]... Невозможно читать оных без крайнего отвращения и досады»[223].

Наконец, осенью 1795 г. в Риме должен был появиться еще один шведский памфлет, также направленный против Дж. Актона («Testament politique du général ministre Acton»), однако его публикация так и не состоялась, благодаря вмешательству нового полномочного министра Российской империи в Неаполитанском королевстве графа Ф.Г. Головкина (1795–1796 гг.), который по просьбе королевы написал испанскому послу в Риме Х.Н. де Азара, сумевшему отговорить Ф. Пиранези от публикации этого сочинения.

Графу Федору Гавриловичу Головкину (1766–1823 гг.), прибывшему в Неаполь 1 (12) июля 1795 г. и сменившему А.Я. Италинского во главе российской дипломатической миссии, предстояло действовать в очень сложной внешнеполитической обстановке. В 1795 г. речь шла не только о конфликте Неаполитанского королевства со Швецией: сама антифранцузская коалиция в этот период переживала тяжелый кризис. В то же самое время, когда был подписан англо-русский союзный договор (февраль 1795 г.), из состава Первой антифранцузской коалиции вышло Великое герцогство Тосканское. Вслед за ним покинула коалицию и Пруссия, заключив сепаратный мир в Базеле и официально признав Французскую республику (апрель 1795 г.) После смерти малолетнего французского короля Людовика XVII, в течение нескольких лет находившегося в

[222] [*Monti V.*] Lettera di Francesco Piranesi al Signor Generale D. Giovanni Acton. 1795. P. 3.

[223] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 242. Л. 17–17об.

заточении в Тампле (июнь 1795 г.), были фактически устранены последние формальные препятствия на пути к установлению мира между Францией и Испанией (мирный договор также был подписан в Базеле уже в июле 1795 г.) Неаполитанское королевство, хотя и оставалось в составе коалиции, участвуя в морской блокаде Генуи и военных действиях против французов на севере Италии[224], однако было вполне готово последовать примеру Тосканы: уже в мае 1795 г. Антонио Мишеру, неаполитанский дипломатический представитель в Венеции, вступил в переговоры с французским посланником, которые, однако, не имели никакого результата[225]. В то же самое время необыкновенно сложным было и внутреннее положение королевства, характеризовавшееся затяжным финансовым кризисом и продолжавшимся политическим процессом по делу Медичи. Все это требовало от дипломатического представителя государства – участника антифранцузской коалиции не только настойчивости, но и, в первую очередь, наблюдательности и осторожности. Граф Ф.Г. Головкин не обладал этими качествами: его неопытность, неразборчивость в связях, пренебрежение к церемониальным вопросам и стремление выйти за рамки собственных полномочий в конечном счете сыграли негативную роль, вызвав недовольство как со стороны неаполитанского двора, так и со стороны императрицы Екатерины II, отозвавшей его из Южной Италии и на несколько месяцев заточившей его в крепости Пернов[226] (расхожее представление о том, что главной причиной отзыва Головкина стали придуманные им куплеты, высмеивающие королеву Марию Каролину, восходит к

[224] *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Op. cit. P. 236–248.

[225] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 3–4; Там же. Д. 244. Л. 1–6.

[226] См.: *Агеев А.С.* Дипломатический скандал в эпоху Екатерины II: миссия графа Ф.Г. Головкина в Неаполе (1795–1796 гг.) // Клио. 2026. № 1 (229). С. 73–80.

швейцарскому знакомому графа Н. Шателену и совершенно не соответствует действительности[227]).

Граф Ф.Г. Головкин был представителем заграничной ветви рода Головкиных, эмигрировавшей из Российской империи в правление императрицы Елизаветы Петровны. Приехав в Санкт-Петербург в 1783 г., в течение нескольких лет он занимал чин камер-юнкера при дворе Екатерины II, а летом 1794 г., благодаря ходатайству фаворита императрицы графа П.А. Зубова, получил должность полномочного министра Российской империи при дворе короля Обеих Сицилий. Это назначение было получено им по его собственному желанию (впоследствии в своих мемуарах он писал: «Чтобы обеспечить себе гавань на случай будущих ураганов, я добился назначения посланником в Неаполь»[228]). Важно, что уже в это время среди своих знакомых по российской столице Головкин пользовался репутацией человека остроумного, но ненадежного и дерзкого (в июне 1795 г. член КИД граф А.И. Морков в письме графу А.К. Разумовскому охарактеризовал Ф.Г. Головкина как «дерзкого сумасброда, который хочет придать себе важность», добавляя: «Он в делах не имеет никаких сведений и ему нельзя верить»[229]).

Рескрипт императрицы Екатерины II графу Ф.Г. Головкину от 28 июля 1794 г., содержавший подробные наставления и предписания, стал первым подобным документом после инструкции КИД графу А.К. Разумовскому (1777 г.) Первая статья рескрипта была целиком посвящена характеру российско-неаполитанских отношений и касалась, прежде всего, взаимоотношений с Османской империей и проблем торговли. Важно отметить, что по первому вопросу российскому министру

---

[227] См.: Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain (avec une préface par William Reymond et «Notice» par N. Chatelain) // Revue Suisse. T. XXIV. Neuchâtel, 1861. P. 98; *Blondy A.* Marie-Caroline d'Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025. P. 218–219.

[228] *Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты и воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; предисл. и примеч. С. Боннэ; Сост., вступит. ст., подгот. текста, коммен. Д. Исмаил-Заде. М. 2003. С. 98.

[229] Там же. С. 99.

в Южной Италии в июле 1794 г. предписывалось предпринимать все возможные меры для того, чтобы не допустить участия неаполитанского двора в переговорах, касающихся двусторонних отношений санкт-петербургского двора и Османской Порты (речь шла, таким образом, ровно о том же, о чем спустя год через герцога ди Серракаприола было сообщено графу Г.К. Лудольфу). Видится целесообразным целиком привести фрагмент, затрагивающий обе вышеупомянутые проблемы: «1-е, дружба и сношение его [неаполитанского двора] с нами суть самые искренние, коих опыты познали мы в деятельных сего двора добрых услугах не только во время прошедшей войны нашей с Портою Оттоманской, но и в продолжении таковых же к нам дружеских оного расположений для развязки разных дел, в исполнении которых Порта поныне затруднялась в противность существующих с нею торжественных договоров наших, чиня нелепые требования, на которые тщетно ожидает нашего снисхождения. По мере умножающихся у нас с нею дел, важностию своею внимание наше заслуживающих, весьма статься может, что помянутый двор, следуя своему к нам доброжелательству, искать будет и более в оные входить, да и представлять вам станет готовность свою к содействию, посредством своего в Константинополе министра, в окончании тех, кои по сие время остаются нерешенными: но тут уж имеете вы ограничиваться в принятии токмо с признательностию и учтивостию сих оказательств доброхотства оного к интересам нашим, **воздерживаясь от всяких изъяснений, могущих вовлечь вас более, нежели мы желаем, в сношения с сим двором по делам нашим с Портою** [выделено мной – А.А.]. Впрочем имеем мы с оным Конвенцию о морском неутралитете и торговый трактат, в следствие которого заключены секретные декларации и на основании оных с нашей стороны дозволено подданным неаполитанским пользоваться флагом нашим для торговли их на Черном море; для вящего же в том пособия их дозволили мы, чтоб нужные пассы выдаваемы были им от нашего министра, в Неаполе пребывающего...»[230].

[230] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 237. Л. 15–16об.

Помимо этого, российский полномочный министр должен был сообщить неаполитанскому двору об «искреннем участии» императрицы Екатерины II в его делах и ее «чистосердечном сожалении» из-за новостей о заговоре 1794 года («...О чистосердечном сожалении, с которым Мы известились об открывшемся в самой столице неапольской пагубном заговоре против Их величеств короля и супруги его...»), а также поддерживать в неаполитанских Бурбонах решимость продолжать войну с Францией («Кстати можете вы тут подтвердить Их Величествам, что пребудем Мы непоколебимы в намерении нашем употребить зависящие от нас меры для прекращения зла, распространяющегося повсеместно от развратных правил французских, почитая дело сие общим всех Государей и надеясь, что Двор тамошний напряжет ныне и более силы свои к содействованию в оном прочим державам…»)[231] В последующих статьях рескрипта кратко излагалась сущность взаимоотношений Российской империи с другими европейскими государствами, включая Австрию, Пруссию, Великобританию, Голландию, Швецию, Данию, Испанию, Португалию и Османскую империю. Особое внимание уделялось Польше: Головкину было запрещено взаимодействовать со сторонниками Т. Костюшко, которые могли оказаться в Неаполе («Запрещаем Вам иметь какое-либо сношение с теми поляками, в месте Вашего пребывания живущими, кои исповедуя правила мятежнические, преданы известному бунтовщику Костюшке, престерегая все их поступки и связи, ко вреду интересов наших клонится могущие» [232]). В том случае, если в столице Неаполитанского королевства оказались бы находившиеся в эмиграции представители французского дома Бурбонов, Головкину было поручено «делать надлежащие в пользу их представления и заступление» [233] (важно подчеркнуть, что только этим и ограничивались полномочия графа Головкина по отношению к французским принцам).

---

[231] Там же. Л. 17об. –18.

[232] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 237. Л. 20об.

[233] Там же. Л. 18об.

До Неаполя граф Головкин добирался около года, и уже за это время попытался радикально выйти за рамки собственных инструкций: в Берлине он, по своему собственному утверждению, предложил прусскому королю схему нового раздела Польши[234], в Вене вступил в переговоры с австрийским двором за спиной российского посла графа А.К. Разумовского (чем вызвал недовольство с его стороны)[235], а в Венеции завязал связи с эмигрантским «веронским двором» графа Прованского Людовика-Станисласа-Ксавье, после смерти своего племянника Людовика XVII принявшего титул короля Франции Людовика XVIII. В течение последующих шести месяцев Головкин пытался играть роль посредника между французскими роялистами и Екатериной II, регулярно пересылая императрице письма графа Прованского, а также копии посвященных внутреннему положению Франции бюллетеней Луи Александра де Лоне графа д'Антрэга, знаменитого информатора нескольких европейских дворов, который в тот момент находился на испанской службе[236]. Знакомство Головкина с графом д'Антрэгом состоялось благодаря дружбе, которую российский министр завязал с испанским дипломатом в Венеции Симоном де Лас Касасом и Арагорри, входившим в ближний круг Людовика XVIII и пользовавшимся плохой репутацией в Неаполе (именно с Лас Касасом, в середине 1780-х гг. являвшимся посланником мадридского двора при дворе короля Обеих Сицилий, был связан громкий скандал 1785 г.) Еще более тесные связи граф Ф.Г. Головкин установил с испанским послом в Риме (1761–1798 гг.) кавалером Хосе Николасом де Азара (благодаря ему российский дипломат смог получить аудиенцию у Папы Римского). Важно отметить, что в Южной Италии кавалера де Азара также считали непримиримым противником неаполитанского

---

[234] *Головкин Ф.Г.* Указ. соч. С. 223–224.

[235] *Pingaud L.* Le comte Fédor Golovkine: D'après ses écrits publiés et inédits. Paris : Plon-Nourrit et Cie, 1905. P. 6.

[236] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 244. л. 23–24, 31–36, 44–45об. О графе д'Антрэге см.: *Митрофанов А.А.* Французский дипломат на русской службе. Миссии графа д'Антрэга в Венеции (1795–1797 годы) // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65. № 5. С. 140–153.

двора, а сама королева Мария Каролина в переписке с маркизом ди Галло и герцогом ди Серракаприола называла его не иначе как «мерзавцем (coquin, scelerat)»[237].

Близкие отношения с французскими роялистами и испанцами повлияли на восприятие графом Ф.Г. Головкиным политики союзников по антифранцузской коалиции, которое с самого начала отличалось критичностью (уже в мае 1795 г. из Венеции он писал императрице, ссылаясь на слова графа Прованского: «Он желает, чтобы Вы, Мадам, знали о том, что ничего не сравнится с вероломством и коварством его [британского кабинета] поведения по отношению к графу д'Артуа и храбрым армиям Вандеи…»[238]). Важно подчеркнуть, что лето – осень 1795 г. стали переломным моментом в истории французских роялистов, когда разочарование в союзниках среди наиболее видных представителей движения (в первую очередь в окружении Людовика XVIII) привело их к мысли о необходимости добиваться возвращения к власти во Франции в первую очередь политическими, а не военными методами[239]. Граф Ф.Г. Головкин фактически транслировал похожую позицию по отношению к участникам Первой антифранцузской коалиции и с самого начала особенно критично воспринял отказ европейских дворов (прежде всего Лондона и Неаполя) признать за графом Прованским титул короля Франции. Со временем критика Вены и Лондона со стороны графа Головкина стала еще более острой (хотя при этом российский министр старался поддерживать дружественные отношения с графом Эстерхази и У. Гамильтоном и даже принимал в своем посольском доме

---

[237] В письме маркизу ди Галло от 7 января 1794 г. Мария Каролина обвиняла испанского дипломата в публичном очернении неаполитанского двора: «La Gazette de Florence и этот мерзавец де Азара (ce coquin d'Azara) в Риме опубликовали ужасы против неаполитанцев» (Correspondance inédite de Marie-Caroline reine de Naples et de Sicile avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911. P. 10).

[238] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 244. Л. 4об. –5.

[239] См.: *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М. 2016. С. 244–328.

английских морских офицеров). Уже в октябре 1795 г., незадолго до своего отзыва Ф.Г. Головкин открыто обвинил Великобританию в отсутствии «лояльности» по отношению к итальянским государствам, а Австрию – в пассивности и стремлении в первую очередь сохранить свое влияние на Апеннинском полуострове: «С одной стороны Англия, которая, ошибаясь абсолютно во всем, как в планах, так и в выборе средств, которые могли бы содействовать их успеху, требует от короля [Фердинанда IV] постоянной помощи и лояльности (fidelité), при том что итальянские государства могут обвинить сам сент-джеймский кабинет в том, что он не являет примера ни в том, ни в другом. С другой стороны имперцы, которые постоянно терпя поражения (battus sans cesse) и на всех пунктах находясь в обороне, хотят сохранить влияние в Италии, которого они никогда не получат, держа 200 тысяч человек на своих собственных границах...» [240] . Не прекратил граф Ф.Г. Головкин и тесного общения с Х.Н. де Азара, несмотря на подписание франко-испанского мира в Базеле (более того, в депеше от 31 июля (11 августа) он фактически попытался оправдать испанскую политику, утверждая, что сепаратный мир с Францией являлся лишь следствием интриг дипломатического представителя Мадрида, не отражавшим реальные цели и интересы Испанской монархии[241]).

В целом граф Головкин часто проявлял политическую наивность и слабую осведомленность в делах (в одной из депеш он сам признавался, что является «новичком в политике»[242]). Один из наиболее ярких примеров – его донесение вице-канцлеру от 14 (25) августа 1795 г., в котором дипломат сообщил о получении из Рима «итальянского перевода бумаг процесса над заговорщиками в Швеции». Отметив, что это «сочинение, главная цель которого – нападки на российский двор», Ф.Г. Головкин с иронией предположил, что этот памфлет был создан Ф. Пиранези для того, чтобы «не ослаблять долгим молчанием свой талант в

[240] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 56об. Депеша графа Ф.Г. Головкина графу И.А. Остерману от 2 (13) октября 1795 г.

[241] Там же. Л. 23–25.

[242] Там же. Л. 9.

написании пасквилей»[243]. Между тем, в депеше Головкина речь, судя по всему, шла о самом первом шведском памфлете («Estratto degli atti principali che mettono in chiaro la causa di delitto di stato pendente nel Parlamento di Suezia»), который был прислан в Неаполь из Рима еще осенью 1794 г. Это свидетельствует о том, что новый российский полномочный министр слабо разбирался в истории конфликта между Швецией и двором, при котором он был аккредитован, – и это несмотря на то, что на тот момент при миссии еще находился советник посольства А.Я. Италинский, являвшийся свидетелем начала конфронтации между Неаполем и Стокгольмом и лично державший в руках экземпляр этого сочинения.

К критичным высказываниям Ф.Г. Головкина об участниках Первой антифранцузской коалиции, связям с испанским дипломатом и французскими роялистами осенью 1795 г. добавилась прямая конфронтация с неаполитанским двором (по странному совпадению конфликт Головкина с двором начался вскоре после отъезда из Неаполя советника посольства А.Я. Италинского, отправившегося в Триест под предлогом проблем со здоровьем). В депеше вице-канцлеру Остерману от 18 (29) сентября 1795 г. Головкин сообщил о ночном задержании своего лакея на улицах Неаполя и досмотре на таможне двух ящиков, отправленных ему из Ливорно (несколько вещей, в том числе немецкая книга «Almanac de la Révolution Française» [sic!] были, по словам дипломата, у него украдены). Расценив произошедшее как демонстрацию неуважения к российской императрице, граф Головкин намеревался добиться личных объяснений с королевой Марией Каролиной, а в том случае, если бы ему этого не позволили, придать делу максимально публичный характер («Удовлетворение, которое я хочу потребовать, состоит в том, чтобы таможенники и стражники пришли умолять меня о милости к ним короля [sic!], – я постараюсь, чтобы в этой церемонии участвовал кто-нибудь из иностранных министров» [244]). Депеши и реляции Ф.Г. Головкина вообще свидетельствуют о том, что он видел именно в королеве главное руководящее лицо

[243] Там же. Л. 33–33об.

[244] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 52об.

неаполитанской политики, хотя и не считал ее влияние на государственные дела устойчивым («Ситуация королевы ужасна, она одна несет всю тяжесть дел, не осмеливаясь никому довериться»[245], – писал он Екатерине II 18 (29) июля, а уже 4 (15) сентября сообщал: «Кредит Актона падает, также как и королевы» [246]). Впоследствии неаполитанский двор вменил в вину Головкину в том числе его стремление вести переговоры непосредственно с королевой в обход формальной дипломатической процедуры, которую сам граф назвал «ребячеством» (в октябре 1795 г. об этом сообщил герцогу ди Серракаприола Ф. Руффо князь Кастельчикала, с весны 1795 г. выполнявший обязанности главы департамента иностранных дел Неаполитанского королевства[247]).

Из собственных реляций графа Головкина императрице Екатерине II известно, что в начале октября 1795 г. он действительно потребовал личной аудиенции у королевы Марии Каролины, которой смог добиться только через посредничество Дж. Актона. Поводом к этому были слухи о Головкине, распускаемые при дворе женой британского посла и подругой королевы Эммой Гамильтон: она якобы приписала российскому дипломату оскорбительные слова о королевской фамилии («Король не умеет говорить, королева – себя держать, а их дети – себя вести (le Roi ne savait parler, ni la Reine se faire, ni leurs enfans se tenir)»), а также стремление «защитить якобинцев в Неаполе»[248]. В ходе разговора с Марией Каролиной, продолжавшегося около двух с половиной часов, Головкин потребовал от королевы защитить его от сплетен леди Гамильтон, а впоследствии подробно описал эту беседу в реляции императрице Екатерине II от 16 (27) октября 1795 г. Характерно, что в тот же самый день Головкин написал еще два документа: второе письмо императрице, в котором он ходатайствовал за свою семью, пострадавшую после вступления французских войск в Голландию, и сообщал слух из Турина о

[245] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 244. Л. 16об.

[246] Там же. Л. 27об.

[247] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 336. Л. 4.

[248] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 244. Л. 38об.

прибытии в Средиземное море русской эскадры[249], а также свою знаменитую короткую депешу графу И.А. Остерману, которая вслед за публикатором мемуаров Головкина С. Боннэ нередко ошибочно воспринимается исследователями как квинтэссенция дипломатической деятельности Головкина: «В этот раз я ограничусь поговоркой известного Монтеня, Я знаю, что я ничего не знаю [sic!]. Есть множество заграничных известий, которые Ваше Превосходительство лучше узнает другими путями, а из Неаполя мне остается лишь засвидетельствовать Вам свое почтение, с коим пребываю» [250] (в действительности эта депеша свидетельствует в первую очередь о разном отношении графа Головкина к донесениям, адресованным вице-президенту КИД, и реляциям на имя императрицы, в которых он, как правило, стремился придать своей деятельности более масштабный характер).

По-видимому именно это донесение императрице от 16 (27) октября с подробным описанием «размолвки» российского министра с Марией Каролиной стало главной причиной отзыва графа Ф.Г. Головкина из Неаполя, утвержденного депешей графа И.А. Остермана от 5 декабря 1795 г. («Головкина отозвали из Неаполя, потому что он осмелился наделать дерзостей неаполитанской королеве и потом написать ко мне длинное подробное письмо о том, что сделал»[251], – сообщала Екатерина II барону Гримму; известно также, что лаконичное донесение графа Головкина вице-канцлеру, написанное в тот же день, что и его письмо императрице, было получено в Санкт-Петербурге 29 ноября 1795 г.[252], т.е. за несколько дней до принятия решения о его отзыве). Важно подчеркнуть: к тому моменту дипломатом уже были недовольны в российской столице, о чем особенно ярко свидетельствует утвержденная императрицей депеша Головкину от вице-канцлера Остермана от 14 октября 1795 г.: «Из разных мест, чрез которые Ваше Сиятельство проезжали,

[249] Там же. Л. 42–43об.

[250] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 60.

[251] Цит. по: *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 86.

[252] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 61об.

доходили сюда известия, что Вы не наблюдали в разговорах и обхождениях своих приличной званию Вашему скромности и осторожности, равномерно получены здесь ныне подробные известия и из Неаполя, где Вы пороча утверждении и поступки тамошнего правительства находились с людьми, противных правил здешней системе держащимися»[253]. Вряд ли в Санкт-Петербурге было позитивно воспринято и ходатайство Головкина в пользу польского эмигранта Михала Чацкого (Michal Czacki), который на Гродненском сейме 1793 года выступал с критикой российского посла, а оказавшись в эмиграции, обратился за помощью к российскому полномочному министру в Неаполе, опасаясь, что в Российской империи могло быть принято решение о распродаже его имущества[254] (по всей видимости, это был тот самый Михал Чацкий, который в 1788–1791 гг. был подчашим коронным и черниговским послом на «четырехлетнем» Сейме и входил в состав Депутации иностранных дел Сейма[255]).

Таким образом, именно действия самого Головкина, расходившиеся с его официальными инструкциями, и его собственные донесения императрице стали главной причиной его отзыва (спустя несколько месяцев (20 марта 1796 г.) вице-канцлер коротко резюмировал во время конференции с герцогом ди Серракаприола: «По собственному побуждению [Екатерина II] изволила решиться отозвать от их двора такого Министра, которой поступками своими, совершенно противными данным ему повелениям, навлек на себя их неудовольствие»[256]). Одновременно с письмами Головкина в конце ноября – начале декабря 1795 г. в Санкт-Петербурге были получены и документы с жалобами неаполитанского двора, адресованные неаполитанскому посланнику при российском дворе. Среди них было письмо короля Фердинанда IV от 6 октября 1795 г., в котором российский полномочный

---

[253] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 245. Л. 4.

[254] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 38об. –39.

[255] *Шмигельските-Стукене Р.* Михал Клеофас Огинский: политик, дипломат, министр. Минск, 2015. С. 71.

[256] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 906. Л. 50–50об.

министр был охарактеризован следующим образом: «Лучше всего, чтобы она [Екатерина II] захотела удалить отсюда этого непревзойденного сумасброда и открытого якобинца (ce fou effrené et jacobin declaré)»[257] Речь в приложенных документах шла, в первую очередь, об «экстравагантном поведении» Головкина: его стремлении напрямую взаимодействовать с королевой в обход официальных процедур; требовании разрешить ему ношение мушкета в лесах Портичи, чтобы иметь возможность защищать себя от «мерзавцев (coquins)»; конфликтах из-за задержания слуги и досмотра ящиков на таможне (при этом оба инцидента описывались неаполитанской стороной в невыгодном по отношению к графу Головкину свете).

Некоторые из жалоб носили политический характер. Так, в одной из бумаг, которая была собственноручно скопирована герцогом ди Серракаприола, содержались следующие строки: «Мы больше не можем положиться на российского министра графа Головкина. Он буйнопомешанный (un frenetique), которому больше ничего нельзя доверить. Это человек, который, не взирая на связи между дворами, говорил ужасные вещи об Австрийском доме и многое – в пользу Прусского; он находит друзей среди французов и, в особенности, среди испанцев, в лице г-на Азара в Риме и среди людей схожего сорта. Он находит врагов в англичанах, критикуя и опровергая все, что от них исходит»[258]. В качестве подтверждения «политических» обвинений неаполитанской стороной были приложены копии перлюстрированных писем Ф.Г. Головкина и Х.Н. де Азара от 6 и 9 октября, намекавших не только на скорое заключение неаполитанским двором мира с Французской республикой, но и на вероятность вооруженного конфликта между неаполитанской эскадрой и испанским флотом (в ответ на ироничные слова Головкина о «нежелании» короля говорить по-французски испанский посол писал: «...должно надеяться, что он все же не разучится на нем читать, по крайней мере тогда, когда будет подписывать договор о мире с Французской республикой,

[257] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 336. Л. 1об.

[258] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 336. Л. 10.

который для него хоть кто-нибудь да испросит...», после чего в заключительной части письма сообщил о вероятном соединении части французской Тулонской эскадры с испанским флотом в Картахене, указывая на неаполитанскую эскадру как на одну из их предполагаемых целей: «Будет невероятно забавно видеть, как сражаются неаполитанская и испанская эскадры…»[259])

Для королевы Марии Каролины связи Головкина с «недругом» неаполитанского двора кавалером де Азара уже были достаточным основанием для критики. В Головкине она видела в первую очередь «марионетку» испанского дипломата, о чем написала Екатерине II сразу после его отзыва («вероломные советы, которые он получил в Риме прежде, чем появиться здесь, и которым ему нравилось следовать, чтобы запятнать правительство и тем самым содействовать видам мерзавца (scelerat), взявшего над ним опеку»[260]). Спустя несколько месяцев, в записке на французском языке, приложенной к письму герцогу ди Серракаприола от 19 мая 1796 г. (в котором Мария Каролина назвала Головкина «человеком лживым и опасным (il uomo bugiardo e pericoloso)»[261]), королева детально описала участие Ф.Г. Головкина в истории с неопубликованным памфлетом Ф. Пиранези, обвинив российского дипломата не только в попытке помимо ее воли наладить отношения между ней и кавалером де Азара, но и в фактическом участии в деле Армфельта на стороне, противной интересам Неаполя и Санкт-Петербурга: «Он верил, что таким способом можно заставить меня примириться с мерзавцем Азарой (un scélerat, comme Azara), сокрыть доказательства (éviter les prouves), ныне выясненные, [планирующегося] убийства Армфельта, в дополнение ко всему, что он сделал для этой клики, и прельстить меня посредством страха перед этим пасквилем»[262]. Более того, Мария Каролина утверждала о причастности Головкина к созданию этого памфлета, наряду с Пиранези и де Азара: «Головкин был

[259] Там же. Л. 46–47.

[260] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 59. Л. 3.

[261] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 195. Л. 258, 262.

[262] Там же. Л. 259–259об.

осведомлен об этом труде, его отравленное перо даже оставило на нем некоторый след (il y a mis même quelque trait de sa plume envenimée), однако он упросил своего друга Азара никогда его в нем не упоминать для того, чтобы не оказаться скомпрометированным» [263] . Таким образом к обвинениям в «экстравагантном поведении», нежелательных связях с испанским послом в Риме и расположениях, противных «общему делу», были добавлены утверждения о непосредственном участии Головкина в публичном «очернении» неаполитанского правительства, а также о его сомнительной роли в деле Армфельта – Пиранези, идущей в разрез как с неаполитанской, так и с российской политикой по отношению к Швеции (как показывают депеши самого Головкина, никаких симпатий к Ф. Пиранези он в действительности не испытывал).

Наконец, наиболее серьезным обвинением в адрес Ф.Г. Головкина было его «якобинство» и связи с недовольными. В данном случае ярлык «якобинца», конечно, ни в коем случае не соответствовал действительности (напротив, российский дипломат был последовательным противником Французской революции и искренним сторонником французских роялистов). При этом важно отметить, что восприятие графом Ф.Г. Головкиным «якобинской угрозы» в Неаполе кардинальным образом отличалось как от официальной позиции двора, так и от того, как ее описывали его предшественники (граф П.М. Скавронский и особенно А.Я. Италинский). В отличие от них граф Ф.Г. Головкин относился к неаполитанским революционерам достаточно несерьезно и с присущей ему иронией, что ярко проявилось во многих его донесениях (к примеру, 28 августа (8 сентября), информируя вице-канцлера об аресте маркиза де Серра из семейства Караффа, Головкин сообщил о том, как несколько дам убедили его, что «для того, чтобы быть остроумным (homme d’esprit), надлежит быть фрондером»[264]). Исходя из этого, репрессивные меры неаполитанского правительства российский полномочный министр считал неоправданно жестокими и чрезмерными,

[263] Там же. Л. 260

[264] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 35об.

неоднократно отмечая в своих донесениях, что следовало бы «снести несколько голов», а всех остальных помиловать [265] . Подобная оценка неаполитанских якобинцев серьезно расходилась с официальной риторикой и неизбежно должна была усложнить взаимоотношения российского полномочного министра с неаполитанским двором, который любую критику в свой адрес воспринимал как доказательство приверженности «якобинским максимам» (при этом, как следует из более поздней собственноручной записки графа Головкина императрице Екатерине II, в круг его общения в Неаполе действительно входили молодые люди, недовольные политикой неаполитанских Бурбонов: в частности, при отъезде графа в январе 1796 г. расплатиться с кредиторами ему помог молодой аристократ Лучо Караччоло, герцог ди Роккаромана [266] , впоследствии участвовавший в Неаполитанской революции 1799 г.[267])

Несерьезное отношение Головкина к «якобинской угрозе», его неосторожное поведение, критичность по отношению к неаполитанскому двору и союзникам по коалиции, а также характер поддерживавшихся им связей – все это привело к тому, что к началу 1796 г. дипломат фактически превратился в Неаполе в persona non grata, оказавшись изолированным от двора и местной аристократии, что заставило его самостоятельно просить отзыва у императрицы Екатерины II (при этом важно отметить, что к этой мере он прибегнул уже после того как по городу разнесся слух о его отзыве). В депеше вице-канцлеру графу И.А. Остерману от 13 (24) января, отправленной с надежным лицом, Головкин писал: «Здесь необходим министр, который способен переносить интриги и дерзости или тот, который умеет их делать (Il faut ici un ministre qui souffre les intrigues et les impertinences, ou un qui en sache faire)» [268] . В этом же донесении российский полномочный министр подверг жестокой критике австрийского и британского послов, обвинив их в

[265] Там же. Л. 49об.

[266] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 251. Л. 22об.

[267] *Sani V.* 1799. Napoli. La rivoluzione. Venosa: Osanna, 1999. P. 221.

[268] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 252. Л. 6.

несамостоятельности и подчиненности королеве и первому министру («подчиняется приказам Ее Величества королевы», «является слепым агентом г-на Актона»)[269]. По собственному признанию Головкина, от еще большего ухудшения его положения и от возможной расправы над ним со стороны населения столицы (воспринимавшего его как «друга заговора, готового разразиться в Неаполе») полномочного министра спасло появление в городе А.Я. Италинского (15 (26) января), который, будучи в Триесте и собираясь воспользоваться положенным ему годовым отпуском, получил депеши КИД об отзыве Головкина, после чего был вынужден вернуться в Южную Италию. Передав все дела миссии А.Я. Италинскому, назначенному новым поверенным в делах, граф Ф.Г. Головкин покинул Неаполь 19 (30) января 1796 г.

Оказавшись за пределами королевства, бывший полномочный министр первым делом попытался оправдаться перед императрицей Екатериной II. 9 (20) февраля он направил ей из Рима большую оправдательную записку на сорока листах с характерным заголовком: «История или Исторический обзор (Histoire ou Historique) Миссии Графа Федора Головкина при неаполитанском дворе в 1795 и 1796 гг. Конфиденциальная и секретная рукопись, вверенная милости Ее Величества Императрицы Екатерины, и только ей (Seule)»[270]. В своей записке, как и в более ранних письмах к императрице, написанных в январе, Головкин обвинил в своих злоключениях неаполитанский двор и лично королеву Марию Каролину, которая, как утверждал дипломат, сначала захотела приблизить его к себе, а встретив с его стороны сопротивление, решила дискредитировать и «уничтожить». Немало критики содержалось в этом тексте в адрес как первого министра Дж. Актона, объединившегося с королевой, чтобы «погубить» российского посланника, так и жены британского посла леди Эммы Гамильтон, якобы завидовавшей успеху супруги Головкина при неаполитанском дворе и боявшейся потерять свое влияние

[269] Там же. Л. 6об.

[270] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 251. Л. 8–50. Текст записки Головкина в 1905 г. был полностью опубликован Л. Пинго: *Pingaud L.* Op. cit. P. 12–36.

на королеву. Особого внимания заслуживает то, как Ф.Г. Головкин в своей записке описал деятельность Государственной судебной комиссии (Giunta di Stato), созданной для разбирательства по делу дона Луиджи де Медичи. Фактически дипломат в документе, адресованном Екатерине II, позволил себе открытую критику репрессивной политики неаполитанского двора, назвав судебную комиссию «Джунтой, созданной под предлогом заговора, которого никогда не существовало, для того чтобы оправдать самую ужасную из инквизиций»[271]. В другом месте этой же записки, ссылаясь на слова самой королевы, Головкин назвал единственной причиной ареста Л. де Медичи политические интриги Актона[272] (как уже отмечалось, это, в целом, вполне соответствовало действительности).

Характерно, что и после отъезда Ф.Г. Головкина правительство Неаполя продолжало направлять жалобы в Санкт-Петербург, обвиняя бывшего полномочного министра Российской империи в злонамеренном сговоре с целью дестабилизации ситуации в королевстве: «Разные подозрительные люди собирались в доме графа Головкина, где особливо юношество раздражаемо было против королевских особ, при отъезде же Головкина (который в своей нескромности хвалился, что всех состояний недовольные в его зависимости) положено надежными средствами продолжать впредь сношения и переписку с Головкиным: сверх того известно, что граф Кассини в Риме [российский генеральный консул] вместе с Азарою также согласились с Головкиным, чтоб нашим Государям сколь возможно причинить беспокойство»[273]. Еще более жесткими были обвинения в адрес камердинера Головкина, которые должны были доказать, что, находясь в Неаполе, российский дипломат закрывал глаза на распространение и выражение откровенно революционных идей. 5 февраля 1796 г. князь Кастельчикала сообщал герцогу ди Серракаприола: «Камердинер (le valet de

[271] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 251. Л. 13

[272] Там же. Л. 28–28об.

[273] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 195. Л. 22об. Копия депеши князя Кастельчикала герцогу ди Серракаприола, 5 апреля 1796 г.

chambre) упомянутого графа открыл в его собственном посольском доме, прямо перед глазами своего господина, клуб для подобных ему же иностранцев, в котором часто кричали “Да здравствует нация! (Vive la Nation!)”»[274]

Весной 1796 г. неаполитанское правительство попыталось насильственно оборвать переписку, существовавшую между четой Головкиных и их неаполитанскими корреспондентами. Барон Будберг, капитан российской службы, пробывший в Неаполе около двух недель (в ходе Гран-тура) и в течение этого времени показавший себя, по утверждению А.Я. Италинского, «человеком чести (homme d’honneur)»[275], был 1 марта 1796 г. задержан неаполитанским военным отрядом на границе с Папским государством и подвергся обыску, в ходе которого у него было «весьма суровым и оскорбительным образом» изъято несколько писем[276], среди прочих – четыре письма от неаполитанских дам, адресованные супруге Ф.Г. Головкина Наталии Петровне (в том числе письмо от маркизы ди Корлето, дочери принца Франца Ксавера Саксонского), в которых, как писал Кастельчикала герцогу ди Серракаприола, не только критиковались королевские особы, но и «оскорбительными словами изображена была радость о имеющемся способе говорить об них явным образом»[277].

Следствием этого обыска на границе стало не только разбирательство неаполитанских монархов с собственными подданными, осмелившимися писать о них столь «дерзким» образом (в частности, маркизе ди Корлето ее письмо к Головкиной было возвращено самой королевой Марией Каролиной, специально пригласившей ее для этого во дворец[278]), но и требование удовлетворения со стороны российского поверенного в делах. Узнав о задержании и обыске капитана Будберга от российского генерального консула в Риме графа Кассини,

[274] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 339. Л. 2об.

[275] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 40.

[276] Там же. Л. 25–25об.

[277] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 195. Л. 13об.

[278] Там же. Л. 14–14об.

А.Я. Италинский направил протест неаполитанскому министерству. В ответ князь Кастельчикала попытался уверить российского поверенного в делах в том, что подобная процедура является стандартной для всех пересекающих границу, а изъятия писем не последовало бы, если бы поведение Будберга не показалось осторожному неаполитанскому офицеру чересчур подозрительным[279]. Между тем, уже следующее письмо от Кассини убедило Италинского в том, что неаполитанскому офицеру, задержавшему Будберга, был дан совершенно конкретный и «недвусмысленный» приказ («l'ordre exprès»), который с самого начала предполагал изъятие у российского подданного бумаг, «представляющих опасность для государства»[280]. Получение этих сведений заставило Италинского вторично потребовать от князя Кастельчикала удовлетворения. Неаполитанское же правительство в жалобе Италинского увидело следствие враждебных инсинуаций со стороны графа Кассини и кавалера де Азара, стремившихся «причинять беспокойство» неаполитанскому двору[281].

В конечном счете конфликт был разрешен в Санкт-Петербурге. Получив от князя Кастельчикала информацию о произошедшем и сделав соответствующее сообщение сотрудникам КИД, герцог ди Серракаприола попытался в ходе устной конференции представить случившееся следствием козней графа Головкина, стремившегося сеять раздоры с помощью «злонамеренных переписок (cattive correspondenze)»[282]. Российское руководство пошло дипломату навстречу, и все претензии по отношению к действиям неаполитанского правительства были сняты. 12 (23) мая 1796 г. граф А.И. Морков адресовал герцогу ди Серракаприола записку, в которой подчеркивалась заинтересованность императрицы в сохранении дружественных отношений с Их Неаполитанскими Величествами, выражением которых явились как отзыв Ф.Г. Головкина, так и предписание графу Кассини «быть

[279] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 26.

[280] Там же. Л. 39об.

[281] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 339. Л. 6.

[282] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 194. Л. 707–708.

невероятно деликатным и осторожным во всем, что касается интересов неаполитанского двора, и не участвовать ни в чем, что злой умысел мог бы изобрести для того, чтобы причинить им вред»[283]. Уже через несколько дней герцог ди Серракаприола написал королеве: «Прошу Ваше Величество во всех разных статьях записки графа Моркова заметить несомненный знак благорасположения Императрицы и Ее Министерства содействовать с их стороны и Вашему спокойствию; ибо здешний двор при других случаях в делах подобных же не легко себя уверял…»[284]

Еще один несомненный факт, который важно отметить, состоит в том, что как неаполитанские коронованные особы, так и их министерство, самым жестоким образом критикуя действия графа Ф.Г. Головкина и даже позволяя себе грубое нарушение прав российских подданных (в случае с задержанием и обыском барона Будберга), при всяком удобном случае беспрестанно подчеркивали свою заинтересованность в сохранении дружественных расположений со стороны Российской империи. Это выражалось и посредством писем со словами благодарности в адрес Екатерины II (так, 19 января 1796 г., в день отъезда Головкина из Неаполя, королева написала герцогу ди Серракаприола: «Я не могу Вам изобразить моей признательности и обязанности к Императрице за благосклонный образ, которым она нас избавила от Головкина, молодого легкомысленного человека (giovine sconsigliato), который чрезвычайною своею неосторожностию мог бы поколебать и доброе согласие, которое я всегда вяще утвердить, а не расстроить желаю между Императрицею и нами» [285]). Это выражалось и посредством самых лестных отзывов и знаков внимания в адрес А.Я. Италинского, который в первые месяцы 1796 г. выступил в роли своего рода «антипода» графа Головкина. Король в письме герцогу ди Серракаприола, требуя отзыва Головкина, назвал советника посольства «достойным Италинским (le digne

[283] Там же. Л. 706–706об.

[284] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 194. Л. 727–727об.

[285] Там же. Л. 31об.–32.

Italinsky)»[286], князь Кастельчикала в январе 1796 г. писал тому же герцогу ди Серракаприола, что назначение Италинского поверенным в делах оценивается Его Величеством как «новый знак дружбы Императрицы к себе, потому что Г. Италинский здешнему Правительству приятен, ибо он своим поведением всегда привлекал к себе уважение и личное благоволение Их Величеств и их Министерства»[287]. Наконец, и сама королева проявила к российскому поверенному в делах особое внимание, выраженное в публичной манере. 22 января (2 февраля) 1796 г. А.Я. Италинский писал в депеше графу Остерману: «В прошедшее воскресенье [17 (28) января, т.е. через два дня после приезда в Неаполь] был я в опере в придворном театре; по прибытии в оный Их Величеств со всею Их Королевской Фамилиею Ее Величество, увидев меня в Министерской ложе, изволила прислать Церемониймейстера Кавалера Мачедония поздравить меня с приездом и изъявить о сем удовольствие Ее в весьма милостивых изражениях»[288]. Кажется не случайным, что эпизод, описанный Италинским, произошел в придворном театре, пространстве, игравшем для монархии неаполитанских Бурбонов особую символическую и репрезентативную роль[289].

Весной – осенью 1796 г. ситуация в Италии изменилась кардинальным образом. В ходе военной кампании, открывшейся в апреле 1796 г., французский генерал Наполеон Бонапарт принудил к миру с Французской республикой короля Пьемонта, разбил австрийские войска в нескольких крупных сражениях, навязал тяжелые условия перемирия Папе Римскому. Испания за это же время успела вступить в союз с Францией (договор в Сан-Идельфонсо, 18 августа 1796 г.) и объявить войну Великобритании (октябрь 1796 г.)[290].

---

[286] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 336. Л. 1.

[287] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 194. Л. 26об. – 27.

[288] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 7–7об.

[289] *Сальца Л.* Неаполь. От барокко к Просвещению. М., 2017, С. 256–257; *Барбье П.* Празднества в Неаполе: Театр, музыка и кастраты в XVIII веке. СПб., 2018, С. 130–131.

[290] *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994, P. 162–163.

Российский поверенный в делах при неаполитанском дворе А.Я. Италинский внимательно наблюдал за развитием событий на Апеннинском полуострове, каждую неделю направляя графу И.А. Остерману подробные депеши. В них он касался не только военных событий на севере Италии, но и положения дел в самом Неаполитанском королевстве, описывая лихорадочные попытки правительства решить тяжелый финансовый кризис, провозглашение карательных мер и смертной казни для всякого, кто войдет в сношения с неприятелем, наконец, стремление заручиться поддержкой духовенства и сделать войну с французами привлекательной в глазах населения, объявив французов «врагами христианства» [291] . Одновременно с этим Италинский отмечал, во-первых, стремление многих, и особенно дворянства, к заключению мира с Французской республикой [292] , а, во-вторых, попытки самого неаполитанского правительства вступить в мирные переговоры с французами[293]. В итоге эти попытки увенчались успехом: 5 июня 1796 г. неаполитанским представителем князем Бельмонте было подписано перемирие с генералом Бонапартом[294] (узнав новость о перемирии в начале сентября 1796 г., герцог ди Серракаприола на конференции с И.А. Остерманом попытался представить целью заключения перемирия стремление выиграть время «для приготовления всевозможных сил», что, однако, абсолютно не соответствовало действительности[295]). Из ставки Наполеона князь Бельмонте направился в Париж, где после долгих и непростых переговоров, на фоне угрозы со стороны Испании, продолжавшегося краха австрийских войск и ожидавшегося ухода британского флота из Средиземного моря 10 октября 1796 г.

---

[291] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 68. Из воззвания короля Фердинанда IV к духовенству от 18 мая 1796 г.

[292] Там же. Л. 52об.; Там же. Д. 250. Л. 11об.

[293] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 57–58об.

[294] *Acton H.* Op. cit. P. 293–294.

[295] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 906. Л. 209–209об. Протокол конференции герцога ди Серракаприола и графа И.А. Остермана, 9 сентября 1796 г.

был подписан мирный договор между Французской республикой и Неаполитанским королевством, достаточно мягкий по своим условиям (ратификация состоялась в конце ноября 1796 г.)[296]

Слухи о заключении мира дошли до Италинского уже в конце октября 1796 г. В депеше от 28 октября (8 ноября) 1796 г. он сообщал графу И.А. Остерману: «В прошедшую субботу имел я случай быть у генерала Актона и, пользуясь расположениями его ко мне, просил сказать, чему приписывать должно распространившийся из Франции слух оный о мире»[297]. В ходе последующей беседы первый министр королевства подробно ознакомил Италинского с ходом переговоров в Париже, обстоятельствами, заставившими неаполитанское правительство согласиться на заключение договора и его ожидаемыми условиями[298]. Наконец, в начале ноября 1796 г. в Неаполе стало известно о подписании договора, а еще через месяц, в начале декабря, – о принятии французской Директорией королевской ратификационной грамоты. 3 (13) декабря 1796 г. А.Я. Италинский писал вице-канцлеру графу И.А. Остерману: «Таким образом пресеклась здесь война, и произшествие сие было предметом благодарственного пения, которое имелось в воскресенье поутру в придворной церкве. В тот же день принц Кастельчикала письменным сообщением известил весь дипломатический корпус о мире. Я вместе с сообщением получил два на французском и италиянском языке напечатанных экземпляра трактата»[299].

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на официальный выход из войны, уже спустя неделю неаполитанское правительство, обеспокоенное как действиями французов в Италии, так и предполагаемыми враждебными намерениями Испании в отношении Сицилии, недвусмысленно дало понять российскому поверенному в делах о желании вступить в «тройственный союз»

---

[296] *Acton H.* Op. cit. P. 298.

[297] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 86об.–87.

[298] Там же. Л. 87–93об.

[299] Там же. Л. 109об.

Российской империи, Австрийской монархии и Великобритании (в депеше от 9 (20) декабря 1796 г. А.Я. Италинский писал: «Министерство считает спокойствие и целость Государства сего зависящими от помощи и заступления России, Австрии и Англии. Я совершенно удостоверен, что при первом способном случае всевозможное употреблено будет старание, дабы Его Неапольское Величество принят был в соучастие союза, между помянутыми Державами счастливо пребывающего»[300]). К тому времени, благодаря депешам и реляциям герцога ди Серракаприола, в Неаполе были хорошо осведомлены как о ходе переговоров британского и австрийского министров с КИД, так и о подготовке по указу Екатерины II шестидесятитысячного корпуса для ведения боевых действий против французской армии совместно с австрийскими войсками[301] (при этом важно отметить, что наибольшее значение неаполитанское правительство, конечно, придавало помощи со стороны англичан и австрийцев, в одной из депеш А.Я. Италинский передавал мнение, господствовавшее при неаполитанском дворе: «Королевство сие не может быть в безопасности иначе как посредством всегдашнего пребывания в Италии императорской армии, а в Средиземном море аглинской ескадры»[302]).

В те же дни в Неаполе были получены также известия от герцога ди Серракаприола о переговорах в Санкт-Петербурге между Россией и Швецией, посвященных выработке условий будущего союзного договора и проекта династического брака между королем Густавом IV и великой княжной Александрой Павловной (бракосочетание, в итоге, так и не состоялось из-за расхождения в вопросе о религии невесты). Российско-шведское сближение, а также пребывание в Санкт-Петербурге как регента, так и самого шведского короля, способствовали постепенному улаживанию конфликта между Неаполем и Стокгольмом. Первым, кто обратился к герцогу ди Серракаприола с предложением «предать забвению

[300] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 113об.

[301] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 194, Д. 195.

[302] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 95об.–96

прошлое», был шведский дипломат в Санкт-Петербурге барон К. фон Стединк (правда, при этом он фактически отказался гарантировать неаполитанской стороне требуемое удовлетворение в виде отзыва из Италии Пиранези). Впоследствии курс на примирение на символическом уровне был подтвержден и самим шведским королем, нанесшим неаполитанскому посланнику в России официальный визит. Хотя санкт-петербургский двор официально не брал на себя никакой посреднической роли, проблема примирения между Неаполем и Швецией осенью 1796 г. неоднократно обсуждалась на конференциях между графом И.А. Остерманом и герцогом ди Серракаприола[303] (окончательно противоречия между Швецией и Неаполитанским королевством были улажены только после отзыва дипломатических полномочий у Пиранези в январе 1798 г.)

В декабре 1796 г. в Неаполе стало известно и о другом событии, обещавшем серьезные перемены на международной арене: 6 (17) ноября 1796 г. от апоплексического удара скончалась российская императрица Екатерина II. Еще до получения официального извещения от российского двора король Фердинанд IV приказал объявить месячный траур (12 (23) декабря). Только через два дня, 14 (25) декабря 1796 г. российский поверенный в делах А.Я. Италинский получил из Санкт-Петербурга известительную грамоту о смерти императрицы и вступлении на престол императора Павла I и в тот же день передал ее неаполитанскому монарху (через секретаря по иностранным делам князя Кастельчикала)[304]. В ответе на извещение и собственноручное письмо Павла I король Фердинанд IV выразил «самое истинное участие в горе Его Величества Императора Павла I» и высказал надежду на сохранение между двумя дворами связей, основанных на «истинном и искреннем понимании, дружбе и гармонии (vera e cordiale intelligenza, amicizia ed armonia)»[305].

---

[303] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 906. Л. 208–211об. Протокол конференции герцога ди Серракаприола и графа И.А. Остермана, 9 сентября 1796 г.

[304] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 115об.

[305] Там же. Л. 116об.

В первой половине 1790-х гг. Неаполитанское королевство продолжало играть во внешней политике Российской империи объективно периферийную роль. Основные направления сотрудничества между двумя государствами, сформировавшиеся в предшествующее десятилетие (взаимодействие с Османской Портой и регулирование морской торговли в соответствии с договором 1787 г.), в этот период сохранили свою актуальность. При этом важно отметить, что в середине 1790-х гг. санкт-петербургский двор сумел настоять на невмешательстве неаполитанской дипломатии в вопросы, касавшиеся двухсторонних российско-османских отношений (в 1794 г. это требование было включено в рескрипт новому российскому полномочному министру при дворе короля Обеих Сицилий, а в 1795 г. было передано и неаполитанскому посланнику при Османской Порте).

Новым фактором международных отношений стала революция во Франции. Для Российской империи она представляла угрозу не только идеологического, но и, прежде всего, стратегического характера. С лета 1792 г. французское революционное правительство взяло курс на провоцирование новой Русско-турецкой войны и оказание поддержки польским инсургентам. С большой тревогой в российской столице воспринимали и франко-шведское сближение, наметившееся уже к весне 1793 г. Противостоя Французской республике и оказывая поддержку французским роялистам, Екатерина II активно пыталась вовлечь в борьбу с Францией малые европейские дворы, в том числе и Неаполитанское королевство (следует отметить, что многие действия неаполитанского правительства, связанные с борьбой против Франции в Восточном Средиземноморье и дипломатическим противостоянием со Швецией из-за «дела Армфельта» фактически соответствовали интересам Российской империи и находили поддержку со стороны санкт-петербургского двора, а улучшение взаимоотношений Российской империи со Швецией к осени 1796 г. способствовало и постепенному улаживанию шведско-неаполитанского конфликта). При этом глобально средиземноморский регион (за исключением Константинополя и балканских провинций Османской империи) не входил в сферу непосредственных интересов Российской империи, что де-факто

было зафиксировано в одной из статей российско-британского союзного договора (февраль 1795 г.)

Крах дипломатической миссии российского полномочного министра в Неаполе графа Ф.Г. Головкина (1795–1796 гг.), вызванный в первую очередь его личными качествами и политической неопытностью, никак не повлиял на взаимоотношения между двумя дворами. Роль конкретной личности оказалась малозначительной по сравнению с системной логикой развития связей между государствами. Объяснить это можно, с одной стороны, реалистичным характером и прагматизмом внешней политики императрицы Екатерины II, с другой – все той же периферийностью Неаполитанского королевства (сложно представить себе ситуацию, в которой граф Ф.Г. Головкин, с его неопытностью и негативной репутацией в Санкт-Петербурге, мог бы быть назначен на более ответственный дипломатический пост в Северной или Центральной Европе).

1.3. Российско-неаполитанские дипломатические связи в первые годы правления императора Павла I: от мирных инициатив до заключения союзного договора (1796–1798 гг.)

Первые два года правления императора Павла I ознаменовались радикальной переменой внешнеполитического курса Российской империи: от отказа участвовать в военном конфликте с Францией и стремления к осуществлению посредничества на переговорах об «общем мире» к активному участию в складывании Второй антифранцузской коалиции и отправке русских войск и эскадр для поддержки своих союзников в вооруженной борьбе с Французской республикой. Решающими эти два года оказались и в истории российско-неаполитанских отношений: если в 1797 г. российский двор настаивал на соблюдении Неаполитанским королевством строгого нейтралитета, то уже в декабре 1798 г. между двумя дворами был заключен союзный договор, предполагавший отправку русских войск в Южную Италию.

Для того, чтобы понять, как подобная перемена стала возможной, представляется необходимым детально проанализировать историю развития

российско-неаполитанских дипломатических отношений в 1797–1798 гг., рассматривая их на фоне глобальных перемен, происходивших в это время в Европе. При этом кажется важным использовать «двойную оптику», обращая внимание как на деятельность российского полномочного министра в Неаполе, сообщавшего в Санкт-Петербург об этих переменах, так и на то, как эти же изменения на международной арене оценивались неаполитанским посланником при российском дворе герцогом ди Серракаприола.

Вступление на престол императора Павла I было воспринято в европейских столицах по-разному. Если французское правительство связывало с воцарением нового монарха надежду на будущее примирение с Российской империей[306], то в Лондоне и Вене реакция, напротив, была негативной: министр иностранных дел Австрийской монархии барон Ф.М. Тугут, считая смерть Екатерины II «роковым событием», опасался усиления в Санкт-Петербурге прусского влияния[307], а премьер-министр Великобритании У. Питт-младший жаловался лорду Дандасу на то, что от нового императора «в любом случае не приходится ждать много хорошего (I am afraid much good is not in any case to be expected from the new Emperor)»[308]. Скептицизм по отношению к фигуре нового монарха, представление о том, что он неизбежно дистанцируется от тройственного союза и откажется от оказания помощи своим союзникам были характерны в этот момент не только для политического руководства Великобритании и Австрии, но и для их

[306] См.: *Bailleu P.* Preussen und Frenkreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. V. 1, Leipzig, 1881, P. 450–451; Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы / сост., вступ ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. Т. 1, М., 2014, С. 347–352.

[307] Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österr. Ministers des Äussern: Beiträge zur Beurtheilung der politischen Verhältnisse Europas in den Jahren 1792–1801. V. 1, Wien, 1872, S. 371–372.

[308] *Hague W.* William Pitt the Yonger. New York, 1995, P. 325.

дипломатических представителей в Санкт-Петербурге (Л. Кобенцеля и Ч. Уитворта[309]).

Антонино Мареска герцог ди Серракаприола, неаполитанский полномочный министр при российском дворе, воспринял восшествие императора Павла I на престол совершенно иначе. С самого начала он был склонен идеализировать личность и «здравую политику» нового самодержца, подчеркивая преемственность его политического курса по отношению к политике покойной Екатерины II и указывая на готовность Павла I во имя «всеобщего блага» поддерживать своих союзников в борьбе с Французской республикой [310] . Получив аудиенцию у российского императора в Зимнем дворце 1 (12) февраля 1797 г. и вручив новые кредитивные грамоты, герцог ди Серракаприола имел с Павлом I и его супругой Марией Федоровной короткую беседу, которая должна была свидетельствовать о глубокой личной заинтересованности императорской четы в укреплении отношений с неаполитанским двором (в письме королеве Марии Каролине от 3 (14) февраля 1797 г. герцог ди Серракаприола писал: «Августейший император вступил со мной милостиво в разговор, в котором не токмо изъявил желание обнаружить с своей стороны таковые же расположения к Его Королевскому Величеству, но и видеть всегда более утвержденным союз обоих дворов… Чрез все время разговора Государыня дала приметить, сколь для нее драгоценно продолжение дружбы с августейшими нашими монархами, будучи лично удостоверена в искренности их намерений…» [311]) В том же письме неаполитанской королеве герцог ди Серракаприола следующим образом охарактеризовал внешнеполитическую

---

[309] *Александренко В.* Император Павел I и англичане (извлечение из донесений Витворта) // Русская старина, Т. XCVI. № 10. 1898. С. 95.

[310] См.: *Агеев А.С.* «Да хранит Бог столь великого и здравомыслящего монарха!»: император Павел I и его политический курс глазами неаполитанского дипломата (по материалам перлюстрации) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2025. Вып. 126. С. 34–48.

[311] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 196. Л. 459об.–460об.

программу нового самодержца: «Могу лишь утвердить Ваше Величество в том превосходном мнении (ottima opinione), которое у Вас сформировалось об этом монархе на основе его политических мнений и, что не менее важно, его превосходных принципов; не знаю, что можно добавить к уже сообщенным Вам известиям о чистоте чувств (purità dei sentimenti), которая во всем является основой его действий, в особенности в деле поддержания системы тройственного союза (specialmente per sostenere il sistema adottato nella triplice Alleanza)… Как и Ваше Величество, я уверен в том, что благодаря этой системе, принятой Его Императорским Величеством, можно будет увидеть обеспеченным будущее успокоение Европы (una solida futura tranquillitá in Europa), а тем более в том, что от этого императора можно с уверенностью ожидать замирения, основанного на почетном и твердом мире для его августейших союзников (una pace onorevole e solida per i suoi augusti alleati)… Знаю, что он находит согласными с его мнением Ваши идеи о безопасности Европы и что в вашем образе мыслей видит собственный свой (che vede nella vostra maniera di pensare la Sua)»[312].

Император Павел I действительно не отказался от помощи своим союзникам, однако в 1796–1797 гг. эта помощь должна была носить исключительно дипломатический характер (отказу от участия в войне с Францией способствовали в том числе тяжелый кризис российской финансовой системы и остро ощущавшаяся новым императором потребность во внутренних реформах). На внешнюю политику Российской империи повлияли также и перемены на международной арене, положившие конец существованию Первой антифранцузской коалиции: в апреле 1797 г. Австрийская монархия заключила с Французской республикой прелиминарный мир в Леобене, после чего в течение практически всего года в Удине и Кампо-Формио продолжались мирные переговоры между французским генералом Бонапартом и австрийскими дипломатическими представителями (среди них был и неаполитанский дипломат в

[312] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 196. Л. 477–477об.

Вене М. Мастрилли маркиз ди Галло, которому Дж. Актон поручил поднять на переговорах вопрос о т.н. «защитном барьере (barriera di difesa)» для Неаполитанского королевства в Центральной Италии, то есть де-факто о расширении неаполитанской территории за счет папских владений[313]). В течение 1797 г. российская дипломатия, идя навстречу просьбам из Лондона и Вены, неоднократно предлагала свое посредничество на мирных переговорах с Французской республикой. В июне 1797 г. в Берлине даже открылись российско-французские переговоры, посвященные перспективам возобновления отношений и возможности соучастия Российской империи в установлении «общего мира» (важно отметить, что произошло это одновременно с началом франко-британских мирных переговоров в Лилле). Эти переговоры, однако, с самого начала столкнулись с серьезной трудностью: стороны по-разному понимали их цель. Российская сторона настаивала на первостепенной важности соглашения о посредничестве на переговорах об «общем мире», в то время как основным условием французской стороны было возобновление российско-французского торгового договора 1786 года[314]. В сентябре 1797 г. роковую роль сыграло получение в Санкт-Петербурге известий о захвате французами Ионических островов на Адриатике и аресте российского консула на о. Занте, а также о произошедшем в Париже военном перевороте 18 фрюктидора (4–5 сентября 1797 г.), уничтожившем последние надежды на мирный приход к власти роялистов. В конечном счете переговоры как в Берлине, так и в Лилле были прекращены. Уже 9 (20) октября 1797 г. герцог ди Серракаприола, внимательно наблюдавший за российской внешней политикой, сообщил в Неаполь об уверениях (assicurazioni), сделанных санкт-петербургским двором британскому посланнику Ч. Уитворту об

---

[313] *Ilari V., Crociani P., Boeri G.* Le Due Sicilie nelle guerre napoleoniche (1800–1815). T. I (1800–1806). Roma, 2008. P. 8–9.

[314] Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. VII–IX.

отправлении будущей весной 12 русских кораблей на соединение с британским флотом в том случае, если война продолжится[315].

При этом важно отметить, что в 1796–1797 гг. дипломатия императора Павла I не ограничивалась переговорами о российском посредничестве. Важную роль в ней с самого начала играли идеологические мотивы. Подобно своей матери, новый самодержец негативно относился к принципам Французской революции и был готов оказывать деятельную поддержку французским роялистам (уже в июле 1797 г. он пригласил на территорию Российской империи эмигрантский корпус принца Конде, ранее находившийся на австрийской службе [316]). Абсолютно новым явлением стало особое внимание Павла I к рыцарскому Ордену Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийскому ордену). В результате переговоров между полномочным министром Ордена графом Дж. Р. Литта и новым вице-канцлером князем А.Б. Куракиным 4 (15) января 1797 г. была подписана конвенция об учреждении Ордена Св. Иоанна Иерусалимского на территории Российской империи[317].

Как следует из депеш Дж. Р. Литты, адресованных великому магистру Э. де Рогану, неаполитанский полномочный министр герцог ди Серракаприола оказал делу Мальтийского ордена в России серьезную поддержку, способствовав успеху переговоров (в депеше от 19 (30) декабря 1796 г. Литта писал, что А. Мареска, хотя и не является членом ордена, но «преисполнен усердия и доброй воли быть оному полезен»[318], а в депеше от 7 (18) января, просил великого магистра не только

---

[315] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 196. Л. 512об.–513.

[316] *Бовыкин Д.Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе. Письмо Павла I принцу Конде (3 августа 1797 г.) из фондов Национального архива Франции // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 7 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2006. С. 77–86.

[317] *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013, С. 155–162.

[318] Депеши графа Литты, посланника мальтийского ордена в С. Петербурге, писанные в конце 1796 г. и в начале 1797 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. СПб.,1868. С. 205.

вручить герцогу ди Серракаприола знак ордена, но и пожаловать ему «магистральное командорство в королевских Неаполитанских владениях»[319] – весной 1798 г. неаполитанский полномочный министр действительно стал мальтийским кавалером, получив Большой мальтийский крест из рук императора Павла I во время торжественной церемонии в Зимнем дворце[320]). Подобная заинтересованность и активное участие неаполитанского дипломата в делах Мальтийского ордена не представляют собой ничего удивительного: в соответствии с политической традицией именно король Обеих Сицилий обладал верховным суверенитетом над островами Мальта и Гоцо, в то время как рыцари Ордена Св. Иоанна Иерусалимского пользовались ими как феодом (эта традиция восходила к 1530 г., когда остров на правах узуфрукта был передан во владение ордена императором Карлом V). В качестве представителя верховного суверена Мальты герцог ди Серракаприола еще 28 декабря 1796 г. адресовал КИД ноту, содержавшую выражения благодарности и признательности от имени короля за «учреждение Мальтийского ордена в России»[321]. Обращает на себя внимание высокая идеологическая оценка, которую неаполитанский посланник дал Мальтийскому ордену как институту, основанному на принципах, радикально противоположных максимам французских революционеров: «Благодеяния Его Императорского Величества, поддерживающие существование и блеск столь достославного ордена, составленного из элиты европейского дворянства, в то же самое время усиливают принципы, которые являются фундаментальным основанием безопасности Тронов и Монархий»[322]. Таким образом действия Павла I в пользу Мальтийского ордена уже в конце 1796 – начале 1797 г. тесно связывались герцогом ди Серракаприола с делом антифранцузской коалиции.

---

[319] Там же. С. 215.

[320] Церемония награждения была подробно описана герцогом ди Серракаприола в депеше маркизу ди Гало от 26 марта (6 апреля) 1798 г.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 198. Л. 16–19.

[321] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 338. Л. 2–2об.

[322] Там же. Л. 2об.

Внешнеполитическая программа первого года царствования императора Павла I нашла свое отражение в рескрипте новому полномочному министру Российской империи при неаполитанском дворе. Им стал граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс (1773–1836 гг.), сын генерал-адъютанта В.П. Мусина-Пушкина, камергер при дворе великого князя Александра Павловича (с 1793 г.), в то время находившийся со своей супругой Е.А. Брюс в путешествии по Европе. Почему именно он был определен на эту должность – сложный вопрос. Г.А. Сибирева предполагала, что это назначение могло быть задумано еще императрицей Екатериной II, благоволившей супруге графа, или же решение принадлежало самому Павлу I, который мог стремиться к удалению из России приближенных своего старшего сына [323] . В отличие от двух предыдущих полномочных министров в Неаполе, граф Василий Валентинович не получил свою новую должность благодаря ходатайству влиятельных фаворитов, а если предположение Г.А. Сибиревой о мотивах Павла I справедливо, то назначение Мусина-Пушкина было очень похоже на назначение самого первого российского посланника в Неаполе графа А.К. Разумовского (для которого оно фактически стало продолжением почетной ссылки).

Высочайший именной указ о назначении В.В. Мусина-Пушкина-Брюса полномочным министром в Неаполь был подписан 15 января 1797 г.[324] Практически через месяц, 9 (20) февраля 1797 г. императором Павлом I был подтвержден рескрипт новому посланнику, содержавший подробные инструкции[325], которые позволяют судить о главных принципах и целях, принятых новым императором и находившейся под его контролем КИД.

---

[323] *Сибирева Г.А.* В.В. Мусин-Пушкин-Брюс – дипломат, масон, меценат // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007, № 18. С. 268.

[324] Там же.

[325] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 1–4об. Рескрипт был составлен 1 февраля 1797 г. (ст. ст.), конфирмован 20 февраля и лишь 1 марта передан кавалеру О'Хара, новому посланнику Российской империи на Мальте, который должен был передать его В.В. Мусину-Пушкину.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что рескрипт, утвержденный Павлом I, во многом продолжал политическую линию его матери. За основу «павловских» инструкций был взят рескрипт Екатерины II графу Ф.Г. Головкину от 28 июля 1794 г.: новые статьи, в которых речь шла об отношениях Российской империи с иностранными державами, постоянно отсылают к соответствующим статьям старого документа, да и самому В.В. Мусину-Пушкину было предписано воспринимать рескрипт Ф.Г. Головкину как руководство к собственным действиям: «В рассуждении аккредитования Вашего и церемониальных обрядов вообще Вы найдете все потребные предписания в инструкции предместника Вашего, которой первая статья равным образом служить имеет к наставлению Вашему относительно связи нашей с Неапольским двором…» [326] . Таким образом сохраняла свою актуальность практически вся первая статья инструкций Головкину, в которой речь шла о развитии торговли и запрете на взаимодействие с неаполитанским двором по вопросам российско-османских отношений.

Кардинально отличалось от «екатерининского» рескрипта только продолжение этой статьи, посвященное взаимодействию с неаполитанским двором в деле противостояния Французской республике. Если «екатерининский» рескрипт 1794 г. предписывал полномочному министру склонять неаполитанский двор к поддержке борьбы против Франции («надеясь, что Двор тамошний напряжет ныне и более силы свои к содействованию в оном прочим державам»)[327], то предписания 1797 г. требовали от короля Обеих Сицилий соблюдения строгого нейтралитета: «По заключению мира его [неаполитанского двора] с мнимою Французскою Республикою само собой разумеется, что повеления в сей статье изображенные о побуждении Его Сицилиянского Величества к сильнейшему содействованию прочим державам, против мятежников воюющим, не имеет уже места, но долг Ваш подтвердить при удобном случае желание наше, чтоб Неапольский двор не отступался от правил совершенного беспристрастия в наблюдении настоящего Его

[326] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 1об. – 2.

[327] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 237. Л. 17об.–18.

неутралитета…»[328] С одной стороны, это было следствием учета объективных изменений на международной арене. С другой стороны, это положение инструкции не вполне соответствовало пожеланиям самого неаполитанского правительства о соучастии в тройственном союзе, которые были переданы Дж. Актоном российскому поверенному в делах А.Я. Италинскому еще в декабре 1796 г., а в Санкт-Петербурге стали известны 25 января (5 февраля) 1797 г. Как кажется, требование соблюдения неаполитанским двором нейтралитета и «совершенного беспристрастия» свидетельствует в первую очередь о заинтересованности российского императора в установлении «общего мира» (и – главное – о его надежде на то, что этот мир мог быть установлен в ближайшее время).

Обращает на себя внимание еще одно существенное отличие рескрипта 1797 г. от документа трехлетней давности: «екатерининский» рескрипт более прагматичен, суть его сводится к перечислению конкретных рекомендаций и конкретных внешнеполитических обстоятельств, с которыми новый российский министр в Южной Италии должен был сообразовывать свою деятельность; «павловский» же рескрипт, также содержавший конкретные практические рекомендации (многие из которых напрямую отсылали к рескрипту 1794 г.), только этим не ограничивался: в нем была предпринята попытка подвести под внешнюю политику Российской империи общие основания, представить ее как выражение политической системы, основанной на незыблемых принципах, главными из которых являлись правосудие, умеренность и верность международным обязательствам («Относительно общей нашей политической системы умеренность и правосудие составляют основание оной. Вы можете преподать Министерству Его Сицилиянского Величества утвердительнейшее уверение, что святость договоров наших с союзниками пребудет ненарушимою, что мы готовы с ними соблюдать обязательства наши, по колику оные ими уважаемы будут»[329]). Кажется, что именно в этом стремлении противопоставить сугубо прагматичной «реальной» политике,

[328] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 2.

[329] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 3–3об.

связываемой с предшествующим царствованием, новый политический курс, основанный на верховенстве абстрактных благих принципов, заключается одна из наиболее своеобразных черт павловского царствования. В соответствии с этими принципами «павловский» рескрипт фактически «освящал» систему союзов, сложившуюся в последние годы правления Екатерины II. Разница между соответствующими статьями обоих рескриптов минимальна и заключается лишь в том, что документ 1797 г. объективно «зафиксировал» перемены, произошедшие в российской внешней политике за последние несколько лет («С двором Венским и Берлинским сохраняется дружеское сношение, и все те обязательства, о коих в той инструкции упомянуто»[330]; «К 4й [статье] остается только присовокупить, что дружеская наша связь с Лондонским двором утверждена в 1795 году союзным оборонительным трактатом, к коему приступил Римский император»[331]).

В рескрипте 1797 г. В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу предписывалось, во-первых, доносить обо всем, что «внимание… заслуживать может» (прибегая по необходимости к «цифирным ключам»), во-вторых, «во всяких затруднительных случаях советовать об общих мерах с союзными министрами, дабы они одинаковы были»[332]. Таким образом, главные задачи, ставившиеся императором и Коллегией перед новым полномочным министром при неаполитанском дворе, были следующими: с одной стороны, осведомлять о положении дел в Южной Европе; с другой, деятельно поддерживать политический курс Российской империи, краеугольным камнем которого должна была стать верность союзническим обязательствам по отношению к другим европейским державам.

В марте 1797 г. В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, находившийся в Вене, получил от кавалера О’Хара бумаги о своем назначении. Ситуация, в которой тогда находилась Австрийская монархия, была критической: к началу апреля 1797 г. аванпосты армии Наполеона Бонапарта находились менее чем в 150 милях от австрийской столицы,

---

[330] Там же. Л. 2.

[331] Там же. Л. 2–2об.

[332] Там же. Л. 3об.–4.

вследствие чего венский кабинет был вынужден пойти на заключение прелиминарного мирного договора с Французской республикой[333].

Тяжелые военные обстоятельства весны 1797 г. заставили Мусина-Пушкина отложить свой отъезд из Вены (в депеше вице-канцлеру от 28 апреля 1797 г. он подчеркивал: «Желание мое всегда было как можно скорей достигнуть места, мне назначенного, однако ж я себя видел принужденным до сей поры в Вене промедлить, чтоб не подвергнуть себя опасности попасть в руки к французам»[334]). В марте 1797 г., обратившись к А.Я. Италинскому с просьбой предоставить «сведения, в нынешнем положении Италии нужные для учреждения пути… сюда»[335], Мусин-Пушкин получил от российского поверенного в делах известие о готовящемся прибытии в Триест неаполитанской эскадры для доставления в столицу Королевства Обеих Сицилий двадцатилетней австрийской эрцгерцогини Марии Клементины, предназначенной в жены для Франческо, герцога Калабрийского, наследника неаполитанского престола. Италинскому удалось без особого труда исходатайствовать для Мусина-Пушкина разрешение короля на проезд до Неаполя вместе со свитой эрцгерцогини[336]. Отправившись в Италию вместе со свитой невесты наследного принца и высадившись в Манфредонии, В.В. Мусин-Пушкин-Брюс прибыл в Неаполь лишь 14 (25) июня 1797 г.[337], после чего принял от А.Я. Италинского все дела и архив посольства и уже на следующий день письменно уведомил князя Кастельчикала о своем приезде[338]. Первая аудиенция у короля состоялась только через две недели, 29 июня (10 июля) 1797 г.,

---

[333]*Roider K.* Baron Thugut and Austria's response to the French Revolution. Princeton University Press, 1987, P. 236–245.

[334]АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 258. Л. 2.

[335]Там же. Л. 24–24об. Из депеши А.Я. Италинского вице-канцлеру КИД, 10 (21) марта 1797 г.

[336] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 258. Л. 24об., Л. 26.

[337] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 3.

[338] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 3об.

после того как двор вернулся из Фоджии (куда королевская чета ездила для того, чтобы встретить эрцгерцогиню Марию Клементину)[339].

Как и раньше, деятельность российского полномочного министра в Неаполе, при котором важную роль по-прежнему играл опытный и влиятельный советник посольства А.Я. Италинский, в основном ограничивалась сбором информации об обстановке в Центральном Средиземноморье и содействием российско-неаполитанской торговле[340].

Внутреннее положение Неаполитанского королевства в 1797–1798 гг. оставалось тяжелым, несмотря на заключение мира с Францией. Это было связано как с продолжавшимися финансовыми проблемами, которые с каждым месяцем только усугублялись, так и со страхом неаполитанского двора перед французской армией, господствовавшей в Северной Италии. Как справедливо указывала Г.А. Сибирева, В.В. Мусин-Пушкин не питал никаких иллюзий относительно реального положения дел и имел смелость откровенно сообщать императору о плачевной ситуации, которую он мог наблюдать собственными глазами[341]. Уже в одной из своих самых первых реляций дипломат писал: «Если предопределено, чтобы Его Неапольское Величество нашелся в необходимости военными силами защищать себя и подданных своих от вероломных затей французских, необходимость такая может родить страшные следствии. Недостаточное число армии, скудость в деньгах, нынешняя преклонность италиянского народа к

---

[339] Там же. Л. 22–22об.

[340] В 1797–1798 гг. В.В. Мусин-Пушкин дважды выдал неаполитанским подданным разрешение на поднятие российского флага и один раз по просьбе российского консула А. Манзо ходатайствовал перед королем в пользу венецианского судна, которое прибыло из Николаева с грузом пшеницы, принадлежавшим купцу Ивану Боромиссе, и не было допущено в порт Мессины по решению «Мессинской комиссии здравия» из-за известия о «моровой язве» в Константинополе (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 26–26об., 94–95об., Д. 263, Л. 25–25об.).

[341] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 101.

французам откроют Бонапартию краткой и удобный путь во внутренность Королевства сего»[342].

Страх неаполитанского двора перед французской угрозой, также как и отказ императора Павла I от установления «общего мира» дипломатическими средствами во многом были спровоцированы действиями самой Французской республики, в 1797–1798 гг. последовательно усиливавшей свое военно-политическое присутствие в Центральной и Южной Европе.

Французская экспансия в средиземноморском регионе началась в июне 1797 г. с оккупации Ионических островов, ранее принадлежавших Венецианской республике (17 октября 1797 г. Ионические острова были официально признаны частью Франции в соответствии с австро-французским мирным договором в Кампо-Формио)[343]. Это серьезно нарушало равновесие сил на Адриатике, угрожая не только безопасности неаполитанского двора (который и сам какое-то время претендовал на контроль за островами и даже вел об этом переговоры в Париже), но также и российским стратегическим интересам в Восточном Средиземноморье. 4 (15) августа 1797 г. российский полномочный министр в Неаполе граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс передал императору Павлу I информацию о предполагаемых дальнейших планах Французской республики: «Подано Директории сочинение, которого писатель советует ей стараться отнять у англичан торг с Россиею и употребить на такой конец следующие средства: присвоить Франции навсегда все Венециянские острова; сверх того склонить Порту Оттоманскую, чтоб она уступила ей один из островов, такой которого положение находится среди Архипелага; заставить ее позволить французским судам свободной проход чрез пролив, соединяющий Белое [Мраморное] с Черным морем и вольную

[342] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 8об.–9

[343] О захвате французами Ионических островов, их отношениях с местным населением и осуществлявшихся ими реформах см.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 32–47.

на сем торговлю… Директория вознамерилась следовать советам сим»[344]. Уже в следующей реляции (11 (22) августа) В.В. Мусин-Пушкин сообщил об аресте французами российского консула на о. Занте Д. Загурисского («Объявлено ему, что он почитается военнопленным»[345]). Важно отметить, что в Санкт-Петербурге обе реляции В.В. Мусина-Пушкина были получены в середине сентября 1797 г. (реляция об аресте Загурисского была получена 16 сентября), а уже 17 сентября 1797 г. Павел I приказал посланнику в Берлине Н.П. Панину прервать переговоры с французским министром А.-Б. Кайяром[346]. Кажется очевидным, что в Санкт-Петербурге с серьезным беспокойством было воспринято не только известие об аресте консула (вместе с полученными в те же дни новостями о перевороте 18 фрюктидора), но и, прежде всего, сведения о решимости французов закрепиться на Ионических островах для того, чтобы использовать их как плацдарм для давления на Порту, в перспективе угрожая русской черноморской торговле.

С этого момента российская дипломатия проявляла к французскому присутствию в Центральном и Восточном Средиземноморье особое внимание. Начиная с осени 1797 г. российский полномочный министр при неаполитанском дворе регулярно передавал императору Павлу I и КИД основанную на официальных известиях и слухах информацию о планах французов «революционизировать» Балканы и организовать возмущение местного населения против султанской власти. В конце октября 1797 г. Мусин-Пушкин утверждал, что французы, заняв Корсику после ухода с острова британцев, отправили на Балканы неких «корсиканских греков» для разжигания восстания против Порты[347], спустя месяц со слов некого «морейского грека» сообщал о готовности населения Майны

[344] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 44–45.

[345] Там же. Л. 49

[346] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852, Т. I. С. 378.

[347] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 84–84об.

к восстанию[348], а в январе 1798 г. писал о стремлении французов завладеть «всем южным краем Европы, по Средиземному морю простирающимся» и предпринимаемых ими мерах, в частности – об отправке в Морею с тайной миссией француза и грека, везущих с собой 14 миллионов ливров для разжигания восстания[349].

Угроза со стороны французов не ограничивалась только аннексией Ионических островов. В соответствии с восьмой статьей Кампо-Формийского договора (17 октября 1797 г.) австрийский монарх официально признавал Цизальпинскую республику, организованную Наполеоном Бонапартом в Северной Италии[350], которую в Неаполе воспринимали как угрозу. При этом, вопреки надеждам неаполитанского двора, этот трактат не предоставил никаких гарантий безопасности для итальянских государств (в реляции от 3 (14) ноября 1797 г. В.В. Мусин-Пушкин передавал настроения, царившие в столице королевства: «Думают, что трактат, подписанный в Удине, не составляет для Италии ни малейшего защищения от предприятий, которые против Ея Франция за благо признает учинить, и которых никогда не может быть иной предмет как разорение»[351]). Особенно критично о Кампо-Формийском мире в своей официальной и частной переписке осенью 1797 г. высказывался неаполитанский полномочный министр в Санкт-Петербурге герцог ди Серракаприола, считавший его ярчайшим проявлением недальновидности и эгоизма Австрийской монархии

---

[348] Там же. Л. 98–99.

[349] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 263. Л. 19–19об.

[350] Traité de Campo-Formio entre la République française, représentée par Napoléon Bonaparte, et l'Autriche, représentée par Martius Mastrilli, Louis de Cobenzl, Maximilien de Mervelot et Ignace de Degelmann. Campo-Formio, le 26 vendémiaire an VI // AF/III/59/235/1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.siv.archives–nationales.culture.gouv.fr/siv/rechercheconsultation/consultation/ir/consultationIR.action?irId=FRAN_IR_055193&udId=A1_45&details=true&gotoArchivesNums=false&auSeinIR=true (дата обращения: 15.03.2026).

[351] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 91.

(которая по условиям договора не только признала Цизальпинскую республику и французский контроль над Ионическими островами, но и сама завладела материковыми владениями Венеции, а также землями в Истрии и Далмации). В одном из писем графу Г.К. Лудольфу, сообщая о недовольстве императора Павла I условиями Кампо-Формийского мира, «противного прямой манере его мышления», герцог ди Серракаприола рассуждал о грядущих неприятных последствиях официального признания Цизальпинской республики, называя среди них в том числе угрозу создания аналогичных республик на территории Османской империи («Мне кажется, что французы сделают все для того, чтобы возмутить турецкие земли, населенные греками»[352]).

Именно в несостоятельности мира в Кампо-Формио, никак не обезопасившего итальянские земли от французской угрозы, герцог ди Серракаприола видел главную причину событий, произошедших в начале 1798 г. на территории Римской области: в январе 1798 г. в Риме при поддержке французских войск была свергнута власть Папы, а 15 февраля 1798 г. состоялось официальное провозглашение Римской республики[353] (в письме Лудольфу от 16 (27) марта А. Мареска писал: «Вот они, результаты мира в Кампоформидо [sic!], где все было сделано и обдумано для расширения (acrescimento) венского двора, и ничего – для безопасности Италии и поддержки Империи»[354]). Папское государство издавна воспринималось в Неаполе как щит, заслонявший северную границу Неаполитанского королевства от иностранного вторжения (по меткому выражению

---

[352] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 196. Л. 184. Из письма герцога ди Серракаприола графу Лудольфу от 15 (26) ноября 1797 г.

[353] В.В. Мусин-Пушкин описывал эти события «по горячим следам», подробно рассказывая в своих донесениях Павлу I о содержании прокламации генерала Бертье (и приложив ее копию), создании конституционной комиссии, размерах наложенной французами контрибуции и секвестировании имущества британских, российских и португальских подданных как представителей государств, находившихся в состоянии войны с Францией (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 263. Л. 32–34).

[354] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 361об.

короля Обеих Сицилий безопасность его владений обеспечивалась «отлучением (scomunica)» [угрозой отлучения] и «соленой водой (acqua salata)», то есть особым статусом Папского государства и морскими просторами [355]). Теперь северный защитный барьер рухнул, и на границах королевства появилась враждебная по отношению к неаполитанским Бурбонам Римская республика, на территории которой были размещены французские войска. Разумеется, это обстоятельство не могло быть воспринято в Неаполе иначе как с большой тревогой (российский полномочный министр В.В. Мусин-Пушкин свидетельствовал об этом в зашифрованной реляции от 6 (17) февраля 1798 г.: «Их Неапольские Величества почитают оное [событие] чрезвычайно опасным, представляя себе, что Генерал Бертие имеет повеление открыть со временем неприятельские действия против государства сего, находятся в великом страхе и беспокойстве» [356]). Прямым следствием расширения французского влияния до границ Неаполитанского королевства стало решение неаполитанского двора о сближении с Веной и Лондоном. Уже в начале марта 1798 г. неаполитанским дипломатическим представителям в Англии и Австрии (герцогу ди Кампокьяро и маркизу ди Чирчелло) были направлены полномочия на ведение переговоров о военной гарантии [357], а 8 (19) мая 1798 г. был подписан оборонительный союз между Неаполитанским королевством и Австрийской монархией [358]. Как это ни парадоксально, в то же самое время Неаполь смог извлечь выгоду из краха Папского государства, на переговорах с Францией добившись присоединения к своей

---

[355] *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 110.

[356] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 263. Л. 30–30об.

[357] *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. II. La guerra peninsulare. Roma, 2001. P. 723–728.

[358] *Martens G.F.* Recueil des principaux Traités d'Alliance, de Paix, de Tréve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. conclus par les puissances de l'Europe. Tome VI. 1795–1799. Gottingue, 1829, P. 456–458.

территории Понтекорво и Беневенто, анклавов Папского государства в Южной Италии, которые были оккупированы неаполитанской армией в апреле 1798 г. (неаполитанский дипломат в Париже командор Руффо, следуя идее создания защитного барьера в Центральной Италии, вообще выступал за «округление» северной границы королевства за счет бывших папских владений, однако это предложение было отвергнуто маркизом ди Галло, в январе 1798 г. занявшим должность секретаря королевства по иностранным делам вместо князя Кастельчикала[359]).

В мае 1798 г. новым поводом для беспокойства как в Неаполе, так и в Санкт-Петербурге стали известия о подготовке во французских портах эскадры для Секретной экспедиции, истинная цель которой (Египет) оставалась на тот момент неизвестной. Поначалу российский полномочный министр в Неаполе В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, основываясь на циркулировавших в Южной Италии слухах, указывал, что вероятные цели будущей экспедиции – Сицилия и Мальта[360], однако впоследствии новые сведения, в том числе полученные от информатора, связанного с французским посольством, заставили дипломата предположить, что французский флот собирается напасть на Северное Причерноморье (в реляции от 4 (15) мая 1798 г. Мусин-Пушкин писал о том, что его информатор видел на столе секретаря французского посольства Лашеза «большую весьма обстоятельную рукописную карту Тавриды, на которой разные поставлены знаки, особливо у Очакова, Кинбруна, Севастополя, Балаклавы, Кафы, Тамана и Азова», а также о том, что «в субботу посланы Лашезом через Корфу многие письма в черноморские российские и турецкие города. Одно из них надписано было в Херсон, но после другая наложена надпись не известно в какое место; что посольство сие имеет также корреспондентов в Санкт-Петербурге…»[361]) В последующих реляциях В.В. Мусин-

[359] *Gin E.* Op. cit. P. 86–87.

[360] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 263. Л. 71–73. Реляция В.В. Мусина-Пушкина от 27 марта (7 апреля) 1798 г.

[361] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 264. Л. 3об. –4об.

Пушкин-Брюс, основываясь на сведениях от неаполитанского двора, уже без малейших сомнений утверждал, что французский флот направляется в Салонический залив, и главная его цель – «уничтожение султанской власти во всех его европейских областях»[362], а в донесении от 30 мая (10 июня) 1798 г. вообще соединил воедино угрозу «революционизирования» Балкан с польским вопросом и возможностью разжигания восстания в Северном Причерноморье («Посаженное на суда в Тулоне и в других гаванях войско назначено Директориею в Турецкие Области; командующий оным Генерал Бонапарте должен... уничтожить власть Султанскую... во всех провинциях смежных с областями Его Величества Римского императора. По вопоследовании такого произшествия предписано Бонапартию стараться об открытии себе пути в Польшу. Когда все сие случится по желанию Директории, тогда учинено будет со всех сторон нападение на земли Австрийские... Дабы Государь сей не мог от назначенного Ему жребия избавлен быть сильным и страшным Франции оружием Вашего Императорского Величества, имеет Бонапарте приказание от Директории всячески трудиться произвесть возмущение в землях Империи Вашего Величества приближенных к Черному и Азовскому морю…»[363]) Вплоть до получения точных известий о высадке армии Бонапарта в Александрии (о чем в Неаполе стало известно лишь в середине августа 1798 г.) Мусин-Пушкин продолжал писать о стремлении французов «открыть себе путь в Малую Азию», завладев Хиосом и Кандией [364], и даже захватить Константинополь [365], зачастую черпая информацию из передаваемого ему содержания разговоров между сотрудниками французского посольства в Неаполе (которые, очевидно, и сами были не в курсе реальных целей экспедиции генерала Бонапарта).

[362] Там же. Л. 31об.

[363] Там же. Л. 31об. –32об.

[364] Там же. Л. 37.

[365] Там же. Л. 72об.

В июне 1798 г. Наполеон Бонапарт захватил Мальту, уничтожив власть над островом Ордена Св. Иоанна Иерусалимского (протектором которого с конца 1797 г. являлся российский император Павел I), а в начале июля 1798 г. высадился с армией в Египте. Прямым следствием французской агрессии против этой территории, формально являвшейся провинцией Османской империи, стали российско-османские переговоры о заключении оборонительного союза. Уже в конце августа 1798 г. было принято решение отправить на Адриатику объединенную российско-османскую эскадру под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова, которая должна была действовать против французских войск на Ионических островах. Тогда же, летом 1798 г. произошло еще несколько событий, имевших важное значение в контексте складывания Второй антифранцузской коалиции: санкт-петербургский двор согласился на просьбу Вены о военной помощи (июль – август 1798 г.), а в ходе англо-русских переговоров был окончательно решен вопрос о британском займе в обмен на «вспомогательную армию» из 60 тысяч русских солдат (август 1798 г.) [366] Сообщая своим корреспондентам о ходе этих переговоров, неаполитанский дипломат герцог ди Серракаприола наибольшее значение придавал именно фигуре императора Павла I и его «твердым принципам», фактически противопоставляя российскую политику политике Австрии (в тот момент особые опасения у неаполитанского дипломата вызывали затянувшиеся переговоры на Раштаттском конгрессе об «общем мире» в Германии, а также частные переговоры между графом Л. Кобенцелем и французским представителем в Зельце, проходившие в начале лета 1798 г.) Летом 1798 г. любая попытка вести переговоры с французами воспринималась неаполитанским дипломатом в Санкт-Петербурге как пустая трата времени, предоставляющая Директории возможность собраться с силами для новой войны (особенно четко он выразил эту мысль в письме графу Лудольфу от 16 (27) июля:

[366] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852, Т. I. С. 449–452.

«Будет лучше сражаться и с оружием в руках увидеть финал этой трагикомедии…»[367])

К тому времени взаимодействие герцога ди Серракаприола с КИД приняло более активный характер, причем главной темой его записок и официальных нот с лета 1798 г. стала французская угроза, нависшая над Неаполитанским королевством. Он передавал в КИД копии конфиденциальных писем из Франции (в том числе полученные от своего свояка датского дипломата в Раштатте Нильса Розенкранца[368]) и сообщал депеши неаполитанского двора, в которых содержались слова признательности за «живой интерес», питаемый императором Павлом I к судьбе Италии и неаполитанских Бурбонов[369]. Особенно характерна сообщенная неаполитанским дипломатом депеша от 15 июня 1798 г., в которой речь шла о приближении французского флота к Мальте: в тексте (скорее всего составленном маркизом ди Галло) остров, находившийся под угрозой захвата французами, характеризовался как «морской пункт… значительной силы и важности (établissement maritime d'une telle force et importance)», близко расположенный к Сицилии, способный обеспечивать торговлю на Леванте («l'importance de ses forts pour la commerce du Levant») и обладающий тесными связями с островами Корфу и Занте[370]. Уже следующая депеша от 20 июня 1798 г., написанная вскоре после получения в Неаполе известия о падении Мальты, содержала в себе просьбу о помощи со стороны Российской империи. Автор документа (ди Галло?) подробно обосновывал связь Мальты с интересами Российской империи: «…Вы можете говорить со знанием дела с Императорским министерством об обязательствах, касающихся поддержания прав Его Величества, не слишком отличающихся в этом вопросе от общих соображений, которые должны интересовать все державы,

[367] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 72–72об.

[368] Нильс Розенкранц был женат на Варваре Александровне Вяземской, младшей сестре супруги герцога ди Серракаприола.

[369] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 346. Л. 6.

[370] Там же. Л. 7об.

заинтересованные в равновесии Италии и Средиземноморья. Его Императорское Величество Всероссийский должен в первую очередь опасаться столь сильного расширения, которое получила Франция, ее преобладающего влияния в Леванте и ее печально известных связей (ses rapports notoirs) с Османской Портой, независимо от партикулярного интереса, который Его Императорское Величество в последнее время проявил по отношению к Ордену Св. Иоанна Иерусалимского…»[371] В заключительной части сообщенного герцогом ди Серракаприола документа содержалась просьба, в соответствии с которой неаполитанский дипломат должен был передать императору, что «промедлить в принятии решения означает не принять его вовсе, ибо зло достигнет такой степени, что станет совершенно неподвластным для исправления»[372].

Именно захват французами Мальты, формально являвшейся владением короля Обеих Сицилий, вызвал в Неаполе особенно негативную реакцию и способствовал активизации антифранцузской политики правительства короля Фердинанда IV (одновременно король Обеих Сицилий, воспользовавшись благоприятным моментом, наложил секвестр на имущество Мальтийского ордена в Неаполитанском королевстве[373]). В течение лета 1798 г. неаполитанский двор предпринимал активные меры по укреплению собственных вооруженных сил, в том числе расширяя базу воинской повинности (декрет от 24 июля 1798 г. провозглашал защиту католической веры и монархии обязанностью каждого подданного[374]) и приглашая на службу иностранных офицеров (В.В. Мусин-Пушкин принял в этом непосредственное участие, став посредником между санкт-петербургским двором и графом Роже Дама (Roger Damas), французским эмигрантом, офицером

[371] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 346. Л. 10об. –11.

[372] Там же. Л. 11об.

[373] АВПРИ. Ф. 66. Оп. 66/6. Д. 175. Л. 78–79. Записка о положении Мальтийского ордена, переданная в КИД Дж. Литта, июль 1798 г.

[374] *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. II. La guerra peninsulare. Roma, 2001. P. 745.

российской императорской службы и будущим генералом неаполитанской армии [375]). В конце июля 1798 г. на заседании Государственного совета Неаполитанского королевства было принято решение «обратиться к державам, союзным с Англиею, и, соединясь с ними союзом теснейшей дружбы, употребить все средства для взаимного сохранения себя от неприятельских умыслов»[376]. К этому моменту в Неаполе уже было известно о сближении между Россией и Османской империей (слухи о скором соединении русского и турецкого флотов и их приходе в Средиземное море распространялись в Южной Италии с июня 1798 г. [377]) В середине августа 1798 г. решимость неаполитанского двора открыто выступить против французов только усилилась после получения известий о разгроме французского флота британским адмиралом Г. Нельсоном в битве при Абукире 1–3 августа 1798 г. (в конце сентября 1798 г. Г. Нельсон был торжественно принят в Неаполе, что само по себе стало важным символическим жестом[378]). Эти серьезные перемены на международной арене, наряду с сообщениями о якобы планировавшейся французами агрессии против Неаполитанского королевства (информацию о которой содержали донесения неаполитанского посланника в

[375] Письмо В.В. Мусина-Пушкина канцлеру А.А. Безбородко от 13 (24) июня 1798 г. о желании Р. Дама перейти на неаполитанскую службу и приложенное к нему собственноручное письмо Р. Дама на имя императора Павла I от 22 июля 1798 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 267. Л. 1–3).

[376] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 264. Л. 85–85об.

[377] Из реляции В.В. Мусина-Пушкина от 15 (26) июня 1798 г.: «Многих таковой образ мыслей и некоторые ведомости заставляют воображать, что состоялся новый между Вашим Императорским Величеством и Портою договор, и что вследствие оного Черноморский флот поспешит через Дарданеллы в здешнее море и с пособием Аглинской Ескадры уничтожит утверждающееся на нем господствование Франции» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 264. Л. 52–52об.).

[378] *Knight R.* The Pursuit of Victory. The Life and Achievement of Horatio Nelson. New York, 2005, P. 307–308.

Париже командора Руффо)[379], способствовали тому, что уже в сентябре 1798 г. неаполитанский двор принял решение о вторжении на территорию Римской республики (как отмечает историк Э. Джин, этот план носил не только антифранцузский, но и антиавстрийский характер, имея целью «исправить» баланс сил в Италии, нарушенный после мира в Кампо-Формио[380]). Окончательно это решение было подтверждено на экстренном заседании Государственного совета (12–13 октября 1798 г.)[381], и уже 22 ноября неаполитанские войска вступили на территорию Римской области (формально война Франции объявлена королем Фердинандом IV так и не была). В.В. Мусин-Пушкин-Брюс в своих донесениях, следуя за официальной риторикой, описывал решение о вторжении неаполитанских войск на территорию Римской республики как вынужденную меру («Побеждено наконец совершенно миролюбие Его Величества чувствованиями предстоящих опасностей и явственным бессилием всех других средств к отвращению оных, кроме оружия»[382]). Одновременно неаполитанский двор стремился к укреплению связей с союзниками по антифранцузской коалиции: уже 1 декабря 1798 г. неаполитанское правительство подписало договор с Великобританией, возобновлявший условия англо-неаполитанского трактата 1793 г.[383] (с этого момента именно Великобритания, чей флот господствовал в Центральном

---

[379] В.В. Мусин-Пушкин писал в реляции от 14 (25) сентября: «На каждой почте приходят такие известия из Парижа, Милана, Флоренции и других мест, которые не позволяют сумневаться в том, что Директория напрягает все силы возобновить войну в Италии. Она предполагает сооружить здесь, в Тоскане и в Турине республиканское правительство, а потом стараться будет о произведении в действо дальнейших своих намерений касательно до Его Величества Римского Императора и турецких в Европе областей» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 265. Л.12).

[380] *Gin E.* Op. cit. P. 89.

[381] *Sani V.* 1799. Napoli. La rivoluzione. Edizioni Osanni Venosa. 1999. P. 43.

[382] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 265. Л.55.

[383] *Martens G.F.* Recueil des principaux Traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d'Echange etc. conclus par les puissances de l'Europe. Tome VI. 1795–1799. Gottingue, 1829. P. 528–532.

Средиземноморье, должна была оказывать решающее влияние на политику короля Обеих Сицилий).

В условиях начавшихся в Италии боевых действий российский полномочный министр в Неаполе должен был стать «связующим звеном» между неаполитанским правительством и действовавшей на Адриатике эскадрой Ф.Ф. Ушакова. Поначалу российский дипломат не имел с ней никакой связи, а информацию об ее перемещениях, не всегда соответствовавшую действительности, получал от офицеров британского флота (так, 12 (23) октября 1798 г. В.В. Мусин-Пушкин-Брюс сообщил в своей реляции о том, что капитан британского куттера, прибывшего в Неаполь из Александрии, месяц назад видел российско-османскую эскадру у побережья Крита, причем направлялась она, по его словам, в Египет[384]). О появлении соединенной эскадры на Адриатике и занятии Ионических островов (кроме Корфу) российскому полномочному министру сообщило неаполитанское министерство: 15 ноября 1798 г. маркиз ди Галло по поручению короля Фердинанда IV написал Мусину-Пушкину поздравительное письмо, прося российского посланника передать Ушакову просьбу неаполитанского короля о действиях против занятой французами Анконы, а также доверительно сообщая о российско-неаполитанских переговорах в Санкт-Петербурге и о «великодушной и дружественной готовности (l'empressement le plus genereux et le plus amical)» императора Павла I «прийти на помощь Италии, защитить от опасностей и в особенности обеспечить интересы Его Величества (pour venir au secours de l'Italie, et des dangers, et interêts de S.M. en particulier)»[385]. Мусин-Пушкин выполнил просьбу неаполитанского двора, написав письмо Ф.Ф. Ушакову 6 (17) ноября 1798 г., при этом обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, это было первое письмо, направленное им вице-адмиралу («взаимствую повод к открытию сношения моего с вами»), во-вторых, он не знал ни о целях экспедиции, ни о полномочиях Ф.Ф. Ушакова («Ожидать буду с нетерпеливостию ответа, которым

[384] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 265. Л. 4.

[385] Там же. Л. 78об.

Ваше Превосходительство примите труд дать мне знать – позволяют ли вам высочайшие предписания поступить по желанию Его Неапольского Величества»[386]).

Таким образом, в конце 1798 г. российская миссия при неаполитанском дворе по-прежнему ограничивалась традиционной для нее ролью пассивного наблюдателя, в то время как наиболее важные решения принимались в Санкт-Петербурге. Осенью 1798 г. активную деятельность в российской столице развернул неаполитанский полномочный министр герцог ди Серракаприола. Фактически именно его стараниями в декабре 1798 г. между двумя дворами был заключен военно-политический союз.

К концу лета – осени 1798 г. А. Мареска герцог ди Серракаприола, продолжая в своей частной и официальной переписке критиковать политику Вены, именно в действиях Павла I видел «залог безопасности Европы» (еще в августе он писал в одном из своих писем: «Здесь приняты все необходимые меры для того, чтобы вершить общее дело (faire cause commune), если французы атакуют Австрию... Все вышеописанное, а также помощь, оказанная Османской Порте, очевидно, доказывают расположения этого августейшего государя и то, насколько он желает быть полезным для спасения Европы: другим долженствует рассчитывать на него и следовать его планам для того, чтобы достичь общего спасения (salut general). Милостивый Господь предназначил Павла I к тому, чтобы он стал залогом безопасности Европы (le mobil de la sûreté de l'Europe)»[387]). В эти месяцы неаполитанский дипломат безоговорочно поддержал и политику императора Павла I по отношению к Мальтийскому ордену: будучи мальтийским кавалером и принимая участие в заседаниях Великого приорства Российского, герцог ди Серракаприола с готовностью признал и низложение великого магистра Ф. фон

[386] Адмирал Ушаков. Т. II / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1952. С. 174.

[387] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 198. Л. 45об.–46.

Гомпеша, сдавшего Мальту французам, и создание православного приорства[388], и состоявшееся в ноябре 1798 г. торжественное провозглашение Павла I великим магистром[389] (в письме Н. Розенкранцу от 29 октября (9 ноября) 1798 г. герцог ди Серракаприола советовал датскому дипломату оказать влияние на рыцарей ордена, находившихся в Германии, чтобы они поддержали меры, принятые в России: «Вы хорошо сделаете, если скажете мальтийским кавалерам, которые находятся там же, где и Вы, что их уверенность в сильнейшей протекции (la protection trés puissante), которую оказывает ордену Его Величество Император, – это единственное благо, которое способно вернуть ордену его первоначальный блеск…»[390]) Личные взгляды неаполитанского полномочного министра, его искреннее восхищение «принципами» и «здравой политикой» российского императора несомненно должны были оказать влияние как на характер его депеш своему двору, так и на ход его переговоров с КИД.

Прямые переговоры о заключении союза с Россией были инициированы неаполитанским двором в сентябре 1798 г. В собственноручном письме короля Фердинанда IV российскому императору, написанном 28 сентября 1798 г.[391] и в составленной на следующий день (29 сентября) депеше маркиза ди Галло герцогу ди Серракаприола подробно описывалась угроза Неаполю со стороны французов и содержалась адресованная Павлу I просьба о помощи. Важно отметить, что в тот момент помощь, которую неаполитанский двор ожидал от Санкт-Петербурга,

---

[388] В данном случае главная цель императора, по мнению неаполитанского дипломата, состояла в том, чтобы «поднять принципы как своего собственного дворянства, так и дворянства из других земель» (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 345).

[389] См.: *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 221, 226.

[390] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 198. Л. 275.

[391] В письме от 28 сентября 1798 г. король Фердинанд IV сообщил российскому императору о предложениях, направленных ему из Константинополя: «Османская Порта, вдохновленная повторяющимися заявлениями и благородными действиями Вашего Императорского Величества, … предложила мне объединиться для операций, которые можно было бы согласовать вблизи моих государств (qui peuvent convenir au voisinage de mes États)» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 65. Л. 2).

должна была состоять в первую очередь в дипломатическом давлении на Вену для скорейшего открытия военных действий (маркиз ди Галло писал: «Однако Его Величество убежден, что этот августейший государь [Павел I] почтет необходимым внушить такую же твердость и решимость венскому двору»[392]). Тем же месяцем (сентябрь 1798 г.) были датированы и официальные полномочия герцогу ди Серракаприола на заключение союза с Россией, подписанные королем Фердинандом IV и Дж. Актоном и скрепленные печатью королевства, – в тексте документа, носившем максимально общий характер, подчеркивалась необходимость укрепления связей между двумя государствами в условиях, когда «опасные виды нынешнего французского правительства угрожают безопасности всякого правильно организованного государства (di ogni stato ben regolato)»[393].

Сентябрьские документы были получены в Санкт-Петербурге не раньше начала декабря 1798 г.[394] К тому времени герцог ди Серракаприола, уже осведомленный о принятом в Неаполе решении об отправке войск за пределы границ королевства (благодаря письму неаполитанского представителя в Вене Н. Джиансанте от 16 сентября 1798 г.), успел сделать КИД официальное представление по этому поводу (29 ноября 1798 г.), прося «поддержать посредством сильного вмешательства хорошо разработанный план моего Двора»[395]. После получения в Санкт-Петербурге сентябрьских документов переговоры приняли более активный характер (в частности, в депеше от 8 (19) декабря Серракаприола сообщил о своей беседе с Павлом I и подготовке им ответного письма неаполитанскому монарху[396]). Еще большее значение на ход переговоров оказала депеша маркиза ди Галло от 8 ноября 1798 г., содержавшая конкретные детали

[392] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 346. Л. 50.

[393] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/1. №1 (1798). Л. 1.

[394] Письмо короля Фердинанда IV было получено в Санкт-Петербурге 5 декабря 1798 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 65. Л. 1).

[395] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 346. Л. 46.

[396] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 237.

планировавшегося похода неаполитанских войск на территорию Римской республики, политическое обоснование этого решения («Его Величество не потерпит присутствия иностранной державы в Римском государстве»[397]), а также просьбу о помощи со стороны России, которая де-факто вновь сводилась к просьбе о дипломатическом давлении на венский кабинет[398]. Получив депешу Галло от 8 ноября спустя месяц, 10 (21) декабря 1798 г., герцог ди Серракаприола уже на следующий день (11 (22) декабря) адресовал российскому двору ноту, в которой вновь указал на необходимость помощи со стороны Санкт-Петербурга, причем не только дипломатической («…придавая уверенность венскому двору…»), но и военной («…предоставив королю помощь тем путем (par les routes), который ему [Павлу I] недавно открыло Провидение посредством счастливого союза с Османской Портой») [399]. Очевидно, что формулируя просьбу таким образом, дипломат основывался на информации об успешном ходе российско-османских переговоров, регулярно направляемой ему графом Г.К. Лудольфом[400].

Реакция со стороны императора Павла I не заставила себя долго ждать: уже на следующий день, 12 (23) декабря герцог ди Серракаприола «получил от этого Министерства и из собственных уст (della propria bocca) Его Величества Императора более чем удовлетворительные ответы, делающие честь энергичным

---

[397] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 346. Л. 73об.

[398] Там же. Л. 73об.–74.

[399] Там же. Л. 77–77об.

[400] Не позже 1 (12) декабря 1798 г. герцог ди Серракаприола получил письмо графа Лудольфа от 12 ноября, в котором посланник в Константинополе сообщал о том, что российско-османские переговоры близки к счастливому завершению и высказывал надежду на присоединение неаполитанского двора к будущему союзу Санкт-Петербурга, Лондона и Константинополя: «Верю, что мы также не замедлим вступить в эту лигу, особенно после возобновления союзного трактата с лондонским двором… Порта преисполнена доброй воли и желает с нами договариваться (la Porta è piena di buona volontá d'intendersene con noi), она сообщает мне об этом каждый день, но я ничего не могу сделать, не имея приказов и инструкций» (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 198. Л. 102об.)

действиям Его [Сицилийского] Величества (applaudendo il passo energico di Sua Maesta)»[401]. Санкт-петербургский кабинет был готов предоставить в качестве помощи неаполитанскому монарху корпус из 8–9 тысяч солдат под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа (который должен был двинуться через османские территории в направлении Зары), а также «отправить венскому двору энергичные внушения для поддержки Его Величества»[402]. Уже через пять дней, 17 (28) декабря 1798 г. канцлер А.А. Безбородко написал депешу В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу, сообщая («для собственного... руководства» российского министра) о том, что «вследствие сообщения Его Сицилийским Величеством Государю Императору предложений Его относительно войны с французами и просьбы о помощи со стороны нашей Его И.В…. указать изволил Министерству своему приступить к заключению с Дюком Серра Каприола союзного трактата»[403]. Переговоры о союзном договоре (которые с определенного момента велись одновременно с обсуждением вопроса о возобновлении торгового договора, истекавшего в 1799 г.[404]) сопровождались получением известий о первых успехах неаполитанской армии, перешедшей границу 22 ноября и уже через несколько дней занявшей Рим, новостью об объявлении Францией войны Неаполитанскому королевству и Пьемонту (получена 15 (26) декабря через Берлин[405]), а также новыми просьбами о помощи: 23 ноября 1798 г. маркиз ди Галло в депеше герцогу ди Серракаприола вновь просил об оказании Павлом I «добрых услуг» по отношению к венскому двору, а также, независимо от переговоров герцога ди Серракаприола в Санкт-

[401] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 281–281об. Письмо герцога ди Серракаприола графу Лудольфу, 16 (27) декабря 1798 г.

[402] Там же. Л. 281об.–286

[403] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 269. Л. 1

[404] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 220–223. Несмотря на переговоры, продолжавшиеся до лета 1800 г., торговый договор так и не был продлен (*Mafrici M.* Al servizio di Ferdinando IV. Antonino Maresca di Serracapriola a San Pietroburgo (1787–1806) // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2022. № 5–6. P. 239–240).

[405] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 294об.

Петербурге, о поддержке неаполитанского короля русскими морскими и сухопутными силами, которые планировалось задействовать «в Леванте, в греческих землях, Албании и Турции»[406] (важно отметить, что в Константинополе между российским посланником и Портой в то время действительно обсуждалась возможность включения в союзный договор статьи об отправке русской армии на территорию Османской империи, однако эта идея была, в конечном счете, отвергнута[407]).

Переговоры о заключении союза с неаполитанским двором совпали с целым рядом событий, которые не могли не оказать влияния на расположения Санкт-петербургского кабинета и лично Павла I: в те же самые дни, когда герцог ди Серракаприола передавал просьбы о помощи со стороны своего двора и обговаривал с руководством КИД условия будущего договора, в российской столице были получены известия о победах объединенного российско-османского флота на Адриатике и крахе французской армии в Египте, велись переговоры с британским послом и Османской Портой, а сам Павел I, приняв в ходе торжественной церемонии титул великого магистра Ордена Св. Иоанна Иерусалимского (что также связывалось им с «общим делом»), с энергией занялся проектами по реформированию орденской структуры и борьбой за признание своего нового титула в Европе. Войска на границах и в столице были приведены в движение, корпус Розенберга, обещанный в помощь Австрийской монархии, с октября 1798 г. находился на территории Галиции, а Военная коллегия после получения известий о вторжении неаполитанских войск на территорию Римской республики, по свидетельству герцога ди Серракаприола, работала «денно и нощно» («Il Collegio di guerra si tiene unita notte e giorno»[408]). В этих условиях

---

[406] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 523об.

[407] *Клейнман Г.А.* Русско-турецкий союз 1799 г. // Доклады и сообщения Исторического факультета. Выпуск третий. М., 1945. С. 9–23.

[408] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 229. Из депеши герцога ди Серракаприола маркизу ди Галло, 22 декабря 1798 г. (2 января 1799 г.)

пассивность венского двора, медлившего с началом военных действий, продолжавшего переговоры с французами и отказавшегося оказать немедленную помощь неаполитанскому двору (ссылаясь на условия оборонительного трактата от 19 мая 1798 г. и не рассматривая вторжение неаполитанских войск на территорию Римской республики как casus foederis), вызывала раздражение как со стороны неаполитанцев, так и со стороны санкт-петербургского двора.

Что касается неаполитанцев, то это раздражение и недоверие было взаимным. Уже 3 (14) декабря 1798 г. герцог ди Серракаприола имел «весьма необычное препирательство» с австрийским послом графом Л. Кобенцелем: в ответ на утверждения неаполитанца, что действия, которые собирается предпринять король Обеих Сицилий, своевременны и необходимы, австрийский дипломат, уверенный в том, что неаполитанскому кабинету не следовало решаться на подобный шаг без согласия Вены, заявил, что неаполитанский двор действует «из завоевательных видов (per viste di conquista)» [409] . Описывая в депеше неаполитанскому министерству свою реакцию на слова австрийского посла («Ваше Превосходительство прекрасно поймете, что кровь вскипела в моих венах, однако достоинство моего характера и представление о славном поведении Его Величества было выше всякого посягательства (erano disopra d'ogni attaco)…»[410]), герцог ди Серракаприола отмечал, что Кобенцель сделал представления сходного содержания как британскому посланнику Ч. Уитворту, так и санкт-петербургскому двору[411].

Венский двор в конце 1798 г. действительно отказался оказать военную поддержку Неаполитанскому королевству (это стало очевидно уже к середине декабря 1798 г.[412]) и, более того, даже попытался повлиять на неаполитанцев через Санкт-Петербург (в письме Кобенцелю от 11 ноября 1798 г. барон Ф.М. Тугут,

---

[409] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 270об.–271.

[410] Там же. Л. 271.

[411] Там же. Л. 274об.

[412] См. копию письма неаполитанского представителя в Вене Н. Джиансанте герцогу ди Серракаприола, 21 декабря 1798 г.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 214–217.

австрийский министр иностранных дел, утверждал о необходимости вступить с российской стороной в переговоры для того, чтобы, объединив усилия, «отвратить неаполитанский двор в настоящее время и в будущем от любого необдуманного шага, который может поставить под угрозу его собственное существование и нанести неизмеримый ущерб общим интересам коалиции»[413]). В Санкт-Петербурге в тот момент поддержали неаполитанскую точку зрения, соответственно, были предприняты все возможные шаги для давления на Вену и оказания поддержки королю Обеих Сицилий. В те дни Павел I сделал выговор российскому послу в Вене графу А.К. Разумовскому, разделившему критичность австрийцев по отношению к действиям Неаполя («…должен Вам сказать, что венский двор, а также, что еще печальней, граф Разумовский, изобразили решение короля о вступлении в командование своими войсками как следствие интриг англичан и женщин, и как бог знает что еще (et je ne sais quoi)»[414]). В то же самое время венскому кабинету было направлено требование как можно скорее открыть военные действия и «прийти на помощь Его Сицилийскому Величеству» – сохранение с его стороны прежней «пассивности» в Санкт-Петербурге были готовы рассматривать как доказательство «совместных с французами завоевательных видов» (в таком случае корпус Розенберга должен был быть отозван)[415]. 22 декабря 1798 г. о пассивности венского двора шла речь на конференции вице-канцлера графа В.П. Кочубея с австрийским дипломатом Л. Кобенцелем: в ответ на уверения австрийского посла о готовности

---

[413] *Vivenot A. von.* Zur Geschichte des Rastadter Congresses: urkundiche Beiträge zur Geschichte der deutschen Politik Oesterreichs währed der Kriege gegen die französische Revolution October 1797 – juni 1799. Wien, 1871. S. 248–249.

[414] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 312–312об. Копия письма герцога ди Серракаприола маркизу Чирчелло, 22 декабря 1798 г. (2 января 1799 г.).

[415] Там же. Л. 337. См. рескрипт Павла I графу А.К. Разумовскому от 20 декабря 1798 г., выдержанный в умеренном тоне: История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852, Т. I. С. 465–467. См. также: *Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. СПб., 1914. С. 339–341.

Вены выступить против французов в течение ближайших двух месяцев (при условии деятельного участия Пруссии), руководитель КИД в первую очередь заметил, насколько это промедление может быть «пагубным» для Неаполитанского королевства («Вице-канцлер простым разговором Послу приметил, сколько дальнее отлагательство пагубно быть может Королю Обеих Сицилий, и что по доброжелательству Его Императорскаго Величества к сему Государю и по мерам принятым у нас в пользу его, Государю Императору прискорбно было бы крайне какое либо произшествие ему вредное»[416]).

Кажется, наименее всего интересам Вены соответствовал союзный договор между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий, подписанный в субботу 18 (29) декабря 1798 г. герцогом ди Серракаприола и членами КИД князем А.А. Безбородко, В.П. Кочубеем и Ф.В. Ростопчиным. Условия договора (подписанного неаполитанским министром «sub sperati», т.е. предварительно, до будущего одобрения) включали статью о гарантии территориальной целостности Неаполитанского королевства (ст. 1) (в депеше маркизу ди Галло от 22 декабря 1798 г. (2 января 1799 г.) герцог ди Серракаприола особенно отмечал, что «эта гарантия дана величайшей державой (più grande) из существующих ныне в Европе, как по ее реальным силам, так и в большей степени по принципам, деятельности и качествам ее августейшего монарха»[417]), а также обязательства об оказании военной помощи, которая должна была составить девять батальонов пехоты с артиллерией и отряд из двухсот казаков (ст. 2). Эти военные силы, которые неаполитанская сторона обязывалась снабжать продовольствием, должны были перейти на правый берег Днестра и через османские владения добраться до Зары, где их должен был встретить представитель короля Обеих Сицилий. В ходе будущей кампании русские войска должны были подчиняться неаполитанскому главнокомандующему (ст. 6), при этом особыми статьями договора оговаривались их право на свободное отправление религиозных обрядов (ст. 8), равенство в трофеях (ст. 9), а также

[416] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 906. Л. 376–376об.

[417] АВПРИ. Ф 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 334.

обязательство российской стороны за два месяца предупредить неаполитанский двор об отзыве вспомогательных войск, если этого потребуют обстоятельства (ст. 10). Особыми статьями договора декларировалось обязательство высоких договаривающихся сторон «не заключать ни мира, ни перемирия с французами без взаимного согласия (sans un concert reciproque)» (ст. 11), а также обязанность взаимных дипломатических представителей действовать в «совершенном согласии (parfait concert)», предоставляя друг другу «добрые услуги» (ст. 13). Срок действия нового трактата, условия которого должны были распространяться только на нынешнюю войну с Францией, составлял восемь лет (до 1806 г.)

Отдельная статья (article séparé) российско-неаполитанского договора касалась вопроса о Мальте: российская сторона обязывалась поддерживать суверенные права неаполитанского короля, а крепости острова должны были быть заняты соединенным русско-британско-неаполитанским гарнизоном (российский двор обязывался со своей стороны выставить 3 гренадерских батальона и 300 артиллеристов)[418]. Спустя два дня представителями Санкт-Петербурга, Неаполя и Лондона была заключена конвенция в форме утвержденной российским монархом вербальной ноты (20 (31) декабря 1798 г.), содержавшая конкретные условия взаимодействия трех государств относительно Мальты и декларирующая необходимость восстановления на острове власти Ордена Св. Иоанна Иерусалимского[419].

Сразу же после подписания российско-неаполитанского договора последовали первые конкретные шаги по его реализации: уже 22 декабря 1798 г. Павел I приказал генерал-лейтенанту И.И. Герману, который должен был возглавить вспомогательные войска, направляемые в Неаполитанское королевство, выбрать в южных депо 6000 ружей и 2000 сабель и позаботиться об их отправке в Одессу

---

[418] См. текст договора: *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910. P. 164–173.

[419] *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 256–257; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 144–146.

(сделать соответствующие распоряжения в соответствии с другим приказом императора должен был и генерал С.Г. Вязмитинов, возглавлявший комиссариатский департамент Военной коллегии)[420]. В конечном счете на место начальника русского корпуса вместо генерала Германа был назначен генерал-лейтенант М.В. Ребиндер, а сам корпус, к началу 1799 г. составлявший 11000 человек, с началом кампании 1799 г. был соединен с корпусом генерала Розенберга и действовал в Северной Италии в составе русско-австрийской армии под командованием фельдмаршала А.В. Суворова[421].

Важно отметить, что именно российско-неаполитанский союзный договор 1798 г. был первым международным трактатом, предполагавшим активные действия русских войск в Италии. На момент подписания договора это обстоятельство прямо противоречило переговорам венского кабинета о военном союзе с Российской империей, в ходе которых с самого начала и речи не шло о возможности прямого вмешательства Российской империи в дела итальянских государств. Еще в апреле 1798 г. граф Л. Кобенцель, отвечая на депешу австрийского поверенного в делах Ф. фон Дитрихштейна, в которой шла речь об обеспокоенности Павла I «участью итальянских монархов» (вследствие событий в Риме), не подвергал сомнению значимость Апеннинского полуострова для русской политики («Если Неаполь и Сицилия окажутся в руках французов, они смогут оказать влияние на турок и тем самым заставить их действовать в соответствии с собственным желанием против России и Австрии» [422]). При этом Кобенцель указывал на то, что Италия должна была оставаться зоной действия Австрийской монархии, в то время как от Российской империи ожидали поддержки австрийских интересов в Германии («Чем больше были бы мы поддержаны в Германии, тем

[420] РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 133. Л. 356–357.

[421] *Орлов Н.А.* Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб., 1892. С. 28.

[422] *Vivenot A. von.* Zur Geschichte des Rastadter Congresses: urkundiche Beiträge zur Geschichte der deutschen Politik Oesterreichs währed der Kriege gegen die französische Revolution October 1797 – juni 1799. Wien, 1871. S. 171.

больше у нас было бы средств для восстановления дел в Италии»[423]). Российско-австрийские переговоры, проходившие в Санкт-Петербурге летом 1798 г. и завершившиеся решением о назначении в Галицию корпуса Розенберга, также не предполагали никаких активных действий России на Апеннинском полуострове: Италия по-прежнему должна была оставаться зоной действия австрийцев, в то время как российский двор должен был сосредоточить все свои усилия в Германии, как минимум расположив 80-тысячный армейский корпус на границе с Пруссией и «наблюдая» за соблюдением Империей нейтралитета (в инструкции графа Л. Кобенцеля говорилось следующее: «Если бы война ограничилась Италией, а Германская империя смогла сохранить нейтралитет, русские войска в особенности способствовали бы его обеспечению. Если война будет вестись и в Германии, их вполне можно будет использовать совместно с войсками Его Величества»[424]). Таким образом прямые договоренности с Неаполем, предполагавшие активное вмешательство Российской империи в проблемы Апеннинского полуострова, шли вразрез с интересами венского двора, который традиционно рассматривал Италию как часть собственной сферы влияния.

Впоследствии, уже в конце января 1799 г. изменение стратегической обстановки в Южной Европе после поражения неаполитанской армии в Римской области и аннексии французами Пьемонта, вынудило австрийское руководство просить о переназначении корпуса генерала Розенберга из Германии в Северную Италию, где русские войска (в том числе корпус, изначально назначенный в Южную Италию) оказались под пристальным наблюдением австрийского гофкригсрата.

Как справедливо отмечалось в историографии, именно угроза французского доминирования в Средиземноморье, которая могла ухудшить обстановку на Балканах и в зоне черноморских проливов, заставила правительство императора Павла I перейти к активным действиям, отстаивая целостность и

[423] Ibid.

[424] Ibid. S. 213–214.

неприкосновенность Османской империи и играя решающую роль в формировании Второй коалиции[425]. В 1796–1797 гг. новый монарх стремился к дипломатическому посредничеству во имя заключения «общего мира» и декларировал переход к новой политической системе, основанной на принципах справедливости и равновесия (о чем особенно ярко свидетельствует рескрипт новому министру при дворе короля Обеих Сицилий). В 1798 г. нарушение равновесия в Европе со стороны французов, их прямая агрессия против Мальтийского ордена и Османской империи, а также угроза дальнейшего расширения французского влияния в Восточном Средиземноморье (о которой санкт-петербургский двор регулярно получал информацию в том числе от российского полномочного министра в Неаполе) способствовали сначала открытию российско-османских переговоров об оборонительном союзе, а затем и отправке эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова на Адриатику.

Не подлежит сомнению, что заключение союза между Российской империей и Неаполитанским королевством, также вызванное ростом французского влияния в Средиземноморском регионе, стало возможным исключительно благодаря переменам, произошедшим на международной арене вследствие сближения санкт-петербургского двора с Османской Портой и появления в Средиземном море русского флота. Даже вопрос о военной помощи, поднятый герцогом ди Серракаприола в ноябре 1798 г., ставился им в тесную связь с обсуждавшимися в тот момент условиями российско-османского договора (военная помощь Неаполю должна была быть выделена из состава войск, назначенных для отправления на территорию Османской империи), наконец, очевидно стремление неаполитанского руководства заручиться поддержкой появившейся на Адриатике соединенной российско-османской эскадры под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова (независимо от переговоров герцога ди Серракаприола с КИД и даже независимо от инструкций, полученных Ушаковым из Санкт-Петербурга).

---

[425] *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос (из истории Русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.). М., 1972. С. 42–44.

При этом важно отметить, что союзный договор с Неаполем (18 (29) декабря 1798 г.), как по его конкретным статьям, так и по обстоятельствам его обсуждения и подписания, с самого начала имел антиавстрийскую направленность (хотя она и не была выражена напрямую): в условиях выжидательной политики Вены и ее отказа от оказания помощи Неаполитанскому королевству Павел I взял на себя обязательства поддерживать территориальную целостность королевства и выразил готовность отправить в Южную Италию русские войска (фактически по собственной инициативе), параллельно не упуская возможность делать «сильные представления» в адрес венского кабинета (важно особенно подчеркнуть: это был первый международный акт, предусматривавший отправку русских войск на Апеннинский полуостров – то, что шло вразрез с предшествовавшими российско-австрийскими переговорами и придавало совершенно особую направленность средиземноморской политике Российской империи, ранее в большей степени связанной с проблемами Балкан и Османской Порты и не затрагивавшей напрямую итальянские государства). Вена попыталась сгладить конфликт и взять ситуацию под свой контроль, что ей в значительной степени удалось сделать уже в начале 1799 г.

Важную роль в развитии российско-неаполитанских связей сыграл и Мальтийский вопрос – именно события, связанные с захватом Мальты в июне 1798 г., способствовали активизации российско-неаполитанских дипломатических контактов, став первым шагом на пути к будущему союзному договору (во многом в силу того, что Мальта, расположенная вблизи Сицилии, формально являлась владением неаполитанской короны). При этом важно отметить, что эти контакты развивались в двух разных плоскостях: с одной стороны, Мальта представляла собой важный стратегический пункт, связывавший Западное и Восточное Средиземноморье, Африку и Сицилию, а значит действия французов наносили прямой ущерб равновесию в регионе, представляя собой угрозу в том числе российским стратегическим интересам (именно так связь Российской империи с Мальтой понималась маркизом ди Галло); с другой стороны, со значительным

вниманием Павлом I была воспринята судьба владевшего Мальтой Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, и этот интерес, носивший чисто идеологический характер, получил сильную поддержку со стороны неаполитанского посланника при санкт-петербургском дворе герцога ди Серракаприола (впрочем, кажется, что в данном случае нет смысла строго отделять «идеологические» интересы от «стратегических» – одно было тесно переплетено с другим, и в обоих случаях преследовались сходные цели, во всяком случае, с точки зрения самих участников событий). При этом обращает на себя внимание тот факт, что российско-неаполитанский договор (18 (29) декабря 1798 г.) был по большому счету единственным общепризнанным международным правовым актом, в котором речь шла о взаимных гарантиях по Мальте (в отличие от трехсторонней конвенции от 20 (31) декабря, которая так и осталась неподписанной и под этим предлогом была впоследствии дезавуирована лондонским кабинетом).

1.4. Выводы к главе 1

В течение 20 лет (1777–1798 гг.) взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством прошли по-настоящему большой путь. Если на рубеже 1770-х–1780-х гг., в первые годы после установления дипломатических связей, неаполитанский двор в Санкт-Петербурге воспринимался в первую очередь как сателлит враждебной династии Бурбонов, к концу 1780-х гг. он превратился в ценного торгового партнера, а с началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. – в посредника, поддерживавшего благожелательный нейтралитет, предоставившего свои порты для русской флотилии и готового по просьбе российского двора оказывать «добрые услуги» на переговорах с Высокой Портой. На эту перемену повлияли как изменение внешнеполитического курса Российской империи, с начала 1780-х гг. являвшейся союзницей Австрийской монархии, так и стремление неаполитанского двора выйти из-под опеки Испании и придерживаться политики активного нейтралитета, балансируя между Веной, Мадридом и Лондоном (немаловажную роль сыграла и деятельность руководителей взаимных

дипломатических миссий обоих дворов, в первую очередь графа А.К. Разумовского, А.Я. Италинского и герцога Антонино Мареска ди Серракаприола, пользовавшихся особым доверием в Неаполе и Санкт-Петербурге). В конечном счете именно развитие торговли (в соответствии с договором 1787 г.) и сотрудничество российской и неаполитанской дипломатии в Константинополе в 1780-е – начале 1790-х гг. стали главными направлениями взаимодействия между дворами.

В 1790-е гг. начавшиеся Революционные войны в Европе, с одной стороны, способствовали сближению между государствами на почве противостояния революционной Франции (Санкт-Петербург активно пытался воздействовать на неаполитанский двор, требуя от него большей активности, и сотрудничал с ним в борьбе с французским влиянием в османской столице). С другой стороны, объективно они мало что изменили в характере уже сложившихся направлений взаимодействия между Российской империей и Неаполитанским королевством (более того, к 1795 г. сфера сотрудничества между двумя государствами сузилась после требования Екатерины II и КИД о том, чтобы неаполитанский дипломат в Константинополе не вмешивался в вопросы, касавшиеся двухсторонних российско-османских отношений, без предварительной просьбы с российской стороны). В этот период отношения Российской империи с Неаполитанским королевством, также как и с другими итальянскими государствами, носили периферийный характер, а интерес российской дипломатии к Центральному Средиземноморью был опосредован проблемами российско-османских отношений и заинтересованностью в сохранении баланса сил в Восточном Средиземноморье и зоне черноморских проливов (в то же самое время в глазах неаполитанского двора в 1790-е гг. престиж российской императрицы был достаточно высок, выражением чего в 1793 г. стала предложенная неаполитанской королевой Марией Каролиной идея династического брака между неаполитанской принцессой и российским великим князем).

С одной стороны, периферийность и малозначительность Неаполитанского королевства, с другой стороны, прагматичный характер внешней политики

Екатерины II и наличие достаточно устойчивой системы связей между дворами (главными «архитекторами» которой являлись руководители взаимных дипломатических миссий герцог А. Мареска ди Серракаприола и А.Я. Италинский) способствовали безболезненному улаживанию скандала, вызванного в 1795 г. неосторожным поведением малоопытного российского полномочного министра графа Ф.Г. Головкина (при этом как действия Головкина в Неаполе, так и болезненная реакция на них руководства Королевства Обеих Сицилий не могут быть поняты вне общего контекста, связанного с внутренним положением королевства, кризисом Первой антифранцузской коалиции и ходом дипломатического конфликта между Неаполем и Стокгольмом из-за «дела Армфельта»).

После вступления на престол императора Павла I, унаследовавшего систему союзов Екатерины II, но стремившегося придать ей особое значение, связав ее с новой политической идеологией, основанной на принципах правосудия и умеренности, отношения между Санкт-Петербургом и Неаполем поначалу были неизменны. Ситуацию изменило нарушение баланса сил в Центральном и Восточном Средиземноморье со стороны Французской республики. После оккупации французами Ионических островов, создания «республик-сестер» в Южной и Центральной Европе, захвата Мальты и высадки армии Наполеона Бонапарта в Египте санкт-петербургский двор, действуя в том числе под влиянием известий о французской угрозе Балканам и Северному Причерноморью, сблизился с Портой и санкционировал отправку в Средиземное море российско-османской эскадры. Это повлекло за собой формирование российско-неаполитанского союза, утвержденного договором 18 (29) декабря 1798 г. Этот трактат, впервые предполагавший возможность отправки русских войск на Апеннинский полуостров и изначально имевший имманентно присущий ему антиавстрийский характер, отражал не только объективные стратегические задачи, связанные с противостоянием французской угрозе, но и идеологические интересы нового российского самодержца, провозгласившего себя великим магистром Ордена Св.

Иоанна Иерусалимского и готового к сотрудничеству с неаполитанским двором в деле возвращения Мальты под власть рыцарского ордена (важно отметить, что политика Павла I в мальтийском вопросе была поддержана неаполитанским дипломатом А. Мареска ди Серркаприола, который являлся искренним почитателем «здравой политики» российского императора и сыграл в переговорах о заключении российско-неаполитанского союзного договора решающую роль).

Глава 2. Российская дипломатическая миссия в Неаполитанском королевстве в 1790-е – начале 1800-х гг.: структура, повседневность, коммуникации

Если в первой главе речь шла преимущественно о развитии российско-неаполитанских дипломатических связей на фоне большой европейской политики, то настоящая глава будет посвящена тому, как функционировала российская дипломатическая миссия в Неаполитанском королевстве в 1790-е – начале 1800-х гг. При этом ее деятельность будет рассмотрена не только в институциональном, но и в антропологическом измерении, с особым вниманием к роли человеческого фактора и неформальных связей, материальному положению сотрудников посольства, методам ведения ими переписки и характеру их коммуникации с санкт-петербургским двором (все эти сюжеты вполне вписываются в предмет изучения т.н. «новой дипломатической истории», рассматривающей дипломатию как часть широко понимаемой культурной сферы, тесно связанной в том числе с поддержанием специфического образа жизни, и с особым акцентом на использовавшиеся сотрудниками представительств стратегии и инструменты; дипломатическая миссия при этом понимается прежде всего как сложный социальный институт[426]). Хотя основной фокус настоящей главы будет направлен на 1790-е гг., ее хронологические рамки являются более широкими. Пространство повседневности развивается по иным законам, чем пространство политики: многие люди, работавшие в миссии в 1790-е гг., начинали свою карьеру еще в 1780-е гг. и оставались в Южной Италии до начала 1800-х гг. (помимо этого, отдельной важной хронологической вехой является 1800 г., когда был введен новый штат Коллегии иностранных дел (КИД), изменивший формальную структуру дипломатической миссии). Отдельно важно отметить, что при анализе повседневности российской

[426] См.: *Mori J.* The Culture of Diplomacy: Britain in Europe 1750–1830. Manchester, 2011; *Смилянская Е.Б., Моряков Е.Ю.* Британский посол в Петербурге при Екатерине II: дипломатия и мелочи жизни лорда Чарльза Каткарта. М., 2025. С. 9–11.

миссии главное внимание будет уделено, прежде всего, длительному периоду ее пребывания в Неаполе и ее неаполитанской «инфраструктуре», сложившейся в 1780-е–1790-е гг., в то время как короткое пребывание российского посольства в Палермо (1799–1802 гг.) будет затронуто в гораздо меньшей степени (такое решение в первую очередь предопределено спецификой источников, наиболее важными из которых являются материалы личного архива советника посольства А.Я. Италинского, в 1799 и 1801 гг. находившегося в Неаполе, а также письма канцелярского служителя А.Я. Булгакова, прибывшего в Неаполь уже в 1802 г. и заставшего «инфраструктуру» дипломатической миссии в том виде, в котором она сформировалась в предшествующие годы).

Основная цель настоящей главы состоит в том, чтобы на основе материалов делопроизводства, личной переписки и сохранившихся черновиков реконструировать коллективный портрет российской дипломатической миссии в Неаполе как периферийной институции, встроенной в общую систему учреждений КИД Российской империи. Для решения это задачи кажется необходимым, во-первых, проанализировать личный состав миссии в 1790-е гг., рассмотрев как внутри посольства были распределены властные полномочия, каковы были карьерные стратегии сотрудников миссии, и как формальная иерархия сочеталась с неформальными связями (2.1.); во-вторых, реконструировать материальное положение и бытовые условия сотрудников миссии, а также практики, использовавшиеся ими для выполнения повседневной бумажной работы и передачи профессионального опыта новым сотрудникам миссии (2.2.); в-третьих, проанализировать характер коммуникации российской миссии в Южной Италии с КИД и санкт-петербургским двором, что может способствовать гораздо более глубокому пониманию степени соучастия дипломатов на местах в реализации единого внешнеполитического курса, транслировавшегося из центра (2.3.)

Все это позволяет на конкретных примерах рассмотреть дипломатию не только как важную часть системы межгосударственных отношений, но и как особый процесс коммуникации, главными акторами которого являлись конкретные

люди со своим личным опытом, действовавшие в рамках формальных норм и неформальных правил, обладавшие определенными ресурсами (в том числе материальными и социальными), наконец, находившиеся под влиянием как системных, так и случайных факторов (включая бытовые условия и личные амбиции).

2.1. Состав миссии: люди, иерархия и неформальные связи

В соответствии со штатами Коллегии иностранных дел 1779 г., сохранявшими свое действие до 1800 г., в посольской миссии Российской империи при неаполитанском дворе официально числилось всего четыре сотрудника: возглавлявший миссию полномочный министр, советник посольства, а также два канцелярских служителя (титулярный советник [427] и актуариус, т.е. секретарь, ответственный за ведение делопроизводства[428]).

Как уже отмечалось, с конца 1780-х по конец 1790-х гг. российскую миссию при неаполитанском дворе возглавляли три полномочных министра: П.М. Скавронский (1784–1793 гг.), Ф.Г. Головкин (1795–1796 гг.) и В.В. Мусин-Пушкин-Брюс (1797–1800 гг.) Все трое были достаточно молоды [429] и принадлежали к графским дворянским родам Российской империи. При этом первые двое были обязаны своим назначением ходатайству фаворитов императрицы (князя Г.А. Потемкина и графа П.А. Зубова), в то время как В.В. Мусин-Пушкин-Брюс после смерти Екатерины II, по всей видимости, не имел в столице покровителей (хотя его отец Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735–1804 гг.) пользовался благорасположением императора Павла I: в 1796 г. он

---

[427] В данном случае речь идет именно о должности, а не о чине – подобное смешение чина с должностью было официально закреплено штатами Государственной коллегии иностранных дел 1779 г. (*Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. С. 398).

[428] Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1 / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1984, С. 40.

[429] Графу П.М. Скавронскому на момент его аккредитации в Неаполе было 27 лет, графу Ф.Г. Головкину – 29 лет, а графу В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу – 24 года.

был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а в апреле 1797 г. получил от нового самодержца 4000 душ крестьян[430]).

Полномочный министр был формальным главой посольской миссии, выполнявшим в первую очередь репрезентативные функции, т.е. на церемониальном уровне представлявшим фигуру своего монарха при иностранном дворе. Именно полномочный министр должен был находиться в прямом контакте с императором и КИД, скрепляя депеши и реляции своей подписью и взаимодействуя с местным правительством в соответствии с инструкциями, которые он регулярно получал из Санкт-Петербурга (как отмечал историк В.Н. Александренко, «дипломатический агент является проводником общей системы своего правительства, – деятельность его не случайна, а следует развитию известных общих принципов, коими руководят и управляют из центра»[431]). При этом важно подчеркнуть: каждый из трех полномочных министров, возглавлявших российскую миссию в Неаполе в 1780-е–1790-е гг., не имел дипломатического опыта и, приезжая в Южную Италию, неизбежно должен был приспосабливаться к местным реалиям и находить общий язык с другими сотрудниками миссии, как правило, гораздо лучше разбиравшимися в реальной обстановке и обладавшими связями на местах. Молодость и неопытность полномочных министров косвенно свидетельствовали о периферийности дипломатической миссии, в чем прекрасно отдавали себе отчет другие сотрудники посольства (в 1802 г. канцелярский служитель Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863 гг.) в письме своему отцу, екатерининскому дипломату Я.И. Булгакову, следующим образом передавал слова А.Я. Италинского, в течение многих лет выполнявшего обязанности советника российского посольства в Неаполе: «Связь наша с здешним двором не столь велика;

---

[430] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. СПб., 1840. С. 254.

[431] *Александренко В.Н.* Указ. соч. С. 112.

доказательство тому, что дают здешний пост молодым людям, не занимавшим прежде министерских мест»[432]).

В 1780-е–1790-е гг. именно советник посольства Андрей Яковлевич Италинский (1743–1827 гг.) играл главную роль в повседневном функционировании российской миссии при дворе короля Обеих Сицилий, в отсутствие полномочного министра неоднократно занимая должность поверенного в делах (1785–1788, 1793–1795, 1796–1797 гг.) Его ранняя биография нетипична для дипломата: А.Я. Италинский был выходцем из малороссийского мелкопоместного дворянства (его семье принадлежало «разное недвижимое имение» в Роменском уезде Черниговского наместничества)[433]. После окончания Киевской духовной академии в 1761 г. он поступил на медицинскую службу, работал в Санкт-Петербургском морском госпитале, а во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был полковым врачом в Пермском карабинерском полку[434]. После увольнения со службы (1770 г.) Италинский уехал за границу, подолгу проживал в Англии и Голландии и даже получил степень доктора медицины в Лейденском университете[435]. 11 сентября 1783 г. А.Я. Италинский был зачислен в КИД в чине коллежского асессора и был определен канцелярским служителем к

---

[432] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 638.

[433] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1576. Л. 1об. –2 (Послужной список А.Я. Италинского, составленный не ранее 1827 г.) Важно отметить, что вопрос о происхождении А.Я. Италинского нельзя считать до конца решенным. Он вполне мог быть представителем духовенства, получившим личное дворянство при поступлении на службу, а затем и потомственное дворянство при зачислении в КИД (1783 г.) Ф.П. Фонтон, сын П.А. Фонтона, в начале XIX века служившего под началом А.Я. Италинского в Константинополе, писал в своих воспоминаниях: «Италинский и все. Первый и последний своего имени. Мог бы также называться Попович, ибо был сын попа» (Воспоминания Ф.П. Фонтона. Юмористические, политические и военные письма. Лейпциг, 1862. С. 19).

[434] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 130.

[435] *Гребенщикова Г.А.* Андрей Яковлевич Италинский // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 21–23.

неаполитанской миссии, которую в то время возглавлял граф А.К. Разумовский. Известно, что в первый год своего пребывания при миссии Италинский занимался бумажной работой и переписыванием набело некоторых донесений полномочного министра, адресованных вице-президенту КИД[436], а после прибытия в Неаполь графа П.М. Скавронского был произведен в советники посольства (20 февраля 1785 г.) и в последующие годы неоднократно занимал должность поверенного в делах. При этом его продвижение в чинах в это время шло достаточно медленно: только в сентябре 1793 г. А.Я. Италинский был произведен в коллежские советники и в том же месяце получил свою первую награду, орден Св. Владимира 4-й степени[437].

В 1780-е–1790-е гг. А.Я. Италинский для своего продвижения по карьерной лестнице и укрепления собственного статуса активно использовал социальный капитал в виде тесных связей с влиятельными сановниками, занимавшими важные посты в КИД. Своим назначением на дипломатическую службу в 1783 г. дипломат скорее всего был обязан знакомству со статс-секретарем императрицы Екатерины II и будущим руководителем КИД А.А. Безбородко, который еще в конце 1770-х гг. выбрал его в качестве воспитателя для своего племянника Аполлона Кочубея, младшего брата В.П. Кочубея[438] (хотя нельзя исключать, что важную роль в судьбе Италинского мог сыграть И.М. Симолин, занимавший должность российского посланника в Великобритании[439]). В следующем, 1784 г., уже будучи сотрудником КИД, А.Я. Италинский сопровождал А.П. Кочубея в путешествии по Италии и

---

[436] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 162. Л. 11, 57–57об. Две депеши, написанные почерком А.Я. Италинского.

[437] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1576. Л. 1об. – 2.

[438] *Григорович Н.И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. 1747–1787 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. XXVI. СПб., 1879. С. 252, 254, 489. По мнению Г.А. Сибиревой А.Я. Италинский был воспитателем Виктора Павловича Кочубея, однако это предположение не вполне подтверждается источниками (*Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 42).

[439] *Гребенщикова Г.А.* Указ. соч. С. 22–23.

весной 1784 г., находясь со своим воспитанником в Венеции, познакомился с молодым графом С.Р. Воронцовым (в 1782–1784 гг. он занимал должность российского полномочного министра в Венеции, а в 1784–1806 гг. был российским министром в Лондоне). В письме своему брату графу А.Р. Воронцову от 24 апреля (5 мая) 1784 г. граф Семен Романович с похвалой отозвался о юном племяннике А.А. Безбородко, видя в его характере и образовании в первую очередь заслугу «гувернера» А.Я. Италинского[440].

Впоследствии именно А.А. Безбородко и С.Р. Воронцова А.Я. Италинский считал своими главными покровителями (важно отметить, что в 1780-е гг. они оба были частью т.н. «воронцовской клиентелы», влиятельной придворной «партии», сформировавшейся вокруг сенатора и президента Коммерц-коллегии графа А.Р. Воронцова[441]). Особые надежды Италинский возлагал на Безбородко, видя именно в нем своего главного «мецената». Об этом красноречиво свидетельствуют материалы личного архива дипломата, среди которых сохранился недатированный черновик письма Италинского графу Безбородко, написанный в конце 1780-х гг.[442]: ссылаясь на «милости отличные» и дружбу со стороны «особ, весьма тесным образом родства с Вами сопряженных», Италинский декларировал своему корреспонденту «право просить Вас без посредников обо всем, чего я от покровительства Вашего ожидать могу» (в данном случае он передавал пожелания российских консулов на Сицилии и в Рагузе Ф. Доте (д’Отэ) и А. Джика об уплате долгов, переводе на другой пост и получении ордена). Очевидно, что к тому

[440] Архив князя Воронцова, кн. IX. М., 1876. С. 7.

[441] О «воронцовской клиентеле», ее роли в придворной и политической жизни 1780-х гг. см. подробнее: «…Душевно к вам привязан»: Переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы) / сост. и науч. ред. Майя Лавринович. М., 2022. С. 55–67.

[442] В тексте документа упоминается П.М. Скавронский («Павел Мартынович»), при этом один из просителей, российский консул в Мессине Фридрих Дотэ (d’Oteé), желал, по словам Италинского, получить новое назначение во Францию или Испанию, а значит, черновик был скорее всего написан до Французской революции.

моменту среди российских консулов и других сотрудников российской миссии в Неаполе А.Я. Италинский пользовался репутацией протеже графа А.А. Безбородко. Черновик письма свидетельствует о том, что он не только старался поддерживать этот имидж, но и был готов отстаивать право на прямое взаимодействие с «Благодетелем» перед лицом своего непосредственного начальника графа П.М. Скавронского, формально стоявшего к графу Безбородко гораздо ближе по иерархии («Многие хотели просить В[аше] С[иятельст]во, я всех просил, особливо графа Павла Мартыновича, не брать на себя такого труда… Пусть В[аше] С[иятельст]во так сделает, чтоб они [консулы – А.А.] остались в тех же мыслях, которые ныне имеют о Ваших ко мне расположениях»)[443]. В другом, зачеркнутом фрагменте того же письма А.Я. Италинский фактически изложил свое жизненное кредо: «Я считаю свойственным природе человеческой стараться о приращении счастия своего, и признаю простительною для меня вещь возлагать по сему обстоятельству все мое упование на Вас»[444]. Несмотря на то, что А.А. Безбородко не всегда отвечал на письма А.Я. Италинского («меценат мой оставил меня»), советник посольства и в последующие годы продолжал считать его своим главным покровителем. Об этом, в частности, свидетельствуют строки одного из его более поздних писем А.А. Безбородко (тогда уже канцлеру) с жалобой на тяжелое материальное положение (16 (27) ноября 1798 г.): «Высокое покровительство, в котором изволите Ваша Светлость содержать меня, изъявляя оное благодеяниями, составляющими пятнадцатилетнее мое служение щастливейшею частию жизни моей…»[445]

Граф С.Р. Воронцов, с которым А.Я. Италинский познакомился в 1784 г., являлся для него альтернативным «каналом связи» с Санкт-Петербургом (особенно в те моменты, когда А.А. Безбородко подолгу не отвечал на письма дипломата). Как минимум с начала 1790-х гг. А.Я. Италинский регулярно писал Воронцову в

[443] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 362–362об.

[444] Там же. Л. 362.

[445] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 268. Л. 1–1об.

Англию с просьбой ходатайствовать за него перед Безбородко и другими влиятельными фигурами в Санкт-Петербурге, а также искренне жаловался на состояние здоровья, скудость материального положения и житейские трудности. Интересно, что взаимоотношения между двумя дипломатами имели ярко выраженный характер культурного сотрудничества: Италинский регулярно присылал Воронцову копии нотных сочинений неаполитанского композитора Дж. Паизиелло и географические карты, а взамен просил снабжать его книгами по филологии и древней истории, к которым в течение всей своей жизни испытывал особый интерес[446].

Со временем еще одним важным покровителем А.Я. Италинского стал племянник А.А. Безбородко граф Виктор Павлович Кочубей (в 1794–1798 гг. – российский министр в Константинополе, в 1798–1799 гг., 1801–1802 гг. – вице-президент КИД). Интересно, что и его взаимоотношения с Италинским также были тесно связаны со сферой культуры и искусства: так, осенью 1799 г., находясь вместе с эскадрой адмирала Ф.Ф. Ушакова в Неаполе, А.Я. Италинский параллельно выполнению своих основных обязанностей по поручению Кочубея занимался поиском антиков «для комнат и для саду», однако не смог найти ничего, кроме «нескольких посредственных бюстов» (в тот момент, после краха Неаполитанской

---

[446] Некоторые письма А.Я. Италинского графу С.Р. Воронцову были опубликованы П.И. Бартеневым (Архив князя Воронцова, кн. XX. М., 1881, С. 261–314). В 1790-е гг. интерес А.Я. Италинского к античной культуре особенно ярко проявился в его сотрудничестве с британским послом в Неаполе У. Гамильтоном, вулканологом-любителем и антикваром. Именно перу Италинского принадлежат описания изображений на этрусских и греческих вазах из личной коллекции У. Гамильтона в четырехтомном сборнике, составленным британским послом совместно с немецким художником И.Г.В. Тишбейном (*Jenkins I., Sloan K.* Vases and Volcanoes: Sir William Hamilton and His Collection. British Museum Press, 1996. P. 56). Впоследствии, заняв пост российского министра в Османской империи, Италинский активно занялся изучением восточных языков и собиранием рукописей, некоторые его работы были опубликованы в журнале «Mines de l'Orient» (см.: *Крачковский И.Ю.* Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве» // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 23–30).

революции и на фоне усиления в столице роялистского террора антикварный рынок переживал тяжелые времена – Италинский констатировал: «Надобно ожидать времени, когда продавцы не будут подвержены [нрзб] полицейским и всем от того следующим притеснениям и обидам»)[447].

Особенно часто к помощи своих покровителей А.Я. Италинский обращался в течение 1795 года. К тому времени он уже полтора года возглавлял миссию в качестве поверенного в делах (после смерти графа П.М. Скавронского в ноябре 1793 г.) и, не получая за это прибавления к жалованию, активно пытался улучшить свое материальное положение, добиваясь разрешения покинуть Неаполь. В письме графу А.А. Безбородко, написанном в начале 1795 г., черновик которого сохранился в личном архиве Италинского, дипломат просил о получении нового поста в Риме («…не смею просить о помещении меня в Рим…»), на острове Миконос (в качестве «генерального консула») или в Крыму («Желал бы я, чтоб возможность была поместить меня в Тавриде, где климат походит на здешний»)[448]. Приемлемой альтернативой для А.Я. Италинского было и «увольнение на год в отпуск», о чем он также просил графа Безбородко[449]. Безуспешно дожидаясь ответа от Безбородко в течение пяти месяцев, в июне 1795 г. Италинский решил прибегнуть к помощи не только графа С.Р. Воронцова, но и Дмитрия Прокофьевича Трощинского (в тот

---

[447] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 290–290об. Черновик письма А.Я. Италинского графу В.П. Кочубею от 14 (25) ноября 1799 г.

[448] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 363.

[449] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 360. Черновик письма А.Я. Италинского графу С.Р. Воронцову (ответ на письма С.Р. Воронцова от 13 (24) марта и 1 (12) мая 1795 г., в которых тот советовал Италинскому проявлять терпение). Этот документ ярко свидетельствует об эмоциях, которые в тот момент испытывал Италинский, так и не получивший ответа от Безбородко: «...Пять месяцев уже ожидаю на оное [письмо] ответа и не смею ласкать себя, что буду иметь щастие сие. Что мне делать? Переселиться в незнакомое место и жить бедно, оставить службу, обратить на заплату долга большую часть жалования, которое доведется за последнюю треть, переселиться в незнакомое место, жить бедно [sic!], довольствоваться спокойствием духа, благорастворимостью воздуха, чтением...» (Там же. Л. 360–360об.).

момент – статс-секретаря императрицы Екатерины II). В итоге, именно от него Италинский в конце 1795 г. получил ответ об одобрении КИД выдачи денег за все время выполнения им обязанностей поверенного в делах (по «сту ефимок» за месяц), а также предоставлении ему «увольнения… с сохранением жалования на год» (соответствующий указ был подписан императрицей Екатериной II 20 августа 1795 г.) В конце письма Д.П. Трощинский, который и сам был обязан своей карьерой А.А. Безбородко (чье положение при дворе к тому времени серьезно ослабло из-за интриг графа П.А. Зубова), обещал Италинскому свое покровительство и помощь в выборе нового места службы: «Я прошу Вас дать только мне знать о месте, какое Вы выберете для своего пребывания... Уверяю Вас, что Вы имеете во мне усерднейшего о пользе Вашей ходатая...»[450]

К моменту получения письма от Д.П. Трощинского А.Я. Италинский уже находился в Триесте. Из Неаполя он уехал 17 августа 1795 г. «под видом болезни» и с разрешения нового полномочного министра графа Ф.Г. Головкина, сначала поехав на Сицилию, а уже оттуда отправившись в австрийские владения и прибыв в Триест 19 сентября 1795 г.[451] (сам Ф.Г. Головкин в своей депеше вице-канцлеру графу И.А. Остерману от 4 (15) сентября признавался, что отъезд Италинского на Сицилию, «необходимый» для улучшения здоровья советника посольства, стал для него самого «настоящей потерей»: «Для меня это настоящая потеря, так как во всех отчетах сложно быть интереснее, чем он (c'est une perte réelle pour moi, car sous tous les rapports il est difficile d'être plus interessant que lui)»[452] – этот фрагмент ярко свидетельствует о том, что именно Италинский в середине 1790-х гг. был главным «поставщиком» информации, содержавшейся в донесениях полномочного

[450] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 354–354об. Письмо Д.П. Трощинского от 21 августа 1795 г.

[451] В личном архиве А.Я. Италинского сохранились бумаги, связанные с его поездкой: контракт на проезд от Мессины до Триеста, подсчеты расходов, выполненные им в столбик, и подробная опись вещей, которые он взял с собой (простыни, чулки, носовые платки, рубашки, медикаменты, включая «старый морфин (morphin vecchio)» и т.д.) (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 9. Л. 1–4об.).

[452] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 37об.

министра). В Триесте Андрей Яковлевич намеревался провести зиму, а затем поехать в Санкт-Петербург, надеясь на возможность получить новую должность в Крыму (в письме, адресованном Трощинскому, он писал: «Я теперь нахожусь в Триесте, где и житье не дорого, и зима легкая, проведши декабрь и генварь месяц, отправлюсь в С.П.бург [sic!] и надеюсь в исходе февраля или в начале марта иметь щастие видеть вас... Как по причине здоровья моего не могу я отважиться основать жизнь мою в каком-либо месте, где строгие бывают в зимнее время стужи, прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать мне место в Тавриде...»[453]). Судьба, однако, распорядилась иначе: 27 декабря 1795 г. (7 января 1796 г.) А.Я. Италинский, находясь в Триесте, получил из Санкт-Петербурга бумаги об отзыве графа Ф.Г. Головкина и своем назначении поверенным в делах, после чего был вынужден вернуться в Неаполь[454]. Несмотря на «легкость» зимы в Триесте, кажется, что именно растянувшееся на несколько месяцев пребывание в австрийском портовом городе особенно негативно отразилось на здоровье советника посольства. Граф Ф.Г. Головкин, сообщая о возвращении Италинского в Неаполь (15 (26) января), охарактеризовал его как «больного и уставшего» («il est malade et fatigué»)[455], а сам Италинский впоследствии жаловался графу С.Р. Воронцову на обострившиеся в Триесте проблемы с легкими: «С того времени, как я в Триесте занемог грудью, поныне харкаю кровью. Климат здешний дает мне жизнь. Север дает мне смерть»[456].

---

[453] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 351–351об. Черновик письма А.Я. Италинского.

[454] Там же. Л. 347–347об. Депеша вице-канцлера графа И.А. Остермана о назначении А.Я. Италинского поверенным в делах от 5 декабря 1795 г. (с пометой о получении).

[455] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 252. Л. 7.

[456] Архив князя Воронцова, кн. XX. М., 1881. С. 277–278. А. Чарторыйский впоследствии писал об А.Я. Италинском в своих мемуарах: «Его карьере помогло и состояние его здоровья; он считал себя умирающим; у него было, кажется, нечто вроде аневризма, принуждавшего его вести очень правильную и уединенную жизнь; но аневризм этот длился многие годы» (Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вст. ст. А. Кизеветтера. Т. 1. М., 1912, С. 192). Хотя корреспонденция Италинского действительно

Еще находясь в Триесте, А.Я. Италинский просил вице-канцлера предоставить ему возможность воспользоваться годовым отпуском после того, как в Неаполь прибудет новый полномочный министр (депеша от 1 (12) января 1796 г.)[457] Реальность, однако, оказалась совершенно другой: в последующие годы Италинский был вынужден оставаться на своем посту и так и не покинул Южную Италию до 1802 г. санкт-петербургский двор был особенно заинтересован в пребывании А.Я. Италинского в Королевстве Обеих Сицилий, чему способствовали его хорошая репутация, колоссальный опыт и широкий круг связей, которые он успел завязать за более чем десятилетнее служение в Южной Италии.

Репутация и опыт Италинского были особенно отмечены в рескрипте императора Павла I новому полномочному министру при неаполитанском дворе графу В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу (февраль 1797 г.), который предписывал молодому посланнику не пренебрегать помощью советника посольства и пользоваться теми знаниями, которые Италинский успел приобрести за долгие годы службы: «Усердие его [А.Я. Италинского] к службе, благоразумное поведение и опытность в делах, тамошним двором неоднократно засвидетельствованные, обрели ему особливое благоволение наше, а потому мы желаем, чтоб Вы, уважая сии достоинства, не пренебрегали его советов во всех случаях, могущих вас затруднять, и при вступлении вашем в должность руководствовались теми сведениями, которые он вам преподать может о настоящем положении дел неаполитанского кабинета, о людях, оным управляющих, одним словом о всем том, что нужно к успеху поручаемого вам служения»[458]. Одним из знаков монаршего благоволения к коллежскому советнику Италинскому стало его повышение в чине:

может свидетельствовать о том, что он страдал ипохондрией, его проблемы с легкими были вполне реальными. В 1827 г. именно инфаркт легкого («apoplexia pulmonum») был назван главной причиной смерти дипломата в протоколе о вскрытии его тела, составленном римскими врачами (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 9. Л. 35об.).

[457] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 1об.

[458] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 1об.

в соответствии с указом Павла I от 14 октября 1797 г. он был произведен в статские советники[459]. Практически через год, императорским рескриптом от 9 октября 1798 г. советник посольства был пожалован орденом Св. Анны второго класса[460].

Какие отношения сложились между В.В. Мусиным-Пушкиным и А.Я. Италинским – на первый взгляд достаточно непростой вопрос, в силу крайней скудности источников личного происхождения. Содержание одного из писем А.Я. Италинского графу С.Р. Воронцову заставило Г.А. Сибиреву прийти к выводу, что советник посольства относился к новому полномочному министру критично, прежде всего, в силу существовавшего между ними «несходства в склонностях» и значительной разницы в возрасте («Чувствительные неприятности быть с министром, которого лета и склонности весьма далеки от моих, весьма предосудительны здоровью моему»[461]). При этом Г.А. Сибирева полагала, что одной из главных причин антипатии советника посольства к Мусину-Пушкину могли быть зависть и карьеризм: якобы Италинский сам хотел получить должность посланника, и появление Мусина-Пушкина помешало его планам[462]. В действительности ситуация была совершенно другой: в 1798–1799 гг. А.Я. Италинский все еще хотел воспользоваться годовым отпуском, одобрения которого он с таким трудом смог добиться в 1795 г. Именно слабость собственного здоровья и тяжелое материальное положение, усугубившееся из-за финансового кризиса в Неаполитанском королевстве, в конце 1798 г. – начале 1799 г. заставляли его регулярно писать канцлеру А.А. Безбородко, прося разрешения вернуться в Российскую империю («Обстоятельства Государства сего причиняют ущерб в достоинстве жалованья моего, оный отнимает у меня возможность предохранить

[459] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 262. Л. 2–2об. Канцелярская цидула из КИД от 19 октября 1797 г.

[460] См. реляцию А.Я. Италинского Павлу I с «изъявлением раболепных чувствований» от 16 (27) ноября 1798 г.: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 266. Л. 1–1об.

[461] Архив князя Воронцова, кн. XX. М., 1881. С. 278.

[462] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 126.

себя от неприятнейших затруднений, последовать имеющих, ежели продолжится пребывание мое при здешней миссии»[463]).

Тем не менее, важно подчеркнуть, что в конце 1798 – начале 1799 гг. А.Я. Италинский действительно находился в остром конфликте с В.В. Мусиным-Пушкиным-Брюсом, однако прямо не сообщил об этом ни графу С.Р. Воронцову, ни руководителям КИД, в письмах к ним ограничиваясь лишь общими фразами и туманными намеками (так, в одном из двух писем графу А.А. Безбородко от 26 февраля (9 марта) 1799 г., написанных из Палермо, советник посольства добавлял после своих жалоб на материальные затруднения: «Имею я и другую причину, не меньше истинную и без сравнения больше важную. Находится в положении моем здесь источник столь частых и чувствительных для меня огорчений, что я не могу доставить себе пособия против оных никакими рассуждениями, взаимствуемыми от скромности, от ревности к службе, от боязни беспокоить Начальников, благодетелей и покровителей моих. Нещастие такое особливо предосудительно здоровью моему и низведет меня в могилу»[464]).

Гораздо более богатый материал для реконструкции конфликта между советником посольства и полномочным министром представляют черновики писем А.Я. Италинского, сохранившиеся в его личном архиве. В одном из них, также адресованном кому-то из покровителей («Его Высокопревосходительству») и написанном тогда же, в феврале – марте 1799 г., советник посольства со всей откровенностью жаловался на В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, сделавшего, как он уверял, «нестерпимым» его положение в Южной Италии: «Граф Василий Валентинович почитая что одно имя министра должно поставить его во мнении общем столь высоко сколь ему угодно, пренебрегает прочие средства нужные для приобретения желаемого им уважения. Каково поведение сие, такие следствии противные самолюбию и тщеславию его, которыми граф чрезвычайно отличает себя. Не хочет видеть прямой сему причины, обвиняет меня и всякой знак

[463] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 268. Л. 1об.

[464] Там же. Л. 1

благорасположения, оказываемого мне Их величествами и министерством, считает ущербом чести своей и нарушением прав его... На сих днях без всякой… причины имел он со мною объяснения, которые действительно больным меня сделали»[465]. Неизвестно, было ли, в итоге, отправлено это письмо, но в том же черновике Италинский упомянул о том, что через князя Бельмонте сообщил о своем желании покинуть Южную Италию королевской фамилии и Дж. Актону, которые решили ходатайствовать перед императором Павлом I об оставлении советника посольства на Сицилии для осуществления связи между королевским правительством и войсками союзников[466].

Речь шла, таким образом, не просто о несходстве в «склонностях» (как А.Я. Италинский сообщил С.Р. Воронцову), а о системном конфликте, вызванном несоответствием реальных ролей, которые Италинский и Мусин-Пушкин играли при миссии, формально занимаемым ими должностям. Именно А.Я. Италинский фактически возглавлял работу посольства, в том числе по сбору информации (в своей жалобе, прося об увольнении, он подчеркивал: «…должен буду оставить все связи, от которых я получаю сведения для депеш…»[467]) и пользовался особым доверием неаполитанского двора, прежде всего, королевы Марии Каролины и первого министра Дж. Актона. Источники свидетельствуют, что неаполитанская королева начала проявлять к советнику российского посольства особое внимание с начала 1790-х гг. Как уже отмечалось, в апреле 1793 г. она в обход номинального главы миссии графа П.М. Скавронского сообщила А.Я. Италинскому информацию об инструкциях французского представителя в Константинополе. Характерно, что в тот момент Италинский, еще не привыкший к подобным знакам внимания и опасавшийся возможного недовольства в Санкт-Петербурге, счел нужным написать об этом вице-канцлеру И.А. Остерману, прося проинструктировать его, как ему следовало бы действовать, если его и дальше будут «употреблять... подобным

[465] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 112об. –113.

[466] Там же. Л. 113.

[467] Там же.

образом» [468] (известно, что это был уже не первый подобный случай, а в дальнейшем неформальные контакты между А.Я. Италинским и королевой продолжались регулярно, о чем свидетельствуют его более поздние донесения). Достаточно доверительными были и отношения Италинского с Дж. Актоном: в своих депешах и реляциях за 1793–1802 гг. он неоднократно упоминал о конфиденциальных беседах с всесильным министром, совместном чтении дипломатической переписки, а также о содействии и поддержке, которые Актон неоднократно оказывал российской миссии в исполнении повелений из Санкт-Петербурга [469] . Важно отметить, что после административной реформы, произошедшей весной 1795 г., подобное взаимодействие с Актоном фактически происходило в обход официальных правил, требовавших, чтобы поверенные в делах и полномочные министры иностранных дворов обращались напрямую к секретарю департамента иностранных дел (эту должность в разное время занимали князь Кастельчикала и маркиз ди Галло). С одной стороны, на символическом уровне это должно было свидетельствовать об особом доверии неаполитанского двора к Российской империи (уже граф Ф.Г. Головкин отмечал в одном из своих первых донесений из Неаполя (6 (17) июля 1795 г.), что обхождение с ним Дж. Актона было «далеко за пределами обычных норм»[470], связывая это с особыми «чувствами» королевской четы к российской императрице). С другой стороны, в случае с Италинским это был еще и знак особого персонального доверия. Важно отметить, что А.Я. Италинский продолжал напрямую взаимодействовать с неаполитанским двором и в то время, когда в Южной Италии уже находился новый

[468] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 231. Л. 1–4об.

[469] В реляции от 28 апреля (10 мая) 1800 г. А.Я. Италинский писал: «Никто не может больше Генерала Актона быть мне полезен в служении моем при здешнем дворе. В долговременное его здесь пребывание в звании первого Министра с отличным усердием и искренностию поступал он всегда, когда я по каким либо делам Императорской Вашей службы имел нужду в содействии его» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 65–65об.).

[470] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 11об.

российский полномочный министр, а сам он, сложив с себя обязанности поверенного в делах, вернулся к исполнению должности советника посольства. В черновике письма графу С.Р. Воронцову, написанном в начале 1799 г. он сообщал о том, как еще в июне 1798 г. представил неаполитанскому двору, что без помощи со стороны императора Павла I «Королевство Неапольское неминуемо порабощено будет Франциею», однако его предупреждение так и не было услышано («Жаль, что для маловажности пророка не уважено пророчество») [471] . Более того, сохранившийся в личном архиве Италинского собственноручный черновик письма вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову от 4 (15) декабря 1798 г. (с просьбой отправить несколько русских фрегатов в крейсирование у итальянских адриатических берегов) ярко свидетельствует о том, что советник посольства или уже в то время играл роль посредника между неаполитанским министерством и русским адмиралом, находясь с ними в прямой переписке («Сии обстоятельства повод подали маркизу ди Галло написать ко мне письмо... Письма Вашего Превосходительства, которыми вы изволили честь мне сделать...»), или же самостоятельно составлял бумаги, направлявшиеся вице-адмиралу от имени В.В. Мусина-Пушкина-Брюса[472].

Фактически к концу 1790-х гг. А.Я. Италинский, человек опытный и осторожный, хорошо владевший французским и итальянским языками, имевший влиятельных покровителей в Санкт-Петербурге и тесно взаимодействовавший с местным правительством, был реальным руководителем миссии, главным координатором обширной сети осведомителей (включавшей в первую очередь российских консулов в Италии и на Балканах[473]) и обладал глубоким знанием

---

[471] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 114об.

[472] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 293–293об. Второй вариант кажется более правдоподобным: в августе 1799 г. Ф.Ф. Ушаков в письмах Италинскому ошибочно называл его «Андреем Леонтьевичем», а значит, до этого вряд ли состоял с ним в длительной переписке.

[473] О связях советника посольства с консулами, двое из которых (А. Манзо в Мессине и Дж. Каламаи в Ливорно) поддерживали с А.Я. Италинским дружеские связи см.: Агеев А.С.

Южной Италии и неаполитанского двора, с которым не могли не считаться новые полномочные министры (в своей записке императрице Екатерине II, написанной в феврале 1796 г., граф Ф.Г. Головкин изобразил советника посольства именно таким образом, приписав ему следующую реплику (в ответ на известие о том, что королева Мария Каролина пригласила Головкина на частную аудиенцию): «Эта манера необычна (inusitée), однако я ожидал чего-то подобного. Вы очень понравились Ее Величеству, и от той беседы, которая Вас ждет, будет зависеть все Ваше последующее существование в Неаполе; если Вам нравится управлять, Вы могли бы это делать. Если Вы об этом не заботитесь, то надлежит сообщить об этом с самого начала (si vous aimer à gouverner, vous le pourrez. Si vous ne vous en souciez pas, il faut vous prononcer d'abord) »[474]).

Если А.Я. Италинский с 1780-х гг. играл в функционировании посольства главную роль, то граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, подобно одному из своих предшественников графу П.М. Скавронскому, являлся главой миссии лишь номинально (в письме Италинскому от 11 марта 1799 г. российский генеральный консул в Месине А. Манзо именно неопытностью Мусина-Пушкина объяснял оставление советника посольства при миссии, несмотря на его многочисленные просьбы об отпуске, охарактеризовав молодого полномочного министра как «новичка в дипломатической карьере и малоспособного в том числе из-за плохого состояния собственного здоровья (un giovane ministro novizio nella cariera diplomatica, e puoco abbile anche per lo stato cattivo della sua salute)»[475]). Важно отметить: хотя оценка А.Я. Италинским графа Мусина-Пушкина-Брюса как человека невероятно «самолюбивого» и «тщеславного» была, безусловно, вызвана

Неаполитанская миссия А. Я. Италинского по материалам личного архива дипломата (опыт реконструкции дипломатической повседневности) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 8 (154). [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840036453–7–1/ (дата обращения: 18.03.2026).

[474] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 251. Л. 10–10об.

[475] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 20.

сильными негативными эмоциями, она удивительным образом перекликается с характеристикой, которую российскому полномочному министру впоследствии дал мичман российского флота Е.Е. Левенштерн, записавший в своем дневнике 4 августа 1799 г. (после приема в Палермо в честь праздника Св. Розалии): «Мне не понравилось поведение нашего посла. Он еще совсем не старый человек, а ведет себя чопорно и важно; мне его манеры так бросались в глаза, что я еле удерживался от смеха»[476].

Прошение Италинского о годовом отпуске было получено в Санкт-Петербурге весной 1799 г. и даже было одобрено императором, однако перемена военно-политической обстановки в Южной Италии и просьбы со стороны неаполитанского двора заставили Павла I отложить решение об отпуске до лучших времен (характерно, что герцог ди Серракаприола, описывая свое представление вице-канцлеру В.П. Кочубею по этому вопросу и давая самую высокую оценку «характеру и талантам г-на Италинского», указывал: «Российский императорский министр (В.В. Мусин-Пушкин – А.А.) найдет в умениях и опыте г-на Италинского совершеннейшую помощь (il Ministro Imperiale di Russia troverà tutta l'assistenza nella conoscenza ed esperenza del Sig. Italinsky)»[477]). В конце мая 1799 г. после получения просьбы сицилийского двора о наделении советника посольства особыми полномочиями на А.Я. Италинского было возложено поручение взаимодействовать с неаполитанским двором и союзниками России по военным вопросам (сам А.Я. Италинский поначалу считал главной причиной своего нового назначения «действие благодетельных... отзывов» С.Р. Воронцова к вице-канцлеру В.П. Кочубею[478] и, в целом, уже не проявлял желания вернуться в Россию, осенью 1799 г. ходатайствуя перед В.П. Кочубеем о получении «какого ни есть звания в

---

[476] *Левенштерн Е. Е.* Дневники Е.Е. Левенштерна, офицера Русского Императорского флота / пер. с нем. Т. К. Шафрановской и А. Шурбелева. СПб., 2024. С. 69.

[477] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 109об.

[478] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 151. Черновик письма А.Я. Италинского графу С.Р. Воронцову.

Италии»[479]). В конце марта / начале апреля 1800 г. А.Я. Италинский в соответствии с рескриптом императора Павла I от 23 января 1800 г. занял должность российского полномочного министра при сицилийском дворе вместо В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, получив чин действительного камергера. Новым знаком отличия стало пожалование А.Я. Италинского орденом Св. Иоанна Иерусалимского (сентябрь 1800 г.)

Интересно, что сам А.Я. Италинский в это время испытывал серьезные сомнения как в настоящей пользе своей службы в Южной Италии, так и в том, насколько его пребывание на Сицилии соответствовало желанию сицилийского двора. В его личном архиве сохранился короткий текст, собственноручно написанный дипломатом по-французски (скорее всего после 1800 г.), в котором содержатся следующие строки: «Всегда, когда мой двор оказывал мне какую-то милость, я должен был благодарить за это Их С[ицилийских] В-в (LL.MM.SS.), поскольку они влияли на это, давая уверения в том, что они мной довольны. Это приучило меня думать, что мое пребывание здесь приятно Их В-вам. Император изволил отличить меня в совершенно особой манере, и в такой манере, которая, как я думал, должна была быть особенно приятна Их В-вам. Происходит прямо противоположное (Le contraire arrive)... Я должен удвоить свое усердие по отношению к своему государю (maître) и своим служением доказать, что я заслуживаю этих отличий. Я не могу быть ему полезным. Из-за этого я нахожусь в отчаянии, не зная, как выполнить свой долг усердного подданного, благодарного подданного. Каковым я являюсь»[480]. С какой целью А.Я. Италинским был написан этот текст, сказать сложно, но он прекрасно иллюстрирует эмоции, которые дипломат испытывал незадолго до завершения неаполитанского этапа своей карьеры. С одной стороны, Андрей Яковлевич чувствовал собственную беспомощность в делах (в том числе из-за периферийности российской миссии в

[479] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 290об. Черновик письма А.Я. Италинского графу В.П. Кочубею, 14 (25) ноября 1799 г.

[480] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 333об.

Южной Италии), с другой стороны, прекрасно осознавал тот факт, что именно неаполитанскому двору он был в значительной степени обязан своим восхождением по карьерной лестнице в 1799–1800 гг.

Помимо полномочного министра и советника посольства, в 1790-е гг. при миссии состояло еще два сотрудника «для исправления письменных дел»: находившийся в Южной Италии с 1790 г. капитан Николай Загоровский, «на месте титулярного советника», и переводчик Петр Немеровский, с 1787 г. исполнявший обязанности актуариуса [481] («на студентском месте»). Оба они, также как и А.Я. Италинский, происходили из «малороссийского дворянства». При этом карьерный путь и профессиональные умения канцелярских служителей были различными, также как и их материальное положение (Загоровский к началу 1790-х гг. не имел недвижимого имущества, в то время как за Немеровским числились «земли в Киевском наместничестве»[482]).

Николай Загоровский в 1775–1787 гг. служил в армии, сначала капралом гвардии, а затем «сержантом от бомбардир» (при этом в военных походах не участвовал). В 1787 г. был произведен в капитаны, после чего «за болезнями» оказался уволен со службы. Спустя два года, в мае 1789 г. («по излечении») его приняли на службу в КИД, и уже 1 февраля 1790 г. он был определен к российской миссии в Неаполе [483] . Продвижение Загоровского по службе было довольно медленным: лишь 12 ноября 1797 г. он был произведен в коллежские асессоры[484]. Отзывы о Николае Загоровском его начальников свидетельствовали о том, что в течение своего долгого пребывания в Южной Италии он не мог должным образом исполнять свои служебные обязанности из-за неких «болезненных припадков». В.В. Мусин-Пушкин писал в реляции императору Павлу I от 23 июля (3 августа) 1799 г.: «Загоровскому вреден будучи здешний климат, причиняет ему беспрерывно

[481] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 256. Л. 4об.

[482] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 130.

[483] Там же.

[484] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 262. Л. 4. Канцелярская цидула из КИД от 11 декабря 1797 г.

разные болезненные припадки; сии, не позволяя ему упражняться трудами, приличными существу службы его, не допустили его приобресть сведения, необходимо нужные для исправления дел, случающихся при сей Миссии. В следствие чего не был он никогда употреблен предместниками моими, и мне никаким образом не может быть полезен»[485]. Интересно, что после наделения А.Я. Италинского новыми полномочиями (июль 1799 г.), когда встал вопрос о необходимости выделить ему одного из двух канцелярских служителей, В.В. Мусин-Пушкин попытался предложить советнику посольства именно Н. Загоровского, однако Италинский отказался и написал реляцию в Санкт-Петербург, прося прислать в Южную Италию кого-нибудь из сотрудников российской миссии в Турине (свой отказ от работы с Загоровским в этом донесении советник посольства обосновывал «недостаточным знанием» титулярным советником французского и итальянского языков[486]). Впоследствии Мусин-Пушкин попытался избавиться от Николая Загоровского, испросив для него разрешение на отпуск [487] (формально – для разрешения «домашних его дел» и из-за «поврежденного его здоровья, требующего необходимо перемены климата»[488]), однако это прошение осталось без ответа, из-за чего 20 (31) октября 1799 г. полномочный министр счел необходимым еще раз сообщить в новой депеше вице-канцлеру В.П. Кочубею: «Помянутый Загоровской, не имея сведений, нужных в настоящем его звании, и не стараясь приобресть их впредь, был прежде, также как и ныне совершенно бесполезен сей Императорской Миссии»[489]. Более того, сравнивая двух канцелярских служителей, Мусин-Пушкин утверждал, что «праздное и бесполезное пребывание» Загоровского при миссии «весьма

[485] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 39–40.

[486] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 4об.–5.

[487] В депеше от 22 июня (3 июля) 1799 г. (среди документов миссии этой депеши нет – возможно, она была перехвачена французами, как подозревал сам В.В. Мусин-Пушкин).

[488] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 293. Л. 1об.

[489] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 277. Л. 16об.

оскорбительно» для «ревностного и благоуспешного похвального служения» Немеровского [490]. Характерно, что негативную характеристику канцелярскому служителю в то время дали не только его начальники, но и сам король Обеих Сицилий Фердинанд IV. В письме герцогу ди Серракаприола, написанном в начале 1800 г., он назвал Загоровского «очень дурным подданным (un très mauvais sujét)», обвинив его в даче «пагубных советов» российскому полномочному министру: «Я бы не хотел быть причиной потери им [Мусиным-Пушкиным] своей должности из-за того, что написал Вам 31 августа [1799 г.], так как то, что он сделал, было не более, чем ошибками, свойственными юности, поддержанными плохими советами Загоровского, который действительно является очень дурным подданным» [491]. А.Я. Италинский ни в одном из дошедших до нас частных писем не выразил своего отношения к титулярному советнику посольства, однако можно предположить, что именно Загоровского он мог иметь в виду, сделав надпись на полях черновика своего письма с жалобами на В.В. Мусина-Пушкина (февраль – март 1799 г.): «воспаляем глупыми внушениями одного бездельника ас. [асессора?]»[492]. Всех этих отрывочных данных явно недостаточно для того, чтобы реконструировать характер взаимоотношений титулярного советника Загоровского со своими коллегами по миссии, однако складывается впечатление, что в течение 1799 г. он попытался оказывать влияние на нового полномочного министра (возможно, настраивая его против А.Я. Италинского), однако уже к концу года В.В. Мусин-Пушкин, остро реагировавший на любую попытку умалить свой официальный статус, попытался избавиться от Загоровского, написав руководителям КИД. В конечном счете еще до получения октябрьского донесения Мусина-Пушкина, 12 сентября 1799 г. по именному указу императора Павла I Н. Загоровский был «уволен в отпуск в Россию

[490] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 277. Л. 17об.

[491] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355. Л. 82.

[492] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 113.

на 5 месяцев»[493]. Летом 1800 г. титулярный советник уехал из Палермо вместе со свитой неаполитанской королевы Марии Каролины, отправившейся в Вену[494].

Переводчик российской миссии в Неаполе Петр Немеровский был полной противоположностью своего старшего коллеги. Свою службу он начал в 1777 г. малолетним певчим Императорской придворной Певческой капеллы в Санкт-Петербурге («В службу вступил 1777 года в звание певческое при Дворе Ея Императорского Величества» [495]). Традиция принимать в состав Придворной капеллы мальчиков с территории Украины восходила еще ко второй половине XVII века. Во второй половине XVIII века многие из будущих малолетних певчих заканчивали школу в Глухове или Харьковское певческое училище, после чего проходили отдельный конкурсный отбор для поступления в Придворную капеллу (среди наиболее знаменитых выпускников капеллы второй половины XVIII века были М.С. Березовский и Д.С. Бортнянский). С большой долей вероятности можно предположить, что именно в конце 1770-х–1780-е гг. Петр Немеровский впервые близко соприкоснулся с итальянской музыкальной культурой и должен был на базовом уровне овладеть итальянским языком: в этот период мальчики-певцы из придворной капеллы исполняли не только итальянскую духовную музыку на латинском языке (известно, что именно певцы придворной капеллы в 1774 г. исполнили знаменитую ораторию неаполитанского композитора Дж. Б. Перголези «Stabat mater»), но и с 1783 г. по указу Екатерины II участвовали в постановках концертов и оперных спектаклей [496] (именно итальянская опера была тогда особенно популярна при дворе, а придворным капельмейстером в 1776–1783 гг. был неаполитанский композитор Дж. Паизиелло, многие оперы петербургского периода

[493] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 91. Л. 119об.

[494] 27 сентября 1800 г. королева Мария Каролина упоминала Загоровского (Zagorosky) в письме герцогу ди Серракаприола из Вены: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 200. Л. 215.

[495] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 130.

[496] *Ершов А.И.* Старейший русский хор. Л., 1978. С. 40–49.

написавший на итальянские либретто[497]). Малолетних певчих обучали итальянской технике bel canto, не делая в преподавании большого различия между духовной и светской музыкой, а наиболее способные из них учились пению у итальянских мастеров[498]. В раннем подростковом возрасте, когда происходила ломка голоса, многих мальчиков отчисляли из хора: некоторых отправляли к родителям, некоторых могли перевести на другую службу[499]. Именно так произошло с Петром Немеровским, который 11 января 1787 г. был назначен актуариусом в КИД и определен к российской миссии в Неаполе. Вполне возможно, что помощь при определении на службу ему оказал дядя, служивший в КИД: граф Ф.Г. Головкин в одной из своих депеш вице-канцлеру И.А. Остерману назвал «молодого (jeune) Немеровского» «племянником советника канцелярии Татищева»[500] – в этот период одним из четырех сотрудников КИД на этой должности действительно числился Иван Иванович Татищев, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени (на службе он состоял с 1764 г., а должность советника канцелярии получил 6 января 1787 г., т.е. буквально за пять дней до определения Немеровского к российской миссии в Неаполе)[501]. 25 октября 1790 г. Немеровский был произведен в переводчики. Его дальнейшее продвижение в чинах было медленным: лишь 12 ноября 1797 г., одновременно с Загоровским, он был произведен в коллежские асессоры[502].

---

[497] См.: Италия – Россия: четыре века музыки. М., 2017. С. 56 –87.

[498] *Пляскина Е.В.* Развитие отечественного церковно-певческого образования // Мир науки, культуры, образования. № 1 (4). 2007. С. 39.

[499] *Горулева Е.А.* Краткая летопись придворной Певческой капеллы в рукописи А.Е. Хомутенко // Десятые открытые слушания «Института Петербурга»: Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. СПб., 2003. С. 2–3.

[500] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 73об.

[501] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 88. Л. 2. Список находящимся в КИД господам присутствующим и прочим чинам, также канцелярским служителям, с показанием годовых их окладов, кто с которого года в службе и в настоящих чинах состоит, 1796 г.

[502] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 262. Л. 4. Канцелярская цидула из КИД от 11 декабря 1797 г.

Материалы официального делопроизводства российской миссии в Неаполе свидетельствуют о том, что именно на Петре Немеровском в 1790-е гг. лежали обязанности по ведению текущей бумажной работы. Именно он занимался переписыванием большинства реляций и депеш набело (а при необходимости и их редактурой) [503] , а также от своего имени составлял министерские цидулы, фиксирующие получение информации от КИД, и иногда заверял своей подписью копии отдельных документов [504]. Старательность Петра Немеровского, исправное ведение им дел и знание иностранных языков неоднократно отмечались в донесениях его начальников. В реляции императору от 23 июля (3 августа) 1799 г. В.В. Мусин-Пушкин писал: «Коллежский асессор Петр Немеровский в течение тринадцатилетнего своего при сем посте похвального служения употребляем был всегда покойным графом Скавронским, графом Головкиным и статским советником Италинским ко исправлению канцелярских дел; и по его отменной прилежности приобрел весьма отличные способности, делающие его крайне полезным службе Вашего Императорского Величества: он порядочно знает российской язык и французской, и в состоянии производить всякую переписку на италиянском языке, на котором обыкновенно делаются здесь все сношения с Министерством»[505].

После нового назначения А.Я. Италинского (июль 1799 г.) Петр Немеровский, оставаясь при полномочном министре в Палермо, неофициально взял на себя исполнение функций советника посольства, хотя формально все еще числился на низшей должности актуариуса. В последние месяцы 1799 г. В.В. Мусин-Пушкин

---

[503] Сделать такой вывод позволило сравнение почерка, которым написано большинство реляций (с начала 1790-х гг.), с автографами Петра Немеровского на министерских цидулах. В мае 1802 г., когда П. Немеровский уехал на Корфу, сменился и почерк, которым были написаны чистовые тексты реляций.

[504] Подпись П. Немеровского стоит на черновике грамоты А.Я. Италинского от 27 ноября 1800 г., подтверждающей заслуги неаполитанского нотариуса Бернардо Капобьянко (Bernardo Capobianco), занимавшегося делами «подданных Российской империи в Неаполе»: АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 51.

[505] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 39–40.

неоднократно ходатайствовал за Немеровского перед вице-канцлером, прося передать ему «место титулярного советника» [506] (после того, как Николай Загоровский покинет Южную Италию), а в одной из депеш даже просил официально закрепить за Немеровским принадлежавшую Италинскому должность советника посольства [507]. 20 (31) декабря 1799 г. в Палермо стало известно о пожаловании Петра Немеровского чином надворного советника[508] (в соответствии с императорским указом от 24 сентября 1799 г.[509]), однако никакого повышения в должности так и не последовало, в силу чего в январе – феврале 1800 г. Мусин-Пушкин продолжил писать в КИД, прося, чтобы его подчиненный «имел по настоящему чину своему выгоднейшее против нынешнего место при сей Миссии»[510].

Впоследствии судьба надворного советника Петра Немеровского сложилась трагически: в начале 1802 г. он был переведен на Корфу на должность секретаря посольства и по прибытии на остров покончил жизнь самоубийством. Сменивший Немеровского при неаполитанской миссии в качестве канцелярского служителя

---

[506] Депеши В.В. Мусина-Пушкина В.П. Кочубею от 1 (12) сентября, 3 (14) октября, 13 (24) октября, 20 (31) октября, 3 (14) ноября 1799 г., депеша В.В. Мусина-Пушкина Н.Н. Панину от 9 (20) декабря 1799 г.

[507] «Сверх того полную имею я надежду, что ежели в надлежащее время угодно будет Его Императорскому Величеству указать наместить бывшего при сем посте Статского Советника и Кавалера Италинского, Ваше Сиятельство милостиво соблаговолите употребить могущее ваше ходатайство, дабы оставившее им ныне по именному указу место Советника посольства мог иметь щастие заступить коллежский асессор Петр Немеровский» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 277. Л. 7–7об. Депеша В.В. Мусина-Пушкина вице-канцлеру В.П. Кочубею от 1 (12) сентября 1799 г.)

[508] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 282. Л. 21об. Министерская цидула В.В. Мусина-Пушкина от 23 декабря 1799 г. (3 января 1800 г.)

[509] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 283. Л. 2–2об. Канцелярская цидула из КИД от 12 октября 1799 г.

[510] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 293. Л. 3об. Депеши В.В. Мусина-Пушкина Н.Н. Панину от 30 декабря 1799 г. (10 января 1800 г.) и 3 (14) февраля 1800 г.

коллежский асессор А.Я. Булгаков описал это трагическое происшествие в письме своему брату от 16 сентября 1802 г.: «Вообрази, что Немировский, тот, коего я при здешнем посольстве занял место, в Корфу, скоро по приезде своем, застрелился из двух пистолетов, оставив Моцениге [российскому посланнику на о. Корфу графу Г.Д. Мочениго – А.А.] письмо, в котором между прочим говорит: “Прощайте, господин граф. Надеюсь снова вас увидеть там, куда приведут вас обстоятельства вашей экспедиции на Корфу: на Елисейских Полях или в аду и проч. Передайте мои комплименты всем моим друзьям и просите их не жалеть обо мне, ибо с этой минуты я делаюсь счастливейшим человеком Земли”»[511].

Сам А.Я. Италинский, в тот момент уже являвшийся посланником при неаполитанском дворе, узнав о самоубийстве Немеровского (которого он раньше характеризовал как «хорошего копииста», но «крайне слабого умом»[512]), написал письмо графу Г.Д. Мочениго (9 (21) сентября 1802 г.), в котором выразил горечь из-за его смерти («Бедный Немеровский (Le pauvre Nemerowsky)... был для меня человеком, чье благополучие я всегда принимал близко к сердцу. Он был в течение 16 лет моим товарищем в трудах»). В то же время посланник признавался, что в последний год с актуариусом было очень сложно работать («Он был очень для меня неудобен в этот последний год, у меня не было сожалений из-за его отъезда»)[513]. Называя Немеровского «несчастным дураком (pauvre imbecille)», Италинский видел главную причину его самоубийства именно в переводе на Корфу, который, по словам посланника, должен был навсегда разлучить Немеровского с его возлюбленной из Палермо, разрушив тем самым его надежды на личное счастье: «Неаполь казался ему единственным местом, где он мог быть счастливым, в том числе и потому, что, оставив в Палермо одну юную и прекрасную девушку (jeune et jolie fille), предмет своей привязанности, он мог вновь завладеть этим сокровищем (rentrer en possession de ce bien) только в Неаполе, куда чаровница (sorcière)

[511] *Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 21.

[512] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 29об. Депеша А.Я. Италинского от 8 (20) февраля 1802 г.

[513] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8237. Л. 20.

собиралась приехать». По словам Италинского, намерения Немеровского покончить с собой должны были быть очевидны его ближайшему окружению еще в Неаполе: слуги часто видели его с пистолетами, а перед отъездом на Корфу он завещал им свое имущество, ничего не взяв с собой («Он отправился отсюда с намерением себя убить; люди, которых он оставил здесь в своем доме, часто видели в его руках пистолеты... Он завещал им все вещи, которые он не взял с собой»[514]).

Помимо Н. Загоровского и П. Немеровского, в 1790-е гг. при российской миссии в Неаполе в разное время находилось еще несколько человек, о деятельности которых в архивных документах сохранилось гораздо меньше информации. В 1788–1794 гг. при российской миссии в Неаполе состоял переводчик Иероним Томич, «иностранец родом из Далмации», во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. служивший на русской эскадре в Архипелаге «в качестве переводчика на италиянском, греческом и славенском языках», а в 1783–1788 г. находившийся при российской миссии на о. Мальта[515]. В донесениях руководителей российской миссии в Неаполе за 1790-е гг. его имя появляется только один раз, в депеше поверенного в делах А.Я. Италинского от 15 (26) августа 1794 г., в котором речь шла о невозможности И. Томича воспользоваться годовым отпуском, о получении которого он до этого просил КИД, из-за «случившейся перемены в здоровье его»[516] (к депеше было приложено собственноручное «доношение» Томича, в котором он, жалуясь на «припадки, для излечения которых необходимо нужен здешний климат», подчеркивал: «Предпочитая сохранение жизни моей той пользе, которую я обещал себе от моей в Россию поездки, не могу не отменить прежнего моего желания»[517]). При этом важно отметить, что в официальных списках сотрудников миссии за 1790–1800 гг. имя И. Томича не

[514] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8237. Л. 20–20об.

[515] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 130.

[516] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 235. Л. 37об.

[517] Там же. Л. 39.

встречается[518], не известна и его дальнейшая судьба после 1794 г. В данном случае, однако, важен сам факт, что какое-то время при российском посольстве в Неаполитанском королевстве состоял выходец с Балканского полуострова, имевший опыт участия в Архипелагской экспедиции. Именно во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. многие выходцы с Балкан и Апеннинского полуострова оказались на русской службе, впоследствии некоторые из них (а также их потомки) были российскими консулами и сотрудниками российских дипломатических миссий в Средиземноморье. В случае с российской миссией при дворе короля Обеих Сицилий И. Томич был далеко не первым выходцем с Балкан: еще в период пребывания во главе миссии графа А.К. Разумовского, в 1777–1784 гг. советником посольства в Неаполе был граф Антонио Джика (Gicca), выходец из албанского дворянского рода, сын офицера неаполитанской службы[519] и также активный участник Архипелагской экспедиции, тесно связанный с христианским населением Западных Балкан[520] (судя по всему, А. Джика являлся родственником одного из старейших албанцев на русской службе, выходца из благородного химариотского рода Пано Бичилли[521]). Впоследствии А. Джика занимал должность российского генерального консула в Рагузе (Дубровнике) и в течение 1790-х гг. был одним из главных информаторов А.Я. Италинского обо всем, что происходило на

[518] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 88, 90, 91.

[519] *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 45.

[520] Г.А. Сибирева считала, что именно с момента прибытия в Южную Италию А. Джики «круг задач русского посольства в Неаполе определился окончательно» (*Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в 1777–1791 гг. (становление отношений) // Проблемы итальянской истории. 1978. М., 1978. С. 203).

[521] В одном из черновиков 1799 г., упоминая о смерти П. Бичилли, А.Я. Италинский назвал имя его внука, также носившего фамилию Джика: «Пано Бичилли умер ночью в 2 часа по полуночи в Портичи сего октября 7/14 дня, уведомил меня внук его Александр Джика» (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 260).

Адриатике, в том числе в Черногории и Которе[522]. П. Бичилли, в это время исполнявший обязанности российского консула в Албании, также сохранял тесные связи с российской миссией в Неаполе, о чем особенно ярко свидетельствует реляция В.В. Мусина-Пушкина от 8 (19) сентября 1797 г.: «Находящийся здесь коллежский советник Пано Бичилли, албанский уроженец, сообщил мне, что соземцы его, сохраняя древнее их к Российскому престолу усердие, желают в теперешнем их положении… иметь поведение, которое могло бы согласоваться с волею Вашего Императорского Величества и с пользою дел службы Вашей… В следствие сего поручил ему исходатайствовать им чрез меня наставление, обещая до получения оного стараться быть в недействии»[523] (здесь следует отметить, что связи Неаполитанского королевства с Албанией традиционно были достаточно тесными: албанцы даже составляли особое подразделение в составе неаполитанской армии[524]).

Уже в июне 1800 г., после отзыва В.В. Мусина-Пушкина и отъезда из Южной Италии титулярного советника Н. Загоровского, а также после введения с мая 1800 г. нового штата КИД (утвержденного еще в январе 1800 г.) в Санкт-Петербурге было принято решение о назначении секретарем посольства при сицилийском дворе

---

[522] *Агеев А.С.* Неаполитанская миссия А. Я. Италинского по материалам личного архива дипломата (опыт реконструкции дипломатической повседневности) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 8 (154). [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840036453–7–1/ (дата обращения: 18.03.2026).

[523] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 70об. –71.

[524] Между Албанией и Неаполитанским королевством существовали прямые контакты, осуществлявшиеся независимо от Константинополя. Интересно свидетельство А.Я. Италинского, который, описывая сложную ситуацию июля 1796 г., упоминал следующее: «В Албании народ великую оказывает охоту к здешней службе, и Его Величество может, ежели бы то нужно было, получить оттуда важное пособие. Депутаты Албанские, приехавшие в Бриндизи, и имеющие по окончании карантина быть сюда, обязываются поставить от десяти до двенадцати тысяч человек» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 250. Л. 5об.)

коллежского советника Павла Свечина [525] (в соответствии с новым штатом должность советника посольства упразднялась везде, кроме Вены и Стокгольма[526]). Покинув Санкт-Петербург и за четыре месяца проделав непростой путь через Дрезден, Вену и Триест, Свечин прибыл в Неаполь только 14 октября 1800 г.[527], однако продержался на своем новом посту недолго и уже в 1802 г. был отозван в Санкт-Петербург (как писал своему брату коллежский асессор А.Я. Булгаков, отрешение Свечина от службы произошло из-за принятия им католичества в связи с женитьбой[528]). По многочисленным свидетельствам того же Булгакова в 1802 г. П. Свечин, несмотря на возвращение российской миссии в Неаполь, в основном находился в Палермо (где и женился), не отличался большим прилежанием и «даже... в канцелярию не ходил»[529]. А.Я. Италинский в одной из депеш (8 (20) февраля 1802 г.) дал Свечину язвительную характеристику, прося его отзыва: «Желал бы я, чтобы возможность была перевести Г. Свечина к другому какому посту, и чтобы в преемнике его больше было способностей и меньше мечтания о дворянстве»[530].

Российское посольство было тесно связано с сетью консульств, существовавших в нескольких наиболее важных портовых городах Южной Италии: Отранто (1782 г.), Мессине (1783 г.) и Неаполе (1785 г.) Формально консульские учреждения действовали независимо от посольства, в том числе имея собственный штат и переписку с КИД, однако полномочный министр и поверенный в делах в

---

[525] Вице-канцлер Н.П. Панин известил Италинского о его назначении депешей от 7 июня 1800 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 296. Л. 3).

[526] *Александренко В.Н.* Указ. соч. С. 398–400.

[527] Свечин подробно описал свой маршрут в депеше вице-канцлеру Н.П. Панину, также как и свои дорожные издержки, составившие «183 голландских дуката» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 295. Л. 1–2).

[528] *Братья Булгаковы*. Указ. соч. С. 21.

[529] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 639.

[530] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 29об.

своих реляциях и депешах неоднократно передавали сведения, полученные от консулов, или же сообщали об их бедственном финансовом положении и служебных успехах, ходатайствуя за них перед КИД (в особенности это касается А.Я. Италинского, который, как уже отмечалось, находился в переписке с российскими консулами не только в Королевстве Обеих Сицилий, но и в Центральной Италии и на Балканах, именно от них чаще всего получая сведения для официальных донесений).

Само утверждение консулов в их должности, которое должно было быть одобрено местными властями, также было одной из задач российского полномочного министра. Реляция графа П.М. Скавронского императрице Екатерине II от 29 мая (9 июня) 1792 г. особенно ярко показывает характер этой процедуры, усложнившейся из-за подозрительности неаполитанского двора. Получив из Санкт-Петербурга указ о назначении российским консулом в Неаполе «нидерландского уроженца» Якова Бассано (датированный еще 1791 г.), в середине апреля 1792 г., Скавронский передал копию его патента Дж. Актону, после чего в течение четырех недель сотрудники Главного магистрата (Supremo Magistrato) Неаполя собирали подробные сведения о репутации и поведении этого человека, в конечном счете придя к выводу о том, что «Бассано – честный человек добрых нравов (Bassano sia persona onesta e di ottimi costumi)»[531]. Лишь после этого, принеся «клятвенное обещание» (25 мая (5 июня) его привел к присяге А.Я. Италинский), Бассано официально стал российским консулом в Неаполе. Эту должность Я. Бассано занимал до 1800 г. (когда консульство в Неаполе официально было расформировано), в течение всего этого времени страдая из-за частых болезней[532] и хронической нехватки денежных средств. Все российские министры, начиная с графа П.М. Скавронского и заканчивая В.В. Мусиным-Пушкиным-Брюсом, неоднократно писали в КИД, ходатайствуя о том, чтобы Я. Бассано были

[531] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 221. Л. 4. Копия справки Главного магистрата Неаполя от 21 мая 1792 г.

[532] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 11.

выплачены 900 рублей «на заведение дома», положенные ему еще по рескрипту 1791 г. (ни одно из этих представлений не имело успеха).

Функции генерального консула в Королевстве Обеих Сицилий с весны 1796 г. исполнял агент Анастасио Манзо (Anastasios Mantzos), имевший резиденцию в Мессине[533]. Он родился около 1750 г. (в формулярном списке 1800 г. значилось: «от роду имеет 50 лет») и по происхождению был эпиротом (выходцем из Северо-Западной Греции)[534]. В 1790-х гг. он был сицилийским негоциантом и вел дела вместе со своим племянником Никола Манзо, занимаясь в том числе посреднической торговлей и финансовыми операциями (у них были широкие коммерческие связи в Ливорно, Венеции и Риме)[535]. С июля 1791 г. Манзо состоял на российской службе в качестве агента в Королевстве Обеих Сицилий, в апреле 1794 г. получил чин коллежского асессора (тем самым получив право на потомственное российское дворянство)[536], а с 1796 г. официально являлся генеральным консулом Российской империи (фактически учреждение этой должности стало единственным предложением графа Ф.Г. Головкина КИД, которое было реализовано на практике[537]). В начале 1800 г. В.В. Мусин-Пушкин отзывался о Манзо с похвалой, особенно отмечая материальную и финансовую помощь,

---

[533] В конце 1795 г. А. Манзо был назначен генеральным агентом в Южной Италии, о чем в Неаполе стало известно в феврале 1796 г. В марте 1796 г. был подписан рескрипт о назначении А. Манзо генеральным консулом в Королевстве Обеих Сицилий (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 48).

[534] *Romanenko K.* The development of the Russian consular network in the Italian Peninsula after the annexation of Crimea (1783) by the Russian Empire: the role of Russian officials // Diaspora neo-greca nell'Italia Centro-Meridionale della prima età moderna (sec. XV–XVIII). Atti del convegno. Venezia, 27–29 giugno 2023 / a cura di G.D. Pagratis. Atene, 2025. P. 307.

[535] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 22об. –23.

[536] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 50–51.

[537] *Агеев А.С.* Дипломатический скандал в эпоху Екатерины II: миссия графа Ф.Г. Головкина в Неаполе (1795–1796 гг.) // Клио. 2026. № 1 (229). С. 73–80.

оказанную им эскадре адмирала Ф.Ф. Ушакова[538]. Спустя несколько месяцев А.Я. Италинский дал ему не менее положительную характеристику: «Все дела его свидетельствуют несоблазняемую ничем честность и страстную привязанность в Империи Вашего Величества; сверх того показывают в нем великие сведения о обычаях обще всего здешнего края, обо всех в каком либо отличном положении находящихся людях и наконец совершенное знание коммерции здешней»[539] (Италинского и Манзо связывали еще и тесные дружеские отношения, проявлявшиеся в их откровенной переписке, а также в финансовом и культурном сотрудничестве: в частности, в конце 1799 г. именно А. Манзо организовал возвращение библиотеки А.Я. Италинского из Мессины в Неаполь). В январе 1800 г. Анастасио Манзо был произведен в надворные советники и в связи с реформой КИД оказался отстранен от службы, однако остался в Южной Италии, где и скончался в 1802 г. Его племянник Никола фактически унаследовал должность торгового агента Российской империи в Неаполитанском королевстве.

На Сицилии консульские обязанности с 1785 г. исполнял Фридрих Дотэ (d'Oteé), бывший адъютант польского короля[540]. Пребывая в Мессине, Дотэ особенно отличился в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., оказывая поддержку каперской флотилии под командованием контр-адмирала С.С. Гиббса и В.С. Томары (помощь российской флотилии, однако, тяжело отразилась на его финансовом положении, практически полностью его разорив[541]). Свою консульскую должность Дотэ сохранял до начала 1800 г., когда пост консула в Мессине был официально упразднен. Известно, что в 1790-х–1800 гг. Дотэ сталкивался с серьезными трудностями: речь идет в первую очередь о тяжелом

---

[538] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 287. Л. 10–11.

[539] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 10об.

[540] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 294. Л. 4. Копия польского патента Фридриха Дотэ, составленного в июне 1775 г.

[541] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 5–8. Депеша графа П.М. Скавронского от 6 (17) июля 1792 г., к которой приложено собственноручное письмо Ф. Дотэ от 26 июня (7 июля) 1792 г.

финансовом положении[542] и слабом состоянии здоровья[543]. В одной из реляций императору (10 (22) мая 1800 г.) А.Я. Италинский писал: «Г-н Дотэ давно желает перемещения в северные климаты или увольнения от службы с пенсиею по причине неимущества своего»[544]. В итоге в сентябре 1800 г. в Санкт-Петербурге было утверждено решение об увольнении Дотэ и назначении ему ежегодной пенсии[545].

Консулом в Отранто и Лечче с 1782 г. был Анастасий Глики, После его смерти весной 1799 г. адмирал Ф.Ф. Ушаков поручил исправление консульских обязанностей в Апулии греку Андрею Никоццо, капитану российской службы и участнику Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.[546] (это назначение было официально утверждено КИД в декабре 1799 г.[547]). Вдова бывшего консула в Отранто Катерина Глики, «находясь с семейством своим в бедственном состоянии», в конце 1799 г. обратилась к В.В. Мусину-Пушкину, прося его исходатайствовать перед санкт-петербургским двором «какое-либо… награждение» за долговременную службу ее супруга[548].

---

[542] А.Я. Италинский в мае 1796 г. опасался, что из-за препятствий со стороны «заимодавцев» Ф. Дотэ может не воспользоваться положенным ему отпуском (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 64об.)

[543] К одной из своих депеш вице-канцлеру И.А. Остерману (14 (25) августа 1795 г.) граф Ф.Г. Головкин приложил медицинский сертификат Ф. Дотэ (назвав его документом, «достойным Мольера»), в котором речь шла о проблемах консула с пищеварением (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 30). В июне 1800 г. медик У. Гамильтона Пьетро Нуди (Nudie) диагностировал у Ф. Дотэ «dysteria spasmodica» – болезнь, которая, по мнению врача, могла подвергнуть жизнь бывшего консула опасности в случае морского или сухопутного путешествия (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 294. Л. 5).

[544] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 11.

[545] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 291. Л. 11–11об.

[546] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л.20об. –21.

[547] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 297. Л. 8.

[548] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 277. Л. 14.

В 1790-е гг. российская дипломатическая миссия в Неаполе представляла собой сложный социальный организм, в котором главную роль играли не формальная иерархия, а личный опыт и неформальные связи. Эти неформальные связи могли быть как вертикальными, связывавшими сотрудников миссии со своими покровителями в Российской империи (при чем касалось это не только поверенного в делах Италинского, включенного в «воронцовскую клиентелу», но и актуариуса Немеровского, обязанного назначением в Неаполь своему дяде), так и горизонтальными, включавшими в том числе взаимодействие с российскими консулами в Италии и на Балканах (именно тесные связи с выходцами из балканских владений Османской империи и Венеции, некоторые из которых в разное время служили в российском посольстве в Неаполе, фактически включали российскую миссию в Южной Италии в общее пространство внешней политики санкт-петербургского двора, для которого Восточное Средиземноморье и Балканы имели особое значение).

Центральной фигурой в повседневной деятельности посольства являлся советник посольства и поверенный в делах А.Я. Италинский, пользовавшийся особым доверием неаполитанского двора и игравший главную роль в информационном обеспечении российской миссии. Роль полномочного министра, напротив, была номинальной. К 1799 г. это противоречие между реальным положением дел и формальной иерархией породило острый конфликт, выходом из которого стало де-факто приведение формальной структуры миссии в соответствие с реальным положением дел (в 1799 г. А.Я. Италинский получил чрезвычайные полномочия, а в начале 1800 г. официально возглавил посольство). При этом обращает на себя внимание тот факт, что состав миссии в это время по-прежнему сохранял ярко выраженный «екатерининский» характер: все сотрудники российского посольства, служившие в миссии до 1800 г. (за исключением полномочного министра), начинали свою карьеру в Неаполе еще в 1780-е гг. При этом их продвижение в чинах в течение многих лет было достаточно медленным и только в правление императора Павла I активизировалось, что, как представляется,

на институциональном уровне отразило изменение значения средиземноморского направления во внешней политике Российской империи (хотя при этом повышение чина не всегда означало реальное продвижение по карьерной лестнице: так, Петр Немеровский, ответственный за ведение делопроизводства, получив чин надворного советника, до 1802 г. был вынужден исправлять обязанности актуариуса, самого младшего сотрудника дипломатической миссии).

2.2. Финансовое положение, бытовые условия и повседневные практики

Годовое жалование сотрудников миссии оставалось неизменным с 1779 г.: в соответствии со штатами КИД полномочный министр получал 8000 рублей (а также 600 рублей почтовых денег), советник посольства – 1200 рублей, титулярный советник – 600 рублей, актуариус – 400 рублей[549]. По меркам других посольских миссий это была вполне обычная сумма (те же 8000 рублей получал, к примеру, российский полномочный министр в Константинополе), хотя на некоторых постах жалование было гораздо выше (так, российский посол в Вене ежегодно получал 20000 рублей и 600 рублей почтовых денег, однако это было связано в первую очередь с более высоким статусом миссии).

Жалование сотрудникам посольства и консульств выплачивалось в виде векселей, по третям за каждый год (январская треть, майская треть, сентябрьская треть). Использование векселей, с одной стороны, требовало участия финансовых посредников, из-за чего общая сумма неизбежно уменьшалась, теряя из-за комиссии и разницы в финансовых курсах[550] (векселя в Санкт-Петербурге часто оформлялись на лондонских банкиров, что, судя по всему, считалось более

[549] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 88. Л. 15. Список находящимся в КИД господам присутствующим и прочим чинам, также канцелярским служителям, с показанием годовых их окладов, кто с которого года в службе и в настоящих чинах состоит, 1796 г.

[550] См.: *Александренко В.Н.* Указ соч. С. 185–191.

надежным и выгодным [551]). С другой стороны, векселя, также как и дипломатическая корреспонденция, доставлялись до Неаполя с курьерами или по почте, что в условиях конца XVIII века не всегда было надежно, особенно во время военно-политических кризисов. Так, в феврале 1797 г., сообщая о том, что французы в Северной Италии и австрийских землях останавливают курьеров и отбирают корреспонденцию, А.Я. Италинский свидетельствовал, что векселя «многие приходят разорваны»[552]. Еще более неприятный эпизод произошел весной 1799 г., в самый разгар войны Второй коалиции, когда российская миссия уже находилась на Сицилии. В конце мая 1799 г. в Палермо стало известно о происшествии с королевским курьером, который вез письма из Вены: из-за шторма судно, на борту которого он находился, было вынуждено пристать к берегу возле города Галлиполи (провинция Апулия), жители которого подняли над портом французский флаг, «дабы удобнее захватить судно, ежели окажется принадлежащим Франции»[553]. В итоге курьер выбросил депеши и письма в море. Подозревая, что среди выброшенных документов находились «векселя, доводящиеся в жалованье за сентябрьскую 1798 года треть»[554], Мусин-Пушкин счел необходимым сделать представление в КИД, прося выслать векселя повторно (он неоднократно писал об этом в своих депешах от 22 июня (3 июля), 1 (12)

---

[551] Так, весной 1796 г. деньги на проезд Ф.Г. Головкина до Санкт-Петербурга (в размере полугодового жалования полномочного министра в Неаполе) были оформлены в виде векселей на лондонских негоциантов «Вильяма Томаса Рекса» и «Одди» (АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1674. Л. 4–4об.) Уже через несколько лет (1802 г.) в Неаполе продолжали высоко цениться векселя, оформленные на коммерсантов из Лондона, о чем в письме отцу сообщил А.Я. Булгаков: «Деньги из России сюда грешно иначе пересылать как на фунты-стерлинги, что очень выгодно. Векселя на Лондон здесь большими деньгами покупают» (Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 635).

[552]АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 258. Л. 13–13об.

[553] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 76.

[554] Предназначенные для В.В. Мусина-Пушкина, А.Я. Италинского, П. Немеровского, Н. Загоровского, А. Манзо, Я. Бассано и Ф. Дотэ.

сентября, 4 (15) ноября и 2 (13) декабря 1799 г., однако так и не получил ответа[555] – на копии циркулярной цидулы из Санкт-Петербурга 16 (26) января 1800 г. актуариус Петр Немеровский сделал пометку: «Жалованье за сентябрьскую 1798 года треть по сию пору не получено»[556]).

В 1795 г. попытку оптимизировать и ускорить процесс выплаты жалования консулам и сотрудникам российской миссии в Неаполе предпринял полномочный министр граф Ф.Г. Головкин. Летом 1795 г. он предложил вице-канцлеру И.А. Остерману и главному казначею графу А.Н. Самойлову оформлять все векселя, направляемые в Южную Италию, через своего личного банкира в Санкт-Петербурге (и по совместительству австрийского генерального консула) Вьяццоли (Viazzoli): по мнению Головкина, такая мера могла помочь избежать лишних расходов и ускорить сам процесс получения жалования, лишив сотрудников миссии необходимости обращаться к ростовщикам. В результате после долгих обсуждений в Санкт-Петербурге было принято решение о том, что подобная мера могла быть одобрена только в том случае, если бы сами сотрудники российской миссии в Неаполе написали в КИД личные прошения об изменении схемы уплаты жалования (в итоге, этого так и не было сделано)[557].

Помимо очевидных рисков, связанных с ненадежностью путей сообщения и потерей процентов из-за изменения денежного курса, самая главная, системная проблема состояла в том, что размер годового жалования сотрудников российского посольства в Южной Италии на протяжении 21 года (1779–1800 гг.) оставался неизменным. В то же время экономическое положение Неаполитанского королевства за этот период серьезно ухудшилось под влиянием климатических проблем и серьезных перемен на международной арене. Выражалось это не только в тяжелом финансовом кризисе, обострившемся в 1790-е гг. из-за беспрецедентного

[555] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 293. Л. 4.

[556] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 236.

[557] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 246. Л. 1–6. Письмо графа Ф.Г. Головкина генеральному казначею графу А.Н. Самойлову, переписка между графом А.Н. Самойловым и графом И.А. Остерманом.

увеличения военных расходов (что вызвало рост государственного долга, инфляцию и недоверие населения к банковским учреждениям) [558], но и в скачкообразном росте цен на промышленные товары и основные продукты питания. Только за 1790–1793 гг. цены на зерно в Неаполе выросли на 50,7 % (от 199 до 300 грани за томоло[559]), и хотя к 1796 г. последовало некоторое снижение (до 231 грани), уже в 1798 г. их значение достигло нового пика (310 грани за томоло)[560]. Суммарно же за 1779–1800 гг. цены на зерно в Неаполе выросли на 72 %, а цены на чечевицу (одну из наиболее популярных в Италии бобовых культур) на целых 86 %[561]. Все это вело к понижению покупательной способности населения и ухудшению общего уровня жизни, что не могло не сказаться на повседневной жизни сотрудников российской миссии в Неаполе, вынужденных довольствоваться денежными суммами по штатам пятнадцатилетней давности.

Российский полномочный министр должен был тратить деньги не только на пропитание, но также на аренду жилья и поддержание «достойного» образа жизни (что, в частности, предполагало наличие кареты и содержание слуг, количество которых также было тесно связано со статусом дипломата[562]).

---

[558] *Aliberti G.* Economia e società da Carlo III ai Napolieonidi (1734–1806) // Storia di Napoli. V. 8. Arte, cultura e società nel '700. Napoli, 1971. P. 151–153.

[559] Грано (grano) – монета Неаполитанского королевства (1 ducato = 10 carlini = 100 grani). В период 1784–1814 гг. 1 неаполитанский дукат (ducato) в среднем равнялся 1,06 российских рублей. Томоло (tomolo) – старинная неаполитанская мера емкости, составлявшая ок. 55,319 литров (*Cavalcanti M.L.* Le relazione commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève. 1979. P. 382–383).

[560] *Romano R.* Prezzi, salari e servizi a Napoli nel secolo XVIII (1734–1806). Milano, 1965. P. 69–72.

[561] Ibid. P. 73–75.

[562] Известно, например, что в августе 1793 г. в услужении графа П.М. Скавронского находилось четыре француза, в том числе камердинер и повар (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 228. Л. 32–32об.) Его преемник граф Ф.Г. Головкин, выезжая вместе со своей женой из России в августе 1794 г., имел в свите пятерых служителей: камердинера Иоганна Куглера (Johann Kugler), французского лекаря Вильом (Willaume), камер-фрау Терезию (Theresie), повара Жана-Батиста Гило (Gillot) и

Интересно, что в конце XVIII – начале XIX вв. у российской миссии фактически не было своего посольского дома (как, впрочем, и у всех остальных европейских дипломатов в Неаполе, за исключением дипломатических представителей Венеции и Ватикана). Граф А.К. Разумовский с 1779 г. арендовал комнаты на втором этаже особняка герцога Паскуале д'Алессандро-Песколанчано (d'Alessandro-Pescolanciano) в квартале Сан-Фердинандо, используя внутренний двор палаццо для размещения своей кареты (в 1782 г. помещения на втором этаже были роскошно обставлены и отданы великому князю Павлу Петровичу и его жене великой княгине Марии Федоровне на время их пребывания в Неаполе)[563]. После аккредитации в Неаполе графа П.М. Скавронского (1784 г.) резиденция полномочного министра располагалась уже в другом месте. Сам граф Скавронский оценивал арендуемые им помещения негативно, считая их непригодными для нормальной жизни и не соответствующими ни высокому статусу российского полномочного министра, ни своему «весьма поврежденному здоровью». В августе 1792 г. он жаловался в депеше вице-канцлеру И.А. Остерману: «Всегда мне тяжело было видеть себя осужденным на житие в том доме, в котором я нахожусь, которой и не кажет ничего в наружности согласного с возложенным на меня Высочайшею волею званием, и даже не имеет пространства, какое требуется для свободного

служителя Иоганна Ашенберга (Aschenberg) (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 237. Л. 25. Л. 26). Несколько слуг, включая французского повара, было и у графа В.В. Мусина-Пушкина-Брюса.

563 *Ettore M.G. d'Alessandro di Pescolanciano.* Una dimora gentilizia napoletana nel quartiere S. Ferdinando. Palazzo d'Alessandro-Pescolanciano. Centro Studi d'Alessandro Pescolanciano. 2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.famigliadalessandro.it/palazzovianardones.pdf (дата обращения: 24.03.2026). Этот особняк сохранился и находится по адресу: Napoli, Via Nardones, 118 (в 2017 г. на здании была установлена мемориальная доска с надписью «В этом доме жил и работал первый российский посол в Неаполе А.К. Разумовский»). Известно, что последующие министры уже не проживали в этом доме, о чем свидетельствует в том числе тот факт, что в июне 1798 г. здание серьезно пострадало из-за пожара (летом 1798 г. герцог Паскуале д'Алессандро несколько раз писал российскому императору Павлу I с просьбой о помощи в восстановлении палаццо).

помещения в нем фамилии моей и обретающихся при посте сем положенных от Коллегии чинов»[564]. Ссылаясь на пример венецианского посланника и папского нунция, имевших в Неаполе собственные резиденции, Скавронский предлагал выкупить в российскую казну более удобный и просторный особняк, цена которого на тот момент составляла 80 000 неаполитанских дукатов (идея графа состояла в том, чтобы после покупки дома КИД ежегодно вычитала из жалования российского полномочного министра по 2000 дукатов для восполнения этих расходов)[565]. Спустя месяц идея отпала сама собой после того, как хозяин присмотренного графом Скаронским палаццо передумал его продавать[566]. Не исключено, что впоследствии особняк, где в начале 1790-х гг. проживал граф Скавронский, занимала его мать графиня Мария Николаевна Скавронская (Строганова), до самой своей смерти (декабрь 1804 г.) регулярно устраивавшая в своем неаполитанском доме приемы, ужины и концерты для российских подданных (характеристика, которую давали дому современники, очень схожа с описанием покойного графа Скавронского: летом 1805 г., сообщая о прибытии в Неаполь нового российского посланника Д.П. Татищева, канцелярский служитель А.Я. Булгаков писал своему брату о том что он вряд ли «переедет в бывшей Скавронской дом», так как «оный не будет для него достаточен по малости»[567]).

Как правило, полномочный министр брал на себя часть расходов и на содержание остальных сотрудников миссии (включая проживание и пропитание). Именно по этой причине советник посольства А.Я. Италинский оказался в особенно тяжелом положении после смерти графа П.М. Скавронского (ноябрь 1793 г.), при жизни которого он имел «помощь..., состоявшую в квартире, столе, карете и прочем»[568]. Будучи вынужден исполнять обязанности поверенного в делах,

---

[564] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 223. Л. 40об.

[565] Там же. Л. 41–42об.

[566] Там же. Л. 62–62об.

[567] *Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 76.

[568] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 357. Черновик письма А.Я. Италинского Д.П. Трощинскому.

А.Я. Италинский должен был взять на себя расходы на содержание миссии, несмотря на то, что его жалование в это время по-прежнему составляло 1200 рублей в год (в соответствии с указом Екатерины II поверенный в делах должен был сверх основного жалования дополнительно получать по 100 рублей в месяц[569], однако Италинскому эти деньги не выплачивались до самого конца 1795 г.) В письме графу А.А. Безбородко Андрей Яковлевич писал: «Содержание мое, сколь ни стараюсь я не выходить из границ умеренности, приличной недостаточному человеку, превосходит получаемое мною окладное жалование и производимую на почтовые расходы сумму. Одеяние, стол, дом, люди [зачеркнуто: «служители» – А.А.], карета, подарки в Новый год разных правительств и чинов нижним служителям подвергают меня... издержкам»[570].

Дом, в котором в 1790-е гг. проживал А.Я. Италинский, не был тем же, в котором ранее находилась резиденция графа П.М. Скавронского (а также, по всей видимости, не тем же, в котором с июля 1797 г. по декабрь 1798 г. проживал полномочный министр граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс). Из более поздних материалов личного архива А.Я. Италинского известно, что нанятый им палаццо находился в престижном приморском квартале Кьяйя. Известно также, что управляющего (maestro di casa) А.Я. Италинского звали Винченцо Джоберти (Vincenzo Gioberti): в 1799 г. он оставался в Неаполе и был свидетелем того, как после вступления в город роялистских войск дом советника российского посольства был помещен под особую охрану органов правопорядка (vigilanza della Giustizia)[571]. Другим слугой А.Я. Италинского в 1790-е гг. был выходец из Милана Джузеппе Белелла (Giuseppe Belella): он получал от Италинского «8 дукатов в

[569] АВПРИ. Ф. 8. Оп. 8/1. Д. 22. Л. 37–37об.

[570] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 363.

[571] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 136об. Черновик письма А.Я. Италинского «Его Превосходительству (Eccelenza)», написанный в сентябре 1799 г. Меры предосторожности не были лишними, если учесть, что особняк в квартале Сан-Фердинандо, который арендовал британский посол У. Гамильтон (palazzo Sessa), в начале 1799 г. был разграблен.

месяц, пропитание и ливрею», а в 1795 г. собирался последовать за советником посольства в Российскую империю, где должен был, согласно официально заключенному договору, получать 10 рублей в месяц[572] (также известно, что уже в начале 1800-х гг. при палаццо Италинского состоял повар, а сам Андрей Яковлевич оплачивал услуги личного врача). Наиболее подробное описание дома А.Я. Италинского в неаполитанском квартале Кьяйя оставил в письмах к своему отцу коллежский асессор А.Я. Булгаков, который в апреле 1802 г., также как когда-то и сам Италинский, фактически находился на содержании полномочного министра [573] : «Я имею комнату, которая почти смежна с его [Италинского] кабинетом, весьма хороша убрана и снабжена всем нужным. Сверх того есть другая малая комнатка для поклажи; но как она тоже чиста, хотя не прибрана, то хочется мне сделать из нея спальню, а в другой – принимать, писать и пр. … Наш дом на самом море. На левой стороне Везувий, прямо почти остров Капри, направо прекрасная прогулка, которой имя не знаю [скорее всего речь здесь идет о публичном парке Villa Reale, организованном в Кьяйе на рубеже 1770-х–1780-х гг. – А.А.]. Можно сидеть целый день на балконе, не наскучит: то кареты, то люди, то корабли, беспрестанно что-нибудь проходит или проезжает»[574].

Спустя два месяца А.Я. Булгаков был все-таки вынужден нанять для своего проживания три отдельные комнаты рядом с домом А.Я. Италинского, так как полномочному министру было негде разместить свою канцелярию – коллежский асессор заключил контракт с собственником жилья на свое имя и сам за него заплатил («около 35 ч[ервонцев] в год»), однако продолжал регулярно завтракать у

---

[572] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 9. Л. 2а–2а об. Копия договора между А.Я. Италинским и Дж. Белелла, заверенная неаполитанским нотариусом Б. Капобьянко (17 августа 1795 г.) .

[573] В письме брату А.Я. Булгаков писал: «Живу в доме нашего министра Италинского, – нередко честный, добрый, умный человек. Имею у него стол, завтрак и все возможные выгоды. Дай Бог тебе такого начальника» (*Братья Булгаковы*. Указ. соч. С. 17).

[574] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 614–615.

Италинского, «особенно в почтовые дни»[575]. В эти же первые месяцы пребывания в Неаполе А.Я. Булгаков обзавелся и личным камердинером: им стал уроженец Палермо Антонио Пиллер (Antonio Piller) (1776 – после 1838), с которым они случайно познакомились в неаполитанском театре del Fondo (впоследствии в своих мемуарах Булгаков описывал его так: «Он знал весьма основательно итальянский, и имел хорошее образование, был отличный актер, но не мог никогда решиться избрать себе какой-нибудь род жизни»[576]). Расходы коллежского асессора на содержание слуги на первое время составили «двенадцать червонных ежемесячного жалованья»[577] (в 1808 г. А. Пиллер последовал за Булгаковым в Россию, где впоследствии стал преподавателем итальянского языка в Благородном пансионе Московского университета и Ришельевском лицее в Одессе, а также автором литературных произведений и учебных пособий по итальянскому языку[578]).

Помимо необходимости тратить денежные средства на аренду жилья, содержание слуг и выполнение церемониальных обязанностей, достаточно сложные бытовые условия сотрудников российской миссии в Неаполе проявлялись также в их невозможности, находясь в столице Неаполитанского королевства, свободно отправлять обряды Русской православной церкви. В 1790-е гг. единственный существовавший в Неаполе греческий храм Св. Петра и Павла (Chiesa dei Santi Pietro e Paolo dei Greci) принадлежал Греко-Римской церкви, что, судя по всему, не вполне нравилось тем сотрудникам российской миссии, которые

---

[575] Там же. С 626.

[576] *Булгаков А.Я.* Из записок старого дипломата // Эпоха 1812 года в мемуарах и дневниках российских дипломатов. М., 2024. С. 59.

[577] Там же. С. 60.

[578] *Полевщикова Е.В.* Одесские издания в книжном собрании Воронцовского дворца в Одессе (конец 1820-х–1880 г.): особенности формирования репертуара в семейной библиотеке // Бібліотечний Меркурій. 2020. Вип. 2 (24). С. 106; *Piller A.* Méthode courte, facile et pratique pour apprendre la langue italienne. Moscou, 1814.

исповедовали православие по русскому обряду (в течение короткого времени с 1799 по 1803 гг. службы по православному обряду в этом храме совершал греческий священник Сильвестр Стамули, однако его деятельность началась только после прибытия в город российской эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова и была тесно связана с духовным окормлением русских офицеров и моряков (некоторые из которых были похоронены в этой церкви) – уже в 1803 г. он был официально отрешен от богослужений по решению архиерея Римско-Католической церкви[579]). Еще в декабре 1795 г. полномочный министр граф Ф.Г. Головкин (сам являвшийся протестантом) в депеше вице-канцлеру И.А. Остерману, охарактеризовав униатскую церковь Св. Петра и Павла как «весьма неподобающую (très peu décente)», просил прислать в Неаполь православного священника и учредить отдельную церковь для сотрудников российского посольства[580]. Поначалу это предложение так и осталось на бумаге. Лишь в 1799 г. Святейший Синод формально утвердил штат православной церкви при российском посольстве в Неаполе, и только в 1802 г. она действительно появилась, но просуществовала всего два года (фактически это была «походная церковь», изначально предназначавшаяся для российской миссии в Турине)[581].

Для сотрудника дипломатической миссии наиболее верным способом решить материальные проблемы было повышение по службе или перевод на более прибыльное место (чему могли содействовать руководители КИД или влиятельные покровители). Существовали, однако, и другие варианты.

Самым простым методом улучшить свое финансовое положение было взятие денежных средств в долг, чем пользовались практически все российские консулы и сотрудники российской миссии в Южной Италии (включая поверенного в делах А.Я. Италинского, по крайней мере, в 1793–1795 гг.) К этому же способу в 1795 г. прибегнул и российский полномочный министр граф Ф.Г. Головкин. Как

---

[579] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8241. Л. 30–32; Там же. Д. 8242. Л. 38–38об.

[580] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 252. Л. 81об.

[581] *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 87–88.

свидетельствовал в своей депеше А.Я. Италинский, в январе 1796 г., накануне отъезда Головкина из Неаполя «неудовлетворенные заимодавцы» даже обратились к неаполитанскому правительству с просьбой, чтобы бывшему российскому министру было запрещено покидать Неаполь, пока он с ними не расплатится. В итоге, благодаря вмешательству А.Я. Италинского, ростовщики согласились на отсрочку платежа на шесть месяцев, и граф Ф.Г. Головкин смог выехать за пределы королевства[582]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что деньги на обратную дорогу, которые КИД через А.Я. Италинского направила Ф.Г. Головкину в декабре 1795 г. (в размере 4000 рублей), были сразу же потрачены полномочным министром для выплаты долгов. Головкин сам признался в этом в своей депеше вице-канцлеру И.А. Остерману от 24 января (4 февраля) 1796 г. из Рима: «Я направляюсь в Венецию, но дальше поехать не могу, поскольку сумма, которую Ваше Превосходительство мне назначили (m'a fait tenir), истощена из-за выплат, необходимых для моего отъезда»[583]. По всей видимости, не вполне помогла Головкину полностью расплатиться с долгами и полученная им в январе 1796 г. финансовая помощь от герцога ди Роккаромана, о которой он сообщил в своей записке императрице. В итоге, 7 марта 1796 г. Екатерина II повелела дополнительно отправить графу Ф.Г. Головкину векселя на сумму в 3360 рублей, составлявшую жалование полномочного министра в Неаполе с января по июль 1796 г. (за вычетом денег, назначенных поверенному в делах А.Я. Италинскому)[584].

Другим способом улучшения материального положения было участие в финансовых операциях (в форме размещения денежных вкладов под процент). Из частной переписки А.Я. Италинского видно, что эту тему он активно обсуждал с генеральным консулом Российской империи в Королевстве Обеих Сицилий Анастасио Манзо, в начале 1799 г. занимавшимся выгодной перепродажей шелка вместе со своим племянником Никола Манзо. В письме от 11 марта 1799 г. А. Манзо

[582] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 249. Л. 3–3об.

[583] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 252. Л. 9об.

[584] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1674. Л. 2–4об.

предлагал Италинскому свои услуги депозитария, обещая ему надежность денежных вложений и высокий процент с коммерческих операций, не без гордости добавляя: «О деньгах мы никогда не должны беспокоиться... по крайней мере я и Никола владеем искусством их приобретать (al meno io e Nicola sapiamo l'arte d'acquistarli)»[585]. Помимо Манзо, подобными финансовыми операциями в Неаполе занимались негоцианты Каттер и Хейгелин (Cutter & Heigelin), которые также были тесно связаны с российской миссией (задержанные на таможне осенью 1795 г. ящики, принадлежавшие графу Ф.Г. Головкину, формально были отправлены из Ливорно на имя Каттера и Хейгелина, в 1805 г. на имена негоциантов были оформлены кредитивы для выплаты средств генералу Б.П. Ласси, возглавлявшему русский экспедиционный корпус в Южной Италии[586], а уже в 1820-е гг. именно у Хейгелина, ставшего к тому времени датским консулом в Неаполитанском королевстве, А.Я. Италинский держал крупный капитал, регулярно получая с него проценты[587]).

К концу 1790-х гг. материальное положение А.Я. Италинского должно было улучшиться в том числе благодаря тому, что с весны 1797 г. он являлся собственником небольшого имения на территории Украины: 5 апреля 1797 г. император Павел I пожаловал ему местечко Переволочно в Прилуцком уезде Малороссийской губернии с населением около 320 душ крепостных крестьян[588]. На практике, однако, разрешения финансовых проблем так и не произошло, о чем особенно ярко свидетельствуют жалобы Италинского канцлеру А.А. Безбородко,

---

[585] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 22–22об.

[586] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 103.

[587] Впоследствии А.Я. Италинский завещал проценты с капитала, размещенного у Хейгелина, некой госпоже Паломбини (Palombini), урожденной Мануэли (Manueli), а после ее смерти эти деньги должны были использоваться для организации путешествий в Италию наиболее отличившихся «в математических и физических науках» студентов из Киева (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 9. Л. 49–49об.)

[588] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1576. Л. 1об. –2.; Там же. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 268–268об.

написанные из Палермо 26 февраля (9 марта) 1799 г.: «Еще не получаю никаких доходов из пожалованного местечка, что при понесенных чрез нечаянный отъезд из Неаполя убытках крайне увеличивает скудость средств, нужных для содержания моего»[589]; «Отсутствие мое и пребывание в великой отдаленности от России произвело обстоятельства в состоянии Всемилостивейше пожалованного мне имения, которые принуждают меня желать принять оное, хотя на малое время, в собственное мое призрение. Осмеливаюсь просить всепокорнейше Вашу Светлость явить мне милость, удостоить исходатайствовать мне Высочайшее позволение отлучиться на год от поста сего в Россию с сохранением жалованья моего»[590].

О том, что наличие недвижимости в Российской империи могло все-таки несколько улучшить материальное положение рядового сотрудника миссии, косвенно свидетельствует пример актуариуса Петра Немеровского, который, согласно послужному списку начала 1790-х гг., имел «земли в Киевском наместничестве»[591]. Несмотря на «понесенные им немалые убытки при поспешном и неожиданном переезде... из Неаполя в Палерму»[592] в декабре 1798 г., а также на несоответствие официального жалования и должности актуариуса полученному им чину надворного советника («по причине нынешнего его штаб-офицерского чина не может никак продолжить на жалование студента житие свое пристойным настоящему его званию образом»[593]), к 1802 г. Петр Немеровский, судя по письму А.Я. Италинского графу Г.Д. Мочениго, смог не только нанять отдельный дом, но и обзавестись собственным штатом слуг (которым перед самоубийством завещал часть имущества).

---

[589] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 279. Л. 1.

[590] Там же. Л. 3.

[591] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 130.

[592] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 277. Л. 18об.–19. Депеша В.В. Мусина-Пушкина вице-канцлеру В.П. Кочубею, 3(14) ноября 1799 г.

[593] Там же.

Решению проблемы недостаточного финансирования должно было способствовать введение новых штатов КИД (январь 1800 г.), по которым не только уменьшалось количество сотрудников центрального аппарата и заграничных представительств, но и практически вдвое увеличивались расходы на содержание Коллегии [594]. Годовое жалование сотрудникам дипломатических миссий было увеличено: теперь посланник в Неаполе (должность, официально заменившая звание полномочного министра) должен был получать 12000 рублей (плюс – 600 рублей на почтовые расходы), секретарь посольства (сменивший советника посольства) – 1500 рублей, а единственный находившийся при миссии канцелярский служитель – 800 рублей [595]. На практике, однако, ситуация с должностями и жалованиями сложилась иначе: не считая нескольких сотрудников Министерства иностранных дел, приписанных к неаполитанской миссии «сверх штата» (некоторые из которых также получали жалование от министерства), в 1802–1808 гг. при миссии официально находилось два канцелярских служителя (Александр Булгаков и Иосиф Пини), каждый из которых ежегодно получал по 400 рублей[596] (А.Я. Булгаков получал еще и денежную помощь от своего отца в размере около 1200 рублей в год, благодаря чему практически ни в чем не нуждался)[597].

---

[594] *Стегний П.В.* Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник РУДН, сер. Международные отношения, 2022. № 1 (2). С. 25–26.

[595] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 3. Л. 11об. Примерный штат постам министерским (документ высочайше конфирмован 11 января 1800 г.)

[596] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 90. Л. 274об.–275об. В 1800-е гг. сверх штата при российской миссии в Неаполе числились следующие чиновники: действительный камергер князь Гагарин, камер-юнкер Александр Сабакин, надворный советник граф де Бальман, надворный советник Петр Полетика (получал 800 рублей), коллежский асессор Василий Аршеневский, переводчик Павел Межаков (получал 400 рублей), актуариус Саломирской, титулярный советник Рихтер (Там же. Л. 275об.).

[597] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 603–604.

Главной обязанностью сотрудников российской миссии было ведение регулярной переписки с российским двором и КИД. Как правило, глава посольской миссии один раз в неделю отправлял пронумерованные донесения на имя руководителей КИД или российского монарха (при этом если в 1795 г. главным почтовым днем была суббота, то в 1797–1798 гг. отправка донесений чаще всего происходила по вторникам и уже гораздо реже по субботам или в иные дни). Даты составления депеш и реляций были привязаны к почтовым дням, подтверждение чему легко находится в самих текстах документов (например, в реляции В.В. Мусина-Пушкина от 30 июня (11 июля) 1797 г.: «Сегодня в десять часов пополудни представлен я буду вместе с женою моею Ее Величеству Королеве. Около сего времени отходит почта, и для того в следующий вторник донести имею Вашему Императорскому Величеству, ежели между обстоятельствами представления моего найдутся заслуживающие примечания»[598]).

Как уже отмечалось, переписыванием донесений набело чаще всего занимались канцелярские служители, однако в процессе составления этих бумаг обычно принимали непосредственное участие и сами руководители миссии (в особенности это касается А.Я. Италинского, который, еще будучи советником посольства, активно взаимодействовал с информаторами, получая актуальные сведения об обстановке в Центральном и Восточном Средиземноморье, а в 1799 г. самостоятельно составлял многие реляции на имя императора Павла I).

В личном архиве А.Я. Италинского сохранилось достаточно большое количество черновиков, которые позволяют в общих чертах реконструировать характер работы дипломата с информацией, в особенности во время выполнения им особой миссии в 1799 г. Как правило, на раннем этапе Италинский мог составлять небольшие поденные записи, по дням недели фиксируя информацию о проведенных встречах и отправленных письмах (при этом для обозначения дней недели он использовал астрономические символы). Эти заметки велись им

[598] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 257. Л. 23.

бессистемно, иногда на оборотах черновиков других документов. Один из наиболее ярких примеров – поденная запись на обороте черновика ноты Дж. Актону от 21 ноября 1799 г., свидетельствующая о круге общения советника посольстве и написанных им письмах осенью 1799 г.:

«13 ☉ по утру у Нельсона

в вечеру у Актона, прот[?] у Пушкина

14 ☾ обедал у Патерно

В вечеру у Актона

15 ♂ обедал у посла, был в вечеру

у Акт. читал записки … [?]

16 ☿ конференции у Актона

обедал у Актона, благодарил за записки

Был у Нельсона взял бумаги,

Был Васто, потом М. … ♀ [?]

17 ♃ был у Пушкина

в вечеру писал к Ушакову

Мансу [А. Манзо]

Зурлу [Дж. Зурло]

18 ♀ подал к Актону требование»[599].

Кажется, что составление подобных записей должно было облегчить последующую работу над официальными донесениями. Как свидетельствуют материалы личного архива, сначала А.Я. Италинский составлял планы будущих депеш и реляций и лишь затем писал черновой текст (вычеркивая пункты плана по мере написания черновика), в который впоследствии мог вносить смысловые и стилистические правки (так, в черновике реляции от 5 (16) августа 1799 г. советник посольства зачеркнул большой текст, подробно описывавший со слов Дж. Актона историю возникновения личной неприязни между ним и австрийским министром

[599] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 141.

иностранных дел Ф.М. Тугутом[600] – видимо, дипломат счел эту информацию лишней и в чистовую версию реляции этот фрагмент не включил, ограничившись кратким упоминанием «ненависти» Тугута к Актону[601]). Иногда А.Я. Италинский мог вносить собственноручные правки и в уже практически готовую чистовую версию реляции, написанную секретарским почерком[602]. Кто в таких случаях являлся реальным автором первоначального текста, сказать сложно, однако важно подчеркнуть: несмотря на коллективный характер авторства некоторых реляций, именно руководитель миссии, чья подпись ставилась на последнем листе донесения, играл решающую роль, проверяя, редактируя и одобряя текст документа перед его отправкой.

Ведение официальной переписки требовало знания делопроизводства и иностранных языков, а также владения некоторыми специальными навыками (в том числе шифрованием), которые, как правило, отсутствовали у новых сотрудников, прибывавших к миссии, не имея за плечами никакого дипломатического опыта. Это касалось в том числе коллежского асессора А.Я. Булгакова, весной 1802 г. сменившего Петра Немеровского в качестве канцелярского служителя при российской миссии в Неаполе. Письма к отцу, написанные Булгаковым в течение его первого года пребывания в Южной Италии, свидетельствуют о характере постепенного «вхождения» нового канцелярского служителя в дела посольства, которое проходило под чутким и внимательным руководством А.Я. Италинского, взявшего на себя опеку над новым сотрудником (в депеше вице-канцлеру В.П. Кочубею от 23 апреля (5 мая) 1802 г. А.Я. Италинский писал: «Определенных на место надворного советника Немеровского асессоров, Булгакова, прибывшего уже, и имеющего прибыть Пиния [Иосифа Пини], не премину употреблять в дела,

[600] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 160об., 158, 157, 147.

[601] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 6–8.

[602] Наиболее яркий пример – черновик реляции А.Я. Италинского от 26 октября (6 ноября) 1799 г. с вычеркнутой критикой армии кардинала Ф. Руффо (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 275об.)

и со всеми расположениями усердия споспешествовать им в приобретении способностей к высочайшей службе»[603]).

Единственная проверка на профессиональную пригодность, которая была предложена двадцатилетнему А.Я. Булгакову, когда он в феврале 1802 г. явился к вице-канцлеру А.Б. Куракину, приехав в Санкт-Петербург с рекомендательными письмами от своего отца и начальника Московского архива КИД, состояла в оценке качества его почерка и базовых языковых навыков: «[А.Б. Куракин] велел также каждому написать на всех языках, какие мы знаем, чтобы видеть наши почерки»[604] (в тот момент А.Я. Булгаков владел французским, немецким и польским языками). Тогда же, зимой 1802 г. один из сотрудников КИД и старший брат будущего товарища Булгакова по неаполитанской миссии Иосифа Пини, должен был впервые познакомить будущих канцелярских служителей с азами шифрования дипломатической корреспонденции. 15 марта 1802 г., получив большое количество рекомендательных писем (от А.Б. Куракина, Н.П. Панина, герцога ди Серракаприола и даже от княгини Багратион, приходившейся внучкой графине М.Н. Скавронской), А.Я. Булгаков отправился к своему посту и 20 апреля 1802 г. приехал в столицу Неаполитанского королевства (по пути он фактически исполнял обязанности курьера). Сразу же по прибытии в Неаполь коллежский асессор был привлечен российским посланником А.Я. Италинским к канцелярской работе. Уже спустя два дня после приезда (22 апреля) он написал отцу: «Завтра [Италинский] станет меня учить шифровать, а на сих днях сдана мне будет канцелярия и все дела» [605] . В одном из последующих писем Булгаков свидетельствовал, что А.Я. Италинский решил разделить канцелярские обязанности, ранее единолично выполнявшиеся П. Немеровским, между двумя новыми служителями, возложив на Булгакова всю внешнюю корреспонденцию на русском и французском языках, а на

[603] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 54об.

[604] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 603.

[605] Там же. С. 614.

Пини, хорошо владевшего итальянским языком, – переписку с неаполитанским министерством («Я действительно хочу обременить вас всею работою по внешней переписке, а г-н Пини, зная хорошо конечно Итальянский язык, будет ведаться с здешним двором»[606]). В этом же письме, очевидно, желая произвести на отца благоприятное впечатление, А.Я. Булгаков писал о своих первых успехах в ведении делопроизводства: «Все то, что мне дается на целый день, кончаю всегда в несколько часов или как можно скорее и лучше, и министр мне уже не один раз объявлял, сколько он доволен исправностию и скоростию моей работы»[607]. К переписыванию официальных донесений набело А.Я. Булгаков приступил с июня 1802 г.[608]. 1 (12) июля он написал отцу, что впервые шифровал депешу (по всей видимости, имея в виду донесение А.Я. Италинского В.П. Кочубею, датированное 3 (15) июля[609]), а 12 (24) октября сообщил о впервые данном ему разрешении самостоятельно написать депешу Италинского вице-канцлеру А.Б. Куракину («Министр в первый раз препоручил мне сочинить депешу к князю Куракину о некотором деле и нашел ее столь исправною, что почти ничего не поправил»[610]). Речь в данном случае идет об очень коротком письме без номера, датированном 13 (25) октября, в котором от имени Италинского князю А.Б. Куракину сообщалось о получении из Рима «морских карт» и их вручении Дж. Актону[611] (очевидно, что на

---

[606] Там же. С. 617. В письме брату от 27 мая 1802 г. А.Я. Булгаков передавал эту фразу Италинского иначе: «Я действительно хочу обременить вас всею российскою и французскою перепискою, а господин Пиний будет ведаться с итальянским языком» (*Братья Булгаковы*. Указ. соч. С. 18).

[607] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 617.

[608] Первая депеша А.Я. Италинского, написанная почерком А.Я. Булгакова, датирована 1 (13) июня 1802 г. (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 64).

[609] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 67–68об.

[610] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 635.

[611] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 120.

первых порах молодому канцелярскому служителю вряд ли можно было доверить составление более серьезных донесений).

К тому моменту А.Я. Булгаков играл также роль личного секретаря А.Я. Италинского, принимая просителей и ходатайствуя за них перед посланником, в том числе о выдаче рекомендательных писем («Кто приходит ко мне с просьбою, тотчас бывает удовлетворен; ибо стоит только доложить министру, ежели просьба справедлива, то все дело тотчас кончится»[612]). Главной же его обязанностью было ведение делопроизводства. В письме отцу от 26 августа (7 сентября) 1802 г. он следующим образом описывал характер своей деятельности, которая носила особенно интенсивный характер накануне почтовых дней, когда Булгакову приходилось вставать рано утром и заканчивать свою работу до полудня (обычное время отправления курьеров): «Теперь дело мое есть: депеши к Государю, к вице-канцлеру, к графу Кочубею, цидулы в Коллегию и вписывание в журнал. Пини, который также в оном участие берет, когда слишком много дела, ведет переписку по-италиански, пишет ноты к здешнему министерству. Шифруем и расшифровываем вместе» [613] . Естественно, никакого четко фиксированного рабочего графика у сотрудников миссии не было: их деятельность была организована вокруг почтовых дней (примерно два раза в неделю), однако заниматься переписыванием, оформлением и шифрованием документов им зачастую приходилось и в другие дни. Как оправдывался Булгаков перед своим отцом, именно это обстоятельство мешало ему брать уроки у частных учителей: «Нет почти дня, чтобы не было письма, и потому трудно мне учредиться с

[612] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 618.

[613] Там же. С. 630.

учителями, которых буду принужден часто отсылать»[614] (только в конце октября Булгаков смог нанять учителя английского языка[615]).

Таким образом, рабочие обязанности оказывали непосредственное влияние на частную жизнь, делая границу между приватной и профессиональной сферами слаборазличимой (что, в целом, было характерно для дипломатической деятельности того времени[616]). Фактически зыбкость границы между рабочим и личным пространством проявилась и в характере опеки, которую над А.Я. Булгаковым осуществлял российский посланник А.Я. Италинский: она касалась не только профессиональных навыков нового канцелярского служителя, но и его образа жизни. Уже в первые дни после приезда Булгакова в Неаполь Италинский имел с ним разговор о финансах («Повторил все ваши советы – ограничивать расходы свои по доходам и не входить в долги»[617]), а впоследствии заботился не только о месте проживания и пропитании коллежского асессора, но также о его внешнем виде («Сегодня он мне сказал: мне очень приятно видеть, что вы не мешаетесь в число молодых франтов, которые не носят ни пудры, ни пучков, и думают все сие заменить большими бакенбардами»[618]). Помимо этого, немало внимания российский посланник уделял образованию и расширению кругозора нового канцелярского служителя. Став руководителем канцелярии российской миссии, А.Я. Булгаков одновременно выполнял обязанности хранителя личной библиотеки Италинского («Я имел честь быть с год нашим библиотекарем»[619]). Осенью 1802 г. именно Италинский «внушил... желание» Булгакову начать

---

[614] Там же. С. 622.

[615] Там же. С. 637–638. Учитель английского языка получал от А.Я. Булгакова всего 6 дукатов в месяц и должен был посещать его три раза в неделю.

[616] *Mori J.* Op. cit. P. 17.

[617] Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802-й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 616.

[618] Там же. С. 621.

[619] Там же. С. 636.

переводить с итальянского на французский язык 17 томов ежегодного сочинения «La Storia» (за 1794–1801 гг.), «заключающего все достопамятные происшествия Европы в сии разные времена»[620]. Важно, что параллельно А.Я. Булгаков знакомился со старыми депешами российских полномочных министров в Неаполе, копии которых сохранились в посольском архиве: «Читая здешние старые реляции, нашел я много мест, где о вас упоминается: о заключении и освобождении вашем, о причинах оного и проч.»[621] (это вводило нового сотрудника посольства в общий исторический и политический контекст деятельности миссии и давало наглядный пример того, как должна была выглядеть официальная переписка). Интересно, что летом–осенью 1802 г. А.Я. Италинский приобщил молодого канцелярского служителя и к своему увлечению античной культурой: среди книг, которые А.Я. Булгаков упомянул в письме своему отцу, был один из томов собрания выполненных художником И.Г.В. Тишбейном копий изображений на античных вазах из коллекции У. Гамильтона, описания которых в середине 1790-х гг. были сделаны А.Я. Италинским[622], а в начале октября 1802 г. Италинский взял Булгакова с собой в город Нола, где они познакомились с коллекцией этрусских, греческих и египетских ваз из частного собрания «маркиза Вивенция» (Pietro Vivenzio)[623]. Наконец, 14 (26) августа 1802 г. именно А.Я. Италинский официально представил А.Я. Булгакова королю Фердинанду IV и королеве Марии Каролине, тем самым впервые введя его в церемониальное пространство неаполитанского двора.

При этом важно отметить, что А.Я. Италинский, играя по отношению к Булгакову роль опытного наставника и вводя его в дела миссии, в действительности относился к коллежскому асессору достаточно критично, считая его легкомысленным и не вполне способным для управления канцелярией посольства.

---

[620] Там же. С. 639–640.

[621] Там же. С. 628.

[622] Там же.

[623] Там же. С. 635. О коллекции античных ваз из Нолы см.: *Lyons C.L.* Nola and the historiography of Greek vases // Journal of the History of Collections (2007), vol. 19, no. 11. P. 239–247.

В письме графу Мочениго от 9 (21) сентября 1802 г. посланник писал: «Г-н Булгаков может мне помочь лишь только тогда, когда нужно что-то написать по-русски; он не слишком годится для того, чтобы управлять канцелярий, он чересчур любит развлечения... (il ne peut pas être bon pour avoir la Chancelerie sous sa direction, il aime un peu trop les amusements...)»[624] Как свидетельствует переписка А.Я. Булгакова с братом и отцом, во фразе А.Я. Италинского про любовь коллежского асессора к развлечениям было много истинного: в течение первых нескольких месяцев своего пребывания в Неаполе молодой канцелярский служитель активно участвовал в культурной жизни столицы, регулярно посещая театры, проводя вечера у графини М.Н. Скавронской и князя П.Г. Гагарина (российского посланника при сардинском короле), а также вместе с Гагариным и его женой совершая частые поездки по окрестностям Неаполя (на о. Капри, на Везувий, в Помпеи, Салерно и Пестум, а также в Гаэту).

В дальнейшем А.Я. Булгаков играл в деятельности российской миссии все более заметную роль: к 1804 г. он был уже в состоянии самостоятельно вести дипломатическую переписку (так, в июне – июле 1804 г., когда поверенный в делах П.И. Карпов был сильно болен из-за «ежедневных припадков лихорадки и рюматизма», именно Булгаков от своего имени написал пять донесений руководителю МИД А. Чарторыйскому)[625], а в 1806 г., после повторного бегства двора на Сицилию, благодаря ходатайству нового посланника Д.П. Татищева, А.Я. Булгаков был назначен секретарем российского посольства (в обход П.И. Карпова).

Подводя итог обзору материального положения сотрудников российской миссии в Неаполе в 1790-е–начале 1800-х гг., следует, прежде всего, отметить хроническую нехватку денежных средств (в том числе из-за «замороженных» размеров жалования в 1779–1800 гг.), а также ненадежность методов доставки векселей в Южную Италию. Способы, к которым сотрудники миссии могли

[624] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8237. Л. 21.

[625] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8245. Л. 109–127об.

прибегать для улучшения ситуации, могли только ухудшить их положение (в данном случае речь идет об использовании услуг ростовщиков), а фактически единственной рабочей альтернативой в условиях хронического недофинансирования могло быть участие в финансовых операциях, осуществлявшихся местными коммерсантами. Бытовые условия также оставляли желать лучшего, что проявлялось как в отсутствии собственного посольского дома (помещения, которые арендовал глава миссии, не всегда соответствовали его статусу), так и в невозможности сотрудников посольства свободно отправлять обряды Русской православной церкви из-за отсутствия в Неаполе православного храма.

Главной обязанностью российской дипломатической миссии было ведение переписки со своим двором (именно вокруг этой обязанности, которая реализовывалась по почтовым дням, выстраивался весь повседневный график сотрудников российского посольства). Как свидетельствуют материалы личного архива А.Я. Италинского, руководитель миссии принимал в этом непосредственное участие, самостоятельно составляя тексты или, по крайней мере, их редактируя. Переписыванием, шифрованием, а иногда и составлением донесений занимались канцелярские служители (сначала П. Немеровский, а затем А.Я. Булгаков и И. Пини). Пример А.Я. Булгакова хорошо показывает, что младший сотрудник миссии, прибывая к месту службы (которое он обычно получал по протекции), как правило, не имел никакой специальной подготовки, кроме знания языков, и должен был осваивать свои должностные обязанности с нуля, под внимательным руководством главы посольства, который мог проявлять заботу не только о развитии у нового сотрудника профессиональных навыков, но и о его кругозоре, образовании и образе жизни (приватная и профессиональная сферы жизни были тесно взаимосвязаны, и эта взаимосвязь проявлялась на разных уровнях).

2.3. Взаимодействие с Санкт-Петербургом и проблемы коммуникаций

Дипломатическая деятельность всегда тесно связана с коммуникацией. Важно отметить, что речь в данном случае идет не только о взаимодействии между посольской миссией и правительством страны пребывания, но и о взаимодействии миссии с собственным двором. С одной стороны, именно через взаимодействие с центром актуализируется политический курс, которому следуют дипломаты на местах; с другой стороны, своевременное получение информации о политической обстановке на местах позволяет руководству в центре корректировать внешнеполитический курс, приводя его в соответствие с новым раскладом сил на международной арене. Очевидно, что в конце XVIII века, в эпоху паруса и механической энергии, коммуникация осуществлялась в относительно медленном темпе и далеко не всегда успешно. В некотором смысле можно даже говорить, что отдаленные друг от друга географические пункты, связанные почтовым сообщением, существовали как будто бы в двух параллельных временных реальностях – сам этот факт вполне мог стать значимым фактором развития внешней политики и международных отношений.

Связь между Южной Италией и Санкт-Петербургом в 1790-е – начале 1800-х гг. осуществлялась через дипломатических курьеров или по почте (гораздо реже письма могли передаваться с частными лицами). Наиболее удобный почтовый путь связывал Неаполь с Веной или через Тоскану, или через Манфредонию и Триест (регулярная почтовая связь между Неаполем и Веной была установлена еще в эпоху испанского владычества с целью соединить разрозненные владения династии Габсбургов [626]), а уже из австрийской столицы почта отправлялась в Санкт-Петербург. Другим вариантом была отправка корреспонденции через Константинополь (как правило, через курьеров дипломатических миссий, а также через консульскую почту Российской империи или «Цареградскую почту», как

[626] Почта // Энциклопедический словарь, под ред. Ф.А. Брокгауза и Е.А. Ефрона. Т. XXIV. СПб., 1898, С. 794.

называли ее сотрудники КИД) [627] . Естественно, использование курьеров (в особенности находившихся на службе своего двора) было более надежным способом коммуникации, прежде всего в силу того, что и российское, и неаполитанское правительство, также как и большинство других европейских дворов, активно прибегали к перлюстрации дипломатической и частной корреспонденции иностранных подданных. Граф Ф.Г. Головкин в своих донесениях напрямую писал о риске перлюстрации (еще до своего конфликта с неаполитанским двором), именно этим обосновывая свой отказ от частого использования шифра («Поскольку этот двор чрезвычайно подозрителен, я буду писать шифром как можно реже»[628]). Уже в январе 1796 г., в самый разгар скандала, граф Головкин сознательно направил свои донесения с прусским путешественником через Берлин, опасаясь, что даже в Вене они могли быть перехвачены неаполитанским двором[629]. Как показывает сам факт приобщения к неаполитанским жалобам на Головкина копий перлюстрированной переписки между российским полномочным министром и испанским послом в Риме, а также история с обыском и изъятием писем у российского подданного барона Будберга, эти опасения не были напрасны. Неаполитанский двор действительно регулярно практиковал перехват и перлюстрацию иностранной корреспонденции, а в ряде случаев мог прибегать к еще более грубым методам (в августе 1793 г. граф П.М. Скавронский сообщил о краже у французского министра А. Мако всех его бумаг – эта кража действительно была организована неаполитанским двором, скорее всего использовавшим полученные документы для составления списка проживавших в королевстве неблагонадежных французов, однако в тот момент российский министр подверг эту версию сомнению, причем главным аргументом

[627] О почтовом сообщении Константинополь – Санкт-Петербург в первой половине XIX в. см.: *Кудрявцева Е.П.* Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. С. 36–45.

[628] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 243. Л. 13об.

[629] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 252. Л. 5.

для него стал тот факт, что неаполитанское правительство «известными ему одному средствами» и так уже имело копии всех «важных и неважных бумаг» французского дипломата[630]).

В среднем обмен корреспонденцией между Санкт-Петербургом и Южной Италией занимал один или полтора месяца. Иногда своевременный приход почты мог быть затруднен естественными причинами, например, неблагоприятными погодными условиями, особенно в зимнее время (в депеше от 31 января (11 февраля) 1792 г. граф П.М. Скавронский свидетельствовал: «По всей своей долготе дорога, которою доходят сюда известия из Константинополя, подвержена в зимнее время весьма многим приключениям от снегов на земле, от ветров на море бывающим, которые великую чинят медленность и остановку в прохождении почты»[631]; 2 (13) апреля 1798 г. герцог ди Серракаприола писал в Неаполь маркизу ди Галло: «Вчерашняя почта еще не прибыла из-за продолжающейся отвратительной погоды (per la continuazione dei cattivi tempi), ее ожидают с нетерпением, дабы узнать новости из Италии» [632]). Еще более серьезным препятствием для свободного обмена информацией была война – в течение почти всего рассматриваемого периода в Южной и Центральной Европе проходили ожесточенные боевые действия. В итоге, по крайней мере дважды, зимой – весной 1797 г. и зимой – весной 1799 г. Южная Италия оказывалась практически полностью отрезана от сообщения с остальной Европой (во время Итальянской кампании генерала Бонапарта (1796–1797 гг.) почтовое сообщение через Апеннинский полуостров не прекращалось, однако был очень велик риск перехвата корреспонденции французами[633]; во время следующего острого кризиса, когда неаполитанские войска вступили на территорию Римской республики (ноябрь 1798 г.), были оборваны почтовые связи с Веной через Тоскану, а уже через два месяца,

[630] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 229. Л. 16.

[631] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 222. Л. 8.

[632] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 198. Л. 194об.

[633] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 258. Л. 13.

после бегства двора и правительства на Сицилию, монархия Бурбонов, потеряв связь не только с Неаполем, но и с Манфредонией, продолжала осуществлять почтовое сообщение с Веной уже напрямую (как правило, через Зару), но «только по поводу особливо важных обстоятельств», т.е. на нерегулярной основе[634]).

Очевидно, что такое положение дел должно было серьезно повлиять на эффективность деятельности российской миссии в Южной Италии и затруднить для нее связь с Санкт-Петербургом. Следует отметить, что российская миссия в принципе занимала в то время периферийное положение в структуре заграничных учреждений КИД, из-за чего российские полномочные министры в Неаполе не всегда своевременно получали сведения от своего двора о решениях, принятых в Санкт-Петербурге и других европейских столицах. Один из наиболее ярких эпизодов произошел летом 1793 г.: в начале августа в Неаполе стало известно о ратификации англо-русской конвенции о борьбе с Францией (14 (25) марта), а также заключенного в тот же день торгового соглашения. В отличие от российских дипломатов в Дании и Швеции, граф П.М. Скавронский так и не получил никакой официальной информации об этих документах. Это не только поставило его в неудобное положении перед У. Гамильтоном, желавшим узнать от него подробности англо-русских соглашений («Великого труда стоило мне ответствовать на его вопросы, не дав ему поводу заключить, что я о сем деле ничего подлинно не знаю»), но и вызвало недовольство неаполитанского двора, обвинившего российского министра в «нерадении» («Приписывают неполучение такого извещения оплошности и нерадению моему о должностях звания моего»)[635].

Военные действия в Северной Италии и австрийских землях в 1796–1797 гг. серьезно затруднили коммуникацию сотрудников российской миссии со своим двором, ранее проходившую на регулярной основе. 17 (28) февраля 1797 г. А.Я. Италинский, пользуясь появившейся возможностью, направил депешу вице-канцлеру И.А. Остерману через Венецию, сообщая в ней о невозможности

[634]АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 5–5об.

[635] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 230. Л. 3об.

отправки своих предыдущих донесений: «Оба сии донесения не могли быть отправлены за невозможностью отправить оные иначе, как чрез места, занятые французами, которые задерживают все почты, так как и нарочных курьеров, распечатывают письма, некоторые из них открытые возвращают везущему, многие удерживают; всякие своевольства позволяют себе единственно для досаждения тем, от кого и кому следуют письма»[636]. Ситуация нормализовалась только к началу мая 1797 г., когда после длительного перерыва в Неаполь пришло сразу восемь почт из Германии. Италинский, в течение месяца не имевший возможности отправлять свои донесения (депеши № 12 и 13 были перехвачены, депеша № 14 была написана им 7 (18) апреля, а депеша № 15 – уже 5 (16) мая), с удовлетворением констатировал: «Сие обстоятельство означает свободное открытие им [почтам] прохождения»[637].

С мая 1797 г. по декабрь 1798 г. связь Неаполя с Санкт-Петербургом, как и в первой половине 1790-х гг., осуществлялась на регулярной основе, а время доставления корреспонденции в основном не превышало одного месяца. Как уже было отмечено, ситуация радикально изменилась в начале 1799 года, когда Южная Италия оказалась практически полностью отрезана от остальной Европы. Неаполитанская королева Мария Каролина с недоумением писала герцогу ди Серракаприола (7 марта 1799 г.): «…Кажется, будто мы в Новом свете. С ноября месяца уже не получаем мы писем из Вены и из Севера, в ответ на отправленные от нас чрез нарочных. Причина сему мне не понятна…»[638] (прямая связь в то время сохранялась только с Константинополем). В условиях отсутствия регулярного сообщения с Веной Мусин-Пушкин решил использовать «всякие другие способы, какие могут открыться чрез Англию или Константинополь»[639]. Именно почтовый маршрут через столицу Османской империи стал с этого времени основным

[636] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 258. Л. 13–13об.

[637] Там же. Л. 30.

[638] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 349. Л. 106.

[639] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 5об.

каналом обмена информацией между Российской империей и Южной Италией[640], а время доставки реляций, вне зависимости от выбранного маршрута, увеличилось до 2–3 месяцев[641], при том что само количество реляций серьезно уменьшилось (если в марте 1799 г. Мусиным-Пушкиным были написаны всего лишь две реляции, то в мае 1799 г. он не написал ни одной, а в июне 1799 г. – всего лишь одну (26 мая (6 июня) 1799 г.), причем в Санкт-Петербурге она была получена только в конце августа того же года[642]). Разумеется, работало это и в обратную сторону: депеши герцога ди Серракаприола от 22 декабря 1798 г. и 2 января 1799 г. были получены в Палермо только в начале апреля 1799 г.[643], а рескрипт Павла I от 16 (27) марта 1799 г. (о необходимости координации действий с послом в Вене графом Разумовским) В.В. Мусин-Пушкин получил с задержкой в три месяца (22 июня (3 июля) 1799 г.)[644] Особенно острой была в это время и опасность потери почты (как уже отмечалось, самый яркий эпизод произошел весной 1799 г., когда курьер выбросил в море все пакеты с депешами, в одном из которых должны были находиться векселя с жалованием сотрудников российской миссии в Южной Италии за сентябрьскую треть 1798 г.)

---

[640] Королева Мария Каролина писала герцогу ди Серракаприола: «Я пользуюсь отправлением почты в Константинополь (которая, как сказывают, скорее доходит в Россию) чтоб к Вам писать» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 349. Л. 104).

[641] Время доставки почты межу Константинополем и Санкт-Петербургом в среднем составляло один месяц. В письме своей сестре графине Сен-При от 12 июля 1798 г. неаполитанский дипломат в Константинополе граф Г.К. Лудольф свидетельствовал: «Русские курьеры очень хороши, а письма идут не более тридцати дней (ne mettent pas trente jours à aller)» (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 197. Л. 81об.).

[642] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 80об.

[643] Король Фердинанд IV писал герцогу ди Серракаприола 9 апреля 1799 г.: «Когда на прошедшей неделе наконец прибыли все задержавшиеся курьеры с Севера, в количестве семи, я получил два Ваших письма от 22 декабря прошлого года и от 2 января» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 349. Л. 84).

[644] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 35–36.

К началу 1800 г. регулярная связь между Палермо и Санкт-Петербургом в целом восстановилась (если судить по количеству реляций и времени их доставления). Вероятно, немаловажную роль могло сыграть взятие Анконы – событие, которое еще летом 1799 г. обещало восстановление еженедельного почтового сообщения между Неаполем и Веной [645]. При этом, однако, относительная стабильность продолжалась недолго. 28 апреля (10 мая) 1800 г. А.Я. Италинский писал о «медленном крайне прохождении обще всех писем и многих потере» («После всех неустройств и нещастий, случившихся в Италии, не приведены поныне почты в такой порядок, чтобы можно было посредством оных производить с благонадеждностию какую либо переписку»[646]), а уже в начале августа констатировал тот факт, что победа французских войск при Маренго и заключенное на следующий день перемирие между французами и австрийцами еще сильнее затруднили связи между Южной Италией и Центральной Европой: «Положением, в котором с июня 3/15 числа находится Италия, сделалось столь затруднительным и ненадеждным сообщение между здешним королевством и Германиею, что и в ожидании верного случая принужден был отлагать долго отправление многих всенижайших моих Вашему Императорскому Величеству донесений…»[647] Эти сведения находят подтверждение в датировке написания и получения реляций: уже с конца мая 1800 г. время доставления почты вновь выросло до трех с лишним месяцев: реляции А.Я. Италинского от 22 мая (н.с.) и 16 июня (н.с.) (которая была единственной реляцией, написанной им в июне) были получены в Санкт-Петербурге только в начале сентября 1800 г., а реляции за вторую половину октября – ноябрь 1800 г. добрались до места назначения лишь в конце декабря 1800 г. (при этом в ноябре Италинским были написаны только две реляции). Лишь немногим лучше была ситуация с отправлением донесений и в начале 1801

[645] А.Я. Италинский писал об этом В.П. Кочубею 17 (28) августа 1799 г.: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 280, Л. 1об.

[646] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 62.

[647] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 69.

г.: все депеши и реляции А.Я. Италинского за февраль – начало марта 1801 г. (начиная со 2 (14) февраля[648]) были получены в Санкт-Петербурге только 31 марта 1801 г., когда императора Павла I уже не было в живых.

Обращает на себя внимание также тот факт, что за 1790-е гг. дважды изменилось соотношение направляемых в Санкт-Петербург депеш на имя руководителей КИД и реляций на имя монарха. Если при жизни Екатерины II полномочные министры гораздо чаще направляли свои донесения руководителям КИД (даже Ф.Г. Головкин за шесть месяцев пребывания в Неаполитанском королевстве написал около 30 донесений вице-канцлеру И.А. Остерману и всего лишь 10 писем на имя императрицы), то при Павле I господствующим «жанром» дипломатических донесений стала именно реляция на имя монарха (в чем ярко отразились принципы централизации и единоначалия, присущие всей павловской системе управления)[649] . При этом еще при жизни императора Павла I, начиная с января 1801 г. произошло постепенное возвращение к первоначальному принципу: только за первые месяцы 1801 г. количество депеш, адресованных первоприсутствующему в КИД Ф.В. Ростопчину, было на порядок выше, чем количество реляций на имя императора (в январе 1801 г. А.Я. Италинским были написаны 1 реляция и 6 депеш), притом что их содержательность была, как и в

---

[648] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 10–10об.

[649] Сохранились источники, свидетельствующие о том, что по крайней мере часть реляций Павел I действительно мог читать лично. 22 мая 1798 г. вице-канцлер А.Б. Куракин писал канцлеру А.А. Безбородко о том, что в связи с путешествием Павла I в Казань он «должен… следующие почты отправлять прямо к Его Императорскому Величеству» (АВПРИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 595. Л. 78). Это повеление действительно исполнялось: 26 мая Куракин писал о прямом направлении «Цареградской почты» и «Министерских донесений, на обыкновенной Рижской Стафете полученных» через Тихвин навстречу императору (в то время как А.А. Безбородко были направлены «из обеих тех почт выписки») (Там же. Л. 121), о том же он сообщал в записках канцлеру от 29 мая, 5 и 9 июня (Там же. Л. 110, 112об., 113). Как раз среди депеш, полученных 29 мая 1798 г. (из которых были сделаны выписки для Безбородко), находилось донесение В.В. Мусина-Пушкина-Брюса из Неаполя от 13 (24) апреля 1798 г. (Там же. Л. 145 – 146об.).

екатерининский период, довольно высока. Окончательно эта тенденция победила уже при Александре I, когда непосредственный контроль за дипломатами за рубежом вновь перешел к главе внешнеполитического ведомства, соответственно, и донесения стали чаще направляться на его имя[650].

Географический фактор, «неподвижная история» (по выражению Ф. Броделя) – то, что ни в коем случае нельзя недооценивать, говоря о характере взаимодействия между дипломатической миссией и ее правительством. Даже в тот момент, когда деятельность российского посольства в Южной Италии должна была принять более активный характер (в условиях действия в Средиземном море русских эскадр), ее координация с санкт-петербургским двором была затруднена из-за географической удаленности и пресечения коммуникаций в ходе военных действий. Это неизбежно ставило перед руководителями российской миссии сложные вопросы о границах собственных полномочий и допустимости личной инициативы в условиях быстро менявшейся политической ситуации (в равной степени это касалось и деятельности неаполитанской миссии в Санкт-Петербурге).

2.4. Выводы к главе 2

Анализ повседневной деятельности российской миссии в Неаполитанском королевстве в 1790-е – начале 1800-х гг. (ее персонального состава, материального положения ее сотрудников и использовавшихся ими профессиональных практик, а также характера их связи с Санкт-Петербургом) позволяет охарактеризовать ее как периферийную структуру, формально встроенную в вертикаль КИД, однако функционировавшую по своим собственным правилам. Главную роль в деятельности российской дипломатической миссии в Южной Италии играли неформальные связи (вертикальные и горизонтальные), личный опыт (в том числе в выполнении профессиональных обязанностей), передававшийся от

[650] *Ловцов А.С.* Реляция // Государственность России: словарь-справочник. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частноправовые акты: конец XV века – февраль 1917 года. Ч. 2. М., 2009. С. 241.

старослужащих к новым сотрудникам, наконец, умение служащих российской миссии приспосабливаться к местным условиям и преодолевать системные сложности, связанные как с бытовой неустроенностью, так и с хронической нехваткой денежных средств, в том числе из-за несоответствия размеров получаемого жалования реальным затратам на проживание, пропитание и поддержание статусного образа жизни (именно неизменность годовых окладов в 1779–1800 гг. являлась главной системной проблемой, которую в Санкт-Петербурге попытались решить с помощью введения новых штатов КИД в 1800 г.)

В отличие от полномочных министров, остававшихся номинальными фигурами, главную роль в функционировании российской миссии в Неаполе в 1780-е–1790-е гг. играл советник посольства А.Я. Италинский (что было предопределено его большим опытом и «социальным капиталом» в виде тесных связей с влиятельным семейством Воронцовых и неаполитанским двором). В 1799 г., в условиях серьезного изменения международной обстановки, санкт-петербургский двор пошел на формализацию и официальное оформление статуса А.Я. Италинского как главы российского посольства. В этот же период произошло повышение в чинах и других сотрудников российской миссии в Южной Италии. Тем не менее, несмотря на эти символические знаки, повышавшие значение миссии в общей системе заграничных учреждений КИД, на ее работу продолжали оказывать влияние структурные проблемы, связанные с хронической нехваткой денежных средств и географической удаленностью Неаполитанского королевства от Российской империи. С точки зрения реализации задач, ставившихся императором и КИД перед дипломатами на местах, именно проблема географической удаленности должна была сыграть особую роль, обрекая российскую миссию на значительную степень автономии от центра и ставя вопрос о соотношении между официальными полномочиями и личной инициативой. Из-за военных действий, оборвавших регулярные почтовые связи, в конце XVIII века Санкт-Петербург и Неаполь фактически оказались в двух разных временных реальностях, что неизбежно должно было повлиять на характер российско-

неаполитанского военно-политического сотрудничества в годы войны Второй антифранцузской коалиции.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Агеев Алексей Сергеевич

Российско-неаполитанские дипломатические связи и внешняя политика Российской империи в конце XVIII – начале XIX века

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Андреев Андрей Юрьевич

Москва – 2026

Оглавление

Том 2

Глава 3. Российско-неаполитанские дипломатическая связи и война Второй антифранцузской коалиции (1799–1801 гг.) 3

3.1. Российская дипломатическая миссия при сицилийском дворе в 1799 г.: основные направления деятельности 5

3.2. Миссия маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге и кризис Второй антифранцузской коалиции (1799 г.) 50

3.3. Российско-неаполитанские дипломатические связи в условиях выхода Российской империи из Второй антифранцузской коалиции и сближения с Францией (1800–1801 гг.) 72

3.4. Выводы к главе 3 114

Глава 4. Российская империя и неаполитанские Бурбоны против наполеоновской Франции: от Флорентийского мира до разрыва дипломатических отношений (1801–1808 гг.) 118

4.1. Российско-неаполитанские дипломатические связи в первые годы правления императора Александра I: Мальтийский вопрос и французская оккупация (1801–1804 гг.) 118

4.2. Англо-русская экспедиция в Неаполитанское королевство (1805–1806 гг.): дипломатическая подготовка и реализация 137

4.3. Российская империя и Сицилийское королевство в 1806–1808 гг.: от краха Третьей антифранцузской коалиции до разрыва дипломатических отношений 192

4.4. Выводы к главе 4 209

Заключение 211

Список использованных источников и литературы 219

Глава 3. Российско-неаполитанские дипломатическая связи и война Второй антифранцузской коалиции (1799–1801 гг.)

Участие Российской империи в войне Второй антифранцузской коалиции началось с триумфальной Средиземноморской экспедиции вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова и успехов объединенной русско-австрийской армии под командованием фельдмаршала А.В. Суворова в Северной Италии. Тем не менее, к концу лета – осени 1799 г. последовали первые неудачи (разгром корпуса генерала Римского-Корсакова в Швейцарии и неудачная высадка англо-русских войск в Голландии), а уже в конце 1799 г. император Павел I, недовольный действиями своих союзников, официально заявил о выходе России из коалиции и возвращении русских войск и эскадр в российские пределы. Вслед за этим последовало не только оформление новой Лиги вооруженного нейтралитета (в состав которой, помимо России, вошли Швеция, Дания и Пруссия), но и разрыв с Великобританией из-за нарушения британцами прав нейтрального флага и единоличного захвата Мальты, а также стремительное сближение России с Францией (переговоры с новым французским правительством во главе с первым консулом Наполеоном Бонапартом были начаты российской стороной уже в конце лета 1800 г.)

Историками эти перемены во внешней политике Российской империи оценивались по-разному: многие дореволюционные авторы (Н.К. Шильдер, А.С. Трачевский) связывая действия санкт-петербургского двора на международной арене с личностью императора Павла I, отказывались видеть в действиях самодержца какую бы то ни было стройную систему, подчеркивая их субъективность, хаотичность и иррациональность[651]. Другие авторы, относившиеся к личности монарха с большей симпатией (Д.А. Милютин), были склонны, наоборот, преувеличивать степень его проницательности в принятии

[651] *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901; Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890.

внешнеполитических решений[652]. Важная перемена произошла в советской и постсоветской историографии: гораздо большее внимание историки стали уделять не роли личности, а системным факторам и общей логике развития внешнеполитического курса, остававшейся неизменной в течение всего периода правления императора Павла I (Э.Д. Вербицкий, А.М. Станиславская)[653]. Наконец, чрезвычайно плодотворным представляется подход американского историка Х. Рэгсдейла, который в своих работах подчеркивал важность изучения взаимоотношений Российской империи со своими малыми союзниками для более глубокого понимания перемен внешнеполитического курса санкт-петербургского двора на рубеже XVIII–XIX вв.[654]

В войне Второй антифранцузской коалиции Российская империя и Неаполитанское королевство являлись союзниками (в соответствии с Санкт-Петербургским договором от 18 (29) декабря 1798 г.) Это обстоятельство неизбежно должно было повлиять на характер российско-неаполитанских дипломатических связей (в том числе изменив роль сотрудников российской дипломатической миссии на Сицилии, оказавшихся в эпицентре планирования и координации действий между союзными войсками на юге Апеннинского полуострова), а также – прямо или косвенно – оказать влияние на взаимоотношения Российской империи с другими государствами – участниками Второй антифранцузской коалиции (прежде всего, с Австрией и Великобританией).

Цель настоящей главы состоит в том, чтобы проанализировать роль неаполитанского фактора в общей системе внешней политики Российской империи во время войны Второй антифранцузской коалиции. Для этого необходимо, во-первых, рассмотреть, как под влиянием новых военно-политических реалий

---

[652] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. Т. V. СПб., 1853. С. 253–254.

[653] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962, С. 160.

[654] *Ragsdale H.* Détente in the Napoleonic Era. Bonaparte and the Russians. Lawrence, 1980.

изменилась роль российской миссии при дворе короля Обеих Сицилий, а также как ее сотрудники воспринимали события, связанные с Неаполитанской революцией 1799 г. и ее подавлением контрреволюционными силами (3.1.) Во-вторых, следует особое внимание уделить попыткам сицилийского правительства добиться выполнения условий российско-неаполитанского договора для реализации своих собственных внешнеполитических задач – в данном случае наиболее важным эпизодом представляется миссия неаполитанского дипломата маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге в 1799 г. (3.2.) В-третьих, необходимо рассмотреть динамику российско-неаполитанских взаимоотношений в последние годы правления императора Павла I, происходившую на фоне разрыва России с союзниками по коалиции и ее сближения с Францией, обращая особое внимание не только на внешнеполитические решения санкт-петербургского двора, но и на то, как они воспринимались российским полномочным министром при сицилийском дворе и командующими русскими военными отрядами на территории Неаполитанского королевства (3.3.)

3.1. Российская дипломатическая миссия при сицилийском дворе в 1799 г.: основные направления деятельности

Как уже отмечалось, в ноябре 1798 г. именно король Обеих Сицилий, вступив с войсками на территорию бывших папских владений, фактически начал войну Второй коалиции на европейском континенте. После первых военных успехов и занятия Рима, уже в начале декабря 1798 г. неаполитанская армия под командованием австрийского генерала Карла Макка была разгромлена в сражении при Чивита-Кастеллана (5 декабря), оставила Рим и начала отступление в пределы Неаполитанского королевства, преследуемая французскими войсками во главе с генералом Ж.Э. Шампионне[655]. На фоне череды военных поражений и начавшихся

[655] О ходе военных действий см.: *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. II. La guerra peninsulare. Roma, 2001. P. 769–819; *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы»

народных волнений в Неаполе королевский двор покинул город и на судах британской эскадры контр-адмирала Г. Нельсона отправился в Палермо, столицу Сицилийского королевства. Вслед за ним отправились на Сицилию и иностранные министры, в том числе сотрудники российской миссии при дворе короля Обеих Сицилий (на борту одного из кораблей союзной португальской эскадры под командованием маркиза де Ница). В силу спешки служащие российского посольства были вынуждены оставить в Неаполе «нарочитую часть собственности… без всякой почти надежды спасти оную»[656] (об этом В.В. Мусин-Пушкин-Брюс сообщил императору уже на следующий день после своего приезда в сицилийскую столицу, состоявшегося 25 декабря 1798 г. / 5 января 1799 г.) После бегства королевского двора на Сицилию обстановка в Неаполе только усложнилась: уже 23 января 1799 г. в городе была провозглашена Партенопейская республика, а вскоре он оказался оккупирован французской армией генерала Ж.Э. Шампионне (де-факто действовавшего вопреки приказам Директории[657]). Таким образом, одно из двух итальянских королевств, подвластных династии неаполитанских Бурбонов, оказалось потеряно, а все связи между Палермо и Неаполем были оборваны.

Именно коммуникационные проблемы были одним из главных факторов, повлиявших на то, что в реляциях В.В. Мусина-Пушкина-Брюса императору Павлу I содержится не так уж много сведений о революционных событиях, происходивших в Южной Италии в первые месяцы 1799 г. При оценке восприятия российскими дипломатами событий Неаполитанской революции особенно важным представляется тот факт, что В.В. Мусин-Пушкин-Брюс и другие сотрудники российского посольства смотрели на неаполитанские революционные события «глазами» деятелей контрреволюции: их главным источником информации о том, что происходило на Апеннинском полуострове, были официальные извещения от

или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 28–35.

[656] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 4об.

[657] *Desmond G.* Napoleon's Italy. London, 2001. P. 45–46.

палермского двора, находившегося в переписке с кардиналом Фабрицио Руффо, в январе 1799 г. отправленном в Калабрию для организации контрреволюционного движения, и Антонио Мишеру, в феврале 1799 г. отправленном на Корфу и впоследствии действовавшим в Апулии совместно с русским отрядом под командованием капитана Г.Г. Белли (с мая 1799 г.), а также переписка адмирала Нельсона с коммодором Т. Трубриджем, направленным в Неаполитанский залив в конце марта 1799 г. Тем не менее, в условиях скудности и «односторонности» получаемой информации составители официальных реляций императору (в том числе сам В.В. Мусин-Пушкин) прекрасно чувствовали реальную ситуацию, сообщая и о «дворянском» характере революции («Все почти селения, принадлежащие дворянству, получили от господ своих приказания не признавать ни в каком случае королевской власти»[658]), и о роли французов, стремившихся, «прикрывшись» республиканским правительством в Неаполе, «выкачивать» из Южной Италии материальные и финансовые ресурсы, и о влиянии тех же самых материальных факторов (требование французами контрибуции и рост налогового бремени) на рост антиреволюционного движения в провинциях королевства[659] (вместе с известием о скором прибытии в Южную Италию русских войск).

Известия о заключении российско-неаполитанского союзного договора и об обещанной императором Павлом I военной помощи были впервые получены в Палермо 2 (13) февраля (непрямым путем, от российского дипломатического представителя во Флоренции графа Г.Д. Мочениго: их передал сицилийскому

---

[658] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 19об.

[659] Восприятие В.В. Мусиным-Пушкиным революционных событий января – июня 1799 г. было проанализировано Г.А. Сибиревой, которая справедливо писала о «большой проницательности» русского дипломата, хотя скорее всего преувеличивала степень его личного влияния на содержание официальных донесений (*Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 105). См. также: *Зайцева Д.В.* Неаполитанская республика 1799 г. в донесениях русского дипломата В. В. Мусина-Пушкина-Брюса: новый взгляд на источник // Французский ежегодник 2024. Т. 57. М., 2024. С. 113–127.

правительству прибывший из Ливорно на британском судне неаполитанский дипломат Антонио Мишеру)[660]. При этом первая информация о характере русской помощи была далека от реальности. В своем личном дневнике король Фердинанд IV записал (13 февраля): «Прибыли разные английские военные корабли, на одном из них прибыл из Ливорно Мишеру с новостью об отправлении на помощь Италии и особенно Неаполитанскому королевству 60 тысяч русских (notizia di venire in soccorso dell'Italia, e specialmente del Regno di Napoli, 60 milla Russi)»[661] На следующий день официальное сообщение об ожидавшейся русской военной помощи было опубликовано в сицилийской газете: утверждалось, что император Павел I отправил на помощь Королевству Обеих Сицилий 40-тысячный корпус, и уже в первых числах марта он будет готов действовать на территории Неаполитанского королевства[662]. Еще через несколько дней курьер, отправленный графом Г.К. Лудольфом из Константинополя, привез сведения о заключении союзного договора между Королевством Обеих Сицилий и Османской Портой (23 января), по которому османская сторона обещала содержать в Средиземном море турецкие эскадры и оказать сицилийскому двору прямую военную помощь (10 000 албанцев), а также обеспечить свободный проход через свою территорию для русских войск, предназначенных для помощи королю Обеих Сицилий[663]. Именно под воздействием этих известий А. Мишеру, только что прибывший в Палермо из Тосканы, был отправлен на о. Корфу к вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову: неаполитанскому дипломату предписывалось не только добиться помощи сицилийскому двору от российско-османской эскадры, но и вступить в переговоры

---

[660] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 106; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 22–23.

[661] *Ferdinando IV di Borbone.* Diario segreto 1796–1799 / ed. curata da E. Dessì, M. Maccaferri. M2 Edizioni. 2023. P. 275.

[662] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 23. Supplemento alla gazetta num. 8, Palermo a di 14 febbraio.

[663] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 127об. См.: *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 210–211.

о переброске в Южную Италию русских сухопутных войск, которые, как верили в Палермо, могли уже находиться или в Заре, или вместе с соединенной российско-османской эскадрой (в тот момент сицилийское правительство хотело в первую очередь обеспечить русским гарнизоном крепость Мессины, положение которой оценивалось им как угрожающее, однако вскоре Мессина была занята британским гарнизоном)[664].

Как и в ноябре 1798 г., В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, по-прежнему не имевший никаких официальных сообщений из Санкт-Петербурга, подкрепил просьбу палермского двора своим письмом Ф.Ф. Ушакову (5 (16) февраля 1799 г.) Выступив в качестве посредника между сицилийским правительством и вице-адмиралом, в этом письме он не только описал плачевное положение Сицилийского королевства, но и указал на соответствие просьбы палермского двора российским стратегическим интересам в регионе: «Всей Европе, а особливо турецкой империи чрезвычайно полезно будет не допустить французов завладеть Сицилиею, полезно будет и России, к которой пределяясь Франция через Оттоманские владения имеет открыть себе путь» [665] (в конце марта 1799 г. Мишеру вернулся в Палермо с известием о взятии Корфу и вскоре был отправлен обратно к адмиралу Ф.Ф. Ушакову с просьбой организовать высадку русско-турецких сил, в том числе корпуса генерала Германа, прибытия которого по-прежнему ждали в Южной Италии, на адриатическом побережье королевства для их последующего движения на Неаполь[666]). Через несколько месяцев (в начале мая 1799 г.) В.В. Мусин-Пушкин вновь исполнил роль посредника, на этот раз между Г. Нельсоном и Ф.Ф. Ушаковым: в тот момент в Южной Италии были получены известия о прорыве блокады Бреста французской эскадрой под командованием адмирала Э.Э. Брюи и ее проходе через Гибралтар. Отправляясь крейсировать возле западного побережья

---

[664] *Maresca B.* Il Cavaliere Antonio Micheroux nella reazione napolitana del 1799. Napoli, 1895. P. 5–8.

[665] Адмирал Ушаков. Т. II / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1952, С. 350.

[666] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 134–136об.

Сицилии, британский контр-адмирал через российского полномочного министра передал Ф.Ф. Ушакову информацию о своем пункте назначения, рассчитывая на то, что российско-османская эскадра вскоре придет в эти воды для соединения с британским флотом[667].

Таким образом, зимой – весной 1799 г., не имея на руках никаких новых приказов и полномочий из Санкт-Петербурга, получая информацию из России и Германии с задержкой в несколько месяцев и находясь при этом в условиях постоянной перемены военно-политических обстоятельств, российский полномочный министр при сицилийском дворе был вынужден вновь выполнять пассивную роль, довольствуясь ролью информатора и посредника между более активными участниками событий: палермским двором, Г. Нельсоном и Ф.Ф. Ушаковым (оба адмирала во многом были вынуждены действовать по обстоятельствам, хотя нельзя не признать, что Нельсону получить инструкции из центра зачастую было значительно проще, чем Ушакову[668]). Лишь 22 марта 1799 г. В.В. Мусин-Пушкин получил официальную информацию о подписании российско-неаполитанского союзного договора (рескрипт от 9 января 1799 г. с печатным экземпляром трактата)[669], который, однако, на тот момент еще не мог считаться окончательно утвержденным без обмена ратификационными грамотами (состоится в Санкт-Петербурге только в июне 1799 г. после приезда в российскую столицу маркиза ди Галло). Как бы это ни могло показаться парадоксальным, в то время для российского дипломата в Палермо главным и практически единственным

---

[667] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 71об.

[668] Действия Ф.Ф. Ушакова в основном координировались через Константинополь и также были затруднены из-за проблем с коммуникацией: в частности, о принятом в Санкт-Петербурге решении перебросить корпус Германа в Ломбардию (январь 1799 г.) адмирал узнал лишь в конце апреля 1799 г., не получив, однако, никакой информации о том, куда должны будут отправиться эти войска из Северной Италии (в Зару или сухим путем в Неаполь) и при этом по-прежнему имея на руках приказ обеспечить их переброску в Южную Италию и на Мальту на судах своей эскадры (Адмирал Ушаков. Т. II / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1952. С. 485).

[669] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 40–40об.

источником информации, позволявшим судить о развитии российско-неаполитанских отношений в сфере военного сотрудничества, были приходившие с задержкой в несколько месяцев депеши графа Г.К. Лудольфа и герцога ди Серракаприола палермскому двору: именно из бумаг Лудольфа, полученных в Палермо 15 (26) мая, российский дипломат узнал о переназначении корпуса Германа в Ломбардию, однако эти сведения уже через десять дней (24 мая (4 июня) 1799 г.) были и им, и сицилийским двором восприняты как «несколько сумнительные» из-за полученных в тот же день депеш герцога ди Серракаприола от 3 (14) апреля[670]. Такое состояние неуверенности относительно военной помощи со стороны России, вызванное практически полным отсутствием достоверной информации, в середине июня сменилось пессимизмом (17 июня королева писала герцогу ди Серракаприола: «С большой печалью (avec un douleur bien sensible) мы видим себя лишенными помощи 9–10 тысяч русских, обещанной по договору»[671]), однако к концу месяца новые документы, полученные через Вену, убедили палермский двор в том, что помощь все-таки будет оказана. В.В. Мусин-Пушкин, по-прежнему не игравший никакой роли ни в переговорах, ни в передаче сведений из Петербурга (переговоры об отправке корпуса русских войск происходили напрямую через герцога ди Серракаприола, коммуникацию с которым палермский двор осуществлял через находившегося в Вене маркиза ди Галло), следующим образом описывал эволюцию настроений в сицилийской столице: «Когда уведомления от разных особ, переписку с здешним двором имеющих полученные подали Их Величествам повод заключать, что господин генерал-поручик Герман не будет сюда с вверенным ему вспомогательным корпусом, в прискорбии Их представлялись им все из Вены приходящие письма неприятное для Их содержание имеющими. Привезенные куриерами 12/23 и 14/26 июня из оной Столицы прибывшими, причинили великое удовольствие. Первейшею оного причиною кажутся выражения, уверяющие, что Ваше Императорское Величество не оставит

[670] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272. Л. 76–76об.

[671] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 501.

указать другому корпусу следовать прямо в Неаполь, и что Двор Венский не преминул на такой конец представить Вашему Величеству ходатайство свое»[672].

Только с конца июня – начала июля 1799 г. характер деятельности российских дипломатов в Южной Италии изменился – впервые за многие годы дипломатическая миссия получила серьезный «импульс» из центра (именно в это время в Палермо были получены бумаги из Санкт-Петербурга, написанные в условиях подготовки и начала совместных с австрийскими войсками боевых действий в Северной Италии). 19 (23) июня 1799 г. В.В. Мусин-Пушкин получил рескрипт императора Павла I от 16 (27) марта, предписывавший ему «располагать поступки» в соответствии с сообщениями из Вены от графа А.К. Разумовского[673], а уже в следующем месяце (10 (21) июля) в Палермо были получены копии документов о новом назначении А.Я. Италинского (рескрипт от 26 мая), которому по просьбе сицилийского двора была поручена «Всемилостивейшая особливая Комиссия», заключавшаяся в том, чтобы «исправлять дела, кои по части воинской существовать здесь могут»[674].

Прежде чем перейти к рассмотрению чрезвычайной миссии А.Я. Италинского, необходимо описать международный контекст, в котором ему предстояло действовать, а также проанализировать, каким образом российскими дипломатами в Южной Италии было воспринято подавление Неаполитанской революции в июне 1799 г.

К лету 1799 г. обстановка в средиземноморском регионе кардинальным образом изменилась в пользу союзников по Второй коалиции. Русско-австрийская армия под командованием А.В. Суворова, открыв военные действия против французов в апреле 1799 г., контролировала практически всю Северную Италию,

---

[672] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 21–22.

[673] Там же. Л. 35–36.

[674] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 2–5. Реляция А.Я. Италинского от 16 (27) июля 1799 г.; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 37–42. Реляция В.В. Мусина-Пушкина-Брюса от 23 июля (3 августа) 1799 г.

за исключением побережья Генуэзского залива, российско-османская эскадра Ф.Ф. Ушакова после взятия о. Корфу (3 марта 1799 г.) господствовала на Адриатике, а британский флот блокировал Мальту и североафриканское побережье. В июне 1799 г. под ударами роялистских сил пала Партенопейская республика: после ухода в Северную Италию французских войск генерала Макдональда, фактически оставивших республиканцев на произвол судьбы, Неаполь был захвачен Армией Святой Веры (Armata della Santa Fede) во главе с наместником Неаполитанского королевства кардиналом Ф. Руффо при поддержке русского десантного отряда с эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова (под командованием капитан-лейтенанта Г.Г. Белли). Еще в мае 1799 г. отряд Г.Г. Белли высадился на адриатическом побережье с фрегатов капитана А.А. Сорокина и в течение двух месяцев, де-факто находясь под началом неаполитанского дипломата А. Мишеру, успешно действовал на территории провинции Апулия, а также совместно с армией Ф. Руффо участвовал в походе на Неаполь и взятии главных неаполитанских крепостей[675]. В то время как русский отряд во время марша на столицу сохранял дисциплину и порядок, действия санфедистов, среди которых было много выходцев из Калабрии, напротив, часто отличались жестокостью и кровавыми эксцессами — и это несмотря на то, что сам кардинал Ф. Руффо был убежденным сторонником компромисса и более мягкой политики по отношению к «мятежным подданным»

[675] О действиях эскадры А.А. Сорокина на итальянском адриатическом побережье (отправлена Ф.Ф. Ушаковым 1 (12) апреля 1799 г.) и походе отряда Г.Г. Белли к Неаполю (май – июнь 1799 г.) см.: История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852, Т. II, С. 194–201, 368–381; *Тарле Е.В.* Сочинения. Т. X. М., 1959, С. 190–199; *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 109–115; *Овчинников В.Д.* Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль, 2016, С. 455–461. Большое значение для понимания этих событий имеют документы А. Мишеру, на основе которых в 1895 г. написал свою работу историк Б. Мареска (*Maresca B.* Il Cavaliere Antonio Micheroux nella reazione napolitana del 1799. Napoli, 1895), а также переписка Бурбонов и Дж. Актона с кардиналом Ф. Руффо, опубликованная Б. Кроче (La riconquista del Regno di Napoli nel 1799. Lettere del cardinal Ruffo, del re, della regina e del ministro Acton / a cura di B. Croce. Bari, 1943).

короля Обеих Сицилий. 23 июня, после захвата Неаполя он даже подписал с лидерами республиканцев капитуляцию на умеренных условиях, которая, однако, уже на следующий день была аннулирована прибывшим на неаполитанский рейд британским адмиралом Г. Нельсоном, действовавшим по прямому приказу сицилийского двора, наделившего его неограниченными полномочиями. Фактически именно Г. Нельсон положил начало организованному роялистскому террору, приказав арестовать вышедших из крепостей и посаженных на суда республиканцев (которым ранее был обещан свободный отъезд во Францию в соответствии с условиями подписанной кардиналом Руффо капитуляции), а также участвуя в организации военного суда над поддержавшим Партенопейскую республику неаполитанским адмиралом Франческо Караччоло, который был, в итоге, казнен на борту сицилийского фрегата[676].

Получая информацию от палермского двора и в основном глядя на события в Неаполе с его точки зрения, летом 1799 г. российский полномочный министр В.В. Мусин-Пушкин-Брюс разделил его критичность по отношению к действиям кардинала Ф. Руффо, в реляции от 22 июня (3 июля) 1799 г. сообщив императору Павлу I о чрезмерной, по мнению сицилийского правительства, умеренности Руффо по отношению к республиканцам дворянского происхождения: «Их Величества и Министерство приметили с некоторого времени, что поступки кардинала в рассуждении бунтовщиков, особливо таких, которые отличное в дворянстве имели состояние, представляют ослабие, противное правилам нелицеприемного правосудия»[677]. Как свидетельствовал дипломат, именно подозрение по отношению к Руффо заставило короля наделить собиравшегося отправиться в Неаполь адмирала Г. Нельсона неограниченными полномочиями еще до того, как в Палермо было получено известие о подписанной кардиналом капитуляции, текст которой «Их Величества… не могли читать… без крайнего огорчения и гнева на

[676] *Knight R.* The Pursuit of Victory. The Life and Achievement of Horatio Nelson. New York, 2005, P. 314–327.

[677] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 4–4об.

кардинала» [678] (это подтверждается собственноручными заметками королевы Марии Каролины на бумаге с текстом капитуляции: «Этот договор настолько постыдный (infâme), что, если по чудесной воле Провидения не произойдет события, которое разорвет его или уничтожит, я буду почитать себя приговоренной и обесчещенной»[679]). Еще критичнее по отношению к кардиналу Руффо высказался спустя месяц (5 (16) августа) А.Я. Италинский, обвинив наместника королевства в организации «дворянского заговора» против Актона и вообще в стремлении действовать в интересах мятежного неаполитанского дворянства («Он обещал калабрцам отдать город на расхищение, как место, наполненное жакобинами, между тем поступал с правительством изменническим как с законною Республикою и всякое пособие подавал всем дворянам, первенствовавшим в измене» [680]). Соответственно, действия, учиненные в Неаполе Нельсоном, и В.В. Мусин-Пушкин, и А.Я. Италинский были склонны оценивать скорее позитивно (или, по крайней мере, нейтрально). Обращает на себя внимание тот факт, что именно сообщения Нельсона палермскому двору служили для В.В. Мусина-Пушкина, писавшего свои донесения в Санкт-Петербург «по горячим следам», главным источником информации о событиях, происходивших в Неаполитанском заливе. Содержавшаяся в них информация, беспристрастно и безэмоционально переданная русским посланником, заставляет усомниться в утверждении самого Нельсона (в депеше лорду Спенсеру) о том, что вышедшие из замков республиканцы были заранее осведомлены об отказе британского адмирала соблюдать условия капитуляции[681]. Мусин-Пушкин писал: «В последних уведомлениях, полученных от его [Нельсона]… показано, что он, дабы захватить всех жакобинов, предложил кардиналу [Руффо] объявить им печатным манифестом срок, к которому должны

[678] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 11.

[679] *Blondy A.* Marie-Caroline d'Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025. P. 401.

[680] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 12об.

[681] *Knight R.* Op. cit. P. 321.

они все быть на судах. Кажется, что кардинал учинил сие, ибо замки Делово [Castel dell'Ovo] и Ново [Castel Nuovo] заняты уже англичанами» [682] (важнейшим подтверждением фактического обмана неаполитанских республиканцев со стороны британского контр-адмирала является фрагмент из письма А. Мишеру капитану А.А. Сорокину, написанного им из Неаполя 26 июня 1799 г., т.е. спустя два дня после прибытия на неаполитанский рейд британской эскадры: «Наконец этим вечером все якобинцы будут посажены на суда для отправки в Тулон и передадут нам обе крепости Нуово и дель Ово (Chateaux Neuf et de l'Oeuf)»[683]).

Поддержка русскими дипломатами критики действий Руффо, исходившей от сицилийского двора и, в целом, позитивное восприятие ими действий Нельсона в Неаполе (по крайней мере на официальном уровне), были прямо противоположны расположениям и действиям русских солдат с эскадры Ф.Ф. Ушакова, которые, как утверждал А. Мишеру в письме герцогу ди Серракаприола, в ходе своего марша через королевство немало способствовали тому, что подчинение провинций королевской власти произошло «без пролития единой капли крови, посреди беспрестанных торжеств, примирений, веселий и при благодарственных восклицаниях народа»[684], а в самом Неаполе, как свидетельствовал британский капитан Фут, напрямую повлияли на решение кардинала Руффо подписать капитуляцию (со слов самого Руффо)[685]. Расхождение это кажется неслучайным и отражает более широкий конфликт о методах борьбы с революцией, существовавший между палермским двором и «местными» контрреволюционными лидерами как минимум с весны 1799 г.[686] Неаполитанские Бурбоны стремились к

---

[682] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 14об.

[683] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 60.

[684] Адмирал Ушаков. Т. III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1956. С. 86.

[685] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 196, 810.

[686] *Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Pevolutions (1780–1860). Oxford University Press. 2009. P. 118–121.

более жестким и радикальным мерам[687], в том числе карательного характера, в то время как кардинал Руффо ратовал за более осторожный подход, стремясь привлечь вчерашних республиканцев на свою сторону и обеспечить своим слабо дисциплинированным отрядам, собранным под знаменами Santa Fede, поддержку со стороны местных землевладельцев. С той же умеренностью пытался действовать в Апулии и А. Мишеру, вместе с которым находился отряд Г.Г. Белли – об этом, в частности, свидетельствуют его письма капитану А.А. Сорокину, некоторые из которых сохранились в личном архиве А.Я. Италинского (так, в одном из первых писем капитану российского флота Мишеру писал: «Пример милосердия и прощения может одновременно привлечь на нашу сторону сотню упорствующих городов (un exemple de clemence et de pardon pourrait nous gagner tout d'un coup cent villes refractaires); я придерживаюсь мнения, что необходимо начать с провозглашения забвения прошлого (oubli du passé) в городе Лечче, за исключением тех, о которых [нрзб] имеют документы о заговоре»[688]). Попытки проявлять умеренность по отношению к республиканцам не одобрялись палермским двором и не всегда могли иметь успех в силу неорганизованности поддерживавших роялистов широких масс (зачастую вовлеченных в контрреволюционное движение исключительно из-за местных интересов[689]), а также жестокости отдельных народных лидеров. В конечном счете в этот политический конфликт «о методах» оказались вовлечены и русские дипломаты (находившиеся в Палермо и транслировавшие позицию неаполитанских Бурбонов), и русские военные

[687] В марте 1799 г. королева Мария Каролина была даже готова приступить к осуществлению широкой антифеодальной реформы для того, чтобы упредить неаполитанских республиканцев и привлечь на свою сторону крестьянские массы (*Davis J.A.* Op. cit. P. 118).

[688] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 66об.

[689] О целях «санфедистов» и связи «санфедизма» с другими антиреволюционными движениями см.: *Barra F.* Monarchia, insorgenza e brigantaggio nel Regno di Napoli (1799–1815) // Re e briganti. Monarchia borbonica, controrivoluzione e brigantaggio politico nel Mezzogiorno d'Italia (1799–1895) / a cura di E. Gin e S. Sonetti. Rubbettino, 2021. P. 21–31.

(действовавшие совместно с кардиналом Ф. Руффо и А. Мишеру), и британский адмирал Г. Нельсон, сыгравший одну из главных ролей в кровавом подавлении неаполитанской революции уже после того, как столица Партенопейской республики сдалась на милость союзников.

После взятия Неаполя, во время короткого пребывания в столице короля Фердинанда IV[690] 21 июля 1799 г. в городе была учреждена Государственная судебная комиссия (Giunta di Stato). С июля 1799 г. по сентябрь 1800 г. более 8000 человек было обвинено в государственной измене, из них более 150 были приговорены к смертной казни[691]. Как к карательной политике неаполитанских Бурбонов относились русские дипломаты? Вопрос этот был в свое время подробно рассмотрен Г.А. Сибиревой, которая, анализируя донесения В.В. Мусина-Пушкина и А.Я. Италинского, пришла к выводу о коренном различии во взглядах обоих дипломатов на политику сицилийского двора[692]. Мусин-Пушкин в работах Г.А. Сибиревой предстает человеком с «независимым мышлением» и «критическим умом», разделившим мнение Ф.Ф. Ушакова о необходимости прекращения казней и общего прощения, вызвавшим из-за этого недовольство палермского двора и, в итоге, отправленным Павлом I в отставку («Ум, независимость, доброта были не теми качествами, которых требовал от своих дипломатов Павел I»)[693]. Италинский же, напротив, по оценке историка, действовал более осторожно и цинично, сознательно избрав в своих реляциях «тон

---

[690] Фердинанд IV прибыл в Неаполитанский залив 10 июля 1799 г. и пробыл на неаполитанском рейде чуть меньше месяца (его торжественное возвращение в Палермо состоялось 8 августа 1799 г.). В течение всего этого времени «резиденцией» короля служил флагманский корабль адмирала Г. Нельсона «Фудроян».

[691] *Davis J.A.* Op. cit. P. 121; *Conforti L.* Napoli nel 1799. Critica e documenti inediti. Napoli, 1889. P. 255–260.

[692] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 123–126

[693] Там же. С. 123–124. Важно отметить, что адмирал Ф.Ф. Ушаков действительно показал себя сторонником «всеобщего прощения» и противником роялистского террора (которому де-факто содействовали находившиеся в Неаполе русские войска).

благонамеренного, но беспристрастного наблюдателя» и делая исключение лишь для описания предполагаемых враждебных замыслов кардинала Ф. Руффо (действуя, таким образом, в фарватере карательной политики палермского двора и адмирала Г. Нельсона)[694].

Кажется, однако, что такое противопоставление взглядов двух дипломатов едва ли соответствует действительности. Вывод Г.А. Сибиревой о поддержке В.В. Мусиным-Пушкиным просьбы Ф.Ф. Ушакова о всеобщем помиловании и, в целом, о его оппозиции белому террору в Неаполе, основывается, по большому счету, на двух фактах: передаче дипломатом писем Ф.Ф. Ушакова Фердинанду IV и Дж. Актону (в том числе письма с просьбой о возвращении короля в Неаполь «для восстановления там общего спокойствия и доброго порядка»[695]), а также одной-единственной фразы из реляции от 2 (13) декабря, в которой Г.А. Сибирева была склонна видеть «едва завуалированный протест против жестоких расправ с республиканцами»: «Негодование сие [против принца Кассаро], соединенное с отвращением, которое тамошний народ возымел к позорищу, почти ежедневно там происходящему и составляющему достойное возмездие за изменнические дела бунтовщиков неапольских, производит в неапольском народе волнования, могущие иметь со временем неприятные следствия»[696]. Между тем, в оригинальной реляции это всего лишь несколько строк, в то время как главное внимание в этом тексте Мусин-Пушкин-Брюс и актуариус Петр Немеровский, чьим почерком написан чистовик документа, уделили ненависти неаполитанцев к сицилийцам (в лице нового наместника князя Кассаро) и их раздражению из-за откладывавшегося приезда короля в Неаполь («Приезд его [Кассаро] произвел там всеобщее негодование, потому что оный всем доказал удалившуюся надолго возможность возвращения в Неаполь здешнего Двора, а более для того, что неапольцы увидели себя принужденными быть под управою такой особы, которой соземцев не

---

[694] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 129.

[695] Там же. С. 123.

[696] Там же. С. 123–124.

терпят»)[697]. Вряд ли является справедливым и утверждение Г.А. Сибиревой о негативном значении употребленного автором донесения слова «позорище» (со ссылкой на словарь В. Даля, где указано, что «позорище» – зрелище «более в значении неприятного, страшного или постыдного явления»[698]), особенно если принять во внимание тот факт, что за несколько месяцев до этого в другой реляции В.В. Мусина-Пушкина то же самое слово было использовано для описания «потешных огней» на день Св. Розалии, праздновавшийся в Палермо 4 (15) августа («Их Величества, желая видеть оные [потешные огни], признали удобным к зрению такого позорища дом мой, у берега стоящий»[699]).

При желании критичность по отношению к проводившейся в Неаполе карательной политике можно обнаружить и в одной из более поздних реляций А.Я. Италинского от 26 октября (6 ноября) 1799 г., написанной из Неаполя, в которой он следующим образом описывал положение местного дворянства: «Несколько первейших дворянских фамилий почти не существуют, будучи за неверность к Государю своему наказаны по всей строгости законов, иные казнены смертию, иные ссылкою, иные заключением на всю жизнь или на несколько лет, все лишением имения. По связи, которая чрез родство состоит между повинными и беспорочными домами, нещастие, которого достойным сделались первые, производит и в других печальные чувствования, почему вся сия часть жителей столицы в великое погружена уныние…»[700] Кроме того, в черновике той же реляции от 26 октября (6 ноября) А.Я. Италинский проявил критичность по отношению не только к самому кардиналу Руффо, но и к его армии, следующим образом объяснив причину низких налоговых сборов в Калабрии: «…Для того, что сняты Кардиналом Руфом с тамошняго народа многие пошлины, и притом многие

[697] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 273. Л. 52–53об.

[698] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 123.

[699] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 74

[700] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 67.

места разорены Армиею его состоящею из черни алчной к грабежу…»[701] (эти слова были, однако, вычеркнуты дипломатом и не вошли в чистовик его реляции, что является ярким примером осторожности и самоцензуры А.Я. Италинского). Наконец, во время своего нахождения в Неаполе вместе с эскадрой Ф.Ф. Ушакова А.Я. Италинский по просьбе адмирала дважды ходатайствовал перед кардиналом Руффо об освобождении из-под стражи уроженца о. Св. Мавры Анджело Кордари, студента-медика из Неаполитанского университета (он был схвачен еще в июне 1799 г. во время вступления в столицу роялистских войск, вскоре его признали невиновным, однако он продолжал находиться в заключении)[702].

Все это подводит к мысли о том, что говорить о какой бы то ни было оппозиционности В.В. Мусина-Пушкина решениям, принимаемым в Палермо, и тем более противопоставлять его в этом вопросе А.Я. Италинскому, не приходится (по крайней мере, официальные донесения на имя Павла I не дают возможности делать такие выводы, а в том редком случае, когда можно видеть черновик одного из донесений на имя императора, скорее именно А.Я. Италинский предстает человеком, критически настроенным по отношению к действиям роялистов, однако решившим соблюдать осторожность в своих реляциях). Нет оснований и для утверждений о том, что именно критичное отношение к карательной политике неаполитанских Бурбонов стало причиной отзыва В.В. Мусина-Пушкина. Безусловно, какие-то действия молодого посланника уже к концу лета 1799 г. вызвали недовольство сицилийского двора и оказали влияние на принятие решения о его удалении из Южной Италии («Палермский двор жаловался на сего последнего [Мусина-Пушкина]», – сообщал Ф.В. Ростопчин в письме С.Р. Воронцову[703]), однако относились они, судя по всему, к сфере «частного поведения» графа В.В. Мусина-Пушкина-Брюса. Об этом свидетельствует в том числе и ранее упомянутый фрагмент письма короля Фердинанда IV герцогу ди Серракаприола с

[701] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 275об.

[702] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 25–26об.

[703] Цит. по: *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 124.

выражением сожаления по поводу удаления В.В. Мусина-Пушкина из Южной Италии («Я бы не хотел быть причиной потери им своей должности из-за того, что написал Вам 31 августа, так как то, что он сделал, было не более, чем ошибками, свойственными юности, поддержанными плохими советами Загоровского»[704]). Схожей, хотя и более лаконичной была оценка действий дипломата в письме Дж. Актона герцогу ди Серракаприола от 23 марта 1800 г., в котором первый министр следующим образом охарактеризовал В.В. Мусина-Пушкина-Брюса: «Со своей стороны я могу выразить некоторые сожаления относительно графа Пушкина, который, возможно, своим частным поведением не заслужил похвал, которых, однако, достойны многие его другие превосходные качества (qui peut bien par sa conduite privée n'avoir pas merité les eloges qui meritent d'ailleurs plusieurs excellentes qualités qu'il a)»[705].

В завершение анализа восприятия неаполитанских событий 1799 г. российскими дипломатами следует сказать несколько слов о том, как известие о крахе Партенопейской республики было воспринято в Санкт-Петербурге. Реакция была однозначно положительной. Известие о захвате Неаполя дошло до российской столицы в начале августа 1799 г.[706], и уже 6 августа в Павловске состоялось традиционное торжественное богослужение с молебном, на котором

---

[704] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355. Л. 82. На основе документов АВПРИ определить причины недовольства короля невозможно, но скорее всего оно было связано с поведением Мусина-Пушкина после конфликта между турецкими моряками и жителями Палермо 28 августа 1799 г. В дневниковой записи от 30 сентября мичман Е.Е. Левенштерн писал: «Русский посол (от имени турецкого) потребовал вместе с пашой турецкого флота сатисфакции у короля. Удовлетворение должно происходить на турецкий манер, т.е. к паше надо послать столько голов сицилийцев, сколько они убили турок» (*Левенштерн Е.Е.* Дневники Е.Е. Левенштерна, офицера Русского Императорского флота / пер. с нем. Т. К. Шафрановской и А. Шурбелева. СПб., 2024. С. 74).

[705] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355. Л. 58об.

[706] Записка маркиза ди Галло графу Ф.В, Ростопчину с благодарностью за новость датирована 5 августа 1799 г.: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353 Л. 24.

присутствовали иностранные дипломаты[707]. Кардиналу Руффо как одному из главных участников взятия Неаполя Павел I пожаловал высшую награду Российской империи, орден Св. Андрея Первозванного[708], командир русского отряда капитан-лейтенант Г.Г. Белли был награжден орденом Св. Анны I степени. Уже в следующем году милостей удостоились британские участники подавления Неаполитанской революции: адмирал Г. Нельсон, получивший от Павла I украшенную бриллиантами шкатулку, а также его любовница и супруга британского посла Эмма Гамильтон (по просьбе Нельсона ей был выслан крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского).

Именно в этих условиях, когда стратегическая инициатива в войне с Французской республикой в Средиземноморье перешла к участникам Второй коалиции, а в столице Неаполитанского королевства разворачивался роялистский террор, должна была проходить деятельность советника российского посольства А.Я. Италинского, 10 (20) июля получившего копию рескрипта императора Павла I о своем новом назначении (от 26 мая 1799 г.)

Самостоятельная дипломатическая деятельность А.Я. Италинского, осуществлявшаяся им в частном порядке (формально он оставался советником посольства и не принял никакого «публичного характера») и параллельно деятельности полномочного министра при сицилийском дворе, – сюжет хронологически короткий (июль 1799 г. – март 1800 г.) и малоизученный[709], однако

---

[707] *Агеева О.Г.* Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. С. 340–341.

[708] См. письмо Ф. Руффо герцогу ди Серракаприола с выражениями благодарности Павлу I от 2 ноября 1799 г.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 485–485об.

[709] Единственное специальное исследование, посвященное миссии А.Я. Италинского в Неаполе в 1799 г.: *Агеев А.С.* Между адмиралом Ф.Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А.Я. Италинского в Неаполе (1799 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. С. 81–101. [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73560 (дата обращения: 5.04.2026). Отдельные стороны деятельности Италинского были рассмотрены историками в контексте других сюжетов: проблемы политического обустройства Ионических островов (*Станиславская А.М.*

необыкновенно важный для понимания павловской внешней политики и дипломатии в целом. Фактически впервые после 1797 г. дипломату при неаполитанском дворе были направлены конкретные и подробные инструкции, которые должны были серьезно изменить характер его деятельности в сторону большей активности и самостоятельности. При этом необходимо подчеркнуть, что наделение второго лица в составе российской миссии особыми полномочиями, связанными с координацией военных действий, не было уникальным – точно по такой же схеме весной 1799 г. были разделены обязанности между послом в Вене А.К. Разумовским и отправленным в австрийскую столицу С.А. Колычевым, пользовавшимся в Санкт-Петербурге большим доверием[710].

В тексте императорского рескрипта от 26 мая 1799 г. напрямую говорилось о том, что главной причиной наделения А.Я. Италинского новыми полномочиями стала просьба сицилийского двора («Вследствие отзыва Дюка Серра Каприола к Министерству Нашему, что Его Неапольскому Величеству приятно будет продолжение пребывания Вашего при дворе его, наипаче в настоящих смутных обстоятельствах Италии и по делам относящимся до воинских действий, по которым чувствуем и Мы, что настоять может нужда в деятельном сношении с начальствующими войсками Нашими; Мы желаем чтоб остались при Его Величестве Короле Неапольском»[711]). Интересно, что гораздо больше внимания в этом документе было уделено другому поручению, которое в Санкт-Петербурге считали более важным: при удобном случае советник посольства должен был

Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 216), взаимодействия с Ф.Ф. Ушаковым (*Овчинников В.Д.* Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль, 2016. С. 494–500), участия Италинского в «мальтийских делах» (*Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013. С. 260–264). Для Г.А. Сибиревой сам факт наделения А.Я. Италинского особыми полномочиями был важен только для того, чтобы подчеркнуть степень недоверия Павла I к В.В. Мусину-Пушкину (*Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 124).

[710] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 600.

[711] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 201.

отправиться на Ионические острова, изучить обстановку и представить императору «обстоятельные виды к установлению на тех островах правления Республики Аристократической» по образцу Рагузы[712] (очевидно, это поручение напрямую проистекало из недоверия, которое в Санкт-Петербурге питали к политическим способностям адмирала Ф.Ф. Ушакова[713]). Миссия эта, в итоге, так и не состоялась, хотя А.Я. Италинский успел вступить в переписку по поводу Ионических островов с российским посланником в Константинополе В.С. Томарой и даже изложить свое мнение о составленном депутатами островов «Плане новой Республики» в реляции императору Павлу I от 19 (30) августа 1799 г.[714] Интересно, что сам дипломат к перспективе своей поездки на Ионические острова относился критично, не испытывая по поводу этого поручения никакого энтузиазма (в одном из писем, адресованных В.С. Томаре (ноябрь 1799 г.), Италинский писал: «Может быть по взятии Мальты получу какой ни есть пост, который избавит меня от поездки в бывшие Венецкие острова, где все в великом безпорядке, где я не могу быть полезным»[715]).

Фактически именно координация действий между сицилийским двором и русскими военными отрядами летом – осенью 1799 г. стала главной задачей дипломата. В деле обеспечения взаимодействия между союзниками Италинский проявил большую активность, с самого начала своей миссии вступив в переписку с

---

[712] Там же. Л. 202об.

[713] *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 140–151, 216.

[714] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 44об.–45. А.Я. Италинский оценивал Временный план, составленный при участии Ф.Ф. Ушакова, достаточно критично и сдержанно. В реляции императору он писал: «Оный во многих своих статьях, кажется, не имеет довольно ясного и точного очертания мыслей, изображен словом, недоразумение рождающим, и сверх того не препровожден никакими известиями о нравах, имуществе и числе жителей, о свойствах земли и других обстоятельствах; почему не возможно заключить об нем какое-либо основательное мнение» (Там же. Л. 45).

[715] *Овчинников В.Д.* Указ. соч. С. 628.

А.В. Суворовым (что до конца июля было трудно осуществить из-за занятия французами Тосканы[716]), Ф.Ф. Ушаковым (который 24 июля 1799 г. отправился из Корфу в Мессину, рассчитывая идти оттуда в Неаполь для соединения с Г. Нельсоном и совместных действий против франко-испанской эскадры адмирала Э.Э. Брюи) и даже с генерал-лейтенантом М.В. Ребиндером, чей корпус, находившийся тогда в составе армии фельдмаршала, по-прежнему с нетерпением ожидали в Южной Италии («Августа 7/18 числа писал я к господину генерал-лейтенанту Ребиндеру, уведомляя его о долге моем стараться быть полезным ему по делам, которые он может иметь с здешним двором. Не премину поехать к нему, когда он приближится к границам Неапольским»[717]).

Именно Ф.Ф. Ушаков стал одним из главных корреспондентов А.Я. Италинского. В письмах адмиралу от 4 (15) и 6 (17) августа дипломат передавал пожелания сицилийского двора об увеличении количества кораблей в Неаполитанском заливе (для утверждения в городе «общего спокойствия») и отправлении «дивизии линейных кораблей» под Анкону, а также просьбу фельдмаршала Суворова об организации блокады тосканского побережья и Генуи[718]. Получив письма А.Я. Италинского, 10 (21) августа адмирал Ф.Ф. Ушаков велел вице-адмиралу П. В. Пустошкину с семью кораблями идти к северо-западному побережью Апеннинского полуострова и блокировать Геную, а капитану 1 ранга А.А. Сорокину с тремя фрегатами идти в Неаполь, предполагая вскоре и сам прибыть туда с оставшейся частью эскадры (вслед за фрегатами А.А. Сорокина, как полагал Ушаков, в Неаполь также должна была отправиться небольшая эскадра Балтийского флота под командованием контр-адмирала П.К. Карцева, пришедшая в Палермо из Англии)[719].

---

[716] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 26–26об.

[717] Там же. Л. 26об.

[718] Там же. Л. 23–25об.

[719] Адмирал Ушаков, т. III. М., 1956. С. 94–95.

21 августа (1 сентября) 1799 г. российско-османская эскадра Ф.Ф. Ушакова прибыла из Мессины в Палермо, где русский адмирал рассчитывал увидеться не только с местным правительством, но и с контр-адмиралом Г. Нельсоном, в то время находившимся в сицилийской столице. С самого начала Ф.Ф. Ушаков находился в тесном взаимодействии с русскими дипломатами, которое проявилось на двух разных уровнях: в то время как на долю В.В. Мусина-Пушкина выпали церемониальные обязанности (вроде представления адмирала и офицеров эскадры неаполитанскому королю [720]), А.Я. Италинский принял прямое участие в переговорах между Ушаковым, Актоном, Гамильтоном и Нельсоном.

В тот момент задача противостояния с франко-испанской эскадрой уже успела потерять свою актуальность (адмирал Э.Э. Брюи вернулся в Кадис). Учитывая изменившуюся стратегическую обстановку, Ф.Ф. Ушаков намеревался идти из Палермо на Мальту и взять штурмом укрепления Валетты. Именно об этом утром 24 августа 1799 г. он написал А.Я. Италинскому в короткой записке: «Мне надобно иттить туда [к Мальте] вместе с турецкою Ескадрою, места там к стоянкам на якорях неудобны, а оне всегда под парусами быть не могут. Следовательно, там быть долго нам нельзя, да и турки, обозрев надобность долго там быть, не согласятся, и потому с приходу же нашего тотчас нужно иметь сильное действие на Мальту…»[721] К моменту, когда была составлена эта записка, идея Ушакова уже была подвергнута критике как Дж. Актоном, так и Г. Нельсоном, отказавшимся оказать русскому адмиралу помощь силами британской эскадры и рассчитывавшим на то, что русские корабли заменят британские суда на неаполитанском рейде. В первый же день после прибытия в Палермо российско-османской эскадры Нельсон

---

[720] Король Фердинанд IV записал в своем дневнике 2 сентября 1799 г.: «В час явился министр России с двумя адмиралами, русским и турецким, в карете, за которой следовало множество других карет с другими командующими, перед которыми пешком шли двадцать офицеров. Явившись во дворец, они были мне представлены Актоном» (*Ferdinando IV di Borbone*. Op. cit. P. 326).

[721] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 336.

сообщил Италинскому о своем намерении перебросить все силы британской эскадры (в том числе корабли, находившиеся в Неаполитанском заливе) на Минорку и в Гибралтар, выразив надежду, что место английских судов на неаполитанском рейде могли бы занять русские и турецкие корабли. При этом британский контр-адмирал ссылался на полученные им приказы, а в качестве причины планировавшегося ухода британской эскадры указывал на угрозу английским морским базам в Западном Средиземноморье со стороны франко-испанского флота в Кадисе[722]. Ф.Ф. Ушаков отказался поддержать план Нельсона, и 24 августа (4 сентября) по его просьбе состоялось два совещания с участием британского посла У. Гамильтона и Дж. Актона. А.Я. Италинский, сыгравший главную роль в организации этих встреч, следующим образом описал их в реляции от 1 (12) сентября 1799 г.: «Господин Актон, лорд Нельсон и кавалер Гамильтон по многих рассуждениях остались во мнении, что предприятий против Мальты не может быть учинено с благополучным успехом за малостию людей, на берегу действовать могущих, и за невозможностию атаковать мальтийские укрепления кораблями. Кончил разговор о сем господин Актон объявлением, что он обо всем донесет Его Величеству королю»[723]. Уже на следующий день (25 августа 1799 г.) король Обеих Сицилий Фердинанд IV после обеда лично посетил флагман Ф.Ф. Ушакова и обратился к нему с просьбой об отправке русских кораблей на неаполитанский рейд, при этом слова адмирала о необходимости прежде всего «принудить к сдаче» французов на Мальте были, как кажется, совершенно проигнорированы сицилийским монархом («Господин адмирал Ушаков сказал, что ежели не предстоит крайняя нужда идти ему тотчас в Неаполь, кажется ему, не худо бы было прежде употребить ескадры на принуждение к сдаче французов,

[722] При этом обращает на себя внимание тот факт, что буквально за неделю до этого, только получив приказы о переброске эскадры в Западное Средиземноморье, Нельсон уверял того же Италинского в том, что «оное [повеление] намерен он исполнить не прежде, как учинивши опыт касательно до взятия Валеты» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 32).

[723] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 48об.

осажденных в Мальте. Его Величество сказал в ответ: “Прошу Вас спасти Неаполь от приключений, которыми он угрожается”»[724]). Впоследствии А.Я. Италинский писал, что «того же вечера» Ушаков решил исполнить пожелание Фердинанда IV. Тем не менее, записка адмирала дипломату, датированная уже следующим днем (26 августа), как кажется, свидетельствует о сохранявшихся у Ушакова сомнениях, которые, судя по всему, оказались окончательно рассеяны из-за действий Г. Нельсона, решившего действовать без всякой оглядки на своих русских союзников («До того времени как положительно все уже кончилось, Нельсон, как заметно, свою резолюцию уже взял, корабли его сегодняшней ночью отседова все пошли до одного… Я согласен напоследок с непременным желанием Его Величества. Увижусь с Кадыр беем [османским адмиралом – А.А.] и думаю тотчас пойдем отседова в Неаполь»[725]).

Решение идти не на Мальту, а в Неаполь формально не противоречило широким полномочиям адмирала Ф.Ф. Ушакова (императорский рескрипт от 14 марта 1799 г. предписывал ему обеспечить безопасность Сицилии и предотвратить возможное нападение неприятеля на балканское побережье, «озаботив французов на берегах Италии» и «распространив плавание к заливам Морфедонскому, Таренскому, к проливу Мессинскому, а может быть, и к самому Неаполю»[726]), однако шло вразрез с его первоначальным планом, обрекая российскую эскадру на пассивную роль и откладывая возможность осуществления операции против Мальты на неопределенный срок. Во многих работах, посвященных Средиземноморской экспедиции Ушакова, часто представляется, что главной причиной изменения плана стали расположения англичан (в лице Г. Нельсона и У. Гамильтона), стремившихся или не допустить активного участия Ушакова во

[724] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 49.

[725] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 67–68.

[726] *Овчинников В.Д.* Указ. соч. С. 439.

взятии Мальты[727] или, что кажется гораздо более вероятным, обеспечить себе свободу маневра в условиях угрозы со стороны французского и испанского флотов, заставив русского адмирала действовать в качестве вспомогательной силы в полном соответствии с британским планом[728]. Конечно, говоря о характере российско-британского взаимодействия, нельзя отрицать ни чрезвычайно критичного отношения Г. Нельсона к русскому адмиралу и русским в целом (также как и его желания видеть Мальту под властью Британии)[729], ни недовольства со стороны значительной части британского офицерства решением Министерства иностранных дел (Foreign Office) о передаче Мальты Павлу I как великому магистру Ордена Св. Иоанна Иерусалимского[730]. Между тем, кажется, все-таки следует

---

[727] «Лорд Нельсон, который за несколько дней пред тем готовился сам идти к Мальте, теперь старался всеми возможными доводами отклонить русского адмирала от его намерения» (История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1853. Т. V, С. 123); *Поливанов М.Д.* М.М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг. СПб., 1912. С. 17.

[728] *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 259.

[729] В одном из писем А. Боллу на Мальту (21 января 1799 г.) Г. Нельсон писал со всей откровенностью: «Мы получили сообщение, что русский корабль посетил вас с прокламацией для жителей острова. Я ненавижу русских, и если судно прибыло от их адмирала на Корфу, то он мерзавец (blackguard). Касательно отношений Мальты с королем Неаполя, то именно он является легитимным сувереном острова – поэтому я придерживаюсь мнения, что только его флаг должен развеваться. В то же время неаполитанский гарнизон был бы готов отдать его [остров] первому, кто предложит взятку. Я уверен, что королю не составило бы труда уступить свой суверенитет Англии» (The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson / ed. by sir N.H. Nicolas. V. IIII. London, 1845. P. 236).

[730] Глава британского МИД лорд У. Гренвиль весной 1799 г. четко выразил свою позицию по Мальте в письме лорду Г. Дандасу: «Мое мнение… состоит в том, чтобы оставить все как есть; удовлетвориться преимуществом передачи Мальты в руки России, нежели Франции; и не пытаться открывать новых переговоров по этому вопросу» (Report of the manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. Dublin, 1908. V. 6. P. 200). Такая точка зрения встретила серьезную оппозицию в среде британского офицерства: именно из-за несогласия с решением о

обратить особое внимание на тот факт, что сам Ушаков согласился изменить свой первоначальный план не в результате инсинуаций со стороны дипломатических и военных представителей Великобритании, а после просьбы со стороны неаполитанского короля. Сицилийская же сторона, настаивая на походе русской эскадры в Неаполитанский залив, преследовала собственные цели, которые не исчерпывались одним лишь поддержанием порядка в недавно покоренной столице и были тесно связаны со стратегическими интересами Королевства Обеих Сицилий в Центральной Италии.

Для того, чтобы понять, в чем заключались эти цели, и какую роль в их реализации должна была сыграть военная помощь со стороны России, необходимо учитывать сложившуюся к тому времени ситуацию на Апеннинском полуострове. На севере Италии уже в течение нескольких месяцев с успехом действовали русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова, что само по себе было очень серьезным фактором, влиявшим на расположения неаполитанских Бурбонов (письма королевы Марии Каролины и Дж. Актона кардиналу Ф. Руффо от 3 и 8 мая 1799 г. свидетельствуют о том, с каким воодушевлением в Палермо было воспринято воззвание А.В. Суворова к народам Италии от 4 апреля 1799 г., в котором речь шла о «защите святой веры» и «восстановлении… законных

передаче Мальты под контроль Российской империи весной 1799 г. подал в отставку командующий британскими войсками в Средиземноморье сэр Чарльз Стюарт. Твердым сторонником единоличного захвата Мальты англичанами был государственный секретарь по военным делам лорд Г. Дандас, который в письме лорду Гренвилю от 19 июня 1799 г. высказал надежду на то, что инструкции сменившего Стюарта генерала Ральфа Эберкромби «достаточно сильны, чтобы помешать ему позволить русским овладеть любым из сильных фортов Мальты» (Report of the manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. Dublin, 1908. V. 6. P. 250). Колебания лорда Гренвиля продолжались до октября 1800 г., после чего он окончательно присоединился к точке зрения «военной партии» (см. также: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 144–153).

правительств» как главных целях союзников[731]). Между тем, надежда на содействие со стороны русских войск, позитивное восприятие деклараций А.В. Суворова и «живого интереса» императора Павла I сочетались в Палермо с серьезной критичностью по отношению к австрийской политике. Критичность эта в течение 1799 года претерпела значительную эволюцию: если в начале 1799 г. критиковались, в первую очередь, пассивность и эгоизм венского кабинета (неготовность оказать помощь Неаполитанскому королевству и приоритет австрийских интересов в Ломбардии при планировании кампании), то уже к лету в Южной Италии с большим страхом были восприняты предполагаемые планы Вены по «расширению» территории, угрожающие равновесию на Апеннинском полуострове в целом и интересам неаполитанских Бурбонов в частности. Для того, чтобы противостоять «завоевательным видам» венского кабинета, в Палермо рассчитывали опереться на поддержку императора Павла I.

Еще в конце весны – начале лета 1799 г. при палермском дворе была высказана мысль о необходимости получения русской военной помощи для того, чтобы воспрепятствовать участию австрийцев в подавлении Неаполитанской революции. Помимо этого, по мысли сицилийского двора, в будущем поддержка со стороны Российской империи должна была обеспечить присоединение к Неаполитанскому королевству Анконы, важнейшего укрепленного порта на Адриатике (на территории Папского государства), на который, как тогда считали в Палермо, претендовали австрийцы. Таким образом, сицилийский двор хотел воспользоваться обещанной Павлом I военной помощью для того, чтобы оградить себя от влияния со стороны Вены и противопоставить собственное территориальное расширение австрийским планам господства на полуострове. Этот конфликт интересов между великой европейской державой и малым итальянским государством был тесно связан с давней идеей неаполитанского

[731] La riconquista del Regno di Napoli nel 1799. Lettere del cardinal Ruffo, del re, della regina e del ministro Acton / a cura di B. Croce. Bari, 1943. P. 164, 166; А.В. Суворов. Документы. Т. IV / под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1953. С. 144.

руководства о создании защитного барьера в Центральной Италии и уходил корнями как минимум к осени прошлого года, когда после решения об отправке неаполитанских войск на территорию Римской республики по инициативе барона Тугута были начаты австро-неаполитанские переговоры о судьбе Анконы и возможности ее обмена на Тоскану [732]. Естественно, этот конфликт не мог окончиться в пользу неаполитанских Бурбонов без поддержки со стороны другой великой державы, обладавшей значительным политическим весом благодаря присутствию в Центральном Средиземноморье ее войск и флота. И королева Мария Каролина, и Дж. Актон совершенно откровенно заявили об этом в своих беседах с А.Я. Италинским, состоявшихся еще до получения им новых инструкций и даже до взятия Неаполя (поводом для этих бесед стало известие о переназначении русского корпуса генерала Германа в Ломбардию, в чем сицилийское руководство было склонно видеть результат австрийских интриг). Через два месяца русский дипломат подробно описал содержание этих разговоров в своей реляции на имя императора от 5 (16) августа 1799 г.: «Их Величества в великом были беспокойствии по причине невозможности, в которой они, лишены будучи помянутого вспомогательного корпуса, находились касательно до воспрепятствования Венскому кабинету следовать намерениям своим в рассуждении Италии… Его Неапольское Величество уверен, что барон Тугут употребил старание обратить к другому служению оный Вашего Императорского Величества корпус, такие имея виды: свободить австрийскими войсками Земли Римские и Королевство Неапольское от французов, возвратить сие Его Величеству королю, и благодеянием сим заставить его, не требуя уступки Тосканы, с молчанием смотреть на все то, что соизволит Его Величество император учинить, в пользу свою располагая Римом на основании прав завоевания… Кроме сего, императорские владения в Италии присоединением Анконской провинции сделались бы смежными с Королевством Неапольским… Соседство державы столь сильной и страшной всей Италии поставило бы Его

[732] В мае–июне 1799 г. королева Мария Каролина сообщила об этих переговорах А.Я. Италинскому: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 6об. –7.

Неапольское Величество и преемников его в крайне ненадежное состояние касательно до спокойного и безопасного царствования на престоле Королевства Обеих Сицилий»[733] (эта реляция была получена в Санкт-Петербурге 6 октября 1799 г.)

Разговоры об австрийской угрозе, которые первые лица королевства вели с А.Я. Италинским как минимум с конца мая – начала июня 1799 г. (и которые впоследствии во многом определили характер его взаимодействия как с сицилийским двором, так и с адмиралом Ф.Ф. Ушаковым) являлись очередным доказательством высокой степени доверия к советнику российского посольства со стороны палермского двора. Это становится особенно очевидным при сравнении реляций А.Я. Италинского с реляциями В.В. Мусина-Пушкина, формально сохранявшего за собой должность полномочного министра при дворе короля Обеих Сицилий. С одной стороны, реляции обоих дипломатов свидетельствуют о высоком значении, которое в Палермо в то время придавали союзу с Россией (в случае с В.В. Мусиным-Пушкиным это выражалось в сфере церемониального общения: посещение дома российского посланника королевской фамилией на праздник Св. Розалии (4 (15) августа); официальные представления офицеров с эскадр адмиралов Карцева и Ушакова, сопровождавшиеся «милостивыми» речами сицилийского монарха; обеды с королем и т.д.) С другой стороны, в донесениях В.В. Мусина-Пушкина не содержится практически никакой подробной информации ни о политических проблемах Италии, ни о мотивации действий палермского двора. Нет в них и никаких указаний на «австрийскую угрозу» (за исключением одной-единственной завуалированной фразы из реляции от 22 июня (3 июля) 1799 г., в которой российский посланник, описывая военные приготовления в Палермо, писал о «твердом постановлении предупредить происшествия, которые могли бы сделать Их Величества обязанными за возвращение Неапольского Королевства пособию, пришедшему оттуда, куда о том не учинено ими никогда никакое

[733] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 6об.–7об.

прошение»[734]). В связи с этим особенно обращает на себя внимание то, как В.В. Мусин-Пушкин в той же реляции от 22 июня (3 июля) описал предполагаемые намерения палермского двора по отношению к территориям Папского государства: «Многие воображают, что Министерство, сколь скоро возможно будет, намерено ввести в границы Римской Области войско, каковое имеется ныне у Его Величества. Обретающиеся здесь кардиналы почитают намерение такое несумнительным и сверх того думают, что оно означает верно желание Его Величества завладеть некоторыми церковными землями. В прискорбном беспокойствии своем не находят, что бы могло событию предвидимого ими случая воспрепятствовать; одно упование имеют на великодушие Вашего Императорского Величества…»[735] Кажется, что это практически единственный случай, когда можно, основываясь на официальных донесениях, действительно сделать вывод о противоположности взглядов А.Я. Италинского и В.В. Мусина-Пушкина-Брюса: в то время как Италинский, ведя конфиденциальные беседы с первыми лицами королевства, в своих донесениях транслировал позицию палермского двора, указывая в первую очередь на значение «австрийской угрозы», Мусин-Пушкин в своем донесении отразил позицию находившихся на Сицилии иерархов Римско-Католической церкви, подозревавших неаполитанских Бурбонов в «завоевательных видах». Между тем, преувеличивать степень этого расхождения все равно не стоит: в целом все донесения В.В. Мусина-Пушкина-Брюса за этот период несут на себе печать умеренности, а в его последующих реляциях не содержится никакой информации ни об австрийских притязаниях, ни о «завоевательных видах» палермского двора.

Как свидетельствовал А.Я. Италинский, известия от герцога ди Серракаприола о подтверждении Павлом I назначения в Южную Италию корпуса генерала Ребиндера, полученные в Палермо в конце июля 1799 г., способствовали появлению у сицилийского правительства конкретного плана действий, который заключался в том, чтобы с помощью русских войск упредить австрийцев и первыми

[734] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 2.

[735] Там же. Л. 17об. –18.

занять территорию Папского государства, прежде всего Рим, Анкону и Чивитавеккья («Сия чрезвычайно отрадная весть произвела в Его Величестве и министерстве желание выгнать французов из Римской Области и уничтожить там демократические правительства, предупреждая подобное предприятие со стороны австрийской армии»[736]) – именно этими соображениями была вызвана к жизни новая миссия А. Мишеру, который был назначен «генеральным комиссаром и полномочным министром короля при главнокомандующем русско-австрийскими силами в Италии» и отправлен в Северную Италию (5 августа 1799 г.) с письмами короля и Актона фельдмаршалу Суворову и генералу Ребиндеру[737] (одна из его главных задач состояла в том, чтобы обеспечить движение русского корпуса в сторону Анконы[738]).

К концу августа 1799 г. (т.е. к тому моменту, когда в Палермо прибыла эскадра Ф.Ф. Ушакова) на Сицилии были получены новости из принадлежавших неаполитанским Бурбонам Тосканских президий (включавших в том числе часть острова Эльба с центром в Порто-Лонгоне). Известия эти были тревожны и вызвали новые опасения относительно проектов австрийского «расширения» в Италии: письма с Эльбы сообщали, что город Пьомбино (Тоскана), оккупированный неаполитанскими войсками и находившийся под контролем неаполитанского коменданта, был 5 августа 1799 г. занят австрийским отрядом («Было поднято имперское знамя, всем жителям было приказано надеть императорскую кокарду, и был объявлен набор в милицию (un recrutement de troupes civiques)»[739]), а 16 августа австрийским командованием была издана прокламация, в соответствии с которой остров Эльба должен был подчиниться учрежденному в Пьомбино временному

[736] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274. Л. 9об.

[737] *Maresca B.* Op. cit. P. 250–251.

[738] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 351. Л. 55об.

[739] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 351. Л. 2–2об. Копия депеши Дж. Актона маркизу ди Сильва, неаполитанскому дипломату во Флоренции, 31 августа 1799 г.

правительству[740]. Известия из Тосканы в совокупности со сведениями о марше австрийских войск по направлению к Риму не могли не вызывать особого беспокойства со стороны палермского двора. Как свидетельствовал Италинский, еще накануне прибытия в Палермо российско-османской эскадры сицилийское министерство высказало сожаление, «что поныне корпус господина генерал-лейтенанта Ребиндера не прибыл в Рим, и что австрийские команды иметь будут время занять большую часть оныя»[741] (реляция от 19 (30) августа). Не имея возможности использовать для защиты своих интересов регулярные русские войска, обещанные по Санкт-Петербургскому договору, палермский двор решил в своем противостоянии с Австрией опереться на поддержку со стороны прибывшей на Сицилию русской эскадры: перед своим отплытием в Неаполь Ф.Ф. Ушаков через А.Я. Италинского получил инструкции от сицилийского короля, которые предписывали ему не только содействовать «спокойствию и благочинию» в столице, но и «учинить предприятие против французов в Римской области находящихся, отрядя на такой конец столько людей с Ескадры и от Королевских войск, сколько позволят обстоятельства»[742].

После небольшой задержки, вызванной произошедшей 28 августа (8 сентября) резней моряков турецкой эскадры жителями Палермо (во многом вызванной поведением самих турок)[743] и самовольного ухода османской части соединенной

---

[740] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 351. Л. 3.

[741] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 45об.

[742] Там же. Л. 52об.

[743] Волнения в Палермо и избиение турецких матросов были подробно описаны в донесениях А.Я. Италинского, Ф.Ф. Ушакова и В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, который принял активное участие в событиях того дня, пытаясь спасти турецких моряков от гнева «палермитанцев». В реляции императору от 1 (12) сентября российский посланник сообщал: «Как скоро дано мне знать о состоящем в городе бунте, послал я тотчас коллежского асессора Петра Немировского к обер-полицмейстеру принцу Торремуцце с требованием расставить в приличных местах полицейских служителей и писать куда следует, дабы немедленно прислана была конница и пехота для прекращения… смятения и для предохранения от народного набежища дому моего,

эскадры в Дарданеллы (1 (12) сентября) корабли адмирала Ф.Ф. Ушакова оставили Палермо и 7 (18) сентября 1799 г. прибыли в Неаполь. Вместе с Ушаковым в столицу Неаполитанского королевства прибыл и А.Я. Италинский. Впоследствии он следующим образом описывал характер своей деятельности в реляции императору Павлу I: «Поручения, данные от Его Неапольского Величества Господину Адмиралу Ушакову при отправлении его сюда из Палермы с Ескадрою, не могли быть исполняемы инако как с содействием здешняго правительства, что требовало беспрерывного с ним сношения и ежедневной переписки**.** По сему обстоятельству крайне нужно было пребывание мое здесь…»[744] В течение двух месяцев пребывания русской эскадры на неаполитанском рейде российский дипломат был незаменимым помощником адмирала Ф.Ф. Ушакова, выступая в качестве посредника между ним и сотрудниками неаполитанской администрации (наместником Неаполитанского королевства Ф. Руффо, руководителем финансового ведомства Дж. Зурло и директорами военного ведомства Ложеро и Торребруна). Круг задач, стоявших перед А.Я. Италинским, был достаточно широк: он передавал Ушакову пожелания неаполитанской администрации (о высадке войск и обеспечении охраны заседаний Государственной судебной комиссии в квартале Монтеоливето), участвовал в организации курьерской связи между русским адмиралом и его подчиненными на территории Римской области, а также вел переговоры о размещении и содержании русских десантных войск. Не считая отряда из 550 человек, находившегося под командованием Г.Г. Белли[745], за все время

который положением своим близ моря, доставляя великую удобность бежащим туркам скрыться в нем от ярости жителей здешних, весьма пособствовал спасению некоторых от угрожавшей им погибели, которая постигла прочих их товарищей: все сие сделано» (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 273. Л. 2об. –3).

[744] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 68–68об.

[745] Отряд Г.Г. Белли находился в Неаполе с июня 1799 г., занимая замок Кастель-дель-Ово, а также частично составляя гарнизон возвышавшейся над городом крепости Сан-Эльмо (Castel S. Elmo) – в то время все неаполитанские замки использовались властями как тюрьмы, в которых содержались обвиняемые в государственной измене и подозреваемые в симпатиях к якобинцам.

пребывания эскадры в Неаполитанском заливе на берег с русских кораблей было высажено более 1400 человек (включая 818 солдат, отправленных в Рим во главе с полковником А. Скипором). Русских солдат и офицеров, размещенных в кварталах Кьяйя и Феррандина (Quartiere di Ferrandina) нужно было снабжать не только продовольствием, но и деньгами, дровами, соломой для постелей, а также поддерживать работу госпиталя для русских военных, организованного в «Королевской фабрике Гранили на мосту Св. Магдалины (Real Fabbrica de'Granili al Ponte della Maddalena)» [746] . Все эти задачи были главным предметом многочисленных записок, которыми А.Я. Италинский регулярно обменивался с неаполитанской администрацией и адмиралом Ф.Ф. Ушаковым.

Исполняя пожелание короля Обеих Сицилий, 19 (30) сентября 1799 г. адмирал Ф.Ф. Ушаков отправил к Риму, осажденному неаполитанскими войсками под командованием генерала Э. Буркхардта, отряд из 818 пехотинцев во главе с полковником Антоном Скипором. К тому времени в Неаполе уже было известно о переговорах с французами, начатых по инициативе британского коммодора Т. Трубриджа, блокировавшего с несколькими судами Чивитавеккья, и о проекте капитуляции, который должен был быть подписан Трубриджем и Буркхардтом с французским дивизионным генералом П. Гарнье де Лабуассьером (условия

Казармы солдат десантного отряда Г.Г. Белли располагались на площади Largo dello Spirito Santo (современная Piazza 7 Settembre), там же находились приписанные к русскому отряду 10 артиллерийских орудий, а сам капитан Г.Г. Белли квартировал в расположенном на этой же площади дворце семейства д'Ангри (Palazzo Doria d'Angri).

[746] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 29–29об. Речь в данном случае идет о Palazzo dei Granili, большом здании, построенном в 1779 г. по проекту архитектора Ф. Фуго, которое в конце XVIII в. служило в качестве артиллерийского арсенала, склада зерна и канатной фабрики (*De Fusco R.* L'architettura della seconda mettà del Settecento // Storia di Napoli. V. 8. Arte, cultura e società nel '700. Napoli, 197. P. 422–423). Санфедисты при захвате Неаполя в июне 1799 г. использовали это здание для временного размещения большого количества пленных, которые содержались в бесчеловечных условиях (*Addante L.* I cannibali dei Borbone. Antropofagia e politica nell'Europa moderna. Laterza, 2021).

капитуляции были достаточно мягкими и предполагали возвращение французских солдат во Францию с сохранением за ними оружия). Ф.Ф. Ушаков воспринял проект капитуляции негативно и через А.Я. Италинского категорически потребовал от кардинала Руффо приказать Буркхардту прекратить любые переговоры с французами до подхода к Риму русского отряда (письмо такого же содержания было им направлено и коммодору Трубриджу). Тем не менее, вопреки приказам Руффо и его уверениям (в записке Италинскому), что переговоры не будут иметь успеха из-за «дерзости и высокомерия (certa impertinenza, ed alteriggia)» французов[747], акт о сдаче французами крепостей в Риме и Чивитавеккья был подписан Трубриджем и Буркхардтом уже 17 (28) сентября 1799 г.

Адмирал Ф.Ф. Ушаков воспринял случившееся максимально негативно, о чем ярко свидетельствуют три его записки А.Я. Италинскому от 19 (30) сентября и 9 октября 1799 г. В первом документе, написанном после появления в городе первых слухов о подписании капитуляции, адмирал, буквально тем же утром отправивший в Рим десантный отряд, проявил растерянность: «Войска наши пошли может быть понапрасну, и в такую худую погоду. Не знаю, чем все это решится и что писать в Петербург… Нужно Вам побывать у кардинала и обо всем осведомясь меня уведомить. Столь неприличные произшествия чем решить, не знаю… Ежели Рим взят, что с войсками нашими делать, чтобы те не были толко караульщики взятых мест»[748]. После того как слухи подтвердились, а сотрудники неаполитанской администрации, в том числе кардинал Руффо и временный комендант Рима Д. Назелли, настояли на оставлении отряда Скипора в Риме вместо того, чтобы, как планировал Ф.Ф. Ушаков, перебросить его к Анконе в помощь блокировавшей крепость русской эскадре капитана Н.Д. Войновича, растерянность адмирала сменилась раздражением и гневом. В одном из двух писем Италинскому от 9 октября он буквально уговаривал самого себя проявлять терпение («терпение

[747] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465. Л. 51.

терпение [sic!] я соблюдать ево буду до времени»), обвинял неаполитанского командующего Буркхардта в «нискости… мыслей» и не менее негативно отзывался о кардинале Ф. Руффо («Объясняют свои безпокойства без наималейшей на нашу сторону пользы и тут же дерзко называют нас гарнизоном. Ето слово для нас бесщестно, чтобы флот Его Императорского Величества составлял гарнизон и только помогал бы содержанием караулов, ето письмо сочинено в канцелярии кардинала Руфо и почти тем же штилем, не отдана нам ни в чом никакая справедливость и столко же я недоволен, как и всеми их поступками, с которых они нам и малейшей чести ни в чом не отдают»[749]). «Подняли и воскресили мы мертвых людей», – с раздражением и горечью писал Ф.Ф. Ушаков о неаполитанцах, – «Они в благодарность отнимают заслугу, что тяжелее может быть для людей военных»[750] Интересно, что в действиях неаполитанского правительства адмирал был склонен видеть политическую подоплеку, утверждая, что кардинал Руффо и неаполитанское командование, стремясь отстранить русские войска от «дела освобождения Рима и Римской области», рассчитывали тем самым приобрести большее, чем санкт-петербургский двор, влияние на будущие выборы Папы Римского («Ети прожекты клонятся по мнению моему касательно до переговоров, когда будет возведение Папы, чтоб они более имели резон и голос, нежели наш двор»[751]).

В действительности и одобрение королем Обеих Сицилий подписанной Т. Трубриджем и Э. Буркхардтом капитуляции (несмотря на жалобы Ф.Ф. Ушакова)[752], и просьба об оставлении в Риме русского отряда были тесно связаны все с той же антиавстрийской направленностью политики сицилийского двора. Сумев занять Вечный город до подхода австрийской армии, неаполитанцы должны были удержать его и не потерять таким же образом, каким в начале августа

[749] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1. Л. 164–164об.

[750] Там же. Л. 164об.

[751] Там же. Л. 169.

[752] La riconquista del Regno di Napoli nel 1799. Lettere del cardinal Ruffo, del re, della regina e del ministro Acton / a cura di B. Croce. Bari, 1943. P. 287.

1799 г. ими был потерян тосканский город Пьомбино, фактически захваченный австрийцами. Наличие русского контингента подтверждало, что Рим был занят не одним королевским войском, а объединенными силами союзников. В конфиденциальной беседе с А.Я. Италинским 1 октября 1799 г. кардинал Ф. Руффо заявил об этом напрямую: «Наконец потребно в Риме на некоторое время российское войско, дабы не воспоследовало то, что случилось в Пиомбино, откуда австрийцы выгнали неапольский гарнизон, которым отнят был город оный от французов»[753] (кажется, что именно в этом могли заключаться «другие резоны», которые кардинал Руффо упомянул в письме адмиралу Ушакову от 1 октября 1799 г., посвященному необходимости пребывания русских войск в Риме: «Господин Италинский… вашему превосходительству словесно сообщит другие резоны, которых не могу я показать на бумаге»[754]). Совершенно неудивителен и тот факт, что на аудиенциях А.Я. Италинского у королевской четы, состоявшихся 15 (26) – 16 (27) ноября 1799 г. (вскоре после его возвращения из Неаполя и накануне отъезда на Мальту с новым поручением) и Фердинанд IV, и Мария Каролина уделили главное внимание именно роли Павла I в препятствовании «завоевательным видам» австрийцев («Все Их Величеств разговоры о Вашем Императорском Величестве изъявляли глубокую Их признательность, истинное желание доказать оную всеми благоугодными Вашему Императорскому Величеству делами, наконец упование на дружественные Ваши о пользе Их и Королевского Их Дома попечения. В оных только видят защиту себе от обнаруживаемых Венским кабинетом предприятий»[755]).

В Палермо главным средством для противостояния австрийскому влиянию в Центральной Италии по-прежнему считали русскую военную помощь, обещанную по Санкт-Петербургскому договору, однако надежды неаполитанских Бурбонов на приход в Южную Италию корпуса генерала М.В. Ребиндера так и не оправдались.

---

[753] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 56об.

[754] Адмирал Ушаков. Т. III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1956. С. 144.

[755] Там же. Л. 110.

Еще в июне 1799 г. венским двором было предложено передислоцировать его в Швейцарию (вместе с русской армией, находившейся на содержании британцев)[756], и это решение, в конечном счете, возобладало, в особенности после получения известий о крахе Партенопейской республики (очевидно, немаловажную роль в этом сыграл фельдмаршал А.В. Суворов: получив сведения о занятии Неаполя от генерального комиссара венского двора Пелегрини, фельдмаршал отвечал на рескрипты Павла I от 6, 12 и 16 июня донесением 8 июля 1799 г. об отсутствии необходимости отправки корпуса генерала Ребиндера в распоряжение неаполитанского короля[757]). В Палермо о принятом в Санкт-Петербурге решении передислоцировать русский корпус узнали из сентябрьских донесений герцога ди Серракаприола, полученных в ноябре 1799 г. В ответной депеше неаполитанскому посланнику при российском дворе (12 ноября 1799 г.) Дж. Актон писал: «Я не могу не сообщить В[аше]му П[ревосходительст]ву, что король был сильно опечален из-за всех промедлений (toutes les viassitudes) по этому делу и из-за того, что он не получит упомянутый корпус, поскольку Его Величество в первую очередь рассчитывал именно на этот корпус для того, чтобы завоевать Анкону. Если это завоевание не состоится (а это кажется очень возможным (il y a toute apparence), поскольку последние известия, которые мы получили, свидетельствуют о том, что для этого предприятия назначен австрийский корпус под командованием генерала Фрёлиха); если, я повторяю, это завоевание не состоится, причиной тому будет не что иное как отсутствие упомянутого корпуса под командованием генерала Ребиндера…»[758] Через несколько дней (15 ноября 1799 г.) Дж. Актон написал еще одну депешу герцогу ди Серракаприола, в которой, вновь описывая необходимость получения русского корпуса для занятия территории Римского государства от имени неаполитанского монарха («pour reprendre promptement son degré naturel

[756] *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910. P. 69; АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 214–214об.

[757] А.В. Суворов. Документы. Т. IV / под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1953. С. 203–204.

[758] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 351. Л. 55–55об.

d'existence politique»[759]), он уделил особое внимание австрийской угрозе: «Плохое расположение (la mauvaise humeur), продемонстрированное австрийским генералом Фрёлинком [sic!], и ироничный тон барона Тугута, которого он придерживался в разговоре с кавалером Джиансанте [неаполитанский министр в Вене – А.А.], в достаточной степени позволяют судить о настроениях этого кабинета и о принятых им решениях, которые подтверждают наше сожаление относительно Анконы. Кажется, что австрийский генерал хочет занять ее, несмотря на то что русские и неаполитанское ополчение (les napolitains levés en masse) находятся возле этого города уже в течение долгого времени. Если австрийцы завладеют этим портом, интересы короля будут серьезно ущемлены, и у нас в настоящее время нет никаких средств для того, чтобы этому воспрепятствовать»[760]. Актон высказывал опасения, что австрийцы не согласятся даже на занятие Анконы смешанным гарнизоном из-за того, что неаполитанские войска завладели Римом и, в целом, обвинял венский двор в методичном следовании противной «общему делу» «системе расширения», которой будет сложно противостоять из-за того, что армия А.В. Суворова покинула Италию[761].

Опасения неаполитанского первого министра оправдались уже в начале ноября 1799 г., когда генерал Фрёлих, подойдя к Анконе, блокированной со стороны моря российско-османской эскадрой капитана Войновича, единолично принял у французов капитуляцию, после чего сделал все возможное для того, чтобы не допустить в город союзников и даже отдал приказ о спуске поднятых в порту Анконы флагов России и Османской империи[762]. Поведение австрийцев в Анконе стало последней каплей: военно-политический союз между Санкт-Петербургом и Веной, находившийся в состоянии кризиса с конца лета 1799 г., к началу зимы

---

[759] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 351. Л. 60об.

[760] Там же. Л. 61об.

[761] Там же. Л. 62–62об.

[762] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1853. Т. V. С. 153–158.

окончательно прекратил свое существование, и кажется, что неизбежность этого разрыва была продиктована не только действиями австрийцев, но и логикой российско-неаполитанских связей.

Другое поручение, направленное А.Я. Италинскому из Санкт-Петербурга в конце 1799 г., напрямую касалось Мальтийского вопроса. 28 сентября 1799 г. советник посольства, в тот момент еще находившийся в Неаполе, получил императорский рескрипт от 4 августа 1799 г., придавший его миссии новый и совершенно особый характер. В реляции Павлу I (30 сентября (11 октября) 1799 г.) А.Я. Италинский писал: «Употреблю ревностное старание во исполнении поручения, которое всемилостивейше соизволили Ваше Императорское Величество возложить на меня. Много поспешествовать мне в том может сверх переписки личное сношение с некоторыми почтеннейшими мальтийцами и изустное объяснение великодушных Вашего Императорского Величества намерений касательно до благоденствия их. Почему я, сколь скоро не будет особливой надобности продолжать пребывание мое здесь, отправлюсь в Палерму, а оттуда в Мальту…»[763]

С этого момента российская дипломатическая миссия при дворе короля Обеих Сицилий должна была играть главную роль в обеспечении передачи Мальты под власть Павла I как нового великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского (и это было вполне логично: после захвата острова французами именно посланник в Южной Италии, пользуясь существующими тесными связями между Мальтой и Королевством Обеих Сицилий, сообщал в Санкт-Петербург наиболее свежую и актуальную информацию о ходе антифранцузского восстания на Мальте, действиях блокирующих остров британской и португальской эскадр и происках «партии Гомпеша»). Оставаясь в охваченной роялистским террором столице еще в течение месяца, А.Я. Италинский совместно с Ф.Ф. Ушаковым принял участие в организации похода из Ливорно в Неаполь трех батальонов под

[763] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 58–58об.

командованием генерал-майора Д.М. Волконского, предназначенных для мальтийского гарнизона. Эти силы в составе около 2500 человек должны были быть переброшены на Мальту на кораблях эскадры Ф.Ф. Ушакова, которому и сицилийское правительство, и британский контр-адмирал Г. Нельсон теперь обещали оказать полное содействие – более того, сам король Фердинанд IV написал адмиралу письмо, высказав пожелание об отправке русской эскадры на Мальту (в письме Мусину-Пушкину от 30 октября 1799 г. Ушаков, вынужденный отозвать отряд полковника Скипора из Рима и вернуть на корабли часть неаполитанского десанта, не мог скрыть раздражения: «Как может войско бегать взад и вперед на столь дальнее расстояние?»[764])

Покинув Неаполь 1 (12) ноября 1799 г., А.Я. Италинский через пять дней прибыл в Палермо, где развернул активную подготовку: запросил у В.В. Мусина-Пушкина копию инструкций генерал-майора Д.М. Волконского, вступил в прямые переговоры с сицилийским кабинетом о заготовке провианта для назначенных на остров русских войск[765], занялся изучением относящихся к мальтийским делам бумаг адмирала Г. Нельсона [766] . «Кульминацией» мальтийской миссии А.Я. Италинского стало его одиннадцатидневное пребывание на острове (с 15 (26) декабря 1799 г.), где он имел возможность ознакомиться с настроениями мальтийцев и вступил в прямое взаимодействие с британским офицером Александром Боллом, утвержденным неаполитанским монархом в должности мальтийского губернатора[767].

Важно подчеркнуть, что осенью 1799 г. мальтийский вопрос был в центре внимания не только российского дипломата, но и палермского двора, который еще

---

[764] Адмирал Ушаков. Т. III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1956. С. 177.

[765] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 64–64об.

[766] Там же. Л. 104.

[767] Реляции А.Я. Италинского от 13 (24) января 1800 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 1–3) и 5 (16) февраля 1800 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 5–12); см. также: *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 260–262; *Blondy A.* Paul Ier. La folie d'un tsar. Paris: Perrin, 2020. P. 236–237.

в конце апреля выразил готовность официально признать Павла I великим магистром ордена Св. Иоанна Иерусалимского[768], а в конце октября 1799 г. предпринял практические шаги в этом направлении, направив великим приорствам Мальтийского ордена в Капуе, Барлетте и Мессине соответствующие требования от имени Фердинанда IV[769] (официальные акты признания Павла I великим магистром со стороны трех приорств были вручены санкт-петербургскому двору герцогом ди Серракаприола в конце декабря 1799 г.[770]) При этом важно отметить, что накануне принятия этого решения руководство Королевства Обеих Сицилий воспользовалось благоприятным моментом, отменив широкие юридические привилегии, которыми на территории королевства традиционно пользовались рыцари Мальтийского ордена (указом от 26 сентября 1799 г.)[771]

В конечном счете ни действия А.Я. Италинского, ни благоприятные для Павла I расположения неаполитанских Бурбонов не имели серьезных последствий. В декабре 1799 г. Ф.Ф. Ушаков получил два рескрипта Павла I от 8 и 23 октября 1799 г., требовавшие возвращения русской эскадры в черноморские порты. Первый рескрипт, полученный адмиралом еще в Неаполе, был более «мягкий» по своей формулировке: адмирал должен был увести эскадру в Черное море в том случае, если «из открывающихся Италии обстоятельств усмотрено будет, что помощь флота уже там не нужна», а также «буде Мальта еще не будет взята от французов и скорой оной сдачи не предвидится»[772]. Второй рескрипт, подписанный уже после

---

[768] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 350. Л. 8–9. Копия депеши Дж. Актона герцогу ди Серракаприола, 30 апреля 1799 г.

[769] Перевод указа Дж. Актона от 24 октября 1799 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 94–95), перевод депеши Государственной канцелярии из Церковного департамента (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 95–96).

[770] РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 63. Л. 5–5об. Записка коммандора де Гуссе великому канцлеру Ф.В. Ростопчину, полученная 22 декабря 1799 г.

[771] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275. Л. 76–93. Записка, адресованная А.Я. Италинскому.

[772] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1853. Т. V. С. 484.

окончательного решения об отзыве на родину армии А.В. Суворова (11 октября)[773], был гораздо более требователен и однозначен: «По открывшимся обстоятельствам признаем мы за нужное ввести ескадры, в вашу команду порученные, в Черное море, почему и повелеваем соединить с собою все отдельные ескадры… и, забрав вследствие уже данного вам повеления, буде еще не взята Мальта, мальтийский гарнизон и находящиеся в Неаполитанском королевстве войски наши, возвратиться к своим портам»[774]. Этот второй рескрипт Ф.Ф. Ушаков получил уже в Мессине, где он находился вместе с эскадрой и батальонами Д.М. Волконского, готовясь отправиться оттуда к Мальте (на неаполитанском рейде адмирал оставил нуждавшиеся в починке три фрегата под командованием капитана А.А. Сорокина, а в самом городе – приписанный к ним отряд Г.Г. Белли). Стремясь сохранить секретность, Ф.Ф. Ушаков сообщил сицилийскому правительству о том, что должен идти на Корфу для починки кораблей, и лишь В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу и А.Я. Италинскому (с которым они увиделись в Мессине) открыл истинный характер императорских повелений. В реляции от 6 (17) января 1800 г. В.В. Мусин-Пушкин-Брюс утверждал, что по возвращении в Палермо Италинский откровенно сообщил Дж. Актону о содержании рескриптов Ф.Ф. Ушакова, и это известие стало для короля Обеих Сицилий «великим ударом»[775].

После ухода на Корфу эскадры Ф.Ф. Ушакова и батальонов Д.М. Волконского реализация мальтийской программы, возложенная на российскую миссию при дворе короля Обеих Сицилий, стала невозможной. Напротив, усилилось присутствие на острове британцев (в то же самое время, когда А.Я. Италинский развернул активную деятельность по подготовке снабжения и военных припасов для русских сил, Г. Нельсону удалось договориться о присылке с Минорки дополнительных британских войск).

---

[773] Там же. Т. IV. С. 207, 391.

[774] Адмирал Ушаков. Т. III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1956. С. 174.

[775] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 287. Л. 7–8.

1799 год можно по праву считать кульминацией деятельности российской миссии при дворе короля Обеих Сицилий, которая к лету приобрела особенно активный характер. Главную роль в ее функционировании по-прежнему играл советник посольства А.Я. Италинский, однако теперь он был наделен особыми полномочиями, связанными с координацией военных действий, Мальтийским вопросом, а также проблемой организации республики на освобожденных от французов Ионических островах (именно последнее направление в Санкт-Петербурге считалось наиболее важным, что вновь подтверждает приоритетное внимание российского двора к проблемам Восточного Средиземноморья).

В реальных условиях лета 1799 г., после успехов русских войск в Центральном и Восточном Средиземноморье и подавления Неаполитанской революции (которое российскими дипломатами в Палермо было воспринято достаточно умеренно) на деятельность российской дипломатии и действия эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова, прибывшей к берегам Сицилии в августе 1799 г., решающее влияние оказали, с одной стороны, расположения британцев, господствовавших в Средиземном море, а с другой стороны, позиция самого сицилийского двора, который стремился воспользоваться обещанной ему русской военной помощью для того, чтобы противостоять расширению влияния Австрийской монархии в Центральной Италии. Состоявший при русском адмирале А.Я. Италинский, с одной стороны, был его незаменимым помощником, находившимся в постоянном взаимодействии с неаполитанской администрацией, а с другой стороны де-факто выступил в роли проводника интересов сицилийского двора, отчасти способствовав тому, что, вопреки первоначальному плану, Ф.Ф. Ушаков отправился именно в Неаполь, а подготовка так и не состоявшейся Мальтийской экспедиции оказалась отложена на три месяца (при этом, конечно, необходимо учитывать и другие факторы, в том числе расплывчатый характер первоначальных инструкций адмирала Ф.Ф. Ушакова, плохое состоянии кораблей, а также антироссийские настроения британского командования и серьезное ослабление русской эскадры после ухода в Дарданеллы турецких судов).

3.2. Миссия маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге и кризис Второй антифранцузской коалиции (1799 г.)

В прошлом параграфе было описано, какую роль в российско-неаполитанском взаимодействии в течение 1799 г. играла российская дипломатическая миссия в Южной Италии. В этом разделе речь пойдет о том, что в то же самое время происходило в Санкт-Петербурге. Главную роль здесь, как и прежде, играл неаполитанский дипломат А. Мареска герцог ди Серракаприола. По-прежнему воспринимая с восхищением личность и политику императора Павла I («Да хранит Бог столь великого и здравомыслящего монарха! (Iddio conserva un sovrano si grande e si ben pensante!)»[776]), он с каждым днем был настроен все более критично по отношению к действиям венского двора (не случайно весной 1799 г. в Вене жаловались, что действия А. Мареска и других неаполитанских дипломатов «наносят ущерб интересам… австрийского двора при иностранных кабинетах»[777]). Главными поводами для критики в первые месяцы 1799 г. была пассивность австрийцев, их нежелание начать войну с французами, продолжающиеся переговоры в Раштатте и отказ венского двора от помощи неаполитанскому королю (особенно желчными по отношению к политике Вены были многочисленные письма герцога ди Серракаприола датскому дипломату Н. Розенкранцу, в одном из писем он признавался: «Я не знаю, какой из кабинетов является наихудшим, венский или берлинский»[778]). В определенный момент в руки неаполитанского дипломата попал текст разглашенной французами секретной австро-французской конвенции от 1 декабря 1797 г., оговаривавшей сроки вывода австрийских войск из

---

[776] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 296. Копия письма герцога ди Серракаприола графу Г.К. Лудольфу, 1 (12) марта 1799 г.

[777] *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910. P. 52–53.

[778] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 393об. Письмо герцога ди Серракаприола Н. Розенкранцу, 25 января (5 февраля) 1799 г.

Майнца и французских из Венеции[779], что стало для А. Мареска новым основанием для критики венского двора: «В настоящее время мы прекрасно знаем конвенцию от 1 декабря 1797 г., заключенную между Бонапартом и Кобенцелем. Позор тем, кто ее заключил, а также тем, кто поместил ее в публичные листки! Честный человек никогда бы не посоветовал своему государю таких действий, а умный человек (un homme d'esprit) никогда бы не подписал подобную конвенцию!» [780] Критикуя политику венского двора (и в особенности действия графа Л. Кобенцеля), герцог ди Серракаприола не снимал ответственности и со своего непосредственного начальника и друга детства [781], министра Королевства Обеих Сицилий по иностранным, морским и торговым делам маркиза ди Галло, участвовавшего в переговорах с Бонапартом и подписании Кампо-Формийского мира от имени австрийского монарха (в письме Розенкранцу от 1 (12) марта А. Мареска с негодованием писал: «Чего можно ожидать от министров, которые не сделали ничего хорошего в продолжении своего министерства; все, что касается мира в империи – сплошные глупости и вздор (ce qui regarde la paix d'empire est un amas de betises et d'absurdités). Знайте, мой любезный брат, что я не исключаю даже моего начальника маркиза ди Галло, который ответственен за многое из того, что мы ныне наблюдаем (qui est responsable de bien des choses, qui nous regardent [sic!])»[782].

Именно Марцио Мастрилли, маркиз ди Галло должен был в 1799 г. сыграть ключевую роль в обеспечении короля Обеих Сицилий помощью со стороны союзников. Вскоре после разгрома неаполитанских войск маркиз ди Галло уехал из

---

[779] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852. Т. I. С. 386.

[780] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 174. Письмо герцога ди Серракаприола Н. Розенкранцу от 22 марта (7 апреля) 1799 г.

[781] Сообщая Н. Розенкранцу об ожидавшемся прибытии маркиза ди Галло в Санкт-Петербург (14 (25) июня 1799 г.), герцог ди Серракаприола отмечал, что они с маркизом являются «друзьями с самого детства (étant amis depuis notre enfance)» (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 242).

[782] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 291. Письмо герцога ди Серракаприола Н. Розенкранцу, 1 (12) марта 1799 г.

столицы на адриатическое побережье, затем покинул территорию королевства на судне из эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова (отплыв из Бриндизи 2 февраля 1799 г.) и уже 15 февраля прибыл в австрийскую столицу. Полномочия, полученные маркизом ди Галло от неаполитанского двора 20 декабря 1798 г., были достаточно широкими. Он должен был, в первую очередь, добиться военной помощи от Вены, однако мог вести переговоры и с другими «друзьями и союзниками» королевства, как о денежных субсидиях, так и о помощи войсками (отдельно в полномочиях оговаривалось: «Таким образом Вы вступите в переговоры, которые могут иметь успех, с российским двором или с Османской Портой и сами направитесь куда необходимо для того, чтобы вести переговоры с их министрами и генералами (e vi trasporterete Voi stesso occorendo a trattare con i rispettivi loro ministri e generale)»[783]). После прибытия в Вену маркиз ди Галло развернул активную деятельность, пытаясь добиться от австрийцев военной помощи и повлиять на план будущей кампании с учетом интересов неаполитанских Бурбонов. Обращает на себя внимание, что к действиям венского кабинета М. Мастрилли был настроен менее критично, чем герцог ди Серракаприола и, очевидно, пытался сделать все, что в его силах для того, чтобы «сгладить» негативное впечатление, которое на австрийское руководство произвело решение неаполитанских Бурбонов о вторжении на территорию Римской республики.

Одной из главных целей маркиза ди Галло было добиться отправки в Южную Италию русского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Германа, в то время уже переназначенного в Ломбардию. В письмах герцогу ди Серракаприола, написанных 25 февраля и 10 марта 1799 г. (вскоре после получения им точных известий о подписании Серракаприолой союзного трактата с Российской империей) М. Мастрилли изобразил свое видение будущей кампании: по его мнению, из Галиции русские войска могли быть с легкостью переброшены к Фиуме (а не к Заре), откуда их можно было переправить в Южную Италию, после чего

[783] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 347. Л. 1об.

русский корпус, соединенный с неаполитанскими войсками, должен был выдвинуться из Калабрии на север, навстречу движущейся к Риму и Неаполю австрийской колонне – такое наступление на французов с двух сторон должно было обещать союзникам наибольший успех[784]. При этом маркиз ди Галло особенно подчеркивал необходимость того, чтобы санкт-петербургский двор принял деятельное участие не только в реализации, но и в предложении этого плана австрийской стороне, делая акцент на тесной связи будущего Неаполитанского королевства с российскими стратегическими интересами в Восточном Средиземноморье: «Необходимо, чтобы этот план был недвусмысленно продиктован российским двором, и чтобы он выполнял его, дабы избежать каких-либо уловок, когда австрийские армии будут в Италии (pour qu'on ne fasse pas des tergiversations quand les armées Autrichiennes seront en Italie). Я верю, что этот монарх, чувствуя интерес к восстановлении власти (la réintegration) и поддержке (le soutien) короля и имея в этих провинциях собственные вспомогательные войска, будет заинтересован в том, чтобы выполнить эту часть плана кампании, помимо того, что дела Мальты, Корфу, Леванта и Турции обязывают Его Императорское Величество воспрепятствовать французам закрепиться в Неаполитанском королевстве, где они распространяют свои новые принципы и готовят морские силы»[785]. Герцог ди Серракаприола получил эти письма 14 (25) марта 1799 г. и сообщил их содержание КИД. В ходе последующих бесед с вице-канцлером В.П. Кочубеем и Ф.В. Ростопчиным неаполитанский посланник развил мысли маркиза ди Галло и со всей откровенностью противопоставил интересы венского двора интересам «системы морских держав», тесно связанным с «общей безопасностью» («Я заметил упомянутому министру [Кочубею], также как и графу Ростопчину, что в настоящий момент следует более, чем когда-либо проявлять особое внимание, поскольку операции, в которых будут задействованы российские

[784] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 376–381об. Письмо маркиза ди Галло герцогу ди Серракаприола, 10 марта 1799 г.

[785] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 380.

императорские войска, имеют двойную цель (doppio fine) поддерживать как интересы венского двора, так и интересы системы морских дворов (del sistema delle Corti maritime), что является более важным обязательством (l'impegnio maggiore), принятым на себя Его Императорским Величеством для общей безопасности, в том числе и таковой трех империй»[786]).

Между тем все попытки маркиза ди Галло добиться соучастия в составлении плана кампании, также как и организовать движение корпуса Германа в Южную Италию, потерпели крах. Он был склонен в значительной степени винить в этом российского посла в Вене графа А.К. Разумовского, которого в письмах герцогу ди Серракаприола противопоставлял С.А. Колычеву и характеризовал как человека, проявляющего «холодность» к интересам Неаполя, «закрытого» и не склонного к взаимодействию с неаполитанским министром[787] (герцог ди Серракаприола в письме графу Лудольфу, написанном еще 1 (12) февраля 1799 г., выразился лаконичней и жестче, заявив, что Разумовский «заполучен [куплен?] этим [венским] кабинетом (est gagné par le dit cabinet)»[788]). Не имели никаких результатов и многочисленные конференции маркиза ди Галло с А.В. Суворовым («plusieurs longues conferences»), состоявшиеся вскоре после приезда фельдмаршала в австрийскую столицу (14 (26) марта)[789]. В зашифрованном письме герцогу ди Серракаприола от 3 апреля 1799 г. М. Мастрилли писал: «Фельдмаршал… в равной степени и без всяких оговорок убежден в необходимости и пользе предоставления

---

[786] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 169об. Депеша герцога ди Серракаприола маркизу ди Галло, 22 марта (2 апреля) 1799 г.

[787] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 600.

[788] Там же. Л. 653.

[789] Этот факт, известный из переписки маркиза ди Галло с герцогом ди Серракаприола, опровергает описание прибывания А.В. Суворова в Вене, сделанное биографом фельдмаршала А.Ф. Петрушевским, согласно которому Суворов, находясь в австрийской столице, «не принял ни одного… приглашения со стороны министров и других знатных лиц» и вообще «обширного знакомства не водил» (*Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. Т. III. СПб., 1884. С. 16–17).

королю корпуса Германа для того, чтобы осуществить маневр (la diversion) со стороны Нижней Италии: он признал этот постулат в присутствии генералов Lawer (?) и Корсакова, вместе с которыми он поразмыслил на эту тему и ответил мне, что признает его несомненным, и будь у него здесь упомянутый корпус Германа, он тем же вечером отправил бы его на Сицилию. Тем не менее, план операций венского двора вместо этого имеет целью соединить все силы в Ломбардии и только после этого двигаться на Неаполь, не возлагая никаких больших надежд на движение с нашей стороны»[790].

В мае 1799 г., на фоне громких успехов русско-австрийских войск в Северной Италии и при практически полном отсутствии свежих новостей из Королевства Обеих Сицилий маркиз ди Галло продолжал отстаивать идею отправки в Южную Италию русских войск (либо обещанного по договору корпуса Германа, либо другого, который мог быть отправлен со стороны Черного моря). В депеше Дж. Актону от 14 мая 1799 г. он писал: «Их присутствие и содействие являются единственным способом побудить оба двора в Санкт-Петербурге и Вене поддержать интересы Его Сицилийского Величества»[791]. К тому времени М. Мастрилли был твердо уверен в «охлаждении» санкт-петербургского двора к интересам Неаполитанского королевства, не испытывая большого доверия к свидетельствующим об обратном письмам герцога ди Серракаприола («несмотря на слова Серракаприолы, я констатирую охлаждение русских по отношению к нам»[792]). Именно в это время в ходе разговора с графом Разумовским у маркиза ди Галло появилась идея самостоятельно ехать в Санкт-Петербург для того, чтобы обсудить необходимость предоставления Неаполю российской помощи лично с Павлом I[793] (изначально дипломат рассчитывал, что его пребывание в российской

[790] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 601–601об.; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 349. Л. 80–80об.

[791] *Di Somma C.* Op. cit. P. 35.

[792] *Di Somma C.* Op. cit. P. 56.

[793] Ibid. P. 57.

столице продлится не более 2–3 недель[794]). Важно, что в это время, в конце мая 1799 г. маркиз ди Галло смотрел на российскую помощь уже не только как на пособие для восстановления королевской власти в Южной Италии, но и как на средство обезопасить Неаполитанское королевство от австрийских притязаний и обеспечить баланс сил на Апеннинском полуострове. Средством для обеспечения равновесия должно было стать усиление влияния неаполитанских Бурбонов за счет дополнительных территориальных приобретений (речь шла, таким образом, о все той же идее создания защитного барьера в Центральной Италии, к которой неаполитанская дипломатия неоднократно возвращалась как минимум с 1797 г.) Особенно подробно маркиз ди Галло развил свои идеи в депеше Дж. Актону от 20 мая 1799 г.: «Россия – единственная держава, способная повлиять на этот [австрийский] двор и использовать все возможные ресурсы для того, чтобы навязать ему свою волю. Кроме того, предоставив австрийскому императору 80 или 90 тысяч человек вспомогательных войск, она имеет право высказывать свое мнение о переговорах и результате войны. Эта также единственная держава, которая, не имея возможности или желания делать какие-либо приобретения в Италии, установит границы территорий, которые могут вернуться к Австрии и… будет способствовать реализации проектов, направленных на поддержание равновесия на нашем полуострове» [795]. Взамен, утверждал дипломат, Россия получит в Италии «мощного и сильного союзника, не находящегося под контролем Австрийского дома»[796].

[794] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 448об. Письмо маркиза ди Галло герцогу ди Кампокьяро в Копенгаген, 23 сентября (4 октября) 1799 г.

[795] *Di Somma C.* Op. cit. P. 45.

[796] Ibid.

Идея поездки неаполитанского дипломата в Санкт-Петербург была поддержана и российским посольством, и сицилийским двором [797], и даже австрийским кабинетом, пообещавшим маркизу ди Галло полное содействие со стороны графа Л. Кобенцеля. Поначалу, правда, это содействие приняло довольно странную форму: узнав о скором прибытии маркиза ди Галло в Санкт-Петербург, на конференции 27 мая австрийский посол сообщил КИД об адресованной ему просьбе поддерживать действия Галло, сочтя при этом необходимым особенно отметить, «что пишут к нему о несправедливых подозрениях неапольского двора насчет венского, который, напротив, всякого блага ему желает»[798]. Естественно, никакой искренней радости решение маркиза ди Галло о поездке в Санкт-Петербург не могло вызвать и у австрийского министра иностранных дел барона Тугута, который тогда же, в мае получил возможность ознакомиться с текстом адресованного маркизу ди Галло письма главы тосканского правительства маркиза Манфредини. В записке фавориту императора Ф. де П. Коллоредо-Вальдзее Тугут охарактеризовал содержание этого письма (о беспокойстве тосканского правительства из-за действий австрийцев и желании просить заступления у России) как «невероятное осложнение возни (tripotage)» [799], напрямую связав его с антиавстрийскими настроениями сицилийского двора («Все эти домыслы рождаются в Палермо, где умирают от страха перед слишком сильным преобладанием Его Величества [австрийского монарха – А.А.] в Италии, где пытаются вовлечь всю Европу в дела Италии, чтобы помешать решающему влиянию Его Величества и предотвратить расширение Австрии»[800]). Наконец, идея

---

[797] Об этом свидетельствуют депеши Дж. Актона, адресованные маркизу ди Галло, а также письмо короля Фердинанда IV императору Павлу I от 11 августа 1799 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 68. Л. 5об.)

[798] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 595. Л. 290.

[799] Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österr. Ministers des Äussern: Beiträge zur Beurtheilung der politischen Verhältnisse Europas in den Jahren 1792–1801. V. 2. Wien, 1872. S. 166.

[800] Ibid.

неаполитанского министра о поездке в Санкт-Петербург вызвала опасения и у кого-то из подданных короля Обеих Сицилий, считавших Галло ставленником Тугута. 24 мая 1799 г. из Вены в Санкт-Петербург были отправлены два письма, адресованные герцогу ди Серракаприола: первое – от маркиза ди Галло, в котором он сообщал о своем скором приезде «без всякого публичного характера» с депешами от короля и ратификационной грамотой российско-неаполитанского союзного договора («Вы будете удивлены, мой дорогой герцог, когда я скажу Вам, что через несколько дней после этого письма Вы увидите, как я примчусь в Петербург со скоростью молнии (tomber a Pétersbourg comme une bombe) и явлюсь, чтобы Вас обнять»[801]); второе – от оставшегося анонимным неаполитанского подданного, в котором речь шла о необходимости помешать любым действиям Галло в Санкт-Петербурге, поскольку он не имеет соответствующих полномочий и будет действовать исключительно в интересах Вены («Уже в течение долгого времени Галло плохо отзывается о Вас в Вене… Его миссия организована венским кабинетом; это настоящее бедствие для монархов Обеих Сицилий; Вы, однако, спасете и свою честь (considération), и интересы Вашего двора, если ему воспрепятствуете»[802]).

Герцог ди Серракаприола получил письмо маркиза ди Галло от 24 мая через австрийского посла графа Кобенцеля и сообщил его КИД. В депеше Актону (3 (14) июня) посланник свидетельствовал: «Вице-канцлер, также как и граф Ростопчин говорят мне, что Его Императорское Величество с удовольствием узнал о приезде маркиза, что он будет принят как достойная персона (une personne de distinction), и за ним будет признан ранг государственного министра»[803]. Прибытие маркиза ди Галло в Санкт-Петербург должно было, по мнению герцога ди Серракаприола, способствовать обеспечению прямой помощи Южной Италии со стороны российских войск, в неполучении которой дипломат был склонен винить венский кабинет и его «принципы». Об этом он совершенно откровенно высказался в

[801] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 350. Л. 16.

[802] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 589–589об.

[803] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 213–213об.

письме королеве, написанном в тот же день (3 (14) июня): «действуя с опасным лукавством (una finezza pericolosa), они [австрийцы] умеют воспрепятствовать всему, что этот двор делает или желает сделать в нашу пользу»[804]. Между тем, уже через несколько дней, еще до приезда маркиза ди Галло, Павел I утвердил решение об отправке корпуса генерал-лейтенанта М.В. Ребиндера в Южную Италию, руководствуясь, как утверждал сам Серракаприола, просьбой венского двора, вызванной появлением в Средиземном море французского флота [805] (после прибытия в Санкт-Петербург маркиз ди Галло первым же делом попросил у Ф.В. Ростопчина точный перевод этих приказов для отправления в Палермо[806]) – любопытно, что австрийский министр иностранных дел барон Тугут, получивший это известие в конце июня, отреагировал на него совершенно иначе, чем можно бы было ожидать, увидев в этом решении следствие «какой-то возни Галло (quelque tripotage de Gallo)» [807] и патетически восклицая в письме Коллоредо: «Какое

[804] Там же. Л. 236об.–237.

[805] Герцог ди Серракаприола подробно описал обстоятельства принятия этого решения в депеше Дж. Актону от 7 (18) июня 1799 г. По словам дипломата, Павел I лично подошел к нему после богослужения в честь взятия русско-австрийскими войсками Турина и заявил: «Из Вены меня просят направить к вам корпус генерала Ребиндера, я уже велел списаться с этим генералом, также как с генералом Корсаковым и министрами в Вене для того, чтобы распорядиться наилучшим образом в соответствии с обстоятельствами. Уже в третий раз меня заставляют менять диспозицию этого корпуса, заставляя его идти то туда, то сюда (quà e là); если бы его первая диспозиция оставалась неизменной, он уже мог бы быть на своем месте, но все постоянно меняется (non vi è nulla di fisso)». После обеда вице-канцлер объяснил герцогу ди Серракаприола, что главной причиной просьбы венского двора было известие о появлении в Средиземном море французского флота адмирала Э.Э. Брюи, угрожавшего Сицилии (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 187об. –189об.)

[806] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 2–2об. Записка маркиза ди Галло графу Ф.В, Ростопчину от 19 июня 1799 г.

[807] Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österr. Ministers des Äussern: Beiträge zur Beurtheilung der politischen Verhältnisse Europas in den Jahren 1792–1801. V. 2. Wien, 1872. S. 175.

недоразумение, какое безрассудство верить в России, что все операции можно менять со дня на день!»[808]

Пребывание маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге продолжалось с 22 июня по 30 ноября 1799 г.[809] Обстоятельства миссии ди Галло, предложения, сделанные им императору Павлу I и КИД, также как и причины его отъезда из российской столицы, – сюжет, довольно хорошо изученный, прежде всего, благодаря публикации документов из семейного архива дипломата, осуществленной итальянским историком К. ди Сомма[810]. Материалы из фондов АВПРИ могут представить лишь дополнительный материал, позволяющий уточнить некоторые детали, касающиеся датировки отдельных документов, характера отношений дипломата с руководством российского внешнеполитического ведомства и обстоятельств оставления им Санкт-Петербурга.

Спустя неделю после своего прибытия в Санкт-Петербург, после многочисленных представлений В.П. Кочубею и Ф.В. Ростопчину, посвященных необходимости немедленного оказания помощи Сицилийскому королевству и обеспечению пути корпуса Ребиндера в Южную Италию, 29 июня 1799 г. маркиз ди Галло имел трехчасовую беседу с императором Павлом I, которую подробно описал в депеше Дж. Актону от 5 (16) июля 1799 г. В этом документе маркиз ди Галло дал позитивную характеристику взглядам российского монарха, особенно указав на заинтересованность императора в поддержании отношений с

---

[808] Ibid.

[809] *Maresca B.* Memorie del duca di Gallo // Archivio storico per le Province Napoletane. Anno XIII. Napoli, 1888. P. 284.

[810] *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910; см. описание миссии маркиза ди Галло: *Борецкий-Бергфельд И.* Император Павел I и политическая судьба Италии // Русская старина. 1912. №3. С 509–522; *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 177–183; *Saul N.E.* The objectives of Paul's Italian policy // Paul I: A reassessment of his life and reign / ed. by H. Ragsdale. University of Pittsburg, 1979, P. 36–39; *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 130–138.

Неаполитанским королевством, которые были для него тесно связаны с проблемами режима черноморских проливов, развития торговли на Леванте и сохранения целостности Османской империи («интерес, который он питает к объединению с монархией Его Сицилийского Величества, соединению взаимных выгод относительно Османской империи, свободы Черного моря и левантийской торговли»[811]). Дальнейший разговор между императором и главой неаполитанского внешнеполитического ведомства был посвящен делам Италии: отвергнув обвинение Павла I в том, что целью неаполитанского двора был захват Рима (сам факт этого обвинения заставляет предполагать, что представления, сделанные графом Кобенцелем в конце 1798 г., были все-таки небезуспешны), маркиз ди Галло настоял на необходимости получения Королевством Обеих Сицилий «хорошо защищенной военной границы», включая Анкону (передача которой в руки австрийцев могла, по утверждению дипломата, нарушить равновесие на Адриатике)[812]. В конечном счете маркизу ди Галло удалось, по его словам, убедить Павла I, ранее высказывавшегося за восстановление довоенного status quo, в том, что приращение территории неаполитанских Бурбонов в противовес «расширению» австрийских Габсбургов – единственное средство добиться прочного равновесия на Апеннинском полуострове («Никому не подходит, чтобы Австрия получила все»[813]). В конце беседы российский император даже выразил готовность заключить с Королевством Обеих Сицилий «конфиденциальные соглашения по всем проектам, которые касаются короля и Италии», однако при этом добавил, что «необходимо вести переговоры с Веной»[814]. Подтвердил Павел I и принятое им ранее решение о передаче в распоряжение неаполитанского короля русского корпуса, и именно в этих войсках маркиз ди Галло видел верное средство для обеспечения территориальных приобретений палермского двора, утверждая в

[811] *Di Somma C.* Op. cit. P. 72–73.

[812] Ibid. P. 74.

[813] Ibid. P. 81.

[814] *Di Somma C.* Op. cit. P. 81.

депеше Актону, что после «освобождения Неаполя» они должны будут выступить на Анкону, занять Папское государство и Тоскану и покинуть территории этих областей только тогда, когда будут выполнены российско-неаполитанские договоренности [815] . Завершая депешу, М. Мастрилли писал Актону: «Ваше Превосходительство согласится, что Царь воодушевлен лучшими намерениями. Я добавлю, что железо нужно ковать, пока горячо: эта пословица может быть применима здесь больше, чем где-либо еще; тем более, что мы были первыми, кто заговорил об этих сюжетах и предупредил о других планах, которые противоборствующие стороны могли бы выдвинуть на первый план (mettre sur le tapis)»[816].

В действительности, однако, вряд ли приходится говорить о том, что император Павел I и его «министры» целиком поддержали проект маркиза ди Галло (в особенности это касается Ф.В. Ростопчина, человека, через которого в 1799 г. происходило любое взаимодействие с императором, и который отнесся к неаполитанскому дипломату с большим подозрением, видя в нем проводника австрийской политики[817]). Мемуар, посвященный проблемам индемнизаций для итальянских государств, который маркиз ди Галло составил по просьбе Павла I и уже 6 июля 1799 г. передал Ф.В. Ростопчину (в сопровождении «маленькой карты», использованной им при написании документа)[818], был отвергнут. Спустя два дня (8 июля) Ф.В. Ростопчин написал неаполитанскому дипломату письмо, в котором, описывая «удовлетворение… и… признательность» Павла I, одновременно передал

---

[815] Ibid. P. 83.

[816] Ibid. P. 82.

[817] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 134–135.

[818] Записка маркиза ди Галло графу Ф.В. Ростопчину от 6 июля 1799 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 18); оригинал мемуара маркиза ди Галло хранится в АВПРИ (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 15–17об.), копия документа опубликована: *Di Somma C.* Op. cit. P. 310–316. В этой записке Галло предлагал передать под контроль короля Обеих Сицилий территорию Тосканы или трех легаций (Болонья, Феррара, Романья).

и его пожелание оставить любые разговоры об индемнизациях до окончания войны с французами, «которая должна привлекать все внимание союзных держав для уничтожения чудовищного правительства»[819] (в ответном письме маркиз ди Галло попытался оправдаться, заявив, что для неаполитанского короля индемнизации – «вспомогательная идея», а его главная цель – восстановление «хорошего и справедливого равновесия» в Италии [820]). Еще через два дня (10 июля) первоприсутствующий в КИД написал саркастичное письмо графу С.Р. Воронцову, которое запустило цепочку событий, приведших, в конечном счете, к удалению Галло из Санкт-Петербурга[821]. Непосредственной реакцией на бумагу Ростопчина стало «письмо из Лондона» (20 августа 1799 г.), адресованное в Палермо и, по всей видимости, написанное графом С.Р. Воронцовым. Оно было настолько же направлено против маркиза ди Галло, насколько против барона Тугута и австрийской политики («Вероломство Тугута всегда будет вас преследовать. Ваш Галло отлично ему служит (votre Gallo le sert a merveilles), он орудие Австрии, которая, не осмеливаясь произносить в России слово “индемнизация”, привлекла его для того, чтобы он разбил лед и потребовал ее от имени Вашего двора, после

[819] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 354. Л. 5. Копия письма Ф.В. Ростопчина маркизу ди Галло, 8 июля 1799 г.

[820] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 19. Письмо маркиза ди Галло графу Ф.В. Ростопчину, 10 июля 1799 г.

[821] «Судите сами о глупости этого человека, который думает, что он живет во времена царей и считает себя, вероятно, своего рода Адамом Олеариусом или Тавернье: он сопроводил свой мемуар плохой картой Италии, говоря, что он делает это из опасения, что у нас ее нет» (*Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 134–135). Можно точно утверждать, что это письмо было первым в цепочке дезавуирующих Галло документов: выписка из этого документа («Extrait de la lettre confidentielle du Comte Rastopsin du 10/21 Juillet 1799») находится в одном архивном деле с копией мемуара ди Галло от 6 июля, ответом Ф.В. Ростопчина от 8 июля и анонимным «письмом из Лондона» от 20 августа 1799 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 354. Л. 15).

чего, если это будет хорошо там принято, Австрия также сможет потребовать индемнизаций за счет Папы и сардинского короля»[822]).

Последствия этого письма заставили себя ждать до осени 1799 г. Пока же маркиз ди Галло оставался в Санкт-Петербурге, вместе с герцогом ди Серракаприола делая представления чинам КИД и участвуя в церемониальной жизни двора (в том числе присутствуя на богослужениях в честь побед союзников, после одного из которых (12 июля) неаполитанским дипломатам было возвращено знамя короля Обеих Сицилий, захваченное у французов в сражении под Треббией[823]). В переписке и беседах с вице-канцлером и первоприсутствующим в КИД маркиз ди Галло продолжал указывать на опасность со стороны Вены[824], подчеркивать целесообразность занятия Анконы русскими войсками для сохранения равновесия на Адриатике[825] и настаивать на необходимости прямой военной помощи (что стало еще более актуальным после решения о переназначении корпуса Ребиндера в Швейцарию), а в какой-то момент он даже на полном серьезе обсуждал с Ф.В. Ростопчиным проект династического брака неаполитанского принца с одной из дочерей Павла I (по его собственным словам – для того, чтобы «подогреть» интерес российского монарха к королю Обеих Сицилий)[826]. Просьбы Галло о военной помощи с самого начала вызвали у

---

[822] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 354. Л. 6–6об.

[823] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 21.

[824] Например, сообщив чинам КИД копию статьи из газеты «Лондонский курьер» (№ 52, 28.06.1799 г.), содержавшей информацию о предполагаемом содержании переговоров Л. Кобенцеля в Зельце («торговля» территориями в Германии и Италии) (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 7–8об.)

[825] Этому была посвящена вербальная нота маркиза ди Галло, которую он передал вице-канцлеру 11 августа 1799 г. (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 25; текст вербальной ноты: *Di Somma C.* Op. cit. P. 328–330). О том же маркиз ди Галло написал в записке Ф.В. Ростопчину от 2 сентября 1799 г., обосновывая необходимость занятия Анконы или русским, или русско-неаполитанским гарнизоном (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 47–48).

[826] *Di Somma C.* Op. cit. P. 129–130.

руководства КИД скептическую реакцию. Уже на первой конференции с маркизом ди Галло 14 июня вице-канцлер В.П. Кочубей, неверно поняв смысл просьбы дипломата, заявил о нецелесообразности отправки новых русских войск из России в Италию («не предвидится в том и надобности»)[827], а 27 августа, не скрывая раздражения, написал графу С.Р. Воронцову: «Неаполитанцы очень хотят, чтобы его [корпус Ребиндера] направили в земли короля Обеих Сицилий, Галло и герцог не преминули мне этим докучать (n'ont cessé pas de me bombarder)… Я спрашиваю Вас, не будет ли по меньшей мере бесполезно держать 10 тысяч человек хороших войск в стране, где нечего делать, в то время как они могут принести большую пользу в другом месте»[828]. При этом важно отметить: хотя многие представления членам КИД маркиз ди Галло и герцог ди Серракаприола делали вместе, между двумя дипломатами вполне могла существовать скрытая антипатия. Об этом свидетельствовал в своей записке Ф.Г. де Брэ, член делегации баварского приорства Мальтийского ордена, прибывший в Санкт-Петербург осенью 1799 г.: «Тому, что маркиз де Галло... лишился монаршей милости…, отчасти содействовал и герцог Серра Каприола, ибо он ревновал к присутствию другого министра своего двора»[829].

Реакцией императора Павла I на представления маркиза ди Галло, стало, с одной стороны, обсуждение проблемы индемнизаций для итальянских государств с британским министром Ч. Уитвортом[830], с другой стороны, – идея созыва в Санкт-Петербурге конгресса для решения спорных вопросов. Что важно, именно проблемы Апеннинского полуострова должны были обсуждаться на нем в первую очередь (12 июля маркиз ди Галло написал Ф.В. Ростопчину: «Г-н вице-канцлер сегодня после полудня оказал мне честь, сообщив мне намерение и предложение

---

[827] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 908. Л. 40–45.

[828] Архив князя Воронцова. Т. XVIII. М., 1880. С. 220–221.

[829] *Bray F.G.* Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen Francois Gabriel de Bray (1765–1832). Leipzig, 1901. S. 105.

[830] *Saul N.E.* Op. cit. P. 37–38.

Его Императорского Величества созвать у себя Конгресс и организовать конференции заинтересованных держав для того, чтобы определить основания реорганизации Италии и ее политического равновесия, а также для того, чтобы облегчить достижение мира»[831]). Наряду с маркизом ди Галло об этой идее были проинформированы герцог ди Серракаприола, граф Л. Кобенцль и Ч. Уитворт, а еще спустя три дня (15 июля) император Павел I подписал именной рескрипт российскому полномочному министру при дворе короля Обеих Сицилий В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу, также посвященный инициативе созыва в Санкт-Петербурге конгресса (дипломат должен был сообщить об этом палермскому двору, прося его наделить полномочиями персон, выбранных для участия в конгрессе). В рескрипте содержались следующие строки: «Успехи соединенного оружия с одной стороны и возобновление с другой несогласий между разными частями правления французского, так и неудовольствие, народом к оному показываемое, подавая более, нежели когда-либо упование, что дела приведены быть могут скоро к благоприятной развязке, Мы, сделав и делая столь знатные для сего пожертвования, находим, что полезно было бы, как для окончания неукоснительно войны с столь знатными издержками людей и денег сопряженной, так и для желаемого прочного успокоения Европы, чтоб Державы, наисущественнее в войне интересованные заранее и теперь же сообщили о подлинных видах их в продолжении оной; какие могут быть мысли их в рассуждении общего примирения; какие выгоды или требования могут они предполагать себе при мире [sic!]»[832].

Очевидно, со стороны российского монарха это была попытка в том числе примирить взаимные претензии неаполитанских Бурбонов и австрийских Габсбургов, выступив в качестве посредника между ними. Одновременно в Санкт-Петербурге предполагали усилить малые итальянские государства, чтобы противопоставить их влияние австрийскому (особенно отчетливо эта идея была высказана в записке В.П. Кочубея «О способах для общего примирения и

[831] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 21.

[832] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 271. Л. 2.

сохранения равновесия в Европе» (7 августа 1799 г.[833]): «…На виды властвования Венского двора подаваться не должно,… желательно было бы, чтоб при примирении своем сохранил он разве только Миланское герцогство с Мантуею… Нужно усилить королей Обеих Сицилий и Сардинского, к чему представляются средствами области Папские…»[834]) В конечном счете идея конгресса не имела никакого успеха и была отвергнута самим же венским двором, что стало очевидно уже к осени 1799 г. (между тем еще в июле из донесений Разумовского стало известно, что австрийский министр иностранных дел Тугут настаивал не только на отстранении Неаполитанского королевства от участия в обсуждении территориальных споров на Апеннинском полуострове, но и на неотъемлемом праве венского двора на территориальные компенсации в Италии во исполнение секретной статьи договора 1795 года о разделе Польши[835]).

Осенью 1799 г. миссия маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге подошла к концу. В конце октября, замыкая цепочку, начатую письмом Ф.В. Ростопчина С.Р. Воронцову, до Санкт-Петербурга дошло собственноручное письмо короля Фердинанда IV Павлу I от 24 сентября 1799 г., дезавуировавшее М. Мастрилли в глазах российского монарха[836] (характерно, что оно было получено одновременно с

---

[833] Буквально на следующий день после составления этой записки (8 августа 1799 г.) В.П. Кочубей был отправлен в отставку, а 25 сентября сдал все дела новому вице-президенту КИД графу Н.П. Панину (*Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 103–104).

[834] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 595. Л. 503об.–504.

[835] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. СПб., 1852. Т. III. С. 240–241.

[836] Еще в одном из сентябрьских писем лорду Спенсеру (15 (26) сентября 1799 г.) адмирал Г. Нельсон свидетельствовал о недовольстве палермского двора действиями Галло (очевидно, речь шла о поднятой маркизом теме индемнизаций): «Наша дорогая королева [Мария Каролина] чрезвычайно разгневана из-за глупости (folly), совершенной Галло в Петербурге» (The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson / ed. by sir N.H. Nicolas. V. IV. London, 1845, P. 29).

депешей Дж. Актона, свидетельствовавшей об одобрении действий маркиза ди Галло палермским двором и его назначении неаполитанским представителем на Санкт-Петербургском конгрессе [837]). Король Фердинанд IV в своем письме, напротив, предлагал для участия в конгрессе кандидатуру герцога ди Серракаприола, а маркиза ди Галло подверг критике и обвинил в том, что, подняв в своем мемуаре вопрос об индемнизациях, дипломат вступил в прямое противоречие со взглядами своего короля, считающего необходимым восстановление европейских государств в границах 1792 или 1795 гг. («Я был поражен упоминанием индемнизаций... Никакие приобретения, никакие индемнизации, никакой частный интерес (vue d'interest [sic!]) не определяли моих решений, никогда идеи и проекты такого рода не поднимались на моих советах»)[838].

17 ноября 1799 г. маркиз ди Галло, не скрывая своей горечи, написал Актону: «Действие короля зажгло настоящий пожар, в результате я чуть не был с позором изгнан из этой столицы»[839]. Эффект от этого письма был значительно смягчен новым вице-президентом КИД графом Н.П. Паниным, относившимся к ди Галло с симпатией. Об этом свидетельствуют и его письма графу С.Р. Воронцову[840], и записки маркиза ди Галло за начало ноября 1799 г. Тщетно попытавшись доказать свою невиновность перед Ф.В. Ростопчиным («Будучи невиновным, я не премину убедить в этом Ваше Превосходительство с помощью бумаг, не вызывающих сомнений (par des titres irrecupables)»[841]), он обратился к вице-канцлеру, прося заступления перед Павлом I и передав ему бумаги, которые должны были подтвердить, что он действовал в соответствии с инструкциями палермского двора («После работы, продолжавшейся весь вечер и всю ночь, выписки и переводы

---

[837] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 136.

[838] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 68. Л. 12об.–13об.

[839] *Di Somma C.* Op. cit. P. 145.

[840] *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 136–137.

[841] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 353. Л. 58–58об. Записка маркиза ди Галло графу Ф.В. Ростопчину, полученная 3 ноября 1799 г.

закончены к настоящему моменту. Я прошу Ваше Превосходительство вверить их на рассмотрение и правосудие Его Императорского Величества» [842]). Уже на следующий день неаполитанский дипломат получил «любезное письмо» от графа Н.П. Панина, написанное для того, чтобы «успокоить его душу (pour tranquilliser mon esprit)»[843]. В конечном счете никаких резких шагов со стороны Павла I не последовало, и уже в скором времени маркиз ди Галло сообщил Дж. Актону о восстановлении между ними доверия, которое, однако, не могло быть полным из-за дезавуирующего письма Фердинанда IV («Царь, вернувшись к своему первому впечатлению, отдал полную справедливость моему поведению и усердию, однако он был вынужден заявить мне, что после письма Его Величества он не может больше смотреть на меня как на человека, пользующегося доверием короля»[844]). О том, что в Санкт-Петербурге не испытывали никакого недовольства поведением маркиза ди Гало (а, напротив, пытались смягчить оценку его действий в Палермо) свидетельствует и частное письмо вице-канцлера Н.П. Панина, написанное статскому советнику А.Я. Италинскому (7 ноября 1799 г.): «Г-н маркиз де Галло в последнее время пребывания своего здесь навлек на себя негодование короля Неаполитанского, который по дошедшим к нему сведениям воображает себе, будто государь император недоволен был содержащимся в мемориях сего министра требованием об удовлетворении убытков, в нынешней войне понесенных. Но как Его Импер. Вел. всегда отдавал полную справедливость правилам его и одобрял поступки и поведение сего министра, то я нужным почитаю Вам, государь мой, о том указать… Государь Император при всем том после формального непризнания Королем Сицилийским всего учиненного статским его министром повелеть мне соизволил внушить сему последнему, что миссия его почитается конченною, что он

[842] Там же. Л. 60–60об. Записка маркиза ди Галло графу Н.П. Панину, 3 ноября 1799 г.

[843] Там же. Л. 61.

[844] *Di Somma C.* Op. cit. P. 146.

может возвратиться в свое отечество. Сие сделано однако ж единственно из уважения к королю, а отнюдь не из неудовольствия к маркизу…»[845]

К тому времени в Санкт-Петербурге уже было известно и о неудаче в Голландии, и о событиях в Швейцарии. Стремительно ухудшались отношения между Санкт-Петербургом и Веной, и неаполитанский посланник герцог ди Серракаприола, сообщая об этом в письмах датскому дипломату Н. Розенкранцу, по-прежнему видел в Павле I «спасителя Европы» и человека, который может положить предел «завоевательным видам» австрийцев, несмотря на фактический выход Российской империи из состава антифранцузской коалиции: «Ваши страхи относительно амбициозных видов австрийских министров в отношении народов Италии основаны на истине, однако рука спасителя Европы [Павла I] должна успокоить всякого и заставить трепетать злонамеренных министров»[846] (17 (28) октября 1799 г.); «Решение Его Императорского Величества наиболее справедливо, поскольку, желая сосредоточиться на собственных силах (se concentrer en soi-même), он оставляет и покидает тех, кто показали себя недостойными его искренности (bonne foi). Поддерживая свои обширные государства, император всегда будет достаточно силен для того, чтобы обеспечить спасение и безопасность государствам, хорошо показавшим себя в борьбе с общими для всех несчастьями»[847] (4 (15) ноября 1799 г.)

Параллельный обзор событий, происходивших в 1799 г. в Южной Италии, Вене и Санкт-Петербурге показывает, что стремление опереться на поддержку со стороны России для противодействия росту австрийского влияния на Апеннинском полуострове уже с лета 1799 г. стало целенаправленной политикой палермского двора, причем разделяли ее и герцог ди Серракаприола, и маркиз ди Галло, и Дж. Актон, и даже неаполитанская королева Мария Каролина (вопреки

[845] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 281. Л. 5–5об.

[846] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199. Л. 565–565об.

[847] Там же. Л. 27–27об.

утверждениям историка Дж. Берти[848]). В то время как маркиз ди Галло развернул активную деятельность в Вене и Санкт-Петербурге, в Палермо необходимость противостоять австрийской угрозе стала одной из главных тем для обсуждения с советником российского посольства А.Я. Италинским (при этом сицилийское руководство преследовало цель по созданию защитного барьера в Центральной Италии, в том числе за счет папских владений).

Главным средством для противодействия австрийцам должны были стать русские войска, отправленные в распоряжение неаполитанского короля (в соответствии с российско-неаполитанским союзным договором, выполнение которого было де-факто заблокировано австрийским двором, что во многом стало возможным благодаря роли Вены как изначального центра военного планирования). В условиях отсутствия в Южной Италии русских сухопутных войск сходную роль, по мысли сицилийского двора, должен был сыграть адмирал Ф.Ф. Ушаков, отправивший часть своей эскадры для блокирования Анконы, а сам по просьбе короля Фердинанда IV направившийся с основными силами в Неаполь и организовавший оттуда поход отряда русских моряков на Рим (при этом первые лица королевства в беседах с Италинским не скрывали своего желания упредить австрийцев и обеспечить более выгодную позицию для последующих переговоров с Веной о взаимных территориальных приобретениях).

Между тем в Санкт-Петербурге на предложения, сделанные маркизом ди Галло (и также касавшиеся необходимости приобретения Анконы) отреагировали благожелательно, но сдержанно. Ответом императора Павла I, в тот момент убежденного в необходимости «договариваться с Веной», стала идея Санкт-Петербургского конгресса, на котором должны были быть урегулированы все территориальные споры на Апеннинском полуострове (при этом российское руководство не исключало возможности наделения малых итальянских государей дополнительными территориями для того, чтобы противопоставить их влияние

[848] *Берти Дж.* Указ. соч. С. 178.

австрийскому). В итоге конгресс так и не состоялся, во многом из-за расположений тех же австрийцев, а события в Анконе (ноябрь 1799 г.), ставшие закономерным продолжением конфликта интересов между Австрийской монархией и Королевством Обеих Сицилий, в который напрямую оказались вовлечены русские морские офицеры, вызвали окончательный разрыв союзных отношений между Санкт-Петербургом и Веной (кажется, что удаление из российской столицы маркиза ди Галло, воспоследовавшее в начале ноября 1799 г., хотя и было вызвано дезавуирующим письмом из Лондона, в основе своей также вписывалось в логику противодействия австрийскому влиянию – то, к чему стремились и в Палермо, и в Санкт-Петербурге).

Между тем, нельзя не отметить, что после отзыва из Италии русских войск (а из Центрального Средиземноморья русского флота) были обречены на крах как планы неаполитанских Бурбонов по приобретению «укрепленной границы» и противодействию австрийскому влиянию с опорой на Россию, так и «мальтийский проект» императора Павла I, выполнение которого в конце лета 1799 г. также было возложено на А.Я. Италинского (возможно, не является случайностью тот факт, что первый рескрипт Ф.Ф. Ушакову об уходе в черноморские порты вместе с отрядами Д.М. Волконского был подписан 8 октября 1799 г., т.е. через два дня после получения августовских реляций А.Я. Италинского, со всей откровенностью свидетельствовавших о стремлении неаполитанских Бурбонов воспользоваться российской военной помощью для того, чтобы от своего имени занять обширные территории Папского государства, воспрепятствовав дальнейшему продвижению австрийской армии).

3.3. Российско-неаполитанские дипломатические связи в условиях выхода Российской империи из Второй антифранцузской коалиции и сближения с Францией (1800–1801 гг.)

В начале 1800 г. произошел окончательный разрыв Павла I с Австрийской монархией, наметилось охлаждение отношений с Великобританией (на фоне

сближения Санкт-Петербурга с «северными дворами» и готовности Лондона пойти навстречу австрийским притязаниям в Италии, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира между Веной и Парижем), вылившееся в разрыв к концу года (чему немало способствовал захват британцами Мальты). Параллельно с августа 1800 г. происходило сближение Российской империи с Французской республикой: в ответ на предложение Наполеона Бонапарта об освобождении русских военнопленных в Берлине открылись переговоры между французским и русским дипломатическими представителями, в декабре 1800 г. – январе 1801 г. состоялся обмен личными письмами между первым консулом и российским императором, а уже с марта 1801 г. в Париже начались переговоры между французским министром иностранных дел Ш.М. Талейраном и вице-канцлером С.А. Колычевым.

Как в условиях таких кардинальных внешнеполитических перемен развивались отношения между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий? Г.А. Сибирева, описывая события 1800–1801 гг., ограничилась лаконичной фразой: «Заверения Павла I о готовности и впредь вести борьбу за восстановление итальянских государств были в этих условиях [после выхода России из коалиции] лишь пустой фразой. Угроза австрийского господства становилась все более реальной. Однако претензии Австрии, планы Неаполя и Пьемонта, расчеты Англии и России – все было сметено новым наступлением французской армии»[849]. Эта характеристика в целом является верной, если говорить о реальных итогах российско-неаполитанских отношений к началу 1801 г., однако в ней не содержится никакой информации ни о внутренней логике внешней политики Российской империи в последний период правления императора Павла I, ни о роли в ее эволюции неаполитанского фактора.

В данном параграфе будут кратко рассмотрены события, происходившие в 1800–1801 гг. как в Санкт-Петербурге (деятельность герцога ди Серракаприола и князя Бельмонте, пребывавшего в российской столице с почетной миссией

---

[849] *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 138.

(доставление императору королевских орденов) с сентября 1800 г. по январь 1801 г.), так и в Палермо / Неаполе (деятельность А.Я. Италинского, с марта 1800 г. являвшегося российским посланником при сицилийском дворе, и генерала В.И. Левашова, посетившего сицилийскую столицу с ответной почетной миссией в феврале – апреле 1801 г.) Основной акцент будет сделан на трех сюжетах, являющихся центральными для понимания логики развития отношений Российской империи с Сицилийской монархией в последний период правления императора Павла I: перемены в политическом курсе неаполитанских Бурбонов после выхода России из коалиции (попытка лавирования между Санкт-Петербургом, Веной и Лондоном); взаимодействие А.Я. Италинского с командующими русских военных отрядов на территории Неаполитанского королевства (М.М. Бороздиным и А.А. Сорокиным); роль неаполитанского вопроса в росийско-французских переговорах начала 1801 г.

Разрыв Российской империи с монархией Габсбургов не оказал никакого негативного влияния на внешний характер российско-неаполитанских связей. Более того, положение неаполитанского посланника при санкт-петербургском дворе герцога ди Серракаприола в начале 1800 года как будто бы даже упрочилось (так, в январе 1800 г., тогда же, когда австрийскому послу графу Л. Кобенцелю было запрещено являться ко двору из-за Анконского дела, неаполитанский дипломат получил от императора андреевскую ленту, а его сын Никола Мареска был награжден крестом ордена Св. Иоанна Иерусалимского[850]). Как свидетельствовали современники, в этот период неаполитанский посланник продолжал пользоваться доверием санкт-петербургского двора (в первую очередь благодаря своей антиавстрийской и антибританской риторике), а его посольский дом оставался едва

[850] Дневник словесных повелений императора Павла графу Ф.В. Ростопчину // Русская старина, 1912, выпуск 10, С. 267.

ли не единственным популярным местом для ежедневных встреч членов дипломатического корпуса и находившихся в Санкт-Петербурге иностранцев[851].

В начале 1800 г. герцог ди Серракаприола особенно критично воспринял решение об отзыве армии А.В. Суворова из Центральной Европы (12 января 1800 г. баварский дипломат Ф.Г. де Брэ писал в черновике депеши курфюрсту, что среди всех иностранных дипломатов, обеспокоенных отзывом русских войск, герцог ди Серракаприола отличался особенным «жаром (chaleur)» своих демаршей, адресованных КИД[852]). Тем не менее, неаполитанский посланник не изменил своей первоначальной оценки политики Павла I, возлагая вину за распад Второй коалиции исключительно на Вену и Лондон. В переписке с Н. Розенкранцем (начало 1800 г.) он жестоко критиковал австрийскую политику, обвиняя представителей Вены в «малодушии», «лживости», идее «завоевания всего мира»[853] и видя единственный выход из кризиса в отставке барона Тугута[854], а в одном из писем неаполитанскому дипломату в Лондоне маркизу Чирчелло (27 марта (8 апреля) 1800 г.) позволил себе достаточно жесткую критику в адрес Уайтхолла и его дипломатических представителей: «Вы доставили мне большое удовольствие, сообщив, что английское правительство, продолжая войну против французской революции, не имеет никаких завоевательных видов (vuë d'aggrandissement), а также не поддерживает претензии на возмещение убытков

---

[851] *Bray F.G.* Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen Francois Gabriel de Bray (1765–1832). Leipzig, 1901. S. 110–111, 133; Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла Первого // Рыцарь трона / сост. и ред. А.В. Скоробогатов. М., 2012. С. 66.

[852] Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Gesandtschaft St. Petersburg 28. Politische Korrespondenz (aus dem Archiv Bray-Irlb), 1800 [Электронный ресурс]. – URL: https://dfg–viewer.de/show?tx_dlf[double]=0&tx_dlf[id]=https://www.gda.bayern.de/gvl/mets?exportId=3b4edea5–3d61–4842–a1cd–79eb01b16a60&tx_dlf[page]=39&cHash=1d1d5e78073ef34e169b9c5a91e55f3b (дата обращения: 20.05.2026).

[853] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 200. Л. 8.

[854] Там же. Л. 17.

(pour les dédommager), которые были предъявлены другими; повторяю Вам, что мне это доставило огромное удовольствие, однако судя по речам, которые держит здесь английский министр, об этом приходится рассуждать совершенно иначе… Однажды он даже сказал, что было бы лучше уступить ему [венскому двору] все для того, чтобы он продолжал войну… Позвольте мне сообщить Вам, что речи, которые держали у нас (la langage, qu'on a tenu ici), очень сильно отличаются от того, о чем говорили у вас (celui dont on s'est usé envers vous)»[855]. В Лондоне в то время были согласны на передачу Пьемонта под власть австрийских Габсбургов, о чем британский посланник в Санкт-Петербурге Ч. Уитворт по указанию своего правительства совершенно откровенно сообщил неаполитанскому дипломату уже в конце 1799 г., после чего неоднократно беседовал с ним о том, что установление «баланса сил» на Апеннинском полуострове невозможно, и что было бы лучше уступить итальянские территории венскому двору, чем увидеть их в руках французов («era meglio che la Corte di Vienna prendesse e godesse le sue conquiste, che vederle nelle mani dei Francesi»)[856]. Кажется, что готовность британцев поддержать «завоевательные виды» венского двора (для того, чтобы он продолжал войну с Францией) и переговоры, тогда же ведущиеся в австрийской столице между лордом Минто и бароном Тугутом[857] (без всякого участия российской стороны) очень сильно способствовали как удалению из Санкт-Петербурга сэра Ч. Уитворта, так и, в конечном счете, разрыву между Лондоном и Санкт-Петербургом.

Особенностью взаимодействия герцога ди Серракаприола с КИД в 1800 г. стало то, что отныне он выступал не только в качестве полномочного министра неаполитанских Бурбонов, но и в роли временного посредника между санкт-

---

[855] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 200. Л. 349–350об.

[856] *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, С. 183–186; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 209.

[857] *Roider K.* Baron Thugut and Austria's response to the French Revolution. Princeton University Press, 1987, P. 330–331.

петербургским двором и Римской курией (на одной из конференций с неаполитанским дипломатом вице-канцлер Н.П. Панин даже подчеркивал, что А. Мареска является более предпочтительным «каналом связи» с Римом, чем неофициальный представитель Ватикана в Санкт-Петербурге аббат Бенвенути[858], хотя впоследствии переговоры с Римом в основном велись через последнего). Еще в конце 1799 г. через кардинала Ф. Руффо герцогу ди Серракаприола были переданы письма от кардинала Албани и других членов Коллегии кардиналов, адресованные российскому императору и содержавшие просьбу о помощи (речь шла в том числе об угрозе целостности папских владений со стороны австрийцев[859]). Весной 1800 г., сообщая кардиналам о желании императора Павла I принять при дворе уполномоченную особу от вновь избранного Папы Римского, А. Мареска со всей откровенностью рекомендовал иерархам Римско-Католической церкви признать российского монарха великим магистром ордена Св. Иоанна Иерусалимского[860]. Наконец, уже к концу года степень доверия между неаполитанским дипломатом и русским императором дошла до того, что в двух личных беседах Павел I сообщил герцогу ди Серракаприола свое мнение об идее объединения греческой и римской церквей (30 ноября 1800 г. дипломат писал королю: «Его Императорское Величество соизволил надолго задержать меня для того, чтобы сообщить о своем образе мыслей относительно великой цели встречи мнений двух Церквей (della riunione dell’opinioni delle due Chiese). Он сообщил мне об идее Петра Великого, желавшего объединить русскую греческую церковь с галликанской (desideró unire la Chiesa Greca Ruthena alla Gallicana), и я бы никогда не смог должным образом описать Вашему Величеству всю ту невероятную деликатность, с которой он глубоко изучил эти вопросы для того, чтобы увидеть в них истину и почувствовать

[858] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 356. Л. 10–10об.

[859] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 356. Л. 14.

[860] Там же. Л. 13.

благо от этого великого труда»[861]). В конечном счете переговоры Санкт-Петербурга с Ватиканом, в которых принимали участие и герцог ди Серракаприола, и неаполитанское правительство (чьи отношения с Ватиканом вскоре оказались в состоянии кризиса), и русские дипломаты в Италии (А.Г. Лизакевич и А.Я. Италинский), не имели никаких явных результатов, кроме признания существования на территории Российской империи Общества Иисуса (хотя важно отметить, что Папа Римский Пий VII однозначно выразил готовность признать российского монарха великим магистром Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, о чем А.Я. Италинский, получивший частную аудиенцию у римского понтифика в марте 1801 г., свидетельствовал в одной из своих депеш[862]).

В конце февраля 1800 г. первые известия о разрыве отношений между двумя имперскими дворами и выводе русских армий из Центральной Европы дошли до Палермо. 25 февраля 1800 г. Дж. Актон писал наместнику Неаполитанского королевства князю Кассаро: «Решение Павла I вывести свои войска из Германии и Италии в результате неприятия, возникшего между ним и Австрийским домом, в особенности из-за позорной капитуляции Анконы (specialmente per lo sconcio della Capitolazione di Ancona), оказалось абсолютной правдой»[863]. При этом характерно, что даже в условиях вывода из Италии и Швейцарии русских войск первый министр не терял надежды на будущее содействие со стороны Российской империи:

---

[861] *Филиппо М. ди.* К истории отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 15.

[862] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 37об. О переговорах с Ватиканом в 1799–1801 гг. см.: *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Ėtudes diplomatiques. T. V. Paris, 1912. P. 289–334; *Петрова М.А.* Иезуиты в церковной политике Павла I // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. М., 2006. С. 161–180; *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013. С. 268–284.

[863] Lettere di John Acton, Ferdinando di Borbone e Maria Carolina d'Asburgo-Lorena a Francesco Maria Statella (ottobre 1799 – giugnio 1800) / a cura di L. Alonzi. Rubbettino Editore, 2013. P. 171.

«Павел I уже решил не оставлять Италию, что в особенности касается нашего Господина Короля»[864].

Тем не менее, в действительности уход из Италии русских войск, а из Средиземного моря русского флота неминуемо должен был повлиять на внешнеполитический курс Королевства Обеих Сицилий. Прямая помощь со стороны Российской империи, ранее возможная только благодаря пребыванию в Центральном Средиземноморье русских военных сил, отныне становилась недоступной (хотя в Палермо поначалу еще надеялись на отправку в Южную Италию эскадры Ушакова или даже русских войск, участвовавших в Голландской экспедиции и проведших зиму 1799 / 1800 г. на Нормандских островах[865]). В условиях, когда единственным государством, продолжавшим войну с Францией на суше, оставалась Австрийская монархия, сицилийскому двору было необходимо вести переговоры с венским кабинетом, несмотря на все расхождения во взглядах и взаимные претензии (немаловажную роль играли и расположения британцев). При этом в Палермо стремились сблизиться с Веной, не идя ни на какие территориальные уступки, а также сохранить поддержку Лондона, одновременно не испортив отношений с санкт-петербургским двором.

Уже в апреле 1800 г. королева Мария Каролина приняла решение отправиться в австрийскую столицу. Меру эту А.Я. Италинский описывал как необходимую и в какой-то мере вынужденную («Между тем увеличивается надобность сделать сколько-нибудь благосклонным Двор Венский к здешнему»[866]). Накануне отъезда королева имела с российским посланником разговор, который, очевидно, должен был убедить санкт-петербургский двор в чистоте ее намерений, а одновременно – о все том же желании палермского двора, чтобы Российская империя вернулась к активному участию в войне с Францией («Весьма пространным разговором изволила она оказать мне сожаление свое о том, что Его Римское Императорское

---

[864] Ibid.

[865] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355. Л. 53.

[866] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 47об.–48.

Величество замыслами своего кабинета не позволяет Европе иметь щастие видеть с оружием Его соединено победоносное Вашего Императорского Величества оружие, что она в Вене употребит все зависящие от Ее средства в пользу такового соединения»[867]). Какими бы ни были реальные расположения Марии Каролины, период ее пребывания в Вене (куда она смогла отправиться только в июне 1800 г.) ознаменовался радикальными переменами, которые вполне могли нарушить внешнее согласие, существовавшее между Неаполитанским королевством и Российской империей.

В то же самое время, когда королева находилась на пути в австрийскую столицу, туда же из Палермо был отправлен с новой миссией М. Мастрилли маркиз ди Галло, недавно вернувшийся на Сицилию из Санкт-Петербурга (июль 1800 г.) В условиях радикально изменившейся ситуации на полуострове (после победы Н. Бонапарта при Маренго 14 июня 1800 г. и заключенного на следующий день перемирия между французами и австрийцами) дипломату было поручено добиться включения в перемирие Неаполитанского королевства на правах союзника Австрийской монархии и настоять на совместных с австрийцами мирных переговорах (согласно договору 1798 г.)[868] В конечном счете дипломат согласился на заключение с венским кабинетом пояснительной конвенции к договору 1798 г., предусматривавшей в том числе передачу под власть Австрийской монархии трех легаций, ранее принадлежавших Папе Римскому (декабрь 1800 г.) Пояснительная конвенция была подписана, после чего сицилийский двор, не торопясь с ратификацией документа, но формально не отказываясь от его соблюдения (чтобы не раздражать Вену[869]), сделал все возможное для того, чтобы вновь дезавуировать

---

[867] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 22.

[868] Там же. Л. 49об.

[869] А.Я. Италинский писал: «Намерен Его Величество подождать, покуда пройдет настоящее критическое время, которое по мнению его не может быть продолжительно; иначе Двор Венский во отмщение предаст Королевство Неапольское на жертву Франции» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8220. Л. 3).

маркиза ди Галло в глазах императора Павла I, объявив, что дипломат не имел соответствующих полномочий и действовал по собственной инициативе (даже помимо воли королевы). В реляции от 2 (14) января 1801 г. А.Я. Италинский передавал слова Дж. Актона: «Его Неапольское Величество, видя с глубоким прискорбием, что безумие или вероломство маркиза Галло поставляет его в совершенном противоречии с изъявляемою им усерднейшею привязанностью к Вашему Императорскому Величеству, предоставил себе самому оправдать себя пред Вашим Императорским Величеством» [870] . А.Я. Италинский, имевший возможность читать и инструкции маркиза ди Галло, и его дипломатическую переписку, следующим образом пересказывал аргументы неаполитанского дипломата (которые, надо признать, действительно не были лишены логики в условиях отсутствия на Апеннинском полуострове русских войск и преобладания французской армии в Северной Италии): «Он весьма длинною речью старается доказать, что соглашением на уступку легаций приобретает Его Неапольское Величество всегдашнюю дружбу не только Венского Двора, но и Двора Лондонского…, таким образом Его Величество спасает Корону свою, ибо сохранить оной иначе невозможно как с помощью Австрии и Англии, сих сильных держав. Твердый с ними союз есть один полезный; на сей союз должен Его Величество полагаться, **оставя северные свои связи и не мысля об них, яко противных всем правилам приличныя положению Его Неапольского Величества политики** [выделено мной – А.А.]»[871].

Каким бы ни был «план Галло» весной 1799 г., М. Мастрилли был в первую очередь искусным и ловким политиком, прекрасно чувствовавшим реальную ситуацию (и куда мягче относившимся к австрийской политике, чем тот же герцог ди Серракаприола). К концу 1800 г., когда перспектива помощи со стороны Российской империи была очень туманной, а Вена уже начала активные переговоры с Францией, глава неаполитанского дипломатического ведомства действительно

[870] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8220. Л. 2об.

[871] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 4об.

был готов переориентировать внешнеполитический курс королевства на сближение с Австрией для того, чтобы по крайней мере соучаствовать с венским двором в заключении мира. Эта попытка, однако, оказалась обречена на провал из-за враждебного отношения австрийцев к Неаполитанскому королевству (именно сицилийский двор и барон Тугут, и лорд Минто винили в разрыве между Россией и Австрией[872]), несогласованности их взаимодействия с Лондоном и твердой позиции французов. Характерно, что о потенциальном крахе попыток неаполитанских Бурбонов соучаствовать с венским двором в мирных переговорах (и – возможно – о передаче решения участи Южной Италии в руки британцев) в Палермо стало известно еще до подписания маркизом ди Галло пояснительной конвенции: в реляции от 2 (14) декабря 1800 г. А.Я. Италинский свидетельствовал: «Барон Тугут, ободрен оною [холодностью Великобритании по отношению к Королевству Обеих Сицилий из-за его предполагаемой роли в разрыве между Россией и Австрией – А.А.], решился не допустить, чтобы Его Неапольское Величество при заключении мира мог иметь собственного своего министра для дел, касающихся до участи Королевства Обеих Сицилий; содействием лорда Минто предприятие Тугутово не опровергнуто в Лондоне. Доказывают многие обстоятельства, что ежели бы воспоследовали было в Люневилле мирные негоцияции, Его Неапольское Величество увидел бы себя было принужденным поручить дела свои лорду Минто или другому какому аглинскому министру» [873] . Следующие строки реляции российского посланника еще более характерны: «Такие всеподданейше подносимые Вашему Императорскому Величеству рассуждения подают повод к заключению, что Его Неапольское Величество без особливого к нему благоволения Вашего Императорского Величества приведен со временем будет Венским Двором в зависимость, огорчительную Его Величеству королю и предосудительную общей пользе Европе»[874].

[872] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290. Л. 33об.

[873] Там же. Л. 39.

[874] Там же. Л. 39–39об.

В Санкт-Петербурге эта реляция была получена 7 февраля 1801 г. (по ст. ст.) К тому времени в российской столице уже было принято твердое решение выступить в качестве посредника между Неаполитанским королевством и Французской республикой, а вице-канцлер С.А. Колычев уже находился на пути в Париж.

Что касается «треугольника» Российская империя – Неаполитанское королевство – Великобритания, то здесь главную роль в 1800 г. продолжал играть Мальтийский вопрос. Представители трех государств продолжали более или менее конструктивно взаимодействовать по поводу мальтийских проблем (в частности, еще в конце 1799 г. было принято решение снять с неаполитанского монарха материальное бремя единоличного снабжения мальтийских повстанцев и разделить расходы между тремя государствами, подписавшими конвенцию 1798 г. – А.Я. Италинский сделал соответствующее представление в Санкт-Петербург, и оно было поддержано герцогом ди Серракаприола). Обращает на себя внимание тот факт, что до самой осени 1800 г. А.Я. Италинский, в целом, вполне позитивно отзывался о действиях британцев, а об А. Пэйджете, с весны 1800 г. сменившем У. Гамильтона в должности дипломатического представителя Великобритании при сицилийском дворе, писал особенно уважительно, подчеркивая (уже после занятия англичанами Мальты!), что британский дипломат в разных случаях оказывал ему «особую доверенность» [875] (опубликованная переписка А. Пэйджета позволяет предполагать, что вряд ли это было так, хотя нельзя не отметить, что единоличный захват англичанами Валетты стал для Пэйджета такой же неожиданностью, как и для Италинского – к началу осени на руках у британского дипломата были старые инструкции, предполагавшие занятие Мальты силами трех союзников и восстановление на острове власти ордена Св. Иоанна Иерусалимского[876]).

Мальта пала 25 августа (5 сентября) 1800 г. По повелению лорда Дандаса (британского государственного секретаря по военным делам) генералы Аберкромби

[875] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290. Л. 3.

[876] *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 266.

и Пигот приказали в единоличном порядке поднять над крепостями острова британские флаги. Важно особенно отметить, что британцами не был поднят не только флаг ордена Св. Иоанна Иерусалимского, но и флаг короля Обеих Сицилий, а находившийся на острове представитель Неаполитанского королевства был отстранен от участия в подписании капитуляции [877] (как свидетельствовал А.Я. Италинский, все эти обстоятельства «весьма оскорбили Его Величество», омрачив закономерную радость от удаления неприятеля с острова, откуда он мог угрожать Сицилии[878]). Прямыми следствиями произошедшего на Мальте стали «сильные» представления на конференциях Актона с Пэйджетом и протест сицилийского двора, адресованный лондонскому правительству («…дать знать Великобританскому министерству, сколь Его Неапольское Величество огорчен, что взятие Малты препровождено со стороны командующего аглинским войском генерала такими поступками, которые составляют нарушение прав Его Величества и противны Конвенции 1798 года…»[879]) Таким образом, формально король Обеих Сицилий выступил против нарушения британцами договоренностей между тремя государствами (точно также как и Павел I). Другое дело, что российское руководство было готово пойти на введение эмбарго, арест британских подданных и эскалацию конфликта с Великобританией (ноябрь 1800 г.) Руководство Сицилийского королевства, периферийного государства, напрямую зависевшего от британского флота (и – стоит добавить – от поддержки Великобритании в переговорах с австрийцами и французами) сделать этого, конечно, не могло, хотя поводы к недовольству британцами продолжали накапливаться и в последующие месяцы (в конце декабря 1800 г. в Палермо распространились слухи о свободном допуске на Мальту африканских корсаров[880], а также было получено известие об насильственном спуске британцами неаполитанского флага в крепости Читта

[877] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290. Л. 3об.

[878] Там же. Л. 3об.

[879] Там же. Л. 4.

[880] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290. Л. 48–48об.

Нобиле (Мальта Веккиа)[881] – ситуация, почти зеркально повторившая инциденты с австрийцами, неаполитанцами и русскими в Пьомбино и Анконе).

В начале 1801 г. А.Я. Италинский точно охарактеризовал сущность тогдашних британско-неаполитанских связей, написав в одной из депеш Ф.В. Ростопчину (11 (23) января 1801 г.): «Поступки Двора сего касательно до Англии изъявляют зависимость Его от морских Ее сил; но по сие время не подают никакого повода заключать, чтобы Его Неапольское Величество мог вступить с нею в какие-либо обязательства, несогласующие с истинным Его желанием и всегдашнем попечением не лишиться усердного дружелюбия Его Императорского Величества»[882]. Единственное, что мог сделать сицилийский двор в условиях начала военных действий между Россией и Великобританией (обстоятельство, которое не могло восприниматься в Палермо иначе как с сильной тревогой), – попытаться исходатайствовать в Лондоне свободный проход в Дарданеллы для все еще остававшихся на неаполитанском рейде русских фрегатов А.А. Сорокина и двух батальонов русских войск под командованием генерал-лейтенанта М.М. Бороздина, находившихся в Неаполе с весны 1800 г. («Его Неапольское Величество почитает оные фрегаты и войско заемом, которой обязан он возвратить в целости»[883]). Возникает закономерный вопрос: каким образом весной 1800 г., уже после возвращения русских армий и эскадр в российские пределы, в Южной Италии оказались два русских пехотных батальона, и почему к началу 1801 г., когда разрыв отношений между Россией и Англией был неминуем, ни фрегаты Сорокина, ни батальоны Бороздина так и не были выведены с территории Неаполитанского королевства?

Осуществление взаимодействия между сицилийским правительством и русскими военными отрядами в 1800–1801 гг. оставалось одной из главных задач российского посланника при сицилийском дворе А.Я. Италинского. В это время в

---

[881] Там же. Л. 48об.–49.

[882] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 5.

[883] Там же. Л. 15.

Неаполитанском заливе все еще оставались три фрегата капитана А.А. Сорокина из эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова, а в самом городе по-прежнему был расквартирован десантный отряд Г.Г. Белли. Помимо этого, в марте 1800 г. в Неаполь с Корфу прибыли два батальона русских войск под командованием генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина [884], изначально предназначенные для охраны короля Фердинанда IV (соответствующий рескрипт был подписан Павлом I еще в начале сентября 1799 г. [885], впоследствии это повеление было подтверждено императорским рескриптом от 25 декабря [886], несмотря на то, что эскадре Ф.Ф. Ушакова к тому времени уже было велено уйти в черноморские порты).

Спустя месяц после прибытия батальонов Бороздина, в начале апреля 1800 г. сицилийское правительство, как и в прошлом году, попыталось воспользоваться русской военной помощью для противодействия австрийским «видам»: как М.М. Бороздину, желавшему ехать в Палермо, но вынужденному помимо своей воли оставаться в Неаполе, так и капитану А.А. Сорокину, чьи фрегаты все еще находились на ремонте на неаполитанском рейде, была направлена просьба короля отправить в Рим 400–500 человек «для охраны нового понтифика»[887] (истинная цель отправки в Рим русских войск, как свидетельствуют депеши Дж. Актона герцогу ди Серракаприола, заключалась в том, чтобы убедить австрийцев в том, что «Вечный город» занят силами союзников, а не одной неаполитанской армией под командованием генерал-лейтенанта Д. Назелли, а также в том, что союз между Российской империей и Неаполитанским королевством сохраняет свое действие,

---

[884] *Поливанов М.Д.* М.М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг. СПб., 1912. С. 23–24.

[885] Там же. С. 12–13.

[886] Там же. С. 13.

[887] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286. Л. 37–37об. Копия письма короля генерал-лейтенанту М.М. Бороздину.

несмотря на выход Павла I из Второй коалиции[888]). Российский посланник при сицилийском дворе А.Я. Италинский вновь выступил в качестве посредника. Текст его письма Бороздину, как кажется, довольно хорошо передает взгляды самого дипломата на сущность российско-неаполитанских отношений: «Его Величество по многим причинам желает Вашего присутствия в этом городе [Неаполе]; прежде всего потому, что это обеспечит там общественное спокойствие, во-вторых потому, что Его Величество желал бы, чтобы Вы могли, как увидите это из Его письма, послать в Рим 400–500 человек, чтобы там содействовать Его намерениям. Хотя меня и убедили написать Вам по этому поводу, но официально я ничего не могу сказать Вашему Превосходительству, а по-моему, **мне кажется, что, сообразуясь с желаниями короля, Вы не можете не угодить Императору** [выделено мной – А.А.]»[889]. В ответ М.М. Бороздин отказался выполнить просьбу короля и отправить один из двух батальонов в Рим, сославшись на то, что не считает целесообразным и правильным разделять вверенные ему войска[890]. Кажется, что именно это обстоятельство стало началом острого конфликта русского генерал-лейтенанта с практически всеми окружавшими его особами, находившимися как на русской, так и на неаполитанской службе (обстоятельство, которое не помешало ему в течение своего двухлетнего пребывания в Неаполе с успехом охранять покой столицы королевства, параллельно занимаясь организацией отрядов неаполитанской стражи). На аудиенции, состоявшейся после прибытия М.М. Бороздина в Палермо (21 апреля (3 мая) 1800 г.) король Фердинанд IV принял его милостиво, хотя, как свидетельствовали современники, был не вполне им доволен (британский консул в Палермо Ч. Локк вообще утверждал, что главной причиной недовольства Фердинанда IV Бороздиным были «чрезвычайно большие бакенбарды» русского

[888] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355. Л. 53об., 57–57об.

[889] *Поливанов М.Д.* Указ. соч. С. 25–26 (автор неверно интерпретировал просьбу об отправлении русского отряда в Рим как следствие интриг «партии Актона», якобы стремившейся удалить М.М. Бороздина из Неаполя).

[890] *Поливанов М.Д.* Указ. соч. С. 27–29.

генерала, в которых неаполитанский монарх увидел проявление «якобинства»[891]). Впоследствии у М.М. Бороздина сложились довольно плохие отношения с капитаном А.А. Сорокиным: в ноябре 1800 г. между двумя командующими даже вспыхнул конфликт из-за вопроса о том, кому из них должен был подчиняться находившийся в Неаполе десантный отряд (с точки зрения Бороздина, высаженные в городе войска должны были подчиняться главному начальнику сухопутных сил в соответствии с морским уставом[892], – Сорокин, напротив, считал, что отряд Г.Г. Белли должен был оставаться под его командованием, ссылаясь при этом на приказы Ф.Ф. Ушакова[893]). И с первым министром Дж. Актоном, и с наследным принцем Франческо после их прибытия в столицу у Бороздина также сложились плохие отношения («Бороздин, который в Неаполе с войсками русскими, не очень поладил с Актоном. Следовательно, и царек [наследный принц] им недоволен»[894]). Наконец, с конца 1800 г. генерал-лейтенант находился в состоянии конфликта и с А.Я. Италинским, который, как свидетельствуют материалы личного архива дипломата, подозревал офицера в стремлении оказывать влияние на его «министериальное поведение» и по этой причине попытался максимально ограничить свое общение с ним: «Дабы не увидеть себя в неприятной необходимости сорится [sic!], принужден был прекратить свидания мои с ним»[895]. Более того, в депешах первоприсутствующему в КИД графу Ф.В. Ростопчину российский посланник едва ли не просил о скорейшем удалении генерал-лейтенанта из Южной Италии, противопоставляя его капитану А.А. Сорокину:

---

[891] *Acton H.* The Bourbons of Naples. London, 1998. P. 437.

[892] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 291. Л. 23–24. Депеша А.Я. Италинского графу Ф.В. Ростопчину, 11 (23) декабря 1800 г.

[893] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 35–41.

[894] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 5об. Депеша В.И. Левашова графу Ф.В. Ростопчину, 11 (23) февраля 1801 г.

[895] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 133, 134–134об. Черновик письма А.Я. Италинского «Сиятельнейшему Графу», 25 октября (6 ноября) 1800 г.

«Поведение [Бороздина]… такое, что я по долгу совести и звания моего не могу не желать отзыва ему; оный, смею донести Вашему Сиятельству, послужит ко удовольствию Двора сего и к спокойствию всех подданных Его Императорского Величества, коим вверено здесь исправление дел Императорской его службы»[896]. Генерал В.И. Левашов, находившийся в Неаполе в марте – апреле 1801 г., хотя и ходатайствовал за М.М. Бороздина перед Ростопчиным, однако был, кажется, настроен к нему не менее критично, чем Италинский – к полученному им письму Бороздина от 4 (16) апреля 1801 г. он приложил очень красноречивую собственноручную записку, состоявшую из одной фразы: «В большом письме большой вздор и большое самолюбие, а толку мало»[897] (при этом характерно, что весной 1801 г. именно Левашова М.М. Бороздин просил помирить его с Италинским, очевидно, не понимая причины антипатии к нему российского посланника: «Сделайте милость, помирите меня с Италинским, все мои с ним обстоятельства Вам известны; я истинно не знаю никакой причины, которая бы заставила его мне недоброжелательствовать»[898]).

Конфликт между А.Я. Италинским, А.А. Сорокиным и М.М. Бороздиным был связан не только с личными качествами генерала и его нежеланием выполнить просьбу короля об отправлении военного отряда в Рим. Ситуация была гораздо более сложной и находилась в тесной связи как с противоречивыми приказами, приходившими из Санкт-Петербурга, так и расположениями адмирала Ф.Ф. Ушакова, в первой половине 1800 г. все еще находившегося на Корфу. Несмотря на то, что в январе 1800 г. Ушаков покинул Мессину, переменил курс и ушел на Корфу, готовясь к возвращению в черноморские порты (во исполнение октябрьских императорских рескриптов), в Южной Италии не теряли надежды на его возвращение, и сам адмирал как будто бы подогревал эту надежду в переписке

---

[896] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 291. Л. 23об.–24.

[897] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 17.

[898] *Поливанов М.Д.* Указ. соч. С. 39–40 (автор ошибочно утверждает, что это письмо было адресовано С.А. Колычеву).

с А.Я. Италинским. В феврале 1800 г. он согласился отправить русские эскадры Карцева и Пустошкина для крейсирования у берегов Италии с целью перехвата возвращающихся из Египта французских судов (такое решение было следствием переписки Ушакова с британским военно-морским командованием (в том числе через Италинского) после того как в Египте по наущению генерала С. Смита была подписана почетная капитуляция между великим визирем и генералом Клебером, поначалу не получившая одобрения со стороны британского руководства). В то же самое время (середина февраля 1800 г.) Ф.Ф. Ушаков получил новый приказ из Санкт-Петербурга, существенно отличавшийся от предыдущих: императорским рескриптом от 4 января 1800 г. ему предписывалось идти на Мальту и высадить на острове три батальона под командованием Д.М. Волконского[899], через несколько месяцев адмирал получил еще один рескрипт схожего содержания от 10 апреля 1800 г.[900] (решение все-таки отправить на Мальту войска было принято, когда до Санкт-Петербурга дошли сомнительные слухи о том, что французский гарнизон в Валетте уже сдался на капитуляцию – очевидно, император Павел I, стремясь отправить на Мальту русский гарнизон, одновременно хотел избежать взаимодействия с британскими войсками – именно этим можно объяснить его следующий рескрипт Ушакову (22 мая 1800 г.), предписывавший адмиралу вернуться в черноморские порты в силу того, что слухи о взятии Валетты не подтвердились).

Как бы то ни было, с февраля по июль 1800 г. Ф.Ф. Ушаков всерьез рассчитывал вернуться с эскадрой к берегам Сицилии для того, чтобы идти на Мальту, и вел активную переписку с А.Я. Италинским, спрашивая у него, какова ситуация на Мальте и скоро ли сдастся Валетта[901] (по мнению Италинского батальоны Волконского должны были быть переправлены на остров кораблями

---

[899] *Овчинников В.Д.* Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль, 2016. С. 510.

[900] *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013. С. 263.

[901] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 1–2об.

эскадр Карцева и Пустошкина, которые еще в течение нескольких месяцев продолжали крейсировать в Средиземном море, однако после возобновления в Египте военных действий ушли на Корфу – российский посланник выражал надежду, что они вскоре вернутся в Южную Италию с солдатами Волконского на борту[902]). В конце июня в Южной Италии стало известно о разгроме австрийских войск в битве при Маренго (14 июня 1800 г.) Ситуация становилась угрожающей, и Ф.М. Стателла, князь Кассаро, наместник Неаполитанского королевства написал Ф.Ф. Ушакову письмо с просьбой о скорейшем прибытии русской эскадры к берегам Южной Италии [903] . Ф.Ф. Ушаков ответил на просьбу наместника положительно (ответ адмирала был получен в Неаполе 5 (17) июля), после чего написал все еще находившемуся на неаполитанском рейде капитану А.А. Сорокину, требуя, чтобы он вернулся на Корфу для посадки на суда батальонов Волконского, а также поручил А.Я. Италинскому подготовить провиант для русской эскадры[904].

Именно таков был контекст – уверенность в скором прибытии Ф.Ф. Ушакова. К тому времени А.Я. Италинский уже в течение двух месяцев вел с Дж. Актоном переговоры о возможности оставления трех фрегатов капитана А.А. Сорокина в Неаполе для охраны порядка в столице[905] (изначально планировалось, что после починки русские фрегаты уйдут на Корфу, и в городе останутся только два батальона М.М. Бороздина – именно таковы были первоначальные приказы Ф.Ф. Ушакова). В конце июня 1800 г. А.А. Сорокин был уже готов отправиться в путь, однако именно в это время пришли известия о сражении при Маренго. Обеспокоенный князь Кассаро написал не только Ушакову, но и Сорокину, прося

---

[902] Там же. Л. 37–37об.

[903] *Овчинников В.Д.* Указ. соч. С. 512.

[904] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 53об. –54об.

[905] Впервые о своей беседе с Актоном на эту тему Италинский сообщил в реляции императору от 28 апреля (10 мая) 1800 г. После разговора с первым министром российский посланник решил писать Ушакову и просить его о том, чтобы вместо фрегатов А.А. Сорокина в город пришел один из линейных кораблей эскадры Карцева (АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288, Л. 63об. –64об.).

его остаться с фрегатами в Неаполитанском заливе. Капитан согласился («Такое представление г-н Сорокин принужден был принять во уважение, свидетелем будучи огорчения, в котором находился город и примечая в нем наклонность к поступкам, важное волнование произвести могущим» [906]). Спустя месяц А.А. Сорокин вторично решил оставить Неаполь после того, как получил от Ушакова недвусмысленные приказы об отправлении на Корфу (вместе с ответом адмирала на письмо князя Кассаро). Однако неаполитанский наместник вновь просил капитана не покидать залив, и тот вновь решил подчиниться просьбе представителя неаполитанских Бурбонов, хоть она и шла вразрез с повелением адмирала («Едва уведомлен был принц Кассаро, и город узнал, что ескадра готовится в поход, все почли удаление оной неблагополучнейшим приключением; общее беспокойствие и робость до такой степени возросли, что принц Кассаро писал к г-ну капитану Сорокину письмо… и заставил его оным сделать военный совет и потом остаться при Неаполе» [907]). Уже через несколько дней ситуация изменилась кардинальным образом: 17 (29) июля 1800 г. в Палермо прибыл курьер от Ф.Ф. Ушакова с сообщением о том, что русская эскадра уходит в черноморские порты вместе с тремя батальонами Волконского, при этом адмирал согласился оставить в Неаполе фрегаты А.А. Сорокина и отряд М.М. Бороздина вплоть до получения высочайших повелений[908]. Бумаги Ушакова, адресованные Сорокину и Бороздину, дошли до Неаполя спустя несколько дней (1 августа) – что характерно, среди них находился Высочайший рескрипт на имя М.М. Бороздина от 11 марта 1800 г., содержавший приказ императора о назначении генерал-лейтенанта «шефом в бывший мушкетерского Фомина полк» и его немедленном возвращении в Санкт-Петербург[909] (по всей видимости, об этом приказе не знали ни Ф.Ф. Ушаков, ни

---

[906] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 43. Реляция А.Я. Италинского, 26 июня (8 июля) 1800 г.

[907] Там же. Л. 53об. –54. Реляция А.Я. Италинского, 11 (23) июля 1800 г.

[908] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 60.

[909] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 18. Письмо М.М. Бороздина В.И. Левашову, 4 (16) апреля 1801 г.

А.Я. Италинский – последний уже 28 августа писал М.М. Бороздину: «Мне кажется, что Ваше Превосходительство могли бы уведомить Двор о данном Вам приказании, о котором я не имел никакого понятия»[910]).

Положение русских войск в Неаполе в то время становилось все более опасным из-за угрозы со стороны французской армии, преобладавшей в Северной Италии и формально все еще находившейся в состоянии войны с неаполитанскими Бурбонами. Уже в августе 1800 г. М.М. Бороздин счел нужным совместно с А.А. Сорокиным позаботиться о подготовке эвакуации русских войск на случай непредвиденной опасности (в письме Италинскому от 29 августа он писал: «Здесь мы по сие время живем покойно, но сохрани Господи, есть ли первые действии будут в пользу французов. Касательно до наших я взял всевозможную осторожность, равно как и для города, Крепость Санто Ерамо [Сан-Эльмо], Кастель Ново и Кастель Уово под стражею русских и фрегаты находятся в готовности. Есть ли что будет, то держаться стану в Неаполе до невозможности, а в самой крайности ретироваться на фрегаты ничто мне помешать не может»[911]).

Новая порция приказов о возвращении в Россию, адресованных Сорокину и Бороздину, дошла до Южной Италии только в конце октября – начале ноября 1800 г. (то есть тогда, когда уже пала Мальта, а в Санкт-Петербурге были предприняты первые действия против Великобритании): 1 (13) ноября А.Я. Италинский получил письма адмирала Ф.Ф. Ушакова из Константинополя от 5 и 13 сентября 1800 г., свидетельствовавшие о Высочайших повелениях Сорокину и Бороздину немедленно покинуть Неаполь и идти в черноморские порты (сам же Италинский должен был помочь им с транспортами и провиантом). То, что произошло дальше, посланник следующим образом описал в реляции Павлу I от 4 (16) ноября 1800 г.: «Предписание, данное господином адмиралом Ушаковым, основано будучи на высочайших Вашего Императорского Величества Повелениях, я не преминул употребить надлежащее в пользу оного старание. Сообщил об нем письменно

---

[910] *Поливанов М.Д.* Указ. соч. С. 32.

[911] АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 256–256об.

здешнему Министерству и был у генерала Актона расположить его оказать мне пособие касательно до провианта и транспортов. Не могу изобразить огорчения и беспокойствия, в котором был генерал Актон, представляя себе следствия, которые возыметь может отбытие из Неаполя ескадры и баталионов. По довольном о сем разговоре сказал, что доложит обо всем Его Королевскому Величеству. Доклад сей учинен и произвел в Его Величестве действие крайне огорчительное. По рассмотрении печального состояния своего Его Величество принял намерение писать к Вашему Императорскому Величеству и просить, чтобы Императорское Ваше войско и ескадра остались по-прежнему в Неаполе. Между тем Его Величество указал генералу Актону отнестись ко мне министериальною нотою, которую я вчера получил… Содержание оной понудило меня, Всемилостивейший государь, ожидать, покуда последует Высочайший Вашего Императорского Величества ответ на письмо Его Величества… Дерзаю иметь упование, что Ваше Императорское Величество удостоите Высочайше одобрить поступок мой»[912].

Таким образом А.Я. Италинский фактически нарушил Высочайшие повеления, пойдя навстречу сицилийскому правительству, и тем самым поставил под угрозу как фрегаты А.А. Сорокина, так и батальоны М.М. Бороздина. Особенно был недоволен таким решением М.М. Бороздин, еще 25 октября получивший письмо Ушакова с повелением вернуться в Черное море и сделавший соответствующее представление Италинскому (ответ посланника генерал-лейтенант описывал следующим образом: «Но в ответ получил я письмо от упомянутого Двора нашего министра ноября 7го числа, в коем он меня извещает, что, склонясь на требование короля Обеих Сицилий, он остановил отбытие наших фрегатов из Неаполя, а почему и мне дожидаться должно будет новых Его Императорского Величества повелений»[913]).

---

[912] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290. Л. 8–9.

[913] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 18об. Письмо М.М. Бороздина В.И. Левашову, 4 (16) апреля 1801 г.

Новые высочайшие повеления, по-прежнему требовавшие возвращения Сорокина и Бороздина в Россию, были получены в Южной Италии только 30 декабря 1800 г. (11 января 1801 г.)[914] (М.М. Бороздин к тому времени уже был в соответствии с несколькими рескриптами Павла I назначен военным губернатором Киева, затем «отправлен» на Мальту (1 и 6 октября) и только потом «возвращен» в черноморские порты (2 и 22 октября) [915] – хаотичность, произвольность и чрезмерная быстрота приказов без знания реальной ситуации – то, что зачастую было характерно для павловского стиля управления). Между тем международная обстановка к тому времени успела измениться настолько, что отправление русских кораблей и войск в Черное море стало в ближайшее время попросту невозможным. Уже 16 (28) января 1801 г. Великобритания открыла против Российской империи военные действия: у берегов Мальты было захвачено греческое судно под русским флагом. У итальянского побережья в это время находилась эскадра адмирала Уоренна, а между островами Искья и Капри курсировали несколько малых британских судов, беспрестанно ведущих наблюдение за фрегатами Сорокина. Генерал В.И. Левашов, прибывший в Неаполь из Палермо 25 марта (6 апреля) 1801 г. и получивший через Константинополь высочайший приказ об организации отправления из Неаполитанского залива кораблей Сорокина вместе с батальонами Бороздина (от 31 января 1801 г.), однозначно заявил о невозможности исполнения этого поручения в депеше на имя Ф.В. Ростопчина: «По теперешнем обстоятельствам я нахожу сие никак невозможным по причине, что по сию пору и в проезде моем из Палермы всегда видел я и вижу шатающиеся военные суда англичан»[916].

А.Я. Италинский к тому времени пребывал в тревожном состоянии, чувствуя, что своими решениями мог навлечь на себя немилость императора. Об этом

---

[914] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 2об.

[915] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 18об. –19. Письмо М.М. Бороздина В.И. Левашову, 4 (16) апреля 1801 г.

[916] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 11.

свидетельствовал в своих депешах Ф.В. Ростопчину генерал В.И. Левашов («Италинский наш в превеликом беспокойстве теперь, думая, что Государь им недоволен»[917]), об этом свидетельствовал и стиль депеш самого посланника («Прошу Ваше Сиятельство верить мне, что остаются оные [батальоны и эскадра] здесь не чрез какое-либо упущение с моей стороны, но по тем причинам, которые в свое время представлены мною»[918]). Кажется, что к концу 1800 г. российский посланник А.Я. Италинский, продолжавший руководствоваться представлением о тесной связи интересов Неаполитанского королевства с интересами Российской империи, все-таки успел серьезно разойтись с дипломатическим курсом Санкт-Петербурга, требовавшим удаления из Средиземного моря русских морских сил в условиях складывания новой Лиги вооруженного нейтралитета и начала открытого противостояния с Великобританией. Возможно, что своими действиями дипломат действительно спас Неаполь от погружения в анархию, но при этом нарушил приказы из центра, упустил благоприятный момент и подверг русские фрегаты опасности быть атакованными британцами, а русские батальоны – французами. Кажется, что именно такие «просицилийские» и идущие вразрез с повелениями из центра действия А.Я. Италинского и могли в конечном счете вызвать недовольство М.М. Бороздина, человека, который с самого начала своего пребывания в Южной Италии недвусмысленно отказался нарушать изначальные приказы и разделять свой отряд для отправки одного из батальонов в Рим, несмотря на поддержанную А.Я. Италинским просьбу неаполитанского короля.

При этом важно отметить, что иногда приказы из Санкт-Петербурга прямо противоречили друг другу, что неизбежно должно было еще больше запутать ситуацию. Так, за месяц до подписания очередного Высочайшего приказа о возвращении войск (31 января 1801 г.) император Павел I одобрил оставление батальонов и фрегатов в Неаполе. Об этом герцог ди Серракаприола сообщил Дж. Актону в своей депеше от 8 января 1801 г.: «Е.И.В. полностью утвердил все то, что

---

[917] Там же. Л. 11об.

[918] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 42.

министр России предпринял для того, чтобы войска и русские фрегаты остались в Неаполе; они останутся до благоприятного времени года, к тому времени уже должно будет видеть результат представлений и переговоров, которые этот августейший Император ныне предпринимает ради безопасности королевств нашего государя Короля»[919]. В данном случае неаполитанский дипломат имел в виду российско-французские переговоры, к тому моменту активно продолжавшиеся уже в течение нескольких месяцев.

Сближение России с Францией, начавшееся осенью 1800 г., с самого начала оказалось тесно связано с интересами «малых союзников» Российской империи в Германии и Италии, включая Королевство Обеих Сицилий[920]. Документы о российско-неаполитанских связях за 1800–1801 гг. дают богатый материал для анализа одной из важных сторон российско-французского сближения, позволяя охарактеризовать как конкретные обстоятельства взаимодействия русской и французской дипломатии вокруг проблем Апеннинского полуострова, так и оценку, которую давали этим переговорам его свидетели и активные участники.

10 мая 1801 г. в преддверии прибытия в российскую столицу адъютанта Первого консула Французской республики Н. Бонапарта генерала Ж.К.М. Дюрока, неаполитанский посланник при санкт-петербургском дворе А. Мареска, герцог ди Серракаприола подал КИД небольшую записку, посвященную сближению России с Францией в последний год жизни императора Павла I. Документ этот довольно интересен: решение российского руководства об открытии переговоров с Францией летом 1800 г. дипломат связывал в первую очередь с изменением ситуации в Европе

---

[919] АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367. Л. 208–208об.

[920] См.: *Агеев А.С.* Королевство Обеих Сицилий между Павлом I и Наполеоном Бонапартом: «неаполитанский вопрос» в российско-французских переговорах (1800–1801 гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (21–24 октября 2025 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М., 2025. С. 77–84.

после победы французов в битве при Маренго (14 июня 1800 г.): «Эта роковая баталия, вновь повлекшая за собой потерю Италии, породила обстоятельства, заставившие Его Императорское Величество вести переговоры с Францией для того, чтобы спасти Италию и государства, которые, будучи с такой славой подчинены его императорскими войсками, возлагали всю свою уверенность и надежду на петербургский двор. Следовательно, императорское Министерство сообщило о намерениях своего государя открыть переговоры с Францией, среди целей которых, помимо всего прочего, были и интересы государств Италии, уверяя при этом, что Россия не вступит ни в какое соглашение до тех пор, пока не будут должным образом обеспечены спасение и существование (le sort et l'existence) каждого из упомянутых государств…»[921] (при этом начало переговоров герцог ди Серракаприола датировал июлем 1800 г.)

Документы, синхронные описываемым событиям, подтверждают эту информацию. Как свидетельствовал герцог ди Серракаприола в своих депешах Актону, в Санкт-Петербурге перемирие, подписанное австрийцами после поражения при Маренго (известие о котором было получено 11 июля 1800 г.), было воспринято как «открытое предательство (tradimento manifesto)» со стороны австрийского командования, вызвав обеспокоенность из-за возможности успеха сепаратных переговоров между Парижем и Веной, угрожавших балансу сил в Европе («Здесь очень боятся, что вследствие капитуляции могут начаться переговоры о мире»)[922]. Уже 7 (19) августа 1800 г. герцог ди Серракаприола сообщил первому министру о переданных через Берлин французских предложениях, обещавших Павлу I посредничество на будущих переговорах («Письма из Берлина внушают новые надежды, что будет возможно вести переговоры об общем мире при сильном посредничестве этого августейшего императора и короля Пруссии; по меньшей мере известно, что письма в таких выражениях были переданы этому двору от имени Первого консула

[921] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10734. Л. 41об.–42.

[922] АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367. Л. 89об.–90, 100.

Буонапарте»[923]), а уже 31 августа 1800 г. неаполитанский посланник адресовал вице-канцлеру графу Н.П. Панину записку, в которой упоминались будущие переговоры санкт-петербургского кабинета с французами, а также содержались слова признательности за обещание заступления со стороны России в том случае, если Неаполитанскому королевству будут навязывать невыгодный мир («Я почту себя невероятно счастливым, если Августейший Император соизволит мне указать сообщить Королю, что Его Императорское Величество обещает в том случае, если от Его Сицилийского Величества будут домогаться и насильно требовать заключения сепаратного и маловыгодного мира (dans le cas où S.M. Sicilienne serait sollicitée et tourmentée pour conclure une Paix partielle e [sic!] peu avantageuse), … Король сможет отнестись к представлению (la demarche), уже сделанному Его Императорским Величеством, и сказать, что он вверяет свои интересы в руки своего августейшего и сильного союзника Императора России»[924]). В то же самое время о готовности императора Павла I выступить в роли посредника между французами и малыми государствами Европы стало известно и в Палермо. Можно предполагать, что новость именно об этом решении российского монарха 31 июля (12 августа) дошла до Сицилии из Ливорно (как свидетельствовал А.Я. Италинский, «чрезвычайно обрадован был Его Величество полученным 31 июля / 12 августа из Ливорны от лорда Кейта известием о пособии, которое, подвигнуты Ваше Императорское Величество сожалением, соизволяете великодушно подать угнетенным державцам Германии и Италии»[925]). Еще однозначнее российский посланник при сицилийском дворе выразился в реляции от 16 (28) августа 1800 г., сообщив о прибытии в столицу курьера от герцога ди Серракаприола с донесениями, содержавшими «извещение о благодетельных Вашего Императорского Величества попечениях доставить Европе мир, на основаниях

[923] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 200. Л. 148.

[924] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 356. Л. 51–51об.

[925] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288. Л. 70об.–71.

правости и великодушного беспристрастия утвержденный»[926]. А.Я. Италинский подчеркивал, что получение этого известия воодушевило короля Обеих Сицилий, ранее находившегося «в размышлениях и беспокойстве» из-за отказа австрийского руководства соучаствовать с Неаполитанским королевством в мирных переговорах. Более того, неаполитанский монарх велел написать герцогу ди Серракаприола о том, что «он сильному и дружелюбному заступлению Вашего Величества препоручает себя»[927] (то, о чем шла речь в полученных из Санкт-Петербурга донесениях А. Мареска, А.Я. Италинский кратко охарактеризовал как «восприятие Вашим Величеством труда во уничтожение умыслов о мире, которые происходят от внушений, несовместных с общею всех воюющих держав пользою»[928]).

Контекст, таким образом, становится очевидным: российское руководство, отказывавшееся от переговоров с Францией с самого начала 1800 г. (мирные предложения передавались французами через берлинский двор), к середине лета 1800 г. изменило свою позицию. На это повлияло не только изменение политического режима во Франции после переворота 18 брюмера (приведшего к власти Наполеона Бонапарта) но и, в первую очередь, кардинальная перемена международной обстановки: Австрийская монархия, потерпев сокрушительное поражение на севере Италии, находилась в шаге от начала сепаратных переговоров с Наполеоном, в которых, как стало известно уже к концу лета 1800 г., не должны были принимать участие представители малых государств Италии и Германии (в том числе Неаполитанское королевство, связанное союзными договорами и с Россией, и с Австрией). Учитывая печально известные «завоевательные виды» венского кабинета, ничего хорошего эти двусторонние переговоры малым европейским государствам предвещать не могли (так же, как и не приходилось ожидать никакого благоприятного исхода от преобладания французских армий в Италии). Таким образом, принимая решение о переговорах с французами (еще до

[926] Там же. Л. 77об.–78.

[927] Там же. Л. 78.

[928] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 356. Л. 78.

того, как со стороны Бонапарта последовало предложение об освобождении пленных русских солдат), император Павел I стремился, как и раньше, выступить в роли незаинтересованного посредника и арбитра, ратующего за максимально возможное восстановление довоенного status quo, справедливые индемнизации и, в конечном счете, установление общего мира, согласного с идеей европейского равновесия. Нетрудно заметить, что решение о сближении с Наполеоном (которое лишь осенью 1800 г. начало принимать антибританский характер под влиянием захвата англичанами Мальты и представлений дипломатов северных дворов[929]) никоим образом не противоречило по своим целям ранее выдвигавшимся мирным инициативам 1797–1798 гг. и неудавшемуся проекту Санкт-Петербургского конгресса 1799 г. Соответственно, и расхождения во взглядах на цели переговоров, способствовавшие их разрыву осенью 1797 г., тоже некуда не делись: уже на первой встрече с французским послом Бернонвилем в Берлине (13 сентября 1800 г.) российский дипломатический представитель Крюденер завел речь об обеспечении территориальных владений монархов Неаполя, Сардинии, Баварии и Вюртемберга, в то время как Бернонвиль говорил преимущественно о российско-французской торговле и необходимости установления французских границ по Рейну[930].

Наиболее отчетливо требования российской стороны были выражены в ноте Ф.В. Ростопчина из пяти пунктов, составленной 26 сентября (8 октября) 1800 г. и адресованной первому консулу Французской республики Наполеону Бонапарту. Среди этих пяти требований были: возвращение острова Мальта под власть ордена Св. Иоанна Иерусалимского, восстановление власти сардинского короля в Пьемонте, **«неприкосновенность земель короля Обеих Сицилий»** (выделено мной – А.А.), неприкосновенность земель баварского курфюрста и герцога

[929] *Ragsdale H.* Op. cit. P. 114–117.

[930] Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. XVIII.

Вюртембергского [931] . Именно такова была изначальная программа сближения Павла I с Бонапартом (впоследствии к этим пяти пунктам добавилось требование вывода французских войск из Египта), и именно вокруг этих требований уже в первые месяцы 1801 г. развернулись ожесточенные дискуссии между французским министром иностранных дел и дипломатическим представителем Российской империи.

Уже в январе 1801 г. было принято решение об отправке на переговоры в Париж нового вице-канцлера С.А. Колычева, ранее представлявшего российские интересы в Вене. Императорским рескриптом от 8 (20) января ему предписывалось иметь особенное попечение об интересах Неаполитанского королевства и вести переговоры совместно с уполномоченным лицом, которое, по сообщению герцога ди Серракаприола, король Обеих Сицилий должен был отправить в Париж для того, чтобы вести переговоры с французами независимо от австрийцев («Министр Его Сицилийского Величества сообщил нам желание его государя-короля прислать лицо, снабженное полномочиями, чтобы вести переговоры с французским правительством и заключить с ним мир с тем, чтобы оно окончательно отделило свои интересы от венского двора» [932]). Таким образом, и здесь совершенно отчетливо проявилась та антиавстрийская тенденция, которая присутствовала в российско-неаполитанских отношениях с конца 1798 г.: совместные переговоры российского и неаполитанского дипломатов с французами в Париже должны были воспрепятствовать потенциальному австро-французскому сближению и обезопасить малые государства Апеннинского полуострова от «территориальных видов» венского кабинета, который заранее позаботился о недопущении представителей этих малых государств к сепаратным переговорам.

План этот полностью провалился, но не из-за расположений венского двора, а из-за дипломатии Французской республики, главным принципом которой было предпочтение сепаратных двусторонних договоренностей большим

[931] Там же. С. 10–11.

[932] Там же. С. 29.

дипломатическим конференциям с участием посредников [933]. Французское руководство не было заинтересовано в том, чтобы Санкт-Петербург вмешивался в переговоры между республикой и малыми европейскими государствами (в особенности в Италии, которая рассматривалась французским правительством как собственная сфера влияния). Это стало очевидно уже в феврале 1801 г., когда французы, заключив сепаратный мирный договор с Австрией в Люневиле (9 февраля 1801 г.)[934], сделали все возможное для того, чтобы перенести центр переговоров с Неаполем из Парижа в Центральную Италию, и при этом воспрепятствовали всякому участию в переговорах русских дипломатов (отчасти этому способствовали сами неаполитанцы, в январе 1801 г. перешедшие в неудачное наступление на территории Тосканы[935]).

Лицом, представлявшим интересы Неаполитанского королевства в Париже, был все тот же Марцио Мастрилли, маркиз ди Галло. В переговоры с французами он вступил еще до приезда С.А. Колычева, прибыв в Париж напрямую из Вены и имея на руках свои старые инструкции [936]. Французская сторона предложила неаполитанскому дипломату следующие условия: закрыть порты королевства для англичан, передать французам о. Эльба, согласиться на вывоз из Южной Италии

---

[933] Впоследствии этот принцип проявился и в переговорах между Францией и Османской империей, к которым российская сторона также не была допущена (*Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 206–208, 214–220).

[934] Люневильский мир 1801 г. подтверждал условия договора в Кампо-Формио (в том числе дипломатическое признание Цизальпинской республики), при этом австрийский монарх Франц II признавал преобразование Великого герцогства Тосканского в королевство Этрурия, переданное под власть герцога Пармского, а также как император Священной Римской империи соглашался на передачу французам левого берега Рейна (*De Clercq M.* Recueil des traités de la France. T. I. 1713–1802. Paris, 1864. P. 424–429).

[935] См.: *Ilari V., Crociani P., Boeri G.* Le Due Sicilie nelle guerre napoleoniche (1800–1815). T. I (1800–1806). Roma, 2008. P. 18–22.

[936] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 18.

произведений искусства и обеспечить свободный проход для десятитысячной французской армии, чтобы она могла занять порты и крепости в Бриндизи, Отранто и Таранто для подготовки экспедиции «на Восток». Маркиз ди Галло отказался принять такие условия, после чего был де-факто отстранен от переговоров. Не взирая на протесты маркиза ди Галло, требовавшего дождаться приезда С.А. Колычева для того, чтобы вести совместные переговоры с его участием («Я тщетно представлял, что переговоры Его Величества неотделимы от переговоров императора [Павла I] не только в соответствии со статьей XI трактата, но также в соответствии с единством нынешних интересов обоих дворов»[937]), конференции с ним были прекращены, а в Италию для мирных переговоров был направлен французский дипломат Ш.-Ж.-М. Алкье (незадолго до этого в Париже было получено известие о подписании франко-неаполитанского перемирия в Фолиньо) – что характерно, это произошло буквально за несколько дней до приезда во французскую столицу вице-канцлера С.А. Колычева. Одновременно Наполеон Бонапарт, ранее находивший полномочия неаполитанского дипломата «достаточными» (по крайней мере, по утверждению самого дипломата), сделал все возможное для того, чтобы дезавуировать маркиза ди Галло в глазах императора Павла I, указывая на несоответствие его полномочий интересам российского монарха и характеру российско-неаполитанских связей («Господин маркиз де Галло приехал со своими полномочиями. Я мог только выразить ему мое удивление и мое неудовольствие по поводу того, что министры немецкого императора и английского короля названы в его полномочиях, как лица, которые должны переговариваться совокупно с ним, тогда как министры В. В-ва поставлены ни во что»[938]).

---

[937] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10734. Л. 26. Письмо маркиза ди Галло герцогу ди Серракаприола, 15 марта 1801 г.

[938] Из письма Н. Бонапарта императору Павлу I от 15 (27) февраля 1801 г. (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 39).

В Санкт-Петербурге известие о приезде маркиза ди Галло в Париж было действительно воспринято критически. В депешах Дж. Актону, написанных в конце февраля – начале марта 1801 г., герцог ди Серракаприола свидетельствовал о недовольстве императора Павла I маркизом ди Галло («маркиз ди Галло совершенно не нравится этому Императору»[939]), а также о критике в адрес неаполитанского дипломата со стороны первоприсутствующего в КИД графа Ф.В. Ростопчина и, в целом, о восприятии М. Мастрилли как ставленника барона Ф.М. Тугута, не имевшего реальных полномочий на ведение переговоров с Францией. В депеше от 14 марта А. Мареска и сам не скрывал антипатии к своему другу детства: «Этот переговорщик из Кампоформио, данник (tributario) Тугута никогда не мог действовать в соответствии с лояльными принципами (accordarsi con la lealtà), на основе которых Павел I хотел вести переговоры о мире»[940] (герцог ди Серракаприола сообщал, что в Санкт-Петербурге гораздо более предпочтительной кандидатурой для участия в совместных переговорах с французами считали князя Бельмонте, не так давно покинувшего российскую столицу и ранее имевшего опыт взаимодействия с Наполеоном Бонапартом).

Интересно, что совершенно иной была точка зрения С.А. Колычева: приехав в Париж и познакомившись с полномочиями маркиза ди Галло, вице-канцлер «нашел, что они дают ему право договариваться не только сообща с английскими и австрийскими уполномоченными или совокупно со всяким другим министром дружественного и союзного с Е. В-вом сицилийским королем двора, но даже, в случае нужды, вступать в переговоры и одному»[941]. Само сближение с Францией Колычев оценивал как бесперспективное и лишенное искренности, и именно

---

[939] АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367. Л. 238об.

[940] Там же. Л. 245.

[941] Из протокола конференции С.А. Колычева с Ш.М. Талейраном от 2 (14) марта 1801 г. (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 55).

неаполитанский вопрос был для него одним из главных оснований для подобных выводов. Уже 25 февраля (9 марта) 1801 г. он писал Павлу I: «Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею ни малейшей нет искренности, ибо здешнее правительство, оказав только наружное уважение к покровительству Вашего Императорского Величества королю Неаполитанскому, отказало послу его здесь вступить с нами в переговоры, и, удаля от владений его свои войска, принудит вероятно заключить мир, неприличный ни выгодам его, ни достоинству Вашего Императорского Величества»[942]. В тот же самый день С.А. Колычев написал депешу на имя графа Ф.В. Ростопчина, содержавшую отчаянную просьбу о своем отзыве из французской столицы[943] (как показали события двух последующих месяцев, помимо судьбы Неаполя, другими проблемными вопросами российско-французских переговоров являлись гарантия территориальной целостности баварских и вюртембергских владений, а также требование вывода французских войск из Египта).

В Южной Италии напрямую взаимодействовать с французами пришлось действительному камергеру А.Я. Италинскому и генералу В.И. Левашову, который в самом начале 1801 г. (после отъезда из Санкт-Петербурга князя Бельмонте) был отправлен в Палермо с почетной миссией (он должен был вручить королю Обеих Сицилий российские императорские ордена). Если судить по депешам генерала, адресованным графу Ф.В. Ростопчину, никакого секретного поручения ему вверено не было (как иногда предполагали историки, в том числе подозревая Левашова в предварительном посещении Парижа для заключения конвенции против Англии[944]), а его кандидатура была, по всей видимости, выбрана по той причине, что он уже посещал Неаполь с почетной миссией в 1787 г. и был хорошо известен при дворе короля Обеих Сицилий.

---

[942] Там же. С. 41.

[943] Там же. С. 42–44.

[944] *Безотосный В.М.* Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017. С. 20.

В 1801 году Василию Ивановичу Левашову шел шестьдесят второй год. Он был человеком, вне всякого сомнения, опытным, но, судя по всему, довольно простодушным. Документы миссии В.И. Левашова свидетельствуют, что он, во-первых, плохо чувствовал разницу между официальной депешей и партикулярным письмом[945], во-вторых, во время своего пребывания в Палермо, как кажется, был гораздо больше озабочен исполнением своей почетной миссии («Доехал до Палермы, исполнил свою комиссию, отдал все, что ему послано, а с нево взято Фердинанд и Иенуарий, в которых я здесь и облекохся»[946]) и перспективой получения герцогского титула[947], нежели серьезными политическими вопросами, касавшимися российско-французских переговоров (хотя при этом необходимо отметить, что Левашов высказывал готовность ехать с поручением к Папе Римскому (якобы исключительно из-за любви к мягкому итальянскому климату[948]), а также отправиться в Париж, однако ни то, ни другое не входило в его полномочия, и никаких ответов из Санкт-Петербурга на просьбы Левашова так и не последовало).

Путь генерала В.И. Левашова в Южную Италию пролегал через позиции французских войск (Итальянская армия под командованием генерала И. Мюрата), движущихся к границам Королевства Обеих Сицилий (Неаполь не был включен в австро-французское перемирие, подписанное 1 (13) января 1801 г.[949]) Вступив во взаимодействие с французским командующим, Левашов, окруженный

---

[945] Речь в данном случае идет о собственноручных депешах В.И. Левашова на имя Ф.В. Ростопчина. Реляции В.И. Левашова на имя императора абсолютно нерепрезентативны, так как выдержаны в совершенно ином стиле, а значит были написаны или отредактированы другим человеком (возможно, П. Немеровским). В личном архиве А.Я. Италинского сохранился черновик одной из первых реляций В.И. Левашова (март 1801 г.), написанный в двух вариантах почерками А.Я. Италинского и П. Немеровского (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 3. Л. 131–132).

[946] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 5.

[947] Там же.

[948] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 6.

[949] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8220. Л. 8.

многочисленными знаками внимания со стороны французов (подарок от Мюрата в виде пары версальских пистолетов, посещение театра, почетный караул и т.п.[950]), сыграл немаловажную роль в приостановке движения республиканских войск на Неаполь, о чем впоследствии сообщал Ф.В. Ростопчину: «В Болонье встретился с французским корпусом, называемым резервным под командою генерала Мурата [sic!], которой зятюшка первому консулу, и нашел его в расположении иттить прямо в Неаполь бить [генерала] Дамаса [sic!] и кто бы ни попался. Я однакож именем Государя Им[ператора] сделал, что он далее не пошел»[951] (характерно, что в разговоре с Мюратом генерал Левашов указал не только на «особливое… попечение» Павла I к неаполитанским Бурбонам, но и на тот факт, что вице-канцлер С.А. Колычев был отправлен в Париж для того, чтобы «стараться о заключении мира между Его Неапольским Величеством и французским правительством»[952]). В итоге между генералом Мюратом и генералом Дама (а впоследствии – кавалером А. Мишеру) открылись переговоры о заключении перемирия (его изначальные условия, выдвинутые французами, предполагали уход неаполитанских войск с территории Римского государства, на что неаполитанская сторона отвечала требованием к французам не пересекать границу Папских владений).

В Палермо В.И. Левашов прибыл 9 (20) февраля 1801 г. Примерно в то же время в сицилийской столице были получены рескрипт Ф.В. Ростопчина действительному камергеру А.Я. Италинскому и письмо Павла I неаполитанскому королю, сообщавшие о миссии С.А. Колычева и адресованном ему особом поручении «иметь тщание (soigner) об интересах Их Сицилийских и Сардинских Величеств» (8 (20) января 1801 г.)[953] Получение этих документов вызвало в Палермо надежду на возможность благоприятного для Южной Италии исхода переговоров с французами при деятельной поддержке русской дипломатии. Уже 10

---

[950] *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 94; *Ragsdale H.* Op. cit. P. 80–81.

[951] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222. Л. 4об.

[952] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8220. Л. 9.

[953] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8219. Л. 1–3.

(21) февраля 1801 г. неаполитанский монарх попросил А.Я. Италинского отправиться в Неаполь к Актону для того, чтобы вместе с ним избрать уполномоченное лицо для будущих переговоров в Париже и вступить в переписку с генералом Мюратом («Дабы рассудительным представлением о дружеских Его Императорского Величества расположениях к Королевскому Его [Фердинанда IV] дому укротить оного генерала и преклонить его к заключению перемирия на умеренных условиях»[954]). Российский посланник исполнил эту просьбу: вместе с актуариусом миссии П. Немеровским он выехал из Палермо и прибыл в Неаполь 21 февраля (5 марта) 1801 г. К тому времени на Сицилии уже стало известно о подписании перемирия между французскими и неаполитанскими войсками и о его условиях, включавших в том числе требование о наложении эмбарго на собственность британских подданных – Фердинанд IV поручил А.Я. Италинскому исходатайствовать у генерала Мюрата отмену это статьи[955].

Переписка Италинского с Мюратом в конечном счете не имела никакого результата (важно отметить, что в письмах французскому генералу российский посланник особенно подчеркивал тот факт, что переговоры о мире должны происходить в Париже с участием вице-канцлера С.А. Колычева[956]). Между тем срок перемирия подходил к концу, и генерал Мюрат настаивал на новых условиях для второго перемирия, более жестких (и аналогичных тем, которые ранее были предложены в Париже маркизу ди Галло, включая статью о занятии адриатических провинций королевства французскими войсками), угрожая в противном случае открыть военные действия. В таких обстоятельствах в Неаполе было решено отправить полномочия для ведения переговоров от имени короля Обеих Сицилий непосредственно вице-канцлеру С.А. Колычеву («Решено в Совете снабдить господина вице-канцлера полномочием и нужными сведениями и представить ему негоцировать для Его Неапольского Величества мир, заключить оный и

[954] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 16об.

[955] Там же. Л. 17.

[956] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 17об. –18.

подписать»[957]), в то время как А.Я. Италинскому была адресована просьба лично поехать во Флоренцию для того, чтобы вступить во взаимодействие с французским генералом и уговорить его продлить перемирие для того, чтобы дождаться ответа от вице-канцлера С.А. Колычева. Посланник согласился, рассчитывая одновременно выведать дальнейшие планы французского командования, которое, стремясь занять адриатические провинции Неаполитанского королевства, очевидно, вынашивало проект какой-то новой экспедиции против Османской Порты (завершая депешу Ф.В. Ростопчину от 4 (16) марта 1801 г., А.Я. Италинский писал: «Употреблю сей случай для открытия подлинных умыслов правительства французского. Кажется, оно предпринимает атаковать европейские Порты Оттоманской владения: находящийся здесь генерала Мюра адъютант Бомон говорил мне, что есть такое намерение и что содействовать в том будут армии Его Императорского Величества»[958]).

5 (17) марта 1801 г. А.Я. Италинский и П. Немеровский покинули Неаполь и уже 9 (21) марта 1801 г. прибыли во Флоренцию. Переговоры с Мюратом, в итоге, не имели никакого успеха: на представления А.Я. Италинского, требовавшего дождаться ответов из Парижа и угрожавшего гневом Павла I, И. Мюрат отвечал, что не может ослушаться приказов, и война неминуемо будет возобновлена в том случае, если не будут подписаны условия второго перемирия. Интересно, что в разговоре с российским посланником французский генерал подробно описал проект новой экспедиции в Египет, которую планировалось осуществить с адриатического побережья Южной Италии для того, чтобы «подать сколь возможно помощь французскому в Египте корпусу против англичан»[959]. Также как ранее его адъютант, Мюрат в разговоре с Италинским заявил, что проект этой экспедиции против Османской империи был согласован с императором Павлом I («Сказал мне также откровенно, что правительство французское будто с согласием Его

[957] Там же. Л. 18об.

[958] Там же. Л. 19.

[959] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 27об.

Императорского Величества имеет виды против Турции»[960]) – по меньшей мере странное утверждение, принимая во внимание тот факт, что в то же самое время французскому правительству было передано категоричное требование российской стороны о выводе французских войск из Египта.

В конечном счете все усилия российских дипломатов были тщетны: требования А.Я. Италинского о том, чтобы мир между Францией и Неаполитанским королевством был подписан не во Флоренции, а в Париже не возымели никакого эффекта, а посредничество С.А. Колычева, предложенное Санкт-Петербургом и санкционированное палермским двором, так и не состоялось. Вскоре после возвращения в Неаполь российский посланник узнал от Дж. Актона о заключении 16 (28) марта 1801 г. мирного договора между Французской республикой и Королевством Обеих Сицилий, произошедшем во Флоренции без всякого участия российской стороны, хотя и с использованием риторики о «заступлении» Российской империи и ее потенциальных выгодах от условий мирного договора («Первый консул довольно доказывает уважение свое к российскому императору, соглашаясь на постановление мира с королем после всех оскорблений, нанесенных им Республике Французской, и сверх того на таких условиях, которые полезны будут и России»[961]) – еще спустя несколько дней (21 марта (2 апреля) 1801 г.) до Неаполя дошло адресованное А.Я. Италинскому письмо С.А. Колычева, содержавшее требование воспрепятствовать заключению «постыдного мира с оружием в руках» [962], однако было уже слишком поздно.

Одним из главных условий Флорентийского мирного договора, помимо уступки сицилийским двором Тосканских президий и закрытия неаполитанских портов для британских и турецких судов, стало занятие адриатических провинций Неаполитанского королевства французской армией: отдельная и секретная статья договора предусматривала, что Отранто и Бриндизи будут оккупированы

[960] Там же. Л. 27об. –28

[961] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 35.

[962] Там же. Л. 36об.

французскими войсками (от 8 до 10 тысяч человек), причем в качестве их цели совершенно откровенно был назван Египет («pour se render en Égypte»)[963]. В апреле 1801 г., с тревогой наблюдая за приготовлениями французов к новой экспедиции, А.Я. Италинский, твердо уверенный, что их целью являются уничтожение султанской власти и раздел Османской империи[964], сделал все, что от него зависело, для того, чтобы по крайней мере обезопасить от угрозы французского вторжения Ионические острова (для этого Италинский по собственной инициативе написал находившемуся в Бриндизи капитану Войновичу, прося его вернуться со своей небольшой эскадрой на остров Корфу[965]). Примерно в те же самые дни, когда угроза французского вторжения в Восточное Средиземноморье ощущалась реальной как никогда прежде, в Неаполе стало известно о смерти императора Павла I (новость была получена 11 (23) апреля 1801 г. и официально подтверждена через три дня[966]). В одной из депеш А.Я. Италинский свидетельствовал: «Предвидя удобности в неприятельской земле [Греции], находясь в приближении к оной, начальники сии [французские] оказали было сперва великую подвижность в приуготовлениях военных. Теперь [27 апреля (9 мая) 1801 г.] приметно в оных нарочитое ослабление, особливо с того времени, как пришло известие из Египта об успехах аглинского там войска, из России о преставлении Государя Императора Павла Первого»[967].

Находившийся в Санкт-Петербурге герцог ди Серракаприола тяжело воспринял смерть Павла I, к которому по-прежнему относился с искренним восхищением и продолжал считать его главным спасителем Европы, несмотря на разрыв с Великобританией, в котором неаполитанский дипломат был склонен

---

963 *De Clercq M.* Op. cit. P. 432–435.

964 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 49.

965 Там же. Л. 49об. –50.

966 Там же. Л. 51.

967 Там же. Л. 49.

винить в первую очередь сент-джеймский кабинет[968]. В депеше Дж. Актону от 17 (29) марта 1801 г. А. Мареска писал о своей «горечи (dolore)» из-за «потери наиболее лояльного и преданного друга» неаполитанского короля [969], а в конфиденциальном письме королеве Марии Каролине откровенно описал обстоятельства убийства российского самодержца, обвинив в организации заговора Великобританию: «Все позволяет предполагать, что удар был нанесен английской рукой (Tutto fa vedere che il colpo è venuto da mano inglese)… Генерал Беннигсен… был одним из главных участников заговора, общее же их количество огромно – все они хвастаются об этом публично и в таком виде, что это внушает ужас»[970]). Вступление на престол молодого императора Александра I внушало неаполитанскому дипломату опасения, заставляя задаваться вопросом о том, будет ли новый самодержец продолжать внешнеполитический курс покойного отца, направленный на защиту малых европейских дворов – союзников Российской империи.

Изучение документов о российско-неаполитанских связях в 1800–1801 гг. позволяет утверждать, что главной целью сближения императора Павла I с Францией (по крайней мере на первом этапе) было обеспечение европейского равновесия и поддержка малых союзников по коалиции, с которыми санкт-петербургский двор продолжал поддерживать отношения после разрыва с Веной и

---

[968] Депеши герцога ди Серракаприола за конец 1800 – начало 1801 гг. свидетельствуют о том, что он поддерживал критику санкт-петербургским двором политики Великобритании по отношению к Лиге нейтральных государств, хотя главной причиной разрыва российско-британских отношений считал конфликт вокруг Мальты. С точки зрения неаполитанского дипломата, решение этого конфликта зависело исключительно от сен-джеймского кабинета, и он сам пытался внести вклад в примирение двух дворов через переписку с неаполитанским посланником в Лондоне маркизом ди Чирчелло.

[969] АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367. Л. 251.

[970] *Takushinova B.* Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e arte. Antonino e Nicola Maresca di Serracapriola // Russia e Stati italiani al tramonto dell'Antico Regime / a cura di M. Natalizi, M. Navone, D. Tongiorgi, Roma, 2025. P. 179.

Лондоном (соответственно, одной из главных задач русской дипломатии в тот момент являлось недопущение единоличного передела Центральной и Южной Европы французами и австрийцами после начала между ними сепаратных мирных переговоров).

Королевство Обеих Сицилий представляет собой наиболее яркий пример: тщетно попытавшись заручиться военной помощью со стороны России (если какие-то военные отряды к началу 1801 г. и оставались на территории королевства, то в значительной степени это произошло из-за сложности коммуникации и благодаря личным расположениям А.Я. Италинского, к концу 1800 г. вошедшего в противоречие с приказами из Санкт-Петербурга), наконец, попытавшись в ходе политического лавирования добиться соучастия в мирных переговорах с венским двором и совершенно в этом не преуспев, палермский двор обратился за помощью к российской стороне, еще летом 1800 г. обещавшей королевству дипломатическую поддержку на будущих переговорах с французами. И эта дипломатическая помощь вполне могла бы быть оказана (в форме посредничества и совместных мирных переговоров), если бы не стремление французской стороны избежать прямого участия санкт-петербургского двора и навязать Неаполю собственные условия мира в ходе сепаратных двусторонних переговоров.

3.4. Выводы к главе 3

Итак, какова же была роль неаполитанского фактора во внешней политике Российской империи в годы войны Второй антифранцузской коалиции?

В свое время советский историк А.М. Станиславская определила Вторую коалицию как «наспех сколоченный военный союз, далеко не объединивший по-настоящему великие державы, преследовавшие совершенно разные и зачастую противоположные цели»[971]. Это мнение является, безусловно, справедливым, однако важно подчеркнуть: Вторая коалиция потерпела крах не только из-за

[971] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 104.

неожиданно проявившихся в ходе войны противоречий между государствами – участниками союза, но и из-за того, что эти противоречия фактически оказались заложены в изначальную архитектуру коалиции (российско-неаполитанский договор, с самого начала носивший не только антифранцузский, но и антиавстрийский характер, является ярчайшим тому примером). Во время войны выполнение конкретных условий российско-неаполитанского союзного договора оказалось заблокировано сначала австрийцами (если говорить о военной помощи), а затем и французами, воспрепятствовавшими любым попыткам российской дипломатии выступить на франко-неаполитанских переговорах в качестве посредника, защищая независимость и территориальную целостность Неаполитанского королевства.

Военная помощь, оказанная Российской империей Королевству Обеих Сицилий в 1799–1800 гг., ограничилась действиями у итальянских берегов эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова. Этого, однако, оказалось достаточным для того, чтобы сицилийский двор попытался опереться на поддержку со стороны русского флота для реализации своих собственных задач, связанных с созданием защитного барьера (за счет аннексии территорий) и необходимостью противостоять австрийскому влиянию в Центральной Италии (та же самая проблема была поднята и на переговорах герцога ди Серракаприола и маркиза ди Галло в Санкт-Петербурге, которые, однако, не имели успеха). В самой Южной Италии поддержку русским военным отрядам и эскадрам оказали сотрудники российской дипломатической миссии во главе с А.Я. Италинским, впервые действовавшие как автономные и самостоятельные акторы, чьи полномочия были существенно расширены по сравнению с предшествовавшим периодом, когда российский полномочный министр в Неаполе выступал почти исключительно в качестве пассивного наблюдателя и информатора. При этом разрыв с Санкт-Петербургом в этот период все равно сохранялся: именно сложность коммуникации в сочетании с субъективным восприятием А.Я. Италинским интересов сицилийского двора как совпадающих с задачами российской внешней политики, способствовали тому, что

к началу 1801 г. действия российского посланника вошли в противоречие с приказами императора Павла I и КИД, едва не поставив русские корабли и батальоны под удар британской эскадры (между тем важно отметить, что иногда и приказы из Санкт-Петербурга носили хаотичный и противоречивый характер).

Представляется, что в конечном счете логика российско-неаполитанских связей оказала влияние и на обострение кризиса во взаимоотношениях между Санкт-Петербургом и Веной (неслучайно одним из наиболее острых стал скандал вокруг Анконы, порта на адриатическом побережье, на владение которым претендовал сицилийский двор), и на попытки санкт-петербургского двора сгладить противоречия между державами, предложив идею созыва конгресса для решения спорных вопросов (на котором в том числе должны были быть урегулированы территориальные споры между неаполитанскими Бурбонами и австрийскими Габсбургами), и, наконец, на характер сближения между Россией и Францией (1800–1801 гг.), целью которого должно было стать соучастие императора Павла I в выработке мирных договоров между Французской республикой и малыми государствами Германии и Италии. При этом если в Германии французская сторона была готова к диалогу с российской дипломатией, то Апеннинский полуостров однозначно рассматривался Францией как собственная сфера влияния. В итоге, по условиям сепаратного Флорентийского мирного договора (март 1801 г.) на территории восточных провинций Неаполитанского королевства были размещены французские войска, напрямую угрожавшие равновесию на Адриатике и в Восточном Средиземноморье.

Принимая во внимание тот факт, что именно экспансия Французской республики в средиземноморском регионе и французская угроза Балканам с самого начала являлись одними из главных причин вовлечения императора Павла I в войну Второй коалиции, нетрудно заметить, что итоги столь многообещающего сближения с Францией в Южной Европе оказались для российской дипломатии по меньшей мере очень неоднозначными. Сохранение противоречий с Францией в Центральном и Восточном Средиземноморье неизбежно должно было оказать

влияние на характер внешней политики нового российского императора Александра I (1801–1825 гг.), который унаследовал от своего отца не только внешнеполитические проблемы, но и сложившуюся в его правление систему союзов (включая Санкт-Петербургский союзный договор между Российской империей и Неаполитанским королевством, срок действия которого должен был закончиться только в 1806 г.)

Глава 4. Российская империя и неаполитанские Бурбоны против наполеоновской Франции: от Флорентийского мира до разрыва дипломатических отношений (1801–1808 гг.)

В первые годы правления императора Александра I, с одной стороны, ярко обозначилось стремление правящей элиты к изоляционизму во внешней политике, с другой стороны, традиционное желание Санкт-Петербурга играть роль европейского арбитра и усиление французской экспансии в Европе уже в 1804 г. привели к разрыву российско-французских отношений, а в 1805 г. – к прямому столкновению Российской империи с наполеоновской Францией.

В настоящей главе будет рассмотрена эволюция российско-неаполитанских отношений и роли неаполитанского фактора во внешней политике Российской империи в 1801–1808 гг. Необходимо, во-первых, рассмотреть, как развивались дипломатические отношения между двумя дворами до разрыва России с Францией (1801–1804 гг.), и какое влияние перемены на международной арене оказали на характер деятельности российской миссии при неаполитанском дворе (4.1.) Во-вторых, особое внимание будет уделено подготовке и реализации англо-русской экспедиции в Неаполитанское королевство (1805–1806 гг.), ставшей важнейшим и во многом решающим эпизодом во взаимоотношениях между двумя дворами в годы войны Третьей антифранцузской коалиции (4.2.) Наконец, следует рассмотреть историю угасания российско-неаполитанского союза, выявив причины, по которым после заключения Тильзитского мира дипломатические отношения между Российской империей и Сицилийским королевством были разорваны (4.3.)

4.1. Российско-неаполитанские дипломатические связи в первые годы правления императора Александра I: Мальтийский вопрос и французская оккупация (1801–1804 гг.)

После вступления на престол императора Александра I внешнеполитический курс Российской империи претерпел кардинальные изменения. Практически сразу были восстановлены дружественные отношения между Россией и Англией (5 (17)

июня 1801 г. была подписана морская конвенция, ознаменовавшая отход санкт-петербургского двора от принципов вооруженного нейтралитета)[972], а также были восстановлены разорванные при Павле I отношения с Австрией. Между тем в Париже продолжались переговоры между французским правительством и российским уполномоченным (сначала С.А. Колычевым, а с лета 1801 г. – графом А.И. Морковым), посвященные выработке условий российско-французского договора, восстановлению мира в Европе и соучастию Российской империи в общеевропейском «замирении»[973]. Их результатом стало заключение в Париже 26 сентября (8 октября) 1801 г. российско-французского мирного договора и секретной конвенции[974]. Если в первом документе речь шла о восстановлении отношений между государствами, то во второй декларировалась необходимость проведения согласованной политики по отношению к государствам Германии и Италии (в частности, четвертая статья секретной конвенции напрямую касалась Неаполитанского королевства: «Французская республика обязуется сохранить на основаниях мирного трактата от 28 марта 1801 года [Флорентийского договора – А.А.]… целость владений е. в-ва короля Обеих Сицилий, друга и союзника е. в-ва императора всероссийского. Французские войска, занимающие земли Бари и Отранто… останутся там только до времени, пока не будет решена судьба Египта»[975]).

В целом внешнеполитический курс предшествовавшего царствования новое политическое руководство оценивало критически, считая, что многие обязательства, взятые на себя покойным императором, не соответствовали

---

[972] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 (далее – ВПР). Т. 1. М., 1960. С. 28–39.

[973] См.: Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 101–281.

[974] ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 95–101.

[975] Там же. С. 100.

реальным интересам Российской империи. Тем не менее, новый монарх выражал готовность свято соблюдать договоры, заключенные в правление отца. Особенно ярко это отразилось в инструкциях новым российским дипломатам при европейских дворах, например, в рескрипте посланнику в Берлине А.И. Крюденеру от 5 (17) июля 1801 г.: «По восшествии моем на престол я оказался связанным политическими обязательствами, многие из которых находились в явном противоречии с интересами государства, а некоторые были несовместимы с географическим положением и взаимными выгодами договаривающихся сторон» [976] . И хотя в данном случае мог подразумеваться, прежде всего, заключенный в 1799 г. союзный договор с Португалией, очевидно, что похожим образом оценивался в Санкт-Петербурге и российско-неаполитанский договор 1798 г. (тот же рескрипт А.И. Крюденеру гласил: «Мое постоянное заступничество за короля Обеих Сицилий, не преследовавшее какой-либо прямой выгоды, является лишним доказательством моей верности принципу: необходимо самому показывать пример того, чего требуешь от других»[977]). Интересно, что совершенно иначе на характер российско-неаполитанских отношений в это время смотрел не только сицилийский двор, заинтересованный в продолжении российской помощи, но и первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт, в инструкции генералу Ж.К.М. Дюроку, отправленному в Санкт-Петербург весной 1801 г., связавший внимание покойного императора Павла I к Неаполитанскому королевству с торговыми интересами Российской империи («Мы всегда смотрели на интерес, который Павел I питал к некоторым монархам Италии как на личный, а не политический интерес,… мы, однако, чувствуем, что, возможно, Россия заинтересовалась королем Неаполя из-за торговли на Черном и Средиземном морях»[978]).

---

[976] ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 50.

[977] Там же.

[978] *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale. V. 3. Pacifications, 1800–1802 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2006. P. 664.

В это время и окружение нового императора (его «молодые друзья», составившие Негласный комитет, в том числе граф В.П. Кочубей, в 1801–1802 гг. являвшийся вице-президентом КИД, а также граф А.Р. Воронцов, в 1802–1804 гг. возглавлявший новообразованное Министерство иностранных дел), и сам Александр Павлович склонялись к проведению изоляционистской политики и сохранению равной дистанции в англо-французском конфликте (на заседании Негласного комитета 10 июля 1801 г. император Александр I вообще подверг критике необходимость наличия союзов с кем бы то ни было, причем речь шла не только о политических, но и о торговых договорах[979]). Тем не менее, у этого изоляционизма, формально провозглашенного, но на практике так никогда и не претворенного в жизнь, были свои пределы, и связаны были они в первую очередь с угрозой французской экспансии в Европе (характерно, что на том же заседании Негласного комитета и император, и все присутствующие «молодые друзья» единогласно поддержали мнение А. Чарторыйского, что по отношению к французам следовало бы «внушать… доверие искренними действиями, но в то же время дать им почувствовать, что не побоятся воспротивиться силой оружия их честолюбивым замыслам, если они не откажутся от них»[980]).

В течение последующих нескольких лет между Российской империей, по-прежнему стремившейся к роли арбитра Европы (через многостороннее посредничество) и пытавшейся воспрепятствовать росту влияния Парижа и Лондона в Восточном Средиземноморье, и Французской республикой, последовательно усиливавшей свое военно-политическое присутствие в Центральной и Южной Европе, продолжали назревать противоречия[981]. Фактический отказ Наполеона Бонапарта выполнить условия договоренностей с

[979] ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 61–62.

[980] Там же. С. 61.

[981] См.: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / отв. ред. О.В. Орлик, отв. секр. В.Н. Пономарев. М., 1995. С. 32–38.

Российской империей, касавшихся согласованной политики двух держав в Германии и Италии, нарушение Амьенского мира между Францией и Великобританией (заключенного в марте 1802 г.) и возобновление весной 1803 г. англо-французского конфликта (угрожавшего не только российским торговым интересам на Балтике, но и равновесию в Восточном Средиземноморье), наконец, полицейская интервенция французов в Баден и расстрел герцога Энгиенского в марте 1804 г., а также принятие Наполеоном титула императора французов (май 1804 г.) – все это способствовало разрыву дипломатических отношений между Санкт-Петербургом и Парижем и началу складывания Третьей антифранцузской коалиции (идея о необходимости создания союза против Франции была предложена императору Александру I министром иностранных дел графом А.Р. Воронцовым еще в ноябре 1803 г.[982], однако активные переговоры начались уже в начале следующего года).

Одним из факторов, повлиявших на перемену внешнеполитического курса Российской империи по отношению к Франции, был в эти годы и неаполитанский фактор, тесно связанный не только с региональными интересами короля Обеих Сицилий, но и со стратегическими целями Российской империи в Восточном Средиземноморье. Помимо сохранявшего свое значение мальтийского вопроса (несмотря на отказ Александра I принять титул великого магистра Мальтийского ордена), важную роль играла угроза Ионическим островам и балканскому побережью Османской империи, исходившая от французских войск, в 1801–1802, 1803–1805 гг. занимавших восточные провинции Неаполитанского королевства (каким бы ни была действительная степень угрозы французской агрессии против

[982] Очерки истории Министерства иностранных дел. Том третий. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. / под ред. А.Ю. Мешкова, А.И. Кузнецова, И.А. Мелихова, П.В. Стегния. М., 2002. С. 21.

Османской империи или Ионических островов, в Санкт-Петербурге, также как и в самом Неаполе, ее реальность в это время не подвергали сомнению[983]).

В Санкт-Петербурге главную роль в защите интересов короля Обеих Сицилий продолжал играть неаполитанский посланник А. Мареска герцог ди Серракаприола. Важно отметить, что именно в начале 1800-х гг. А. Мареска, являвшийся одним из наиболее опытных европейских дипломатов в Российской империи и пользовавшийся, по выражению своего друга сардинского посланника (1803–1817 гг.) Жозефа де Местра, славой «самого осведомленного среди дипломатического корпуса»[984], приобрел репутацию поборника европейского легитимизма и ожесточенного противника французского правительства во главе с Наполеоном Бонапартом. В этот период он продолжал пользоваться доверием сицилийского двора (несмотря на острое недовольство, которое в 1801–1802 гг. испытывал по отношению к нему король Обеих Сицилий Фердинанд IV[985]). Кроме того, начиная с 1801 г. герцог ди Серракаприола регулярно выступал в роли посредника между санкт-петербургским двором и французским королем Людовиком XVIII, передавая письма монарха в изгнании Александру I, а также ходатайствуя перед российским императором о выплате французскому королю денежных субсидий.

---

[983] В письме маркизу ди Галло от 25 февраля 1802 г. королева Мария Каролина писала: «Порты и ресурсы Неаполитанского королевства слишком удобны для их [французов – А.А.] предприятий в Леванте, чтобы не завладеть ими» (Correspondance inédite de Marie-Caroline, reine de Naples et de Sicile, avec le marquis de Gallo (1792–1806) publiée par M. le Commandant Weil. Paris, 1911. P. 36).

[984] *Местр Ж. де.* Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995. С. 23.

[985] О недовольстве короля герцогом ди Серракаприола и его желании найти дипломату замену в начале 1802 г. несколько раз сообщал А.Я. Италинскому первый министр Дж. Актон, обвинив неаполитанского посланника в Санкт-Петербурге в растрате денежных средств и осуществлении переписки с иностранными министрами без ведома сицилийского двора (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 28об., 38об., 40).

Сразу после восшествия на престол Александра I герцог ди Серракаприола попытался определить взгляды нового императора и его окружения на три проблемы, которые дипломат в тот момент считал наиболее важными для обеспечения безопасности Неаполитанского королевства: отношение нового монарха к Мальте и к продолжавшимся российско-французским переговорам в Париже, а также к возможности продолжения пребывания русских батальонов и фрегатов в Неаполе. В депеше Дж. Актону от 17 (29) марта 1801 г. герцог ди Серракаприола подробно описал свой разговор с графом П.А. Паленым, в тот момент выполнявшим обязанности первоприсутствующего в КИД, состоявшийся 15 (27) марта (спустя всего три дня после убийства Павла I). Сообщив неаполитанскому дипломату о решимости молодого императора продолжать переговоры с Францией и уже сделанных первых шагах по примирению с Англией, граф Пален завел речь как об общей системе нового монарха, которая, по его словам, была преемственна с внешнеполитическим курсом императора Павла I («система, которую принял нынешний император, та же [и основана] на благих принципах и максимах прошедшего царствования»), а также о позиции санкт-петербургского двора по Мальте (оба участника конференции сошлись на необходимости возвращения Мальты под власть ордена Св. Иоанна Иерусалимского)[986]. Уже на следующий день (16 (28) марта 1801 г.) состоялась первая аудиенция герцога ди Серракаприола у российского монарха, во время которой Александр I не только подтвердил неаполитанскому дипломату «уверения дружбы» по отношению к королю Фердинанду IV, но и выразил готовность оставить в Неаполе русские батальоны генерал-лейтенанта М.М. Бороздина и три фрегата А.А. Сорокина, по крайней мере на время переговоров с Францией[987].

В Южной Италии вопрос о продлении пребывания русских войск в Неаполе считался тогда одним из наиболее важных, наряду с просьбами о дипломатической поддержке Российской империи на переговорах в Париже (итогом которых стало

[986] АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367. Л. 251об. –254.

[987] Там же. Л. 254об.

включение в российско-французскую конвенцию от 26 сентября (8 октября) 1801 г. четвертой статьи, посвященной защите прав короля Обеих Сицилий). Несмотря на то, что между Французской республикой и Неаполитанским королевством уже был подписан сепаратный Флорентийский мир, по условиям которого французская армия заняла Отранто и Бари (угрожая оттуда не только Египту, но и балканскому побережью Османской империи[988]), в Южной Италии на русские войска в Неаполе и фрегаты на неаполитанском рейде смотрели как на противовес французскому влиянию, предохранявший столицу королевства от беспорядков и угрозы французской оккупации (российский посланник при дворе короля Обеих Сицилий А.Я. Италинский написал об этом в депеше от 11 (23) мая 1801 г.: «…пребыванием их здесь содержится город в безопасности от народных мятежей и предохраняется от вступления в оный французского войска»[989]). И хотя в Санкт-Петербурге целесообразность пребывания русских войск в Южной Италии после заключения Флорентийского мира вызывала споры[990], до начала 1802 г. санкт-петербургский двор неизменно шел в этом вопросе навстречу герцогу ди Серракаприола, настаивавшему на том, чтобы отзыв русских батальонов состоялся только после вывода с территории королевства французских войск (в результате заключения

[988] В депеше герцогу ди Серракаприола от 23 мая 1801 г. Дж. Актон писал: «У нас по-прежнему находятся 13 тысяч французов... назначенные, как говорят, в Египет или в османские владения на Востоке» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10734. Л. 52).

[989] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 59об. Даже позволение из Санкт-Петербурга выделить один из трех фрегатов капитана А.А. Сорокина для транспортировки сардинского короля, в тот момент находившегося в Казерте, на Сардинию (27 августа 1801 г.), полученное в Южной Италии в начале октября 1801 г., было воспринято королем Фердинандом IV негативно: он обвинил в нерадении герцога ди Серракаприола, не воспрепятствовавшего получению сардинским уполномоченным этого разрешения, подвергавшего опасности столицу королевства (Там же. Л. 107–107об.).

[990] Так, на заседании Непременного совета Российской империи 3 (15) июня 1801 г. было принято решение о необходимости вывода русских войск с территории Неаполитанского королевства (Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. III. Ч. 2. Столб. 1128–1129).

мирного договора между Францией и Великобританией, переговоры о котором в тот момент продолжались в Амьене).

Ситуация изменилась под влиянием известий о волнениях на Ионических островах. В декабре 1801 г. в Санкт-Петербурге было принято решение об отправке на Корфу небольшого воинского контингента[991], а 13 февраля 1802 г. император Александр I подписал рескрипт А.Я. Италинскому, в котором российскому посланнику было предписано принять меры для отправки на Корфу фрегатов и батальонов из Южной Италии («...употребить все старания Ваши, дабы фрегаты как наискорее исправлены были и чтоб также без умедления войско посажено было на них и на те транспорты, кои конечно двор Неапольский не откажется дать для преповождения онаго в Корфу»). Характерно, что одной из главных причин переброски войск в рескрипте был назван повышенный интерес к Ионическим островам французской дипломатии («критическое положение островов Ионических и участие, кое в положении оных Франция склонность принимать показывает»), при этом возможность установления на островах французского влияния описывалась как опасность, противоположная в том числе интересам сицилийского короля («Я судить самому королю оставляю, не опасно ли было бы для владений его чтоб французы решилися вмешаться деятельно в дела островов сих»)[992]. Помимо этого, А.Я. Италинскому было предписано, взаимодействуя с новым российским посланником на о. Корфу графом Г.Д. Мочениго, совместно определить меры для «прочного устройства порядка и правительства» на Ионических островах (в данном случае рескрипт Александра I от 13 февраля 1802 г. напрямую отсылал к рескрипту Павла I от 26 мая 1799 г.: новое предписание

[991] См.: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике 1798–1807 гг. М., 1976. С. 120–146.

[992] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8228. Л. 7–10.

Италинскому было прямо обосновано тем, что ранее он уже имел подобное поручение от покойного императора)[993].

Решение об отзыве фрегатов и батальонов, принятое до заключения англо-французского мира, вызвало негативную реакцию у сицилийского двора. 22 марта 1802 г. королева Мария Каролина писала из Вены герцогу ди Серракаприола: «Если их [русских войск] отправление произойдет до эвакуации французов, для нас это станет окончательным крахом (notre dérniere ruine)»[994]. Негативно отреагировал на эту новость и первый министр Дж. Актон, опасавшийся, что из-за ухода русских войск король Фердинанд IV откажется от уже запланированного возвращения из Палермо в Неаполь (что, как передавал со слов первого министра А.Я. Италинский, якобы могло сподвигнуть короля под влиянием французских инсинуаций и личной антипатии к неаполитанцам отречься от трона Неаполитанского королевства в пользу наследного принца). Более того, поначалу Дж. Актон опасался, что решение об отзыве русских войск могло быть явным знаком недовольства санкт-петербургского двора королем Обеих Сицилий из-за жалоб командующего батальонами генерал-лейтенанта М.М. Бороздина Александру I[995] (1 февраля 1802 г. Бороздин действительно написал большой рапорт императору, содержавший критику в адрес Дж. Актона, «привязанного к славе и пользе Великой Британии» и поддержавшего оскорбительные жалобы французского посла Алкье против русского генерал-лейтенанта, а также, что кажется еще более важным, критику в адрес действовавшей в Неаполе в 1799–1800 гг. Государственной судебной комиссии, члены которой, по утверждению русского офицера, были озабочены

[993] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8228. Л. 8об. Непосредственным результатом этого поручения стал составленный А.Я. Италинским проект новой конституции Республики Семи Соединенных островов, в августе 1802 г. предложенный им для обсуждения графу Мочениго и санкт-петербургскому двору. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 40–55; краткая характеристика проекта: ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 711–712.

[994] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10738. Л. 20.

[995] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 4. Реляция А.Я. Италинского от 23 апреля (5 мая) 1802 г.

личной местью, не гнушались коррупцией и «сильнейшим злоупотреблением законов»[996]).

Вопреки опасениям королевы и первого министра, отплытие фрегатов капитана А.А. Сорокина и батальонов М.М. Бороздина на Корфу состоялось уже после того как последние французские войска покинули территорию Неаполитанского королевства вследствие заключенного в марте 1802 г. Амьенского мира, а король Обеих Сицилий Фердинанд IV, покинув Сицилийское королевство, торжественно въехал в Неаполь 15 (27) июня 1802 г.[997] Задержка в отправлении судов, растянувшаяся на несколько месяцев, была связана, прежде всего, с необходимостью обеспечить русские войска транспортами и продовольствием (как и раньше, эта задача легла на плечи А.Я. Италинского, находившегося в постоянном взаимодействии с Дж. Актоном). К тому моменту из трех русских фрегатов лишь два были в состоянии проделать путь от Неаполя до Корфу («Св. Григорий Великой Армении» и «Св. Михаил»), третий фрегат («Св. Николай») пришлось продать[998]. В середине июля 1802 г. немаловажным фактором, ускорившим подготовку войск к отплытию, стало получение графом Мочениго известий от А.И. Моркова и В.П. Кочубея, «удостоверяющих в том, что употребление Императорского... войска на островах Ионических не причинит никакого роптания со стороны правительства французского»[999] (формально пребывание русских войск на Корфу противоречило российско-французской конвенции от 26 октября 1801 г.) Только 28 июля (9 августа) 1802 г. транспортные суда с русскими солдатами и один из двух фрегатов («Св. Михаил») подняли якорь и покинули неаполитанский рейд (отплытие фрегата «Св. Григорий Великой Армении» должно было произойти спустя несколько дней). В реляции императору Александру I от 30 июля (10 августа) А.Я. Италинский писал:

---

[996] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8233. Л. 1–6об.

[997] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 19–20об. Реляция А.Я. Италинского от 17 (29) июня 1802 г. Королева Мария Каролина вернулась в Неаполь из Вены только 5 (17) августа 1802 г.

[998] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 16об.–17.

[999] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 30.

«Когда фрегат Св. Михаил, будучи уже под парусами, салютировал городу, великое множество народа стеклося на берегах и оставляющих столицу сию россиян препровождало глазами, изображающими сожаление; отбытие их прискорбно всем благорасположенным жителям здешним»[1000].

Второй важной проблемой, определявшей взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством в начале XIX века, оставался мальтийский вопрос.

16 (28) марта 1801 г., буквально на следующий день после конференции герцога ди Серракаприола и графа П.А. Палена (на которой обсуждалось в том числе отношение молодого монарха к Мальте) Александр I официально принял на себя звание протектора ордена Св. Иоанна Иерусалимского (не претендуя на титул великого магистра)[1001]. При этом российский император отказался ввести на Мальту русские войска, а на переговорах с английским и британским посланниками предложил в окончательном договоре передать право гарантии королю Обеих Сицилий как верховному суверену Мальты[1002].

Вопрос о Мальте стал одним из главных сюжетов для обсуждения не только в Санкт-Петербурге, но и в Амьене: мальтийскому вопросу была посвящена 10 статья Амьенского договора между Англией и Францией (27 марта 1802 г.), в соответствии с которой остров должен был быть возвращен под власть Ордена Св. Иоанна Иерусалимского (независимость Мальты должна была гарантироваться Францией, Великобританией, Австрией, Испанией, Россией и Пруссией)[1003]. При этом не было сказано ни слова о суверенных правах на Мальту короля Обеих Сицилий (несмотря на то, что по договору неаполитанское правительство должно было временно ввести на остров гарнизон из 2000 человек). В том числе по этой

[1000] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8229. Л. 32–32об.

[1001] *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013. С. 287.

[1002] ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 143.

[1003] *Auriol Ch.* La France, L'Angleterre et Naples de 1803 à 1806. T. 1. Paris, 1904. P. 57–60.

причине текст договора вызвал острую критику в Санкт-Петербурге, которую должны были только подогреть представления герцога ди Серракаприола. Уже 6 апреля 1802 г. неаполитанский дипломат адресовал КИД большую записку, в которой детально разобрал 10 статью Амьенского договора, обвинив Англию и Франции не только в нарушении прав короля Обеих Сицилий (который даже не был включен в число держав-гарантов), но и во вмешательстве во внутренние дела Ордена, а также в серьезной модификации соответствующей статьи прелиминарного договора, в которой речь шла о гарантии Мальты со стороны «третьей державы» (как утверждал герцог ди Серракаприола, сами рыцари Ордена желали видеть в этой роли Россию)[1004]. В течение 1802 года неаполитанский дипломат продолжал адресовать российскому руководству ноты и записки, посвященные необходимости защиты прав короля Обеих Сицилий на Мальту[1005].

Опасаясь вовлечения в новый европейский конфликт, российское руководство отказалось, вопреки просьбам герцога ди Серракаприола, взять на себя гарантию Мальты. В то же время, идя навстречу требованиям неаполитанской стороны, санкт-петербургский двор трижды отказал британскому кабинету на просьбы выступить гарантом Амьенского трактата, требуя заключения дополнительной англо-французской конвенции, в которой были бы зафиксированы суверенные права на Мальту короля Обеих Сицилий[1006].

В конечном счете весной 1803 г. отказ англичан эвакуировать Мальту под «эфемерным предлогом» защиты Османской империи от французской угрозы (как оценил его в одной из депеш Дж. Актон[1007]) стал поводом для возобновления в Европе англо-французской войны.

[1004] РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 63. Л. 7–13об.

[1005] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 21. Л. 1–6. Там же. Д. 22. Л. 1–2об.; ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 195–196.

[1006] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8231. Проект письма А.Р. Воронцова поверенному в делах Н.Н. Леонтьеву, 17 ноября 1802 г.

[1007] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10742. Л. 35об.

В руководстве российской миссии в Неаполе с началом нового царствования произошли большие перемены. 9 июля 1802 г. А.Я. Италинский был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь[1008] (характерно, что это назначение он получил только после того, как в одной из депеш уверил своего покровителя В.П. Кочубея в том, что не держится за свое место[1009]). В течение последнего года своего пребывания в Южной Италии Италинский продолжал внимательно наблюдать за внешней политикой неаполитанского двора, часто позволяя себе гораздо более откровенные и критичные оценки, чем раньше. Так, он с большой опаской отнесся к наметившемуся в 1801–1802 гг. сближению короля Обеих Сицилий с Мадридом (через двойной династический брак), видя в нем угрозу для возникновения потенциального канала влияния на неаполитанскую политику со стороны Франции[1010], а в депеше от 9 (21) января 1802 г. сообщил о желании неаполитанского двора «сыскивать сам собою благосклонность Бонапартия»[1011].

Преемником А.Я. Италинского на должности посланника при неаполитанском дворе был назначен один из руководителей КИД Дмитрий Павлович Татищев, однако поверенным в делах сразу после отъезда Италинского в Константинополь (18 (30) ноября 1802 г.) стал Николай Николаевич Леонтьев (1772–1830 гг.), человек достаточно новый в дипломатической профессии (он начал свою службу в 1781 г., однако в КИД был определен только весной 1801 г.[1012]) Канцелярский служитель А.Я. Булгаков в письме брату от 8 ноября 1802 г. охарактеризовал его следующим образом: «Он прелюбезный человек, смирен, добр, чувствителен, услужлив» [1013] . Практически с самого начала своей

[1008] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1576. Л. 1об.–2.

[1009] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 29–29об.

[1010] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8221. Л. 111–111об.

[1011] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8230. Л. 3об.–4.

[1012] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 90. Л. 144об.

[1013] *Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 23.

деятельности во главе миссии Леонтьев просил МИД о своем переводе в Германию из-за болезни жены, страдавшей от чахотки (по его словам, именно из-за состояния здоровья супруги император Александр I согласился отправить его к неаполитанской миссии, где, как надеялся Леонтьев, «воздух… мог бы вернуть ей здоровье», однако этого так и не произошло, и ее состояние, напротив, стремительно ухудшалось[1014]). Руководство МИД пошло навстречу поверенному в делах: уже 4 марта 1803 г. был подписан указ об увольнении Леонтьева на один год с сохранением жалования. Он мог покинуть Неаполь после прибытия П.И. Карпова, назначенного новым поверенным в делах на время отсутствия Д.П. Татищева[1015] (в соответствии с указом императора от 2 марта 1803 г. Татищев должен был присутствовать в КИД вплоть до новых повелений[1016]).

Именно на время нахождения во главе миссии Н.Н. Леонтьева пришлось возобновление англо-французской войны, воспринятое неаполитанским двором с большой тревогой. Еще с марта 1803 г. в Неаполе шли разговоры о неизбежности возвращения в адриатические провинции королевства французских войск, после начала конфликта это стало практически неизбежным (в депеше от 26 мая (7 июня) Леонтьев передавал слова Актона о том, что король в случае нарушения французами его нейтралитета «не в состоянии сделать никакого сопротивления»[1017]). В июне 1803 г. 13-тысячный корпус генерала Сен-Сира действительно пересек границу и занял укрепленные пункты на побережье Адриатики (Таранто, Бари, Отранто), откуда мог угрожать как Сицилии, так и Западным Балканам. Уже 12 (24) июня Н.Н. Леонтьев написал российскому посланнику на Корфу графу Г.Д. Мочениго, с которым его связывали дружеские отношения, призвав его «беречься» французов, которые, согласно сведениям нового английского посланника в Неаполе Х. Эллиота, планировали захват Ионических

[1014] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8232. Л. 1–2.

[1015] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8239. Л. 2–2об.

[1016] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 90. Л. 375.

[1017] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8240. Л. 82об.

островов и Мореи [1018] (впоследствии как сам неаполитанский двор, так и российский посланник в Париже А.И. Морков неоднократно делали французскому правительству представления о необходимости вывода французских войск с территории Неаполитанского королевства, однако никакого результата это так и не дало – в ответ французы неизменно требовали вывода англичан с Мальты и русских с Ионических островов).

23 июня (5 июля) 1803 г. в Неаполь прибыл статский советник Петр Иванович Карпов (1755–1812 гг.), сменивший Н.Н. Леонтьева в должности поверенного в делах при неаполитанском дворе. В отличие от своего предшественника он обладал большим дипломатическим опытом: службу в КИД начал еще в 1767 г., в течение многих лет был сотрудником российских миссий в Стокгольме (1770–1779 гг.), Венеции (1779–1783 гг.) и Турине / Кальяри (1783–1803 гг.)[1019] При этом П.И. Карпов был достаточно неуживчивым человеком с тяжелым и вспыльчивым характером (как писал о нем А.Я. Булгаков, «Карпов человек пречестный, но имеет странный нрав, и с ним ужиться очень трудно» [1020]). Инструкции Карпову, подписанные министром иностранных дел А.Р. Воронцовым еще 30 марта (11 апреля) 1803 г., предписывали ему в первую очередь «утвердить приверженность к России двора сего и отклонить происки Франции вовлещи его в свою систему», при этом поверенный в делах должен был тесно взаимодействовать с британским посланником («Намерения аглинского двора в рассуждении Неаполя одинаковы с нашими»[1021]).

На 1803–1805 гг., когда Карпов занимал должность поверенного в делах, пришлось дальнейшее осложнение взаимоотношений между французским

[1018] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8243. Л. 23.

[1019] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1634. Л. 1об.–2. Интересно, что и после прибытия в Неаполь П.И. Карпов продолжал получать жалование «по сардинскому посту» (АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 90. Л. 274об.)

[1020] *Братья Булгаковы.* Указ. соч. С. 77.

[1021] ВПР. Т. 1. М., 1960. С 407.

правительством и неаполитанским двором, стремившимся втайне от Парижа обезопасить подступы к Сицилии (в том числе вооружая население Калабрии и заключив секретное соглашение с британским посланником о том, что в случае начала неприятельских действий со стороны французской армии английские войска будут допущены в Мессину[1022]). В то же время неаполитанский двор старался лишний раз не провоцировать французов: одним из его шагов навстречу французским требованиям стала отставка Дж. Актона, который после конфликта с французским послом Алкье в мае 1804 г. сначала оставил пост руководителя департамента иностранных дел (его в этой должности сменил А. Мишеру), а затем был отстранен от службы и отправился на Сицилию. Как предполагал сам Карпов, дело было даже не столько во французах (несмотря на то, что отставки Актона требовали и Алкье, и лично Наполеон[1023]), сколько в личных врагах Актона, главным из которых была сама королева Мария Каролина[1024], отныне получившая контроль за всей политикой королевства («В настоящий момент именно Ее Величество королева руководит всеми политическими делами сего государства»[1025]). К королеве и ее окружению сотрудники российской миссии относились с большим предубеждением, как и ко всей политике неаполитанского двора, который мог, по их подозрению, под давлением французов «сменить систему» по примеру Испании. При этом важно отметить, что после отставки Актона российский поверенный в делах уже не имел прежних неформальных

[1022] Соглашение было заключено Х. Эллиотом и Дж. Актоном в начале июля 1803 г., однако уже в январе 1804 г. они пришли к выводу, что для обеспечения безопасности Мессины на первое время должно было хватить 2000 неаполитанцев, изначально предназначавшихся для мальтийского гарнизона (*Ilari V., Crociani P., Boeri G.* Le Due Sicilie nelle guerre napoleoniche (1800–1815). T. I (1800–1806). Roma, 2008. P. 33–37).

[1023] *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale. V. 4. Ruptures et fondation, 1803–1804 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2007. P. 238 (письмо Наполеона королеве Марии Каролине, 28 июля 1803 г.)

[1024] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8245. Л. 106–106об.

[1025] Там же. Л. 105об.

контактов с неаполитанским министерством, что неизбежно должно было повлиять на его восприятие неаполитанского двора (в депеше от 29 ноября (11 декабря) 1804 г. Карпов прямо жаловался, что после отставки Актона неаполитанский кабинет «больше не оказывает мне ни малейшего доверия»[1026]). Это серьезно отличало положение российского поверенного в делах от положения британского посланника Х. Эллиота, который, несмотря на отставку Актона, продолжал тесно взаимодействовать с королем и королевой[1027].

В этот период российская миссия, как и прежде, должна была в первую очередь выполнять информационную функцию. Эта задача стала еще более важной в условиях французского господства в адриатических провинциях королевства. В рескриптах от 8 и 13 февраля 1804 г. А. Чарторыйский, с начала года управлявший МИД, предписал П.И. Карпову сообщать в Санкт-Петербург любую информацию, связанную с корпусом Сен-Сира, а также выяснить, действительно ли цель французов состояла в захвате Ионических островов и Греции (любую информацию по этому поводу поверенный в делах должен был сообщить также Г.Д. Мочениго и А.Я. Италинскому)[1028]. Ответом стала депеша П.И. Карпова от 5 (17) апреля с подробным описанием состояния французских войск, на тот момент насчитывавших 13664 человек (к донесению была приложена топографическая карта с нанесенными на нее диспозициями французского корпуса). Относительно целей французов Карпов осторожно заметил: «Ничего еще не выдает их последние проекты»[1029] (эта депеша Карпова была получена в Санкт-Петербурге 13 мая 1804 г. накануне назначения нового отряда русских войск на Корфу). Внимательно наблюдать за действиями французских войск российский поверенный в делах в Неаполе продолжал и в дальнейшем. Так, в начале 1805 г. П.И. Карпов получил известие о выходе французской эскадры из Тулона (16 (28) января) и, опасаясь, что

[1026] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8245. Л. 192–192об.

[1027] *Minto E.* A memoir of the right honourable Hugh Elliot. Edinburgh, 1868. P. 357–358, 366–368.

[1028] АВПРИ. Ф, 133. Оп. 468. Д. 8244. Л. 3–6.

[1029] АВПРИ. Ф, 133. Оп. 468. Д. 8245. Л. 36.

ее целью могли быть Ионические острова или Морея, спешно сообщил об этом командующему русским контингентом на Корфу генерал-майору Р.К. Анрепу, который предпринял все необходимые меры для обороны острова и турецкого побережья (для экономии времени в качестве курьера Карпов отправил на Корфу канцелярского служителя И. Пини)[1030].

Рескриптом от 25 мая 1804 г. П.И. Карпов был уведомлен о расстреле герцога Энгиенского. Уже в этом документе речь шла о скором разрыве России с Францией («С вероятностию предполагать можно, что вскоре прекратятся всякие между ими и нами сношения, тем паче, что неистовство и кичливость первого консула, вырастая день ото дня, соделывает сохранение с ним доброго союза трудным и тягостным»), при этом подчеркивалось, что в этом случае именно Неаполитанское королевство могло стать первой жертвой французов («А как в случае разрыва Франция не в силах нанести вреда России, то без сомнения потщится причинить таковой державам, оною покровительствующим, и тогда Королевство Неапольское подлежит более других опасности»). Новые инструкции предписывали российскому представителю «содержать всегда в готовности» шифр и самые важные бумаги, чтобы в случае необходимости их сжечь, если не останется средств их спасти[1031]. Таким образом, уже в мае 1804 г. в Санкт-Петербурге были готовы к скорому разрыву российско-французских отношений. Он действительно последовал спустя три месяца, при этом важно отметить, что в ноте российского поверенного в делах П.Я. Убри, сообщавшей французскому министру иностранных дел Ш.М. Талейрану о прекращении дипломатических отношений (16 (28) августа 1804 г.), среди длинного списка претензий было и обвинение Франции в нарушении нейтралитета Неаполитанского королевства («Неаполитанский король,

[1030] АВПРИ. Ф, 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 5–5об.

[1031] АВПРИ. Ф, 133. Оп. 468. Д. 8244. Л. 10–10об.

освобожденный на минуту от присутствия французских войск в своем королевстве, снова видит их в своих провинциях»[1032]).

Таким образом, можно утверждать, что неаполитанский фактор сыграл важную роль в разрыве российско-французских отношений. Повторное введение французских войск на территорию Неаполитанского королевства было прямым нарушением договоренностей между Санкт-Петербургом и Парижем, а сам факт их появления на берегах Адриатики не мог не обеспокоить российское руководство, опасавшееся изменения статус-кво в Восточном Средиземноморье и на Балканах[1033]. Российская миссия в Неаполе в это время по-прежнему выполняла функции информатора, сообщая в Санкт-Петербург о действиях французов и обстановке в Неаполитанском королевстве. С одной стороны, в этот период на нее были возложены практически разведывательные задачи (что было предопределено самим фактом оккупации Отранто, Таранто и Бари корпусом Сен-Сира), с другой стороны, после отставки первого министра Дж. Актона российский поверенный в делах фактически оказался в информационном вакууме, что лишь усиливало его подозрительность по отношению к политике короля Обеих Сицилий.

4.2. Англо-русская экспедиция в Неаполитанское королевство (1805–1806 гг.): дипломатическая подготовка и реализация

После возобновления англо-французской войны (май 1803 г.) о возможности совместных действий русских и британских войск в Неаполитанском королевстве впервые зашла речь на переговорах между управляющим МИД А. Чарторыйским и британским посланником в Санкт-Петербурге Дж. Б. Уорреном в феврале–марте 1804 г. (хотя они и были в первую очередь посвящены способам обезопасить от

[1032] Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 2 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 77. СПб., 1891. С. 707.

[1033] *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812. М., 1966. С. 21.

французского вторжения Западные Балканы)[1034]. С этого момента и вплоть до весны 1805 г. Санкт-Петербург и Лондон продолжали вести переговоры о сроках экспедиции, ее целях и военных силах, которые обе стороны были готовы выделить для осуществления десанта во владениях короля Обеих Сицилий. Британская сторона неохотно шла навстречу просьбам из Санкт-Петербурге об отправке в Средиземное море крупных сухопутных сил и, в целом, проявила гораздо большую озабоченность безопасностью Сицилии, важнейшего стратегического плацдарма в Центральном Средиземноморье, нежели судьбой континентальных владений неаполитанского короля.

Обсуждение этих сюжетов было лишь небольшой частью переговоров о формировании Третьей антифранцузской коалиции – процесса, в котором Российская империя и Великобритания в 1804–1805 гг. играли главную роль. Активизации переговоров способствовали возвращение в кресло премьер-министра Великобритании непримиримого противника французского правительства У. Питта-младшего (май 1804 г.) и окончательный разрыв между Россией и Францией (август 1804 г.) Фактически уже с июня 1804 г. санкт-петербургский двор и сент-джеймский кабинет вели переговоры об английских субсидиях [1035]. Кульминацией переговоров стала миссия одного из «молодых друзей» императора Александра I Н.Н. Новосильцева, отправившегося в Лондон в сентябре 1804 г. для обсуждения с У. Питтом не только союзного договора, но и послевоенного устройства Европы. В инструкциях, адресованных Новосильцеву, декларировались новые внешнеполитические принципы, радикально отличавшиеся от конфликтного баланса сил XVIII века: речь шла о создании системы коллективной безопасности в виде «общего союза» больших и малых

[1034] *Mackesy P.* The War of the Mediterranean 1803–1810. Harvard University Press, 1957. P. 52–54; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 333.

[1035] *Flayhart W.H.* Counterpoint to Trafalgar. The Anglo-Russian Invasion of Naples, 1805–1806. University of South Carolina Press, 1992. P. 41–43.

государств, который должен был служить поддержанию в Европе «вечного мира»[1036]. Важным для Александра I и А. Чарторыйского был также национальный принцип, в соответствии с которым должна была быть преобразована политическая карта Европы (речь, в частности, шла о возможности создания федеративных союзов в Германии и Италии)[1037].

Итогом российско-британских переговоров стало подписание 30 марта (11 апреля) 1805 г. в Санкт-Петербурге союзной конвенции «О мерах к установлению мира в Европе». В ней оговаривались не только взаимные военно-политические обязательства и размер субсидий, которые британская сторона обязывалась выплатить России за выставленные войска, но и цели коалиции, в том числе «безопасность на будущее время королевства Неаполитанского и совершенное очищение Италии» [1038] . Спустя несколько месяцев под влиянием усиления французской экспансии в Северной Италии (коронация Наполеона Бонапарта как короля Италии и присоединение к Франции Лигурийской республики в мае 1805 г.), а также заключения Наполеоном союза с Баварией, Баденом и Вюртембергом, к антифранцузской коалиции присоединилась и Австрия[1039].

К моменту подписания англо-русской конвенции в Лондоне уже было принято решение пойти навстречу требованиям российской стороны об увеличении британских войск на Мальте для их последующего использования в Южной Италии (хотя вместо требуемых 15 тысяч человек сент-джеймский кабинет был готов выделить лишь 5–6 тысяч человек). 28 марта 1805 г. лорд Кэмден, государственный

[1036] *Андреев А.Ю.* Союз христианских монархов. Александр I и концепции коллективной безопасности в Европе // Безопасность Российской империи: проблемы, дискурсы, практики в XVIII–XIX веках / под ред. Н. Иванова, Н. Катцера, К. Дитце. М., 2026. С. 178–180.

[1037] *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 18–21; *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 210–227.

[1038] ВПР. Т. 2. М., 1962. С. 355–377.

[1039] *Искюль С.Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 98–100.

секретарь военного ведомства, подписал инструкции генерал-лейтенанту Дж. Г. Крейгу (1748–1812 гг.), которому было поручено руководство английским экспедиционным корпусом. Генерал Крейг должен был напрямую взаимодействовать с русскими войсками, однако его главная цель, согласно инструкциям, заключалась не в защите неаполитанских Бурбонов, а в захвате Сицилии, вне зависимости от того, как к этому мог бы отнестись неаполитанский двор («Чрезвычайно важно, чтобы Сицилия не попала в руки французов, защиту острова следует рассматривать главной целью экспедиции»[1040]).

Таким образом, с самого начала в основание российско-британского союза были заложены противоречия, ярко проявившиеся во время экспедиции англо-русских войск в Южную Италию (1805–1806 гг.) Для того, чтобы глубже понять, в чем они заключались, следует подробнее остановиться на том, как в течение 1804–1805 гг. идея высадки русских войск в Неаполитанском королевстве развивалась в инструкциях и депешах российских командующих в Средиземноморье (генерал-майора Р.К. Анрепа и генерала Б.П. Ласси), а также в ходе двусторонних российско-неаполитанских переговоров, в которых главную роль играли герцог ди Серракаприола и Д.П. Татищев, весной 1805 г. отправившийся к своему посту.

Идея высадки русских войск в Италии была отчетливо сформулирована в рескрипте генерал-майору Роману Карловичу Анрепу, 19 мая 1804 г. назначенному командующим русскими войсками на Ионических островах. Хотя этот документ был в первую очередь посвящен организации обороны Ионических островов и балканского побережья Османской империи от французского десанта («знатные приуготовления чинимыя в разных пунктах Италии, и готовность флота Тулонского к отплытию с немалым корпусом десантных войск, утверждают доходящие до нас сведения о видах первого консула на Ионические острова и области Турецкие со стороны Адриатического и Белого моря»[1041]), четырнадцатая статья инструкции оговаривала возможность совместных действий с англичанами в Неаполитанском

[1040] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 59.

[1041] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1119. Л. 3–3об.

королевстве в том случае, если французы «отложат виды свои на Грецию»: «Силы наши с аглинскими... обратятся на освобождение Королевства Неаполитанского, посредством высадки в оное отряда войск наших и аглинских, купно с таковым составленным из вооруженных албанцов, маниотов и славеносербов... О сем предприятии на Италию, когда оное признано здесь будет нужным, вы получите в свое время повеление мое и надлежащие наставления, и тогда согласитесь с адмиралом Нельсоном о всех мерах, привести оное в исполнение, при каковом случае первейшею обязанностию вашею будет старатся занять какой либо порт в Италии, дабы иметь всегда безпрепятственное сношение между местами, где вы действовать будете в Неапольском королевстве и Ионическими островами, Мальтою, и черноморскими нашими портами»[1042].

К инструкции генерал-майору Анрепу были приложены отдельные записки. Одна из них напрямую касалась диспозиций французских войск в Отранто и Бриндизи, откуда они могли, по оценке составителей документа, в течение 12–24 часов переправиться на Балканский полуостров, открыв прямой путь до Патраса и Коринфа [1043] . Часть этой записки была посвящена возможности совместных действий русских и британских войск в Южной Италии, фактически очерчивая границы потенциальной военной операции. В соответствии с этим проектом британские войска (12–20 тысяч человек) могли высадиться в Неаполитанском или Салернском заливе на западном побережье Апеннинского полуострова, а русские войска (около 15 тысяч человек) – в Манфредонии на адриатическом побережье. Кроме того, план допускал возможность высадки десанта в Анконе, которая должна была стать важнейшим опорным пунктом русских войск в Центральной Италии[1044].

Новые рескрипты генерал-майору Р.К. Анрепу от имени А. Чарторыйского, посвященные возможности осуществления высадки в Италии, были подписаны уже спустя несколько месяцев, когда российско-французские отношения были на

[1042] Там же. Л. 30об. –32.

[1043] Там же. Л. 40–58об.

[1044] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1119. Л. 56–58об.

грани разрыва. 1 августа 1804 г. вместе с полковником лейб-гвардии Преображенского полка Арсеньевым русскому главнокомандующему на о. Корфу была отправлена подробная карта Южной Италии с указанием диспозиций французской армии в восточных провинциях Неаполитанского королевства (вместе с расписанием неаполитанских войск)[1045], а 19 сентября 1804 г., вскоре после разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией, Анрепу было предписано «помышлять о возможности занять какой-либо... приморский... город» на Апеннинском полуострове для прикрытия действий корпуса русских войск, назначенного в Италию, и для защиты коммуникаций с Ионическими островами и Северным Причерноморьем (речь при этом по-прежнему шла об Анконе, план крепости которой генерал-майор Анреп в соответствии с рескриптом должен был раздобыть, одновременно вступив во взаимодействие с англичанами и озаботившись поиском купеческих судов, которые можно было использовать в качестве транспортов для русских войск)[1046].

Генерал-майор Р.К. Анреп прибыл на Корфу в августе 1804 г. Совместно с российским посланником графом Г.Д. Мочениго и командующим русскими судами капитаном-командором А.А. Сорокиным (которого в январе 1805 г. сменил капитан-командор А.Г. Грейг) они составил комитет, на заседаниях которого обсуждались вопросы, связанные с укреплением обороноспособности Ионических островов, созданием военных отрядов из сулиотов, маниотов и химариотов, а также финансированием и снабжением русских войск на Ионических островах, число которых в течение 1804 г. увеличилось благодаря регулярно прибывавшим подкреплениям из черноморских портов (к осени 1805 г. русский корпус на Корфу составлял около 12 тысяч человек)[1047]. Уже на одном из первых заседаний комитета (12 августа 1804 г.) было принято решение отправить в море фрегат для наблюдения

[1045] Там же. Л. 106об. –109об.

[1046] Там же. Л. 114–118об.

[1047] *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике 1798–1807 гг. М., 1976. С. 227–228, 232–233.

за занятым французами побережьем Неаполитанского королевства от Таранто до Барлетты (в помощь второму фрегату, уже находившемуся в крейсировании)[1048], а 17 (29) сентября Анреп сообщил Чарторыйскому не только о прибытии полковника Арсеньева (с картой Южной Италии и расписанием войск короля Обеих Сицилий), но и о своих первых контактах с британскими офицерами на Мальте (через майора британской службы графа Фроберга, прибывшего в Корфу под видом путешественника). В тот момент сведения о количестве английских войск на Мальте не внушили генерал-майору Анрепу никакого оптимизма относительно возможности совместных действий в Италии: «Число войск аглинских в сем острове простирается только до четырех тысяч... Мы здесь в случае надобности не можем полагаться на то содействие аглинских сухопутных войск в Мальте находящихся, на которое Вы... по уверению Лондонского кабинета считать изволили»[1049].

Важнейшей депешей генерал-майора Р.К. Анрепа о возможности высадки русских войск в Южной Италии, является донесение от 4 (16) декабря 1804 г., ставшее ответом на рескрипт А. Чарторыйского от 19 сентября 1804 г. (в котором командиру русского гарнизона на Корфу предписывалось «помышлять» о взятии Анконы). Р.К. Анреп, проявляя осторожность, доказывал, что взятие Анконы, также как и любого другого укрепленного порта на Адриатике (например, Манфредонии), было сопряжено со слишком большим риском в условиях преобладания в восточных провинциях королевства французской армии. Наилучшей альтернативой генерал-майор считал Неаполь («самым выгоднейшим пунктом для первоначальных наших действий в Италии мог бы быть для нас Неаполь, место незанятое еще французами и подающее нам чрез то легкий способ предупредить их нашими войсками»[1050]). По плану, предложенному Анрепом, вслед за Неаполем русские войска могли занять Капую, получив благодаря этому «самый твердый

[1048] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1119. Л. 145–146об.

[1049] Там же. Л. 165–166.

[1050] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1119. Л. 195–195об.

пункт в Италии». Как писал русский генерал, помимо содействия британского флота для транспортировки русских войск (или реквизиции для этой цели купеческих судов на Ионических островах), единственное, что требовалось для осуществления высадки как минимум 4000 русских солдат в Южной Италии, – содействие неаполитанского двора. Генерал-майор Анреп в тот момент еще не имел точных сведений о «политической системе» неаполитанских Бурбонов, однако, исходя из слухов о подготовке отъезда двора на Сицилию, полагал, что договориться с неаполитанской стороной о передаче столицы и крепостей русским войскам, также как и о содействии русскому отряду со стороны неаполитанской армии, не должно было составить труда, несмотря на «нерешимость» и «робость» неаполитанского министерства («уповательно охотнее согласится отдать столицу свою в наши руки, нежели предать жадности и разорению ненастных врагов его»)[1051]. В той же депеше князю Чарторыйскому от 4 (16) декабря Анреп сообщал, что тайно отправил в Неаполитанский залив полковника лейб-гвардии Преображенского полка Арсеньева (на борту линейного корабля «Святая Параскева», ушедшего в Неаполь для транспортировки сардинского короля Виктора Эммануила I и его семьи в черноморские порты). Арсеньеву было поручено «секретнейшим образом» собрать все необходимые сведения, касавшиеся возможности осуществления высадки русских войск[1052].

Корабль «Святая Параскева» прибыл на неаполитанский рейд в конце декабря 1804 г.[1053] и отправился обратно на Корфу уже в начале февраля 1805 г.[1054] (сардинский король отказался покидать Италию, ожидая начала военных действий, которые должны были сыграть решающую роль в судьбе итальянских

[1051] Там же. Л. 195об. –196.

[1052] Там же. Л. 198–198об.

[1053] В депеше от 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.) П.И. Карпов писал: «Наш линейный корабль Прасковия под начальством капитана первого ранга Салтанова на прошедшей неделе прибыл уже в здешний порт» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8245. Л. 196).

[1054] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 36.

государств[1055]). Фактически полковник Арсеньев находился в Неаполе чуть больше месяца, однако за это короткое время он успел раздобыть две таблицы с подробным расписанием французских войск в Неаполитанском королевстве, общее число которых на 31 декабря 1804 г. составляло 18004 человека[1056] (одну из них офицеру вручил при встрече в Гаэте сам сардинский король, другую Арсеньев получил через российского поверенного в делах П.И. Карпова[1057]), а также планы трех крепостей (Гаэты, Чивитавеккь а и Анконы), сведения об укреплениях и войсках Неаполитанского королевства и даже пространную записку с проектом высадки русских войск в Неаполе, Гаэте и Анконе, составленную сардинским королем Виктором Эммануилом I[1058].

В мае 1804 г., тогда же, когда был подписан рескрипт о назначении в Корфу генерал-майора Р.К. Анрепа, первые предложения о высадке русских войск в Южной Италии впервые прозвучали со стороны неаполитанского двора. Король Обеих Сицилий Фердинанд IV в собственноручном письме императору Александру I от 22 мая 1804 г., описывая небольшое количество собственных вооруженных сил (34 тысячи человек в обоих королевствах, из которых около 10 тысяч находилось на Сицилии), делал следующий вывод: «Без иностранной военной силы я не смогу защитить Неаполитанское королевство. Мне необходимо 20 тысяч русских и англичан»[1059]. Примерно в это же время в письме герцогу ди Серракаприола от 8 июня 1804 г. королева Мария Каролина, выражая ужас из-за смерти герцога Энгиенского («даже Робеспьер не осмелился бы совершить

[1055] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1126. Л. 98–98об. Копия письма короля Виктора Эммануила I генерал-майору Р.К. Анрепу, 11 января 1805 г.

[1056] Там же. Л. 107.

[1057] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 36.

[1058] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1126. Л. 95–97. Депеша генерал-майора Р.К. Анрепа князю А. Чарторыскому, 7 (19) марта 1805 г. Там же. Л. 99–105об. Копия записки, переданной полковнику Арсеньеву сардинским королем.

[1059] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 6183. Л. 8об. –9.

подобного») и описывая угрозу столице и крепостям королевства со стороны французской армии, также сформулировала мысль о необходимости высадки в Южной Италии русских и английских войск: «Я уверена, что если нам придется сражаться лишь с 15 тысячами человек, мы будем триумфаторами, однако после этого на нас обрушатся все силы французов, и мы станем жертвами; именно это обстоятельство внушает нам осторожность и заботу сначала увидеть установленным концерт, союз, который мог бы обеспечить нам помощь 30 тысяч русских (что для меня предпочтительней) или англичан...»[1060] (при этом королева обещала, что союзные силы будут находиться на содержании неаполитанского двора)[1061]. В обоих письмах отправка русских войск рассматривалась как крайняя мера на тот случай, если французская армия начнет враждебные действия против короля Обеих Сицилий и завладеет Неаполем, Гаэтой и Капуей, или откроет себе путь в Калабрию (при этом отношение неаполитанского правительства к Великобритании в это время было достаточно настороженным: в письмах герцогу ди Серракаприола, написанных в мае 1804 г., первый министр Дж. Актон отмечал стремление британцев занять Сицилию в случае угрозы со стороны французских войск, подчеркивая, что тем самым будет полностью уничтожен нейтралитет короля Фердинанда IV[1062]).

В Санкт-Петербурге копии и оригиналы этих документов были переданы через герцога ди Серракаприола, который, напрямую взаимодействуя с Чарторыйским, в целом, с оптимизмом смотрел на возможность получения неаполитанским двором русской военной помощи (так, сообщая Чарторыйскому копии писем из Мадрида от неаполитанского дипломата герцога ди Сан-Теодоро, А. Мареска писал в сопровождающей записке от 29 июля 1804 г.: «Мой дорогой князь, в том же письме вы увидите опасения, ... что появление малейшей помощи в нашу пользу нас уничтожит и причинит нам больше зла, нежели блага; мое мнение противоположно

[1060] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10744. Л. 56.

[1061] Там же. Л. 57.

[1062] Там же. Л. 73об. Копия депеши Дж. Актона, 23 мая 1804 г.

этому чувству, и я повторяю Вам то, о чем умолял Вас уже много раз: если Вы отправите к нам мощную силу (force très imposante), Вы нас спасете и тем самым обессмертите царствование императора Александра»[1063]). Более того, вопреки официальной риторике неаполитанского двора, с опасением воспринимавшего усиление русского гарнизона на острове Корфу, сам герцог ди Серракаприола не сомневался в том, что увеличение русских войск на Ионических островах пойдет лишь на пользу целям борьбы с «корсиканским тираном (Corse Dominateur)» («Мой любезный князь, я повторяю Вам свои просьбы о том, чтобы было решено об увеличении русских войск на Корфу в благоприятный сезон»[1064]). Неслучайно впоследствии Наполеон обвинял в содействии усилению русского контингента на Корфу в том числе герцога ди Серракаприола, требуя его отзыва из Санкт-Петербурга в личном письме королеве Марии Каролине (2 января 1805 г.)[1065].

Обращает на себя внимание тот факт, что к осени 1804 г. наметилось некоторое расхождение между действиями неаполитанского департамента иностранных дел во главе с А. Мишеру, и действиями неаполитанской королевы Марии Каролины. В то время как руководитель дипломатического ведомства действовал открыто и публично, королева прибегала к личной дипломатии, ведя прямую переписку с министрами за рубежом и транслируя идеи, радикально отличавшиеся от официальных заявлений неаполитанского кабинета (при этом они оба действовали от имени короля Обеих Сицилий). В один и тот же день, 1 октября 1804 г. в Неаполе было написано два письма, адресованных герцогу ди Серракаприола. В одном из них А. Мишеру, передавая требования французского правительства, от имени короля Фердинанда IV просил, чтобы Александр I торжественной декларацией публично обещал не использовать русские войска, находившиеся на Корфу, для

[1063] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10744. Л. 89.

[1064] Там же. Л. 98. Записка герцога ди Серракаприола от 11 августа 1804 г.

[1065] *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale. V. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz, 1805 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2008. P. 22–23.

высадки в Южной Италии[1066]. В другом письме королева Мария Каролина, напротив, настаивала на необходимости, в случае начала войны между Россией и Францией, отправить в Неаполитанский залив от 30 до 50 тысяч русских войск, которые могли бы соединиться с 10 тысячами англичан и, действуя совместно с неаполитанской армией, освободить от французов не только Неаполитанское королевство, но и всю Италию[1067].

Ответом на эти документы стали официальная нота и письмо Чарторыйского герцогу ди Серракаприола от 21 ноября 1804 г. (обе бумаги были вручены неаполитанскому посланнику на конференции, состоявшейся 24 ноября). В первом документе официально провозглашались цели увеличения русских войск на Ионических островах (защита русского гарнизона и «европейских провинций Порты» от французской угрозы), а также декларировалось, что российский монарх «никогда не будет... первым, кто превратит неаполитанские владения в театр разрушительной войны» [1068] (именно об этом документе А. Чарторыйский впоследствии писал графу С.Р. Воронцову, отмечая, что содержавшиеся в нем сведения «могут быть сообщены даже французскому правительству» [1069]). Во второй бумаге, письме князя А. Чарторыйского герцогу ди Серракаприола, носившем конфиденциальный характер, со ссылкой на статьи союзного договора 1798 г. неаполитанскому двору была обещана помощь в том случае, если французы будут угрожать оккупацией Калабрии, захватом столицы, или потребуют сдачи крепостей («Если эти опасения окажутся реальностью, и Его Величество король решится просить помощи, оговоренной в упомянутом союзном трактате, Его Императорское Величество не преминет исполнить просьбу»)[1070]. Одновременно с этим неаполитанскому правительству рекомендовалось избегать любых действий,

[1066] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10744. Л. 145об.

[1067] Там же. Л. 131–131об.

[1068] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10744. Д. 10745. Л. 22об.–23.

[1069] ВПР, Т. 2. М., 1961. С. 200, 669.

[1070] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10745. Л. 42–43.

которые могли спровоцировать французов раньше, чем Санкт-Петербург был бы готов оказать королю военную помощь, а сама возможность оказания этой помощи ставилась в зависимость от успеха переговоров об «общей коалиции» и совместном плане действий с другими европейскими дворами, в том числе с Лондоном и Веной («Я не хочу отдельно останавливаться на очевидной необходимости общей коалиции (coalition générale) и общего плана действий во всей Европе, без которых всякая частная экспедиция... будет иметь лишь пагубные последствия для всего континента»)[1071].

Письмо А. Чарторыйского от 21 ноября 1804 г. ярко свидетельствует о сложности координации будущих действий с англичанами: речь в данном случае шла не только о малом числе британских войск на Мальте (по мнению автора документа, их общее количество составляло не более 2000 человек, которые могли быть использованы разве что для занятия Мессины, и вряд ли были в состоянии оказать помощь русскому корпусу), но и о разных планах экспедиции. Британская сторона предлагала высадку русских войск в Калабрии, в то время как неаполитанский двор склонялся к необходимости высадки русского корпуса в собственной столице, при этом в обоих случаях осуществление десанта могли сорвать французские войска, занимавшие Таранто, Отранто и Бари, и готовые к превентивным действиям (в письме особенно подчеркивалось: «Настоящий момент нельзя сравнивать с тем, что имел место в 1799 году. Тогда у французов была лишь одна сильная армия, которая двинулась на север Италии, и они уже были деморализованы поражениями» [1072]). Российское руководство брало на себя обязательство «объясниться» с британским правительством о необходимости усиления английских войск на Мальте, и о том, чтобы они могли принять прямое участие в военных действиях на юге Италии[1073], а само осуществление экспедиции предварительно откладывалось до весны 1805 г. При этом вопрос о снабжении

[1071] Там же. Л. 45.

[1072] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10745. Л. 49об. –50.

[1073] Там же. Л. 56–56об.

русских войск оставался открытым и требовал отдельных переговоров как с королем Обеих Сицилий, так и с британским кабинетом[1074].

Уже спустя несколько дней, 27 ноября (9 декабря) 1804 г. депеша от имени князя А. Чарторыйского, практически идентичная по содержанию с письмом герцогу ди Серракаприола, была отправлена графу С.Р. Воронцову, которому было поручено вести переговоры с британским кабинетом о подготовке совместной операции в Южной Италии (в частности, речь вновь шла о необходимости усиления британского военного контингента на Мальте). Интересно, что в этом письме Чарторыйский достаточно скептически оценивал связь проблем Неаполитанского королевства с реальными интересами Российской империи, небезосновательно видя их в первую очередь в защите целостности Османской империи: «Руководствуясь лишь государственными соображениями, Россия, разумеется, должна была бы озаботиться преимущественно о гарантии владений Порты, а не королевства Неаполитанского... Однако искренняя дружба, которую император испытывает к королю Обеих Сицилий,... не позволит ему, конечно, покинуть этого государя в нынешней опасной обстановке»[1075].

Таким образом, в конце 1804 – начале 1805 г. решение об отправке русских войск в Южную Италию было принято окончательно, несмотря на сохранявшиеся противоречия как с Великобританией, так и с венским двором, который в конце декабря 1804 г. выразил заинтересованность в том, чтобы в случае начала войны русские войска были отправлены не в Южную, а в Северную Италию для совместных действий с австрийской армией (к большой обеспокоенности герцога ди Серракаприола, попытавшегося заручиться поддержкой британского посланника в Санкт-Петербурге для совместных представлений Чарторыйскому о необходимости придерживаться изначального плана)[1076].

[1074] Там же. Л. 57об. –60.

[1075] ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 198.

[1076] *Rose J.H.* Select dispatches from the British Foreign Office Archive relating to the formation of the Third Coalition against France 1804–1805. London, 1904. P. 84.

Планирование экспедиции англо-русских войск в Неаполитанское королевство было сопряжено с большим количеством сложностей, требовало серьезной подготовки и не могло целиком осуществляться из Санкт-Петербурга и Лондона. Уже в письме А. Чарторыйского герцогу ди Серракаприола от 21 ноября 1804 г. было названо имя русского генерала, которого российское руководство решило назначить главнокомандующим объединенными союзными войсками в Южной Италии (русскими, британскими и неаполитанскими), и которому в начале 1805 г. было поручено отправиться в Неаполь под видом путешественника для того, чтобы «снестись с министерством Его Сицилийского Величества и решительно постановить с ним, каким образом могли быть преодолены все препятствия»[1077]. Этим человеком должен был стать генерал от инфантерии Борис Петрович Ласси (Морис Лейси) (1737–1820 гг.), уроженец Ирландии, поступивший на русскую службу еще в 1762 г., соратник А.В. Суворова, казанский и литовский губернатор (1797–1799 гг.), который был отправлен в отставку императором Павлом I и с тех пор проживал в своем имении под Гродно. В письме А. Чарторыйского герцогу ди Серракаприола генералу Ласси была дана высокая оценка («Заслуги и известный опыт сего генерала таковы, что именно на него пал... выбор императора»), а само решение объединить все силы союзников под единым командованием, очевидно, продиктованное негативным опытом войны Второй антифранцузской коалиции, было обосновано как необходимое для того, чтобы обеспечить скорость (celeritè) операций против французов, от которой с самого начала должен был зависеть успех всего предприятия[1078].

Подробные инструкции генералу Ласси были подписаны императором Александром I 6 января 1805 г. (буквально на следующий день после получения в Санкт-Петербурге депеши генерал-майора Р.К. Анрепа от 4 (16) декабря 1804 г. с описанием плана высадки русского отряда в Неаполе и информацией о миссии полковника Арсеньева). Этот большой документ достаточно важен, так как

[1077] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10745. Л. 52об. –53.

[1078] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10745. Л. 51об. –52.

свидетельствует не только о конкретных военно-политических задачах, поставленных перед престарелым генералом, но и об общей идеологической системе александровского царствования и его внешней политики. Уже в первой части инструкций со ссылкой на принципы международного права (le droit des gens) и концепцию общественного договора была обоснована идея о высокой миссии Российской империи, заключавшейся в защите европейской безопасности (sûreté) и равновесия, угрожаемых «оскорбительными и возмутительными» действиями французского правительства («В соответствии со священными узами общественного договора (pacte social), который предписывает сильным государствам защиту слабых»)[1079]. Именно этим целям должно было служить участие России в войне против Франции (особенно оговаривалось, что в этот раз Санкт-Петербург отказывался выступать лишь вспомогательной силой и тем более содействовать чьим бы то ни было «амбициям» и «предрассудкам»[1080]), при этом главной причиной особого интереса императора Александра I к итальянским государствам было названо его стремление сохранить целостность Османской империи. Явный разрыв с идеологической системой предшествовавшего царствования наблюдался, во-первых, в поручении передать сардинскому королю (который желал находиться при русской армии в Италии) внушения императора Александра о невозможности восстановления старого порядка на территории Пьемонта («un retour total à l'ancien ordre des choses»)[1081], а во-вторых, в критике репрессивной политики неаполитанского двора (то, что раньше едва ли можно было представить в официальном документе за подписью российского монарха). В 14 статье инструкции содержались следующие строки: «Неаполитанский двор часто критиковали, и не без оснований, за то, что он использовал по отношению к своим подданным несправедливую и неразумную жестокость (une rigueur injuste et impolitique), и такую систему, которая едва ли могла приобрести ему их любовь...

[1079] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 4–5.

[1080] Там же. Л. 7.

[1081] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 45.

Вы внушите министерству этого монарха, что кротость и милосердие по отношению к подданным, по воле обстоятельств введенных в заблуждение (des sujets que les circostances ont égaré), — это наиболее верный способ привязать к себе собственный народ»[1082].

Что касается конкретных военно-политических положений инструкции, генералу Б.П. Ласси предписывалось, прибыв в Неаполь под видом путешественника, отправившегося на воды для поправления здоровья, снестись с российским поверенным в делах П.И. Карповым и неаполитанским министром финансов Луиджи де Медичи (к тому времени де Медичи, бывший начальник полиции, в 1795 г. обвиненный в организации якобинского заговора, уже получил амнистию и вновь пользовался доверием королевы Марии Каролины, которая в 1803 г. способствовала его назначению главой финансового ведомства, несмотря на негативное отношение к нему Дж. Актона[1083]). Находясь в Неаполе, генерал должен был раздобыть точные сведения о состоянии неаполитанской армии и количестве лошадей, которое неаполитанцы могли выделить для нужд экспедиционного корпуса, предпринять меры для укрепления обороноспособности королевства, а также установить связи с генерал-майором Р.К. Анрепом на Корфу и британским командованием на Мальте, которое должно было снабдить русский корпус транспортными судами. В том случае, если генерал нашел бы неаполитанские войска в состоянии совместно с русским отрядом оказывать сопротивление французам в течение как минимум трех месяцев (как сообщал генералу в личном письме А. Чарторыйский, этот срок был необходим для вовлечения в коалицию Австрии[1084]), а французы атаковали бы столицу королевства, неаполитанские крепости и Калабрию, Ласси был уполномочен призвать в Италию корпус генерал-

[1082] Там же. Л. 41–42об.

[1083] *Blanch L.* Scritti storici / a cura di B. Croce. V. I. Il Regno di Napoli dal 1801 al 1806 e la campagna del Murat nel 1815. Bari, 1945. P. 105–112.

[1084] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 69–69об.

майора Анрепа[1085]. 12 статья была целиком посвящена плану будущих операций: в том случае, если французы атаковали бы неаполитанцев первыми, инструкции предлагали генералу Ласси в первую очередь озаботиться защитой Калабрии (в том числе для того, чтобы обезопасить Сицилию), а в качестве главной военной цели рассматривать Таранто; в том случае, если бы французы не успели воспрепятствовать осуществлению высадки экспедиционного корпуса, русские войска должны были занять Неаполь, Гаэту и Капую и уже потом двинуться по направлению к Барлетте, чтобы пресечь коммуникации французских войск. Оттуда русские войска могли начать движение на север и, вступив на территорию Папского государства, завладеть Анконой (в то время как британский корпус в размере 3–4 тысяч человек должен был занять Чивитавеккья)[1086]. В целом же генералу Ласси была предоставлена практически полная свобода действий. 18 статья инструкций гласила: «Точное знание о положении дел в Неаполитанском королевстве – единственное, что может определить план, которого следует придерживаться в военных операциях... Те наброски..., которые содержатся в настоящей инструкции, я полностью предоставляю на Ваше личное усмотрение (à votre libre arbitre)... Я уполномочиваю Вас улучшить или переменить, целиком или частично, маршрут и движение армий в соответствии с тем, что Вы сами сочтете необходимым, исходя из Ваших собственных знаний»[1087]. Спустя несколько месяцев, 29 апреля 1805 г. Александр I утвердил новую депешу генералу Ласси (о местонахождении которого в Санкт-Петербурге тогда еще не было никаких сведений). Сообщая об угрозе скорого начала полномасштабной войны в Европе, император уполномочил Ласси действовать, не дожидаясь приказов из Санкт-Петербурга, в том случае, если он узнает от австрийского главнокомандующего в Северной Италии или российского посла в Вене графа А.К. Разумовского о начале боевых действий (приоритетной

[1085] Там же. Л. 25–25об.

[1086] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 32об. –39.

[1087] Там же. Л. 48–48об.

целью для русского корпуса на Корфу, согласно этому документу, по-прежнему оставалась Анкона)[1088].

Миссия генерала Ласси была окружена ореолом строгой секретности. Ее сохранению должна была послужить не только легенда о цели путешествия офицера в Южную Италию (хотя следует отметить, что в силу возраста состояние его здоровья действительно оставляло желать лучшего). В соответствии с инструкциями генерал Ласси не должен был сообщать о широте своих полномочий (в любой момент призвать в Южную Италию корпус Анрепа) ни неаполитанскому министерству, ни британскому посланнику при неаполитанском дворе. Более того, все политические предписания, содержавшиеся в инструкциях генералу Ласси, поначалу не были известны даже инженер-генералу графу К.И. Опперману, который 17 января 1805 г. вручил Ласси пакет из Санкт-Петербурга и в дальнейшем должен был сопровождать его в путешествии по Европе, а в Южной Италии стать генерал-квартирмейстером экспедиционного корпуса. О целях миссии были с самого начала осведомлены неаполитанский двор, а также российский посол в Вене А.К. Разумовский. При этом генерал Ласси и его свита (в гражданской одежде) должны были напрямую отправиться в Триест через Линц, не заезжая в австрийскую столицу, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание. В Мессине русского генерала должно было встретить доверенное лицо, выбранное неаполитанским правительством для того, чтобы сопровождать его в столицу королевства (по предложению герцога ди Серракаприола этот человек должен был продемонстрировать генералу половину письма – вторая половина этой бумаги была прислана Ласси вместе с инструкциями[1089]).

Уже 19 января генерал Б.П. Ласси вместе с инженер-генералом графом К.И. Оппермаком покинули Гродно и через несколько дней пересекли австрийскую границу. 15 (27) февраля они были в Триесте и 27 февраля (11 марта) вышли в море на купеческом судне под австрийским флагом. Из-за непогоды корабль, на котором

[1088] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 72–75об.

[1089] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 61–61об.

находились Ласси и Опперман, сначала задержался в Которе, после чего был вынужден войти в порт Таранто, занятый французскими войсками (в своем путевом журнале К.И. Опперман свидетельствовал о беспокойстве и о мерах предосторожности на случай досмотра корабля французами: наиболее важные документы, включая фрагмент инструкций генералу, письма неаполитанскому и сардинскому королям, депешу П.И. Карпову и половину письма, полученную от герцога ди Серракаприола, были спрятаны на теле Ласси и Оппермана, остальные документы офицеры приготовились уничтожить [1090]). Только 1 (13) апреля австрийский корабль смог выйти из гавани Таранто (французы его не досматривали) и уже 8 (21) апреля бросил якорь в порту Котроне (современное название – Кротоне), где Ласси и Опперман сошли на берег, решив предпринять путь до Неаполя по суше[1091]. Из Котроне Ласси уведомил о своем скором приезде поверенного в делах П.И. Карпова, который в тот момент еще ничего не знал о целях миссии генерала. Для соблюдения секретности Ласси сообщил Карпову о том, что предпринял путешествие для восстановления здоровья, а также просил написать о своем прибытии «моему другу в Санкт-Петербурге, известному Вам г-ну князю Адаму Чарторыйскому (à mon ami à Vous connu à Saint-Pétersbourg, c'est à dire, Mr. le Prince Adam Czartorisky)»[1092].

В Неаполь генерал Б.П. Ласси приехал 22 апреля (4 мая) 1805 г. (сразу по приезде он уведомил П.И. Карпова о характере своей миссии и вручил ему новые шифры [1093]). С самого начала его отзывы о состоянии королевства были неблагоприятны. Путешествуя от Котроне до Неаполя через Калабрию, генерал Ласси отметил «большое недовольство к нынешнему правительству» со стороны всех социальных слоев (вопреки представлениям о преданности калабрийцев

[1090] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1174. Л. 28.

[1091] Там же. Л. 5об. –6. Письмо Б.П. Ласси князю А. Чарторыйскому, 27 апреля (7 мая) 1805 г.

[1092] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 48–48об. Копия письма Б.П. Ласси П.И. Карпову, 9 (21) апреля 1805 г.

[1093] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 49–50.

Бурбонам)[1094]. Прибыв в столицу и встретившись с Л. де Медичи, уже через несколько дней (26 и 27 апреля) Ласси в частном порядке был принят Марией Каролиной и Фердинандом IV (в апартаментах королевы). От королевы, недовольной промедлением австрийцев и жаждавшей точных известий о ходе переговоров по созданию антифранцузской коалиции, генерал Ласси получил не только тревожные сведения о состоянии королевства (по мнению Марии Каролины, французы должны были атаковать неаполитанцев в случае начала войны с Австрией), но и точное расписание неаполитанских войск, а также предварительный план обороны Королевства Обеих Сицилий, составленный в начале 1805 г. генералом Роже Дама, по требованию французского правительства высланным из Неаполя в Мессину[1095]. В первые же дни своего пребывания в Неаполе генерал Б.П. Ласси посвятил свой досуг осмотру арсенала и неаполитанской артиллерии (под видом «любопытствующего путешественника»), а также первой оценке состояния неаполитанских войск (поначалу на основе своих собственных наблюдений за неаполитанскими маневрами из окон гостиницы). Оценка эта была критичной: в реляции императору от 2 (14) мая генерал писал о медленности и малоспособности регулярных неаполитанских частей («Неаполитанские войска слишком слабы и мало закалены для того, чтобы обеспечить эффективное сопротивление при начале военных действий»[1096]), а относительно нерегулярной милиции вообще делал вывод о том, что она существовала «скорее на бумаге, нежели в реальности»[1097]. Критично Б.П. Ласси оценивал и политические расположения неаполитанского двора, утверждая, что практически все окружение королевы настроено против войны и склонно

[1094] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1173. Л. 15. Реляция Б.П. Ласси императору Александру I, 2 (14) мая 1805 г.

[1095] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1173. Л. 16–17.

[1096] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1173. Л. 20об.

[1097] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1173. Л. 19.

договариваться с французским правительством[1098] (это мнение целиком совпадало со взглядом П.И. Карпова, по-прежнему относившегося к неаполитанскому двору с большой подозрительностью и, благодаря знакомству с оригиналами депеш маркиза ди Галло из Парижа, даже предположившего в депеше от 2 (14) мая: «Весьма подозрительно, что здешний Двор по своей коварной системе, может быть, уже вошел с французским правительством в какой-нибудь дружеский договор»[1099]). Кроме того, с самого начала Ласси вступил в переговоры и с британским посланником Х. Эллиотом: от него русский генерал узнал о назначении на Мальту корпуса генерала Дж. Крейга (5–6 тысяч человек) и об инспекции британцами сицилийских портов и крепостей[1100]. При этом важно отметить, что большая часть работы легла на генерала графа К.И. Оппермана, действовавшего в тесном взаимодействии с П.И. Карповым и коллежским асессором А.Я. Булгаковым, в то время как сам генерал Ласси не мог эффективно заниматься делами из-за плохого состояния здоровья. В письме князю Чарторыйскому от 2 (14) мая 1805 г. в постскриптуме, собственноручно написанном на английском языке, Б.П. Ласси жаловался: «Мое состояние здоровья постоянно ухудшается (my health is rather in a declining state), в особенности моя голова, которая совершенно не годится для любой изнурительной работы. Я полагаюсь на г-на Оппермана, который выполняет большую часть работы... Он человек выдающихся способностей»[1101]. В другом письме Чарторыйскому генерал Ласси писал о мучивших его постоянных головокружениях («frequent returns of gidiness»), жалуясь на то, что он не в состоянии даже несколько часов проводить верхом на лошади[1102].

В начале мая 1805 г. по совету П.И. Карпова генерал Ласси прервал встречи с королем и королевой, продолжив взаимодействие с неаполитанским двором

[1098] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1174. Л. 15об.

[1099] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 51об.

[1100] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1173. Л. 19–20.

[1101] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1174. Л. 11.

[1102] Там же. Л. 21об.

исключительно через кавалера де Медичи. Причиной этому был громкий скандал, вызванный нарушением неаполитанским правительством прав российского подданного подполковника Н.Г. Щербатова. Еще в 1802 г. Щербатов убил на дуэли Йозефа Ксаверия Саксонского, дальнего родственника Фердинанда IV, в течение нескольких лет находившегося на неаполитанской военной службе. После этого трагического происшествия Щербатова в Южной Италии считали персоной non grata, и когда русский офицер все-таки прибыл в Неаполь во время путешествия по Европе, его уже спустя несколько дней, в ночь с 9 на 10 мая задержала стража и депортировала за пределы Неаполитанского королевства (по свидетельству Карпова, который узнал о случившемся только на следующий день, приказ о выдворении Щербатова был отдан лично королевой Марией Каролиной [1103]). Формально неаполитанское правительство обвиняло русского офицера, который не был представлен ко двору, в подозрительном поведении и хранении при себе мушкета, а также большого количества холодного оружия (вопреки законам королевства) [1104] . Более того, королева Мария Каролина, написав герцогу ди Серракаприола подробную записку с описанием инцидента (вину за который она целиком возлагала на самого Щербатова, осмелившегося приехать в Неаполь после убийства кузена короля), вообще утверждала, что неаполитанское правительство, приняв решение о выдворении подполковника, якобы было озабочено его спасением от мести находившихся в Неаполе бывших сослуживцев Йозефа Саксонского[1105]. Поверенного в делах П.И. Карпова, выразившего неаполитанскому министерству решительный протест, королева Мария Каролина обвинила в том, что он «делает серьезное дело из пустяка (fait une affaire grave d'une affaire de rien)»[1106].

[1103] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8249. Л. 53–55.

[1104] Там же. Л. 59–60. Копия ноты А. Мишеру, 13 мая 1805 г.

[1105] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10747. Л. 54–55об. Собственноручная записка королевы Марии Каролины.

[1106] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10747. Л. 55.

Сотрудники российской миссии в Неаполе действительно восприняли эпизод, произошедший с Н.Г. Щербатовым максимально негативно, о чем свидетельствуют не только депеши П.И. Карпова, но и личные письма коллежского асессора А.Я. Булгакова. Молодой человек, еще месяц назад мечтавший о возможности дослужиться до поверенного в делах и даже российского посланника в Королевстве Обеих Сицилий, теперь признавался брату в своей ненависти к Неаполю и желании как можно скорее покинуть Южную Италию из-за «скаредного поступка», оскорбляющего всю русскую нацию и являвшегося, как считал канцелярский служитель, личной местью королевы за Йозефа Саксонского, который был ее любовником («Не должна Россия терпеть подобные дерзости от державы, которую алжирцы заставляют себя боятся... Неаполь стал для меня гнусен, и не вижу минуты убраться... Лучше есть русское говно, чем неапольские макароны»[1107]).

Эпизод, произошедший в Неаполе с подполковником Щербатовым, уже в начале июня 1805 г. стал поводом для разбирательства в Санкт-Петербурге. Герцогу ди Серракаприола князем Чарторыйским было предъявлено требование принести российскому императору официальные извинения от имени короля Обеих Сицилий (до тех пор он не должен был являться ко двору), аналогичные предписания были отправлены Д.П. Татищеву, который в тот момент уже находился на пути в Неаполь. Если бы неаполитанский двор отказался принести официальные извинения, Татищев должен был, согласно рескрипту Александра I от 11 июня 1805 г., покинуть королевство со всей российской миссией[1108]. При этом в другом рескрипте от того же числа Татищеву было поручено, «прекратив всякое публичное сношение с Двором Неапольским», сохранить, тем не менее, «все те приватные сношения, кои до политических дел относятся» [1109] (одновременно в частном письме Чарторыйский советовал Татищеву «уладить вопрос напрямую с королевой»[1110]).

[1107] *Братья Булгаковы*. Указ. соч. С. 70–71.

[1108] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8251. Л. 16об. –19об.

[1109] Там же. Л. 20.

[1110] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 9.

Схожими были и повеления А. Чарторыйского Б.П. Ласси: товарищ министра иностранных дел предписывал генералу продолжать сношения с неаполитанским министерством, несмотря на произошедший инцидент, особенно отмечая тот факт, что Ласси «не принадлежит к дипломатическому корпусу»[1111].

В Южной Италии на прибытие Д.П. Татищева возлагали особые надежды: неаполитанская королева, а вслед за ней и герцог ди Серракаприола негативно относились к поверенному в делах П.И. Карпову, считая, что он настраивает генерала Ласси против неаполитанского двора. В большом письме А. Чарторыйскому от 15 июля 1805 г. неаполитанский посланник со всей откровенностью обличал распространителей исходившей от французов «лжи» о внутренней слабости королевства, оказывавших влияние на «двух генералов» (Ласси и Оппермана): «Вы признаетесь мне, мой князь, что, к сожалению, оба генерала оказались в руках тех, кто с величайшей силой распространяет зло и все то, что противоречит благородным и прекрасным качествам, чувствам и принципам моих августейших государей... Генералы, министры и служители, состоящие при российской миссии, должны говорить в соответствии с чувствами и интересом своего августейшего государя, они должны игнорировать подобные внушения (fermer les oreilles à des seductions pareilles), иначе ничего не будет сделано... Эффективный рескрипт г-дам Татищеву и Ласси, в котором, однако, будет иметь место и общее внушение для их подчиненных, произведет наилучший эффект»[1112]. Характерно, что и Чарторыйский, хорошо знавший Карпова по своей миссии при сардинском короле, считал, что именно российский поверенный в делах в Неаполе, «склонный все видеть в черном свете» и негативно настроенный к неаполитанскому двору, мог повлиять на содержание первого рапорта генерала Ласси, который в Санкт-Петербурге нашли «неудовлетворительным (peu satisfaisant)» [1113] . Управляющий МИД также возлагал большие надежды на Д.П. Татищева,

[1111] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1172. Л. 86.

[1112] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10747. Л. 62–63.

[1113] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 8об.

предписывая ему «заключить какое-нибудь соглашение с неаполитанским двором» на случай высадки в Южной Италии русских войск[1114].

К 1805 г. Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845 гг.), выходец из древнего аристократического рода и двоюродный племянник министра иностранных дел канцлера графа А.Р. Воронцова, обладал большим дипломатическим опытом и личной доверенностью товарища министра иностранных дел А. Чарторыйского, с которым они находились в дружеских отношениях (таким образом, он был близок и к старой «воронцовской клиентеле», и к «молодым друзьям» императора Александра I). В юности Татищев начинал свою карьеру на военной службе, в Преображенском и Конном полках (с 1782 г.), в 1794 г. в качестве волонтера участвовал в подавлении восстания Т. Костюшко, а вскоре после этого перешел на гражданскую службу. В июне 1799 г. Д.П. Татищев получил чин тайного советника и с сентября 1799 г. был третьим членом КИД (находясь на этой должности, в 1800 г. он участвовал в подготовке всеподданейших докладов вице-канцлера Н.П. Панина Павлу I и участвовал в конференциях с представителями иностранных дворов[1115]). После учреждения МИД Татищев выполнял обязанности начальника канцелярии, фактически являясь третьим по значимости лицом в МИД после канцлера графа А.Р. Воронцова и товарища министра иностранных дел А. Чарторыйского[1116]. Как свидетельствуют материалы личного архива Татищева, в эти годы он действительно играл важную роль в деятельности внешнеполитического ведомства, занимаясь целым рядом бюрократических вопросов (от финансовых претензий Коллегии к петербургским купцам из-за

[1114] Там же.

[1115] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 908. Л. 122–125. Протокол конференции Д.П. Татищева с датским офицером Фурсманом, 22 декабря 1800 г.

[1116] *Суслова Н.А.* Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845) // Из глубины времен. 1995. № 5. С. 106–107.

падения курса векселей[1117] до введения новых штатов КИД в 1800 г.[1118]), а также состоял в прямой переписке с другими сотрудниками учреждения (в том числе российскими консулами в Венеции, Бордо, Бухаресте) и многочисленными частными лицами, просившими у Татищева покровительства для своих родственников[1119]. Тесные связи были у Татищева и с иностранными министрами, включая герцога ди Серракаприола, который 28 мая 1803 г. написал ему напрямую (обратившись к Татищеву «мой почтенный друг (mon respectable ami)», дипломат просил его передать дяде сведения об опасном положении Неаполитанского королевства [1120]). Немаловажным было влияние Татищева и на выработку внешнеполитического курса Российской империи, готовившейся к противостоянию с Францией на Балканах и в Северной Германии: в 1803–1804 гг. Татищев состоял в прямой переписке с российским офицером М.К. Ивеличем, отправленным с особой миссией в Черногорию (в том числе сообщая ему о мерах, необходимых для организации обороны Адриатического побережья от французского десанта[1121]), 25 октября (6 ноября) 1804 г. вместе с Чарторыйским участвовал в подписании российско-австрийской декларации о совместных действиях против Франции (в которой одним из условий casus foederis было названо нападение французских

[1117] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 4.

[1118] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 3.

[1119] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 113. Л. 1. Письмо сенатора И.А. Гагарина с благодарностью за определение жалования его сыну от 28 января 1804 г. Там же. Д. 118. Л. 1–2. Письма сенатора А.И. Горчакова от 6 марта и 9 мая 1804 г. с ходатайством об определении его «сродственника» князя Горчакова к Московскому архиву иностранных дел. Там же. Д. 131. Л. 1–4. Письма Александра Муханова от 7 января и 20 июня 1804 г. с благодарностью за «благодеяния», оказанные его сыну.

[1120] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10742. Л. 29–30.

[1121] ВПР. Т. 1. М., 1960. С. 584; ОР РНБ. Ф. 762. Д. 123. Л. 1–3. Письма М.К. Ивелича от 15 декабря 1803 г. и 7 февраля 1804 г. О миссии М.К. Ивелича см.: *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб., 2009. С. 65–106.

войск на Неаполь и Калабрию)[1122], а 2 (14) января 1805 г. – в подписании российско-шведской конвенции о совместной обороне от французов Северной Германии[1123].

Как уже отмечалось, должность посланника Российской империи в Неаполитанском королевстве Д.П. Татищев получил еще 7 июля 1802 г., официально сменив во главе миссии А.Я. Италинского, однако в соответствии с указом императора Александра I от 2 марта 1803 г. он должен был оставаться при КИД вплоть до повеления отправляться к своему посту, которое было ему дано лишь 19 января 1805 г.[1124]. Впервые за всю историю существования российской миссии в Южной Италии ее должен был возглавить человек, обладавший большим дипломатическим опытом и являвшийся одним из руководителей внешнеполитического ведомства. Инструкция императора Александра I Д.П. Татищеву, подписанная 18 февраля (2 марта) 1805 г., предписывала ему, с одной стороны, «содействовать... всеми силами генералу Лассию», а с другой стороны, взаимодействуя с неаполитанским двором, стараться, чтобы он раньше времени не начал военные действия против Франции и «сносил терпеливо что бы ни было чинимо со стороны французского правительства или войск его»[1125] (в соответствии с инструкцией Татищев должен был держать втайне от неаполитанского правительства условия, содержавшиеся в российско-австрийской конвенции от 6 ноября 1804 г., чтобы не спровоцировать его к преждевременным действиям – очевидно, в Санкт-Петербурге постарались учесть неблагоприятный опыт войны Второй коалиции). Инструкции также предписывали Татищеву конфиденциально взаимодействовать с королем Обеих Сицилий по поводу политики испанского двора, который в 1804 г. через неаполитанское посредничество высказал желание вступить с Россией в союз против Франции (в тот момент в Санкт-Петербурге еще не было известно о начавшихся в декабре 1804

[1122] ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 174–184.

[1123] Там же. С. 262–271.

[1124] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3206. Л. 17об. –19. Послужной список Д.П. Татищева, 1845 г.

[1125] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 30. Л. 3–5.

г. военных действиях между Испанией и Англией, сделавших подобную комбинацию невозможной). Наконец, в финальной части рескрипта речь, как и прежде, шла о российско-неаполитанской торговле, развитию которой Татищев должен был оказывать содействие, взаимодействуя с консулами и защищая права русских купцов (важно отметить, что благодаря ходатайству санкт-петербургского двора и усилиями графа Г.К. Лудольфа уже в декабре 1802 г. Османская Порта даровала неаполитанскому флагу право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы, что в 1803–1806 гг. способствовало кратковременной активизации российско-неаполитанской черноморской торговли[1126])

Д.П. Татищев выехал из Санкт-Петербурга в апреле 1805 г. и через Вену отправился в Триест. Его депеши князю Чарторыйскому свидетельствуют о проявленной дипломатом энергии и предусмотрительности, а также о его внимании к общим переговорам по формированию антифранцузской коалиции. Находясь в австрийской столице, Татищев вступил в прямое взаимодействие с российским послом графом А.К. Разумовским (который по поручению Чарторыйского должен был сообщать Татищеву все наиболее важные новости из Санкт-Петербурга[1127]), а также получил аудиенцию у Франца II, во время которой австрийский монарх заявил русскому дипломату, что не признал Наполеона королем Италии и готов в случае возобновления войны выступить против Франции (тем не менее, Татищев в своей депеше проявил скепсис: «Я полагаю, что все те выражения (le langage), которые здесь использовали в общении со мной, имели единственной целью желание разговаривать со мной в нашем духе (dans notre sens)»[1128]). Из Вены Татищев по совету Разумовского «под предлогом любопытства» отправился в Венецию, стремясь получить точные сведения об австрийских войсках в Северной

[1126] *Cavalcanti M.L.* Le relazione commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève. 1979. P. 228–234; *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 228–233.

[1127] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 6об. Письмо А. Чарторыйского Д.П. Татищеву, 10 апреля 1805 г.

[1128] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 3об.

Италии (29 мая из Венеции Татищев отправил Чарторыйскому письмо, в котором с восхищением писал о красоте итальянских пейзажей и мастерстве итальянских оперных певиц, а между строк с помощью лимонного сока сообщал о своих переговорах с австрийским генералом фон Беллегардом и состоянии австрийских войск[1129]). После небольшой задержки, вызванной распространившимися по городу ложными слухами о провозглашении Наполеоном присоединения к Итальянскому королевству Триеста, Венеции и Фиуме, Татищев наконец смог покинуть Венецию и прибыл в Триест, откуда на русском военном судне отправился на Корфу, рассчитывая получить точные сведения о количестве русских войск на Ионических островах, чтобы затем передать их генералу Б.П. Ласси[1130]. Из Корфу дипломат продолжил свой путь в Южную Италию и уже спустя 17 дней (26 июня (8 июля) 1805 г.) прибыл на неаполитанский рейд. В письме Чарторыйскому, составленном на следующий день на борту фрегата «Крепкий», он писал: «Вид Неаполя очарователен, днем Везувий дымит, ночью извергает пламя; красота зрелища (coup d'oeil) несравнима, однако с тем, которое предлагает Константинополь»[1131]. После шести дней карантина Д.П. Татищев смог сойти на берег и уже 4 (16) июля 1805 г. вручил королю Фердинанду IV свои кредитивные грамоты[1132].

К моменту приезда Д.П. Татищева в Южную Италию переговоры генерала Ласси с неаполитанским двором и британским посланником Эллиотом не имели практически никакого результата. Ласси по-прежнему был скептически настроен

[1129] Там же. Л. 19–20об. Сотрудники российской миссии в Неаполе использовать симпатические чернила с февраля 1805 г. в соответствии с рескриптом П.И. Карпову от 27 ноября 1804 г., в котором сообщалось о компрометации шифра, «особенно в Вене» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8244. Л. 15). При этом, однако, даже невидимые чернила не всегда спасали от утечки информации: так, 9 сентября 1805 г. А. Чарторыйский сообщил Татищеву, что пришедшие от него пакеты были вскрыты (скорее всего австрийцами), а на самих бумагах «пытались проявить симпатические чернила (faire revenir la sympatique)» (ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 12).

[1130] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 10об.

[1131] Там же. Л. 21об.

[1132] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д 8252. Реляция Д.П. Татищева от 4 (16) июля 1805 г.

как по отношению к неаполитанским войскам, так и по отношению к эффективности русского десанта, и советовал неаполитанскому двору при любых обстоятельствах соблюдать осторожность. Так, во время встречи с Эллиотом (описанной британским дипломатом в депеше от 18 июня 1805 г.) русский генерал прямо заявил о неготовности в ближайшее время оказать военную помощь силами русского экспедиционного корпуса, советуя королю Обеих Сицилий пойти навстречу новым требованиям французов и признать Наполеона королем Италии (в итоге маркизу ди Галло, сопровождавшему императора французов на коронацию в Милан, были отправлены новые кредитивные грамоты[1133], а самому Наполеону – официальные поздравления от имени короля Обеих Сицилий[1134]). По-прежнему не был решен вопрос и о британских транспортных судах для русского экспедиционного корпуса[1135]. Вскоре после прибытия в Неаполь Татищев вступил в переговоры с Эллиотом по этому вопросу: не найдя в своем британском коллеге большого желания содействовать решению этой проблемы (тем более что он все еще не имел сведений о подписанной в Санкт-Петербурге англо-русской конвенции), русский дипломат вступил в прямую переписку с губернатором Мальты А. Боллом[1136]. В эти же первые дни в Неаполе Д.П. Татищев попытался оказать влияние и на генерала Ласси, которого нашел в состоянии «абсолютного упадка духа (entier decouragement)» из-за царившего в Неаполе страха перед французами, слабости неаполитанской армии, неэффективности местного военного департамента, а также сложности взаимодействия с англичанами из-за проблемы транспортов и малого количества британских войск на Мальте (к тому времени корпус Дж. Г. Крейга, состоявший из 6000 человек, уже прибыл из Гибралтара[1137]).

[1133] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 323–324.

[1134] *Driault E.* Napoléon et l'Europe. V. 2. Austerlitz. La fin du Saint-Empire (1804–1806). Paris, 1912. P. 192–193.

[1135] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 321–322.

[1136] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 24–25. Депеша Д.П. Татищева от 4 (16) июня 1805 г.

[1137] Британский конвой прибыл на Мальту 18 июля 1805 г. (*Flayhart W.H.* Op. cit. P. 84)

Как писал Татищев Чарторыйскому в письме от 9 августа, ему пришлось приложить все усилия для того, чтобы разубедить Ласси просить об отставке – для этого дипломат даже временно поселился с ним в одной гостинице [1138] (из писем А.Я. Булгакова известно, что речь идет о «трактире “Крочелла”», где Татищев рассчитывал разместиться после выхода из карантина, поручив коллежскому асессору искать дом и служителей[1139]).

С самого начала Д.П. Татищев стремился, прежде всего, заручиться доверием королевской четы, в том числе для того, чтобы, оказывая на них влияние, расстроить интриги «французской» партии при дворе, ратовавшей за сохранение мира с Францией и критически относившейся к перспективам союза Неаполя с Англией и Россией (считая одним из руководителей «французской партии» неаполитанского посла в Париже маркиза ди Галло, русский посланник следующим образом описывал взгляды людей его круга на российско-неаполитанский союз: «Эти интриганы представляли протекцию России как несущественную, ее обещания как иллюзорные, а отряд русских войск на Корфу как направленный на захват Мореи» [1140]). В то же время Татищев проявлял осторожность, стремясь удержать неаполитанское правительство не только от сближения с Францией, но и от любых преждевременных действий в пользу антифранцузской коалиции. Уже в первый месяц своего пребывания в Неаполе Татищев установил доверительные отношения с королевой Марией Каролиной и имел с ней частые приватные беседы, посвященные французской угрозе (которую дипломат вслед за королевой описывал как «личную войну» Бонапарта против Марии Каролины) – речь, в частности, вновь шла о проекте отречения короля и передачи власти над Неаполитанским королевством наследному принцу, а также о личных угрозах Марии Каролине от имени Бонапарта, переданных через маркиза ди Галло и французского посланника

[1138] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 40.

[1139] *Братья Булгаковы*. Указ. соч. С. 75–76. Здание гостиницы (L'Albergo delle Crocelle) сохранилось и расположено по адресу: Via Chiatamone, 27.

[1140] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 84об. Депеша Д.П. Татищева от 3 (15) сентября 1805 г.

Алкье[1141]. Видение помощи со стороны русских войск, изложенное королевой Татищеву во время этих приватных встреч, происходивших в ее личных апартаментах (к одной из таких встреч после заседания Государственного совета присоединился король Фердинанд IV) сильно напоминало то, как на роль русских войск в Южной Италии смотрели в 1801–1802 гг. Как сообщал Татищев императору Александру I в реляции от 21 июля (2 августа), по мнению Марии Каролины, после занятия русским экспедиционным корпусом столицы и неаполитанских крепостей французскому генералу Сен-Сиру нужно было сообщить, что русские войска прибыли в королевство не для того, чтобы превратить его в театр военных действий, а исключительно для того, чтобы «предохранить резиденцию Их Сицилийских Величеств от вторжения»[1142]. Татищев в ответ проявил гибкость, отказавшись входить в объяснения по этому поводу и сославшись на отсутствие приказов из Санкт-Петербурга. По мнению Татищева, которое он сообщил во второй реляции от 21 июля, написанной с использованием невидимых чернил, посредством подобных разговоров от него пытались получить ясный и однозначный ответ на вопрос, мог ли неаполитанский двор действительно рассчитывать на «быструю и эффективную помощь» со стороны императора Александра I в случае начала вооруженного конфликта с Францией, или же неаполитанской королевской чете было бы гораздо безопаснее пойти навстречу требованиям Бонапарта, «создав род вице-королевства под его управлением». Считая оба варианта несоответствующими интересам Санкт-Петербурга, Татищев решил уйти от прямого ответа и ограничился общими рассуждениями о необходимости противостоять «безмерным амбициям» французского правительства[1143].

Помимо этого, в июле 1805 г. Мария Каролина фактически стала главным посредником между русским посланником и королем Обеих Сицилий: так, 27 и 28 июля именно она от имени короля написала Татищеву две короткие записки,

[1141]АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8252. Л. 3–5, 7–7об.

[1142] Там же. Л. 5–5об.

[1143] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8252. Л. 10–10об.

пригласив его на совместную с Х. Эллиотом встречу с Фердинандом IV, которая должна была состояться вечером 28 июля 1805 г. в охотничьем домике в Портичи[1144] (сама Мария Каролина не знала причины встречи и просила дипломата сообщить, о чем на ней будет идти речь[1145]). В депеше князю Чарторыйскому от 21 июля (2 августа) Татищев писал, что одним из главных предметов обсуждения на свидании в Портичи стали все те же угрозы со стороны Франции, связанные с проектом отречения короля, а также вопрос о готовности венского двора начать военные действия против французов. К удивлению Татищева Эллиот попытался сыграть на гневе короля и, заявив о том, что французы уже давно планировали осуществление подобного проекта, попросил русского дипломата сообщить, сможет ли он призвать русские войска с Корфу в случае возникновения угрозы столице королевства. Помимо этого, Эллиот попытался выяснить реальный характер полномочий генерала Ласси. Важно отметить, что от британского посланника в Санкт-Петербурге лорда Ховера и герцога ди Серракаприола Эллиот и Фердинанд IV уже знали о полномочиях генерала призвать в Южную Италию русские войска, однако Татищев, пребывая в уверенности, что сам Чарторыйский не мог официально сообщить об этом иностранным министрам, вновь ушел от прямого ответа на вопрос[1146].

Впоследствии в письме Чарторыйскому Татищев предположил, что главным инициатором встречи в Портичи должен был являться сам Х. Эллиот, стремившийся, как полагал русский посланник, спровоцировать неаполитанский двор на разрыв с Францией, получив тем самым предлог для ввода на Сицилию британских войск («Его совсем мало заботит, станут ли французы полноправными хозяевами Неаполитанского королевства, лишь бы Англия приобрела себе Сицилию»[1147]). В тот момент Татищев считал стремление английского дипломата

[1144] ОР РНБ. Ф. 836. Д. 2. Л. 1–2.

[1145] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л 30об.

[1146] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 32–32об.

[1147] Там же. Л. 36–36об.

любой ценой ввести в сицилийские крепости британский гарнизон или личной инициативой Эллиота, или результатом его устаревших инструкций[1148]. Это, однако, не соответствовало действительности: с одной стороны, британское правительство и в 1803, и в 1805 гг. последовательно стремилось установить свой контроль над островом, с другой стороны, сам Эллиот с самого начала своей миссии проявлял заинтересованность в сохранении неаполитанским двором нейтралитета (еще в августе–сентябре 1803 г. он приложил все усилия для того, чтобы отговорить Г. Нельсона и А. Болла от отправки британского гарнизона в Мессину и установления блокады оккупированных французами портов Неаполитанского королевства[1149]). Тем не менее, цели у британского и российского дипломатов действительно были разными: если Эллиот, как и предписывали ему его инструкции, думал в первую очередь о предохранении Сицилии от французов, Татищев видел в сохранении континентальных владений короля Обеих Сицилий главный залог безопасности Ионических островов и Западных Балкан. Особенно детально он изложил свои мысли в написанной с помощью невидимых чернил депеше князю Чарторыйскому от 1 (13) августа 1805 г., в которой не только связал независимость Неаполитанского королевства с проблемой безопасности Западных Балкан, но и особенно подчеркнул, что именно русские войска являются единственной силой, способной спасти ситуацию («Предохранить Неаполь от французского ига означает сделать невозможным захват Ионических островов, Албании и Мореи, и нет абсолютно никакого иного способа гарантировать политическое существование сего королевства, кроме как поручить его охрану русским войскам»[1150]). Интересно, что в этой же депеше Татищев отозвался о военном потенциале королевства гораздо более оптимистично, чем генерал Ласси, отметив, что у неаполитанского руководства есть все ресурсы не только для

[1148] Там же.

[1149] *Minto E.* A memoir of the right honorable Hugh Elliot. Edinburgh, 1868. P. 350–352.

[1150] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 62–62об.

оборонительных, но и для наступательных действий (и именно эти ресурсы, подчеркивал Татищев, не должны были попасть в руки Франции)[1151].

Из-за разного понимания целей держав антифранцузской коалиции в Центральном Средиземноморье отношения между русским и британским дипломатами при неаполитанском дворе с самого начала были напряженными и лишенными всякого доверия, а в какой-то момент приобрели характер борьбы за влияние на неаполитанский двор и военное командование союзников (в лице генерала Ласси, который, будучи ирландцем, охотно поддерживал контакты с британским дипломатом[1152] – впоследствии в частном письме Чарторыйскому, написанном в начале октября 1805 г. Татищев назвал генерала Ласси «добычей (proie)» Эллиота[1153]). В своих депешах Татищев обвинял Эллиота в стремлении поссорить Фердинанда IV с Марией Каролиной (обвинив королеву в желании сблизиться с Наполеоном[1154]), содействовать увеличению влияния маркиза ди Чирчелло (ставшего новым руководителем дипломатического ведомства после смерти А. Мишеру в январе 1805 г.) или даже способствовать возвращению в Неаполь Дж. Актона[1155]. И бывшего первого министра королевства, и нынешнего руководителя департамента иностранных дел Татищев обвинял в проанглийских симпатиях (о маркизе Чирчелло он писал: «Это очень честный, но довольно ограниченный человек. Его долгое пребывание в Лондоне, вероятно, является причиной того, что он вторит (est à quatre pases devant) г-ну Эллиоту»[1156]). Уже в октябре 1805 г. Татищев особенно негативно воспринял стремление британского

[1151] Там же. Л. 61–61об.

[1152] *Damas R.* Mémoires du comte Roger de Damas / publié et annotés par J. Rambaud. Paris, 1912. P. 377.

[1153] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 153.

[1154] Как позже сообщал Татищев, к середине августа взаимоотношения короля и королевы были восстановлены, и Фердинанд IV даже велел всем министрам королевства сначала являться с бумагами к Марии Каролине и уже затем к нему самому (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 81).

[1155] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 41об. –42.

[1156] Там же. Л. 42об.

дипломата убедить Ласси после осуществления высадки передать британскому командующему Дж.Г. Крейгу контроль за крепостью Гаэты или даже роль главнокомандующего союзными войсками («Этот интриган Эллиот, он полностью завладел нашим старым генералом и заставляет его совершать одну глупость за другой», – писал Татищев Чарторыйскому, сообщая о своих попытках убедить старого генерала, мечтавшего об отставке, что определение британского гарнизона в Гаэту полностью находится в его собственных полномочиях как главнокомандующего, не требуя обсуждения ни с союзным министром, ни тем более с подчиненными ему генералами[1157]). Сам Х. Эллиот также относился к Д.П. Татищеву негативно, о чем особенно ярко свидетельствует его более поздняя депеша лорду Малгрэйву (13 ноября 1805 г.), в которой британский дипломат, признавая за русским посланником талант государственного деятеля (homme d'affaires), тем не менее, обвинял его в «зависти», невежестве (ignorant) и личной антипатии к Англии: «Кажется, что г-н Татищев считает своим долгом быть настолько далеко от меня, насколько это возможно, и рассматривать интересы Англии и России как совершенно различные... По моему мнению он несведущ... ни в чем, что отлично от Санкт-Петербургского света, и, насколько я могу судить о его предубеждениях, они отнюдь не в пользу Великобритании»[1158].

В июле–августе 1805 г. международная обстановка серьезно усложнилась. Именно в это время в Южной Италии стало известно о неудаче посреднической миссии Н.Н. Новосильцева, который в июне отказался от поездки в Париж из-за известия о присоединении к Франции Генуи. В начале июля 1805 г. в Санкт-Петербурге были получены из Лондона ратификационные грамоты апрельской англо-русской конвенции, в то же самое время продолжались переговоры России и Австрии. Уже 4 (16) июля 1805 г. в Вене была подписана Военная конвенция, содержавшая подробный план будущих военных действий на континенте: главным

[1157] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 154–156. Черновик этого письма, написанный карандашом, сохранился в личном архиве Д.П. Татищева (ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 21–23об.)

[1158] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 612–613.

театром войны должны были стать Южная Германия и Северная Италия, а в качестве вспомогательных направлений рассматривались Северная Германия и Южная Италия, где должны были высадиться 45 тысяч человек (как справедливо отмечает В.М. Безотосный, с точки зрения общей логики русско-австрийского плана высадка войск в Неаполитанском королевстве должна была стать не более чем «дальней отвлекающей диверсией», практически бесполезной для достижения главных целей кампании[1159]). В депешах, написанных в начале августа 1805 г., руководство МИД и А. Чарторыйский информировали Д.П. Татищева о новых договоренностях с Австрией, отправке в Галицию корпуса русских войск и о назначении в Средиземное море эскадры Балтийского флота под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина (русский дипломат должен был уведомить об этом неаполитанский двор) [1160] . Одновременно в частном письме от 2 августа Чарторыйский, предрекая, что «бомба скоро взорвется (la bombe va crever)», просил Татищева озаботиться подготовкой снабжения русского экспедиционного корпуса, который должен был поддерживаться за счет английских субсидий («Постарайтесь, чтобы наши войска были хорошо снабжены, когда они высадятся, и чтобы они не стоили нам ни единого су»)[1161]. Необходимость десанта в Южной Италии уже не подвергалась в Санкт-Петербурге никакому сомнению. Более того, для экономии времени полномочия призвать войска с Корфу были даны не только генералу Ласси, но и российскому послу в Вене А.К. Разумовскому: в рескрипте генерал-майору Р.К. Анрепу, отправленном 3 августа, Чарторыйский предписывал, чтобы русские войска «садились немедленно на суда и плыли бы для десанта в Италию» сразу после получения от А.К. Разумовского известий о начале войны в Южной Германии и Северной Италии[1162].

[1159] *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815. М., 2014. С. 100–101.

[1160] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8251. Л. 24–25, 26–29об.

[1161] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 4.

[1162] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1125. Л. 108–109.

Сам генерал Ласси (вместе с Опперманом) к тому времени уже определился с планом будущей операции, подробно описав его в депеше Чарторыйскому от 1 (13) августа 1805 г. В соответствии с эти планом русские войска должны были высадиться в Неаполитанском заливе, взять под контроль столицу, крепости и дороги, ведущие в сторону Апулии и совместно с британскими войсками, которые, согласно первому плану, должны были высадится в Тарантском заливе, удерживать позиции. Допускался и другой вариант, в соответствии с которым русские войска могли высадиться в Таранто, в то время как британские войска должны были овладеть Гаэтой и составить левое крыло союзной армии, общее число которой составило бы 37–38 тысяч человек[1163] (уже 16 августа в ответ на меморандум генерала Ласси с описанием проекта будущего десанта командующий британским корпусом на Мальте генерал Крейг, негативно воспринявший план русских генералов, предложил организовать совместную высадку русско-английских сил в Неаполитанском заливе, и эта идея была, в конечном счете, принята; в то же самое время к середине августа на Мальте практически были готовы британские транспортные суда для перевозки русских войск с Корфу[1164]).

Для неаполитанского двора ситуация в это время становилась все более критической. В условиях угрозы скорого начала полномасштабной войны Франция была заинтересована в выводе хотя бы части войск из адриатических провинций Неаполитанского королевства для усиления своей армии в Северной Италии. Для этого Наполеону Бонапарту было необходимо в первую очередь обезопасить себя со стороны неаполитанского двора, явно склонявшегося к поддержке антифранцузской коалиции (уже к концу лета французский посол Алкье прекрасно знал, кто такие Ласси и Опперман, и чем именно они заняты в Южной Италии, – в депеше от 31 августа он с иронией называл генералов и их свиту «русской главной квартирой» в Неаполе, предрекая, что в случае начала войны они должны принять

[1163] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1174. Л. 68–75.

[1164] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 95, 102–107.

командование союзными войсками[1165]). Для Наполеона наилучшим средством нейтрализации угрозы со стороны неаполитанских Бурбонов должен был стать или захват их столицы и установление временного правительства (подобный план действительно был принят, о чем 1 сентября 1805 г. генералу Сен-Сиру сообщил военный министр Бертье[1166]), или навязанный через маркиза ди Галло договор о нейтралитете, который мог высвободить часть французских сил и обезопасить Южную Италию от высадки союзников. В депеше А. Чарторыйскому от 3 (15) сентября Д.П. Татищев писал, что предвидел эту угрозу и, воспользовавшись предложением неаполитанской стороны о продлении союзного договора 1798 г., в конечном счете смог, благодаря доверительным отношениям с королевой, довести переговоры до подписания новой союзной конвенции. Как признавался сам Татищев, он, прежде всего, стремился выиграть время, а сам документ рассматривал как необходимую предосторожность в условиях внутриполитической слабости королевства: «Содержание и снабжение... войск, а также наших эскадр, широта полномочий, которыми было необходимо наделить главнокомандующего, учитывая слабое состояние сил королевства, плохое управление военным департаментом и множество других не менее важных проблем – все это можно было урегулировать надлежащим образом только в форме торжественного акта, облеченного всеми формальностями, обычными для договоров»[1167]. И хотя у российского посланника не было официальных полномочий, он рассматривал в качестве аналога таковых конфиденциальное письмо Чарторыйского от 13 июня 1805 г. (то самое, в котором шла речь о необходимости «заключить какое-нибудь соглашение с неаполитанским двором»[1168]). Важно отметить, что британский посланник Х. Эллиот отказался участвовать в подписании конвенции, с одной

[1165] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 437–440.

[1166] *Blondy A.* Marie-Caroline d'Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025. P. 356.

[1167] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 86об. –87.

[1168] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 8об.

стороны, стремясь сохранить пространство для маневра, с другой стороны, видя в сохранении Неаполитанским королевством нейтралитета гораздо больше выгоды для союзников, чем в его прямом вовлечении в войну[1169].

Союзная конвенция между Российской империей и Неаполитанским королевством была подписана 29 августа (10 сентября) 1805 г. Д.П. Татищевым и сотрудниками неаполитанского внешнеполитического ведомства маркизом Чирчелло и князем Луцци. В преамбуле заявлялось о готовности короля Обеих Сицилий, отказавшись от уступок Франции, «прибегнуть к решительным мерам для оказания помощи своему союзнику», а первая статья документа провозглашала, что разрыв между Неаполем и Парижем неизбежно произойдет, если французское правительство вознамерится усилить свои войска в адриатических провинциях королевства, занять неаполитанские крепости, завладеть столицей или же вступить в Калабрию. Большая часть из 16 статей конвенции была посвящена конкретным обязательствам неаполитанской стороны, которая должна была передать под власть главнокомандующего союзной армии свои войска (ст. 2), а также обеспечить российско-британский экспедиционный корпус лошадьми (ст. 7), транспортами (ст. 8), продовольствием (ст. 9) и медикаментами (ст. 11). Кроме того, неаполитанское правительство обязывалось взять на себя содержание сформированного на Корфу Греческого легиона (ст. 10). Главнокомандующий армии союзников, согласно конвенции, обладал широкими полномочиями: именно он должен был «определить время... высадки и выбрать пункты, где она должна осуществляться» (ст. 2), а также получал право безоговорочно распоряжаться неаполитанскими крепостями, фортами и складами (ст. 6). С политической точки зрения важное значение имела статья 11, в которой провозглашалось обязательство российского императора после начала войны с Францией не вступать ни в какое соглашение, которое нарушало бы права короля Обеих Сицилий и независимость Неаполитанского королевства, а также защищать их на переговорах об «общем мире» (в ответ неаполитанская

[1169] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 113; *Minto E.* Op. cit. P. 381–382.

сторона обязывалась не заключать сепаратный мир с Францией). Наконец, в отдельной статье оговаривалось, что взаимные обязательства должны были сохранять свое значение после очищения от французов Неаполитанского королевства и переноса военных действий на территорию Романьи (Romagne)[1170].

Руководство МИД восприняло новость о заключении конвенции позитивно. В письме Татищеву из своего имения Пулавы от 28 сентября А. Чарторыйский, находившийся вместе с Александром I на пути в действующую армию, восклицал: «Вы творите чудеса, дорогой Дмитрий Павлович»[1171], а в официальной депеше, составленной в тот же день, свидетельствовал о полном одобрении текста конвенции императором, за исключением девятой статьи, которая, по мнению управляющего МИД, предоставляла русскому экспедиционному корпусу слишком большие преимущества в снабжении, не соответствовавшие общим правилам содержания русских войск за границей[1172] (спустя несколько дней, 2 октября императором были подписаны официальные полномочия Татищеву, задним числом датированные 5 августа 1805 г.[1173])

В то время как в Неаполе вырабатывались условия секретной союзной конвенции с Россией, в Париже французское правительство усилило давление на маркиза ди Галло, который в своих депешах умолял неаполитанский двор сохранять терпение и не провоцировать Наполеона даже «самыми невинными демаршами»[1174], а в самой столице королевства продолжало действовать через посла Алкье, внимательно наблюдавшего за военными приготовлениями неаполитанского двора. 19 августа Алкье адресовал князю Луцци ноту, в которой, передавая распространившиеся по городу слухи о скором прибытии в королевство иностранных войск, требовал дать ответ на два вопроса: должны ли действительно

[1170] ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 570–577.

[1171] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 15.

[1172] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8251. Л. 39–42.

[1173] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8251. Л. 44–46об.

[1174] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 92об. Копия депеши маркиза ди Галло, 3 августа 1805 г.

прибыть в Неаполь иностранные войска, и произойдет ли это с согласия короля Обеих Сицилий?[1175] (в ответе князь Луцци настаивал на желании короля Обеих Сицилий сохранять «совершенный нейтралитет»[1176]). Уже в конце августа через маркиза ди Галло в Неаполе были получены первые предложения французской стороны о выводе из адриатических провинций армии Сен-Сира при условии соблюдения Бурбонами строгого нейтралитета. Другими условиями были высылка за пределы королевства Дж. Актона и генерала Р. Дама, а также сокращение вооруженных сил королевства и их передача под командование французского генерала (по словам Татищева, в Неаполе эти требования сочли чрезмерными, отказавшись даже их обсуждать[1177]).

В начале сентября 1805 г. от посла в Вене графа Разумовского Татищев и Ласси узнали о том, что боевые действия в Северной Италии должны начаться в самое ближайшее время. В то же самое время последние приказы генерала Сен-Сира по французскому корпусу свидетельствовали или о его стремлении занять Неаполь, или о скором выводе французских войск за пределы королевства (с целью занятия Анконы и усиления французской армии в Северной Италии). Решив, что пришло время действовать, генерал Ласси написал генералу Крейгу на Мальту, приказав ему обеспечить русские войска на Корфу транспортами, и в тот же день (9 (21) сентября 1805 г.) предписал генерал-майору Анрепу по прибытии британских транспортных судов незамедлительно отправиться вместе с экспедиционным корпусом в сицилийский порт Агоста, и уже оттуда ждать его дальнейших повелений[1178]. Решение о начале экспедиции было, таким образом, принято. Д.П. Татищев не замедлил сообщить об этом неаполитанской королевской чете,

---

[1175] Там же. Л. 103об.

[1176] Там же. Л. 113.

[1177] Там же. Л. 114–114об. Эти требования Наполеон изложил в письме Ш.М. Талейрану от 23 августа 1805 г.: *Bonaparte Napoléon*. Correspondance générale. V. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz, 1805 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2008. P. 608–610.

[1178] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1126. Л. 243–244об.

уверив Фердинанда IV и Марию Каролину в том, что экспедиционный корпус воспрепятствует французам занять столицу (в депеше от 12 (24) сентября русский посланник передавал слова короля, свидетельствовавшие о его энтузиазме: «Я бы служил под началом русских главнокомандующих простым гренадером»[1179]).

В самый разгар военных приготовлений и на фоне беспокойства из-за усиления французского корпуса в адриатических провинциях, в Неаполе были получены депеши маркиза ди Галло, в которых он сообщил своему двору о подписании договора о нейтралитете с французским правительством (21 сентября 1805 г.) В соответствии с этим договором французы обязывались в течение месяца вывести свои войска с территории Неаполитанского королевства (ст. 5), а король Обеих Сицилий должен был соблюдать «строгий нейтралитет» и «не позволить, чтобы корпус войск любой из воюющих держав высадился или вступил на его территорию» (ст. 2), запретив также вход в свои порты иностранным эскадрам (ст. 4) [1180] (маркиз ди Галло подписал этот договор sub spe rati, не имея на то официальных полномочий, хотя впоследствии в своих мемуарах он утверждал, что король Обеих Сицилий начиная с ноября 1804 г. неоднократно писал ему, призывая «сделать все, что возможно, пойти на любые жертвы, согласиться на любые компенсации и выплаты,… чтобы в случае войны получить договор о нейтралитете…»[1181]) Французский посол Алкье, также получивший официальное извещение о подписании маркизом ди Галло договора о нейтралитете, настаивал на его ратификации в течение 48 часов, угрожая в противном случае направить корпус генерала Сен-Сира на Неаполь.

Д.П. Татищев свидетельствовал, что получение подобных известий «чрезвычайно шокировало» короля. Королева Мария Каролина пригласила российского посланника дать свое мнение о действиях, которые должен был

[1179] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 118об.

[1180] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 578–579.

[1181] Memorie del del duca di Gallo / a cura di B. Maresca // Archivio storico per le Province Napoletane. Anno XIII. Fascicolo II. Napoli, 1888. P. 297.

предпринять неаполитанский двор. После совещания с Х. Эллиотом (считавшим необходимым ратифицировать договор о нейтралитете и потом дезавуировать его как «исторгнутый силой») Д.П. Татищев, поддержав мнение британского дипломата, написал подробную записку, в которой предложил неаполитанскому двору тянуть время, не допуская захвата столицы французскими войсками [1182] (характерно, что впоследствии Эллиот отрицал свое участие в этих переговорах, характеризуя их как «противоположные здравой политике и честным намерениям» и возлагая всю ответственность на российского посланника[1183]). Последовав совету двух союзных министров, 8 октября 1805 г. король Фердинанд IV ратифицировал франко-неаполитанский договор о нейтралитете[1184]. В тот же день по требованию Д.П. Татищева неаполитанское министерство представило ему письменную декларацию, обязуясь выполнить условия российско-неаполитанской конвенции от 10 сентября и рассматривать договор о нейтралитете как «несостоявшийся» (в реляции императору от 6 (18) ноября дипломат подчеркивал, что не мог положиться на устные заверения «двора, который так легко напугать (la Cour si facile à intimider)»[1185]). Вскоре в Южной Италии стало известно о первых поражениях австрийцев в Южной Германии (в т.ч. о капитуляции под Ульмом) – это вызвало у неаполитанского руководства сомнения в целесообразности десанта англо-русских войск, вдобавок ко всему и сам генерал Ласси колебался, предлагая в качестве альтернативы высадку корпуса в Венеции (что, по мнению Татищева, не соответствовало изначальному плану и было сложно реализовать из-за отсутствия в Северной Италии необходимой инфраструктуры)[1186]. В конечном счете, пойдя навстречу желанию главнокомандующего, однако в то же время стремясь решить

[1182] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 134–140. Депеша Д.П. Татищева от 11 (23) октября 1805 г.; Там же. Л. 144–147.

[1183] *Minto E.* Op. cit. P. 382–383.

[1184] *Auriol Ch.* Op. cit. V. 2. P. 594–595.

[1185] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8252. Л. 15об.

[1186] Там же. Л. 16об.–17.

объективные проблемы, вытекающие из идеи переброски экспедиционного корпуса на север Италии, российский посланник предложил неаполитанскому министерству проект дополнительной статьи к конвенции от 28 августа (10 сентября), согласно которой войска союзников могли быть использованы за пределами Неаполитанского королевства, однако король Обеих Сицилий по-прежнему должен был взять на себя их содержание, предоставив вместо лошадей и провизии эквивалентную сумму в 500 000 дукатов[1187]. Предложение это было, в итоге, отвергнуто как королем, так и его министерством (командующий неаполитанскими войсками граф Роже Дама в своих мемуарах, написанных весной 1806 г., приписывал инициативу изменения маршрута англо-русского конвоя королеве Марии Каролине, 6 ноября 1805 г. написавшей ему подробное письмо, которое генерал показал Татищеву и в ответ получил от русского посланника непосильное требование о выплате 500 000 дукатов[1188]).

Как отмечал итальянский историк Б. Мареска, неаполитанский двор пошел на ратификацию подписанного ди Галло договора о нейтралитете из-за страха перед французскими войсками, в то время как страх перед экспедиционным корпусом союзников сподвиг его, дезавуировав договор с Францией, поддержать высадку англо-русских войск, появившихся в Неаполитанском заливе 7 (19) ноября 1805 г., 12 дней спустя после того, как последний французский солдат из корпуса Сен-Сира перешел пограничную реку Тронто[1189].

Получив приказ Б.П. Ласси об осуществлении десанта, генерал-майор Р.К. Анреп приступил к последним приготовлениям. 29 сентября к острову Корфу

[1187] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8252. Л. 20–22; см.: *Marecsa B.* I due trattati stipulati dalla Corte Napoletana nel settembre 1805 // Archivio Storico per le Province Napoletane. Anno XII, fasc. III. Napoli, 1887. P. 54–55.

[1188] Р. Дама расценивал это условие Татищева как бесстыдное вымогательство, особенно с учетом выплаты британцами субсидий и экономической слабости Неаполитанского королевства (*Damas R.* Op. cit. P. 398–402).

[1189] *Maresca B.* Op. cit. P. 39–40, 53.

подошли 33 британских транспортных судна для соединения с 7 купеческими кораблями, заранее нанятыми капитан-командором А.С. Грейгом, а также 6 линейными кораблями и несколькими фрегатами (под командованием самого А.С. Грейга, капитан-командора А.А. Сорокина и капитана 1 ранга Ф.П. Лелли). 6 октября 1805 г. завершилась погрузка на суда русских войск, предназначенных для высадки в Неаполитанском королевстве, общее число которых составило около 13000 человек. Спустя несколько дней (10 октября) флотилия вышла в море и уже 17 октября встала на якорь на рейде сицилийского порта Сиракузы (который Грейг и Анреп расценили более удобным для стоянки флотилии, чем Агоста). Встреча с британским конвоем генерала Крейга состоялась через несколько дней на юго-восточном побережье Сицилии у мыса Пассаро, оттуда соединенная эскадра отправилась к Неаполю и прибыла на неаполитанский рейд вечером 7 (19) ноября 1805 г.[1190] («Флот и войско наше у нас в виду в Неапольском заливе. Картина бесподобная – видеть кораблей 100... Весь город в радости, кроме шельмей, преданных французам»[1191], – в тот же день написал брату А.Я. Булгаков). На следующий день русские войска начали высадку в самом Неаполе, а британские – в Кастелламмаре (к югу от Неаполя). В письме Чарторыйскому от 20 ноября (2 декабря) Д.П. Татищев свидетельствовал о радости простого народа, помнившего русские войска, и о противоположной реакции большей части неаполитанского дворянства, не забывшего репрессии 1799–1800 гг. и негативно относившегося к Бурбонам (впрочем, русский дипломат считал неаполитанское дворянство «лишенным энергии и характера», не придавая их профранцузским взглядам большого значения)[1192].

В официальной переписке с французским правительством неаполитанский двор попытался представить высадку англо-русских войск как неожиданный и

[1190] *Рукавишников Е.Н.* Опыт, обретенный ценой неудач. Неаполитанский десант капитан-командора А.С. Грейга (1805–1806 гг.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 6. С. 68–69.

[1191] *Братья Булгаковы.* Указ. соч. С. 89.

[1192] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 165об. –166.

насильственный акт, которому король не мог сопротивляться из-за слабости собственных сил[1193]. Сходным образом впоследствии описала высадку союзников в Неаполе королева Мария Каролина, в своих мемуарах обвинив в навязывании королю решения принять союзные войска лично британского министра Х. Эллиота[1194]. Реальность, конечно, была совершенно другой. Уже 20 ноября маркиз ди Чирчелло направил Д.П. Татищеву официальную ноту, в которой от имени короля Обеих Сицилий обещал, что русско-английский корпус получит в королевстве «прием, достойный дружественных войск, цель которых состоит в защите его [короля] прав, его независимости и сохранения его государств от нового вторжения»[1195] (о стремлении неаполитанской стороны представить себя жертвой обстоятельств позволяет судить предложенный Татищеву неаполитанский проект российской декларации о высадке англо-русских войск, содержавший следующие строки: «Е.И.В.... считает своим долгом предварительно уведомить Его Сицилийское В-во, что состояние слабости, до которого его низвел деспотизм главы французского правительства, не оставляет ему никаких средств для противостояния, и что тщетное сопротивление послужит лишь разъединению двух дворов»[1196]). Королева Мария Каролина и маркиз Чирчелло с самого начала энергично поддержали высадку, король поначалу отнесся к происходящему более нерешительно, однако, прибыв в столицу спустя несколько дней, также продемонстрировал «уверенность и удовольствие» по отношению к союзным войскам[1197].

[1193] 23 ноября 1805 г. король написал об этом маркизу ди Галло (*Maresca B.* Op. cit. P. 65).

[1194] Mémoire de Marie Caroline reine de Naples. London, 1912. P. 10–11. Следует отметить, что мемуары королевы, написанные после ее высылки с Сицилии в 1813 г., во многом носят характер антибританского памфлета.

[1195] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 31. Л. 1.

[1196] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 32. Л. 1–2.

[1197] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8253. Л. 166об.

Сразу после высадки войск начались военные приготовления (неаполитанский двор начал реквизицию лошадей и подготовку собственных вооруженных сил). Тогда же, в конце ноября к генералу Ласси и Татищеву прибыл посланный Папой Римским аббат Бенвенути, которому было поручено вступить с русскими и англичанами в секретные переговоры о снабжении союзного корпуса в том случае, если он вступит на территорию Папского государства (Татищев отнесся к аббату с подозрением, видя в нем шпиона, который должен был разузнать о планах командования союзников)[1198]. Соединенная англо-русско-неаполитанская армия действительно должна была двинуться на север и вступить на территорию Римской области, однако на первом этапе войска должны были занять позиции на границе между владениями короля Обеих Сицилий и Папским государством. В начале декабря 1805 г. союзные войска, страдая от болезней и холода, выдвинулись к границе Неаполитанского королевства: британский корпус составил левый фланг союзной армии, в том числе заняв Гаэту, русские заняли центр со штаб-квартирой в Сулмоне, а неаполитанцы под командованием Р. Дама составили правый фланг союзной армии с центром в Пескаре[1199].

Практически сразу ситуация начала усугубляться, и о распространении действий корпуса на Центральную Италию уже не могло идти и речи. В середине декабря 1805 г. в Южной Италии стало известно о поражении русско-австрийской армии под Аустерлицем (2 декабря) и заключении перемирия между Францией и Австрией. Недоверие к источнику новостей сменилось острым беспокойством. В письме Чарторыйскому от 10 (22) декабря Татищев не скрывал своих опасений: «Он [Бонапарт] может располагать всей армией Массена для того, чтобы сокрушить это королевство, и наш корпус здесь тогда не будет иметь иной альтернативы, кроме как погибнуть, сражаясь с превосходящими силами, или же покинуть страну, которую мы заставили отказаться от предложенного ей нейтралитета»[1200]. На

[1198] Там же. Л. 170 – 170об.

[1199] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 132–136. См. также: *Ilari V.*, *Crociani P., Boeri G.* Op. cit. P. 55–57.

[1200] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д 8253. Л. 174.

следующий день (23 декабря) Татищев писал Чарторыйскому с еще большей откровенностью и беспокойством, подчеркивая опасное положение Южной Италии и выражая негодование из-за отступления русских войск из Германии («Было бы лучше идти вперед и дать последнему русскому солдату погибнуть в Германии, нежели позволить себе отступить!»)[1201]

Параллельно с известиями о поражениях союзников в Южной Германии стало известно и об отступлении армии эрцгерцога Карла из Северной Италии, а также о концентрации в Центральной Италии французских войск, теперь угрожавших границам королевства (35–38 тысяч человек)[1202]. По совету Оппермана генерал Ласси начал отвод войск от границы, однако вопрос о дальнейших действиях все еще оставался открытым. 23 декабря 1805 г. (3 января 1806 г.) в главной квартире в Теано состоялся совет командующих союзных сил (без участия неаполитанского генерала Р. Дама). Большинство присутствующих, включая генерала Ласси и генерал-майора Анрепа, высказались за отступление англо-русских войск в Калабрию, в то время как генерал Крейг отстаивал мнение о необходимости вывода экспедиционного корпуса за пределы королевства [1203]. Российский посланник Д.П. Татищев на совете не присутствовал, однако представил свое мнение в письменном виде, настаивая на необходимости оставаться в королевстве и подготовиться к обороне[1204] (на следующий день копия протокола военного совета была представлена Татищевым неаполитанскому правительству, вызвав острое недовольство последнего, в особенности обозначением высадки союзных войск в Неаполе как всего лишь «отвлекающего маневра (diversion)» в пользу австрийской армии в Северной Италии[1205]; критически воспринял решение союзников и генерал

[1201] Там же. Л. 175.

[1202] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 139–140.

[1203] АВПРИ. Ф. 133. Оп 468. Д. 1173. Л. 82–83об.

[1204] АВПРИ. Ф. 133. Оп 468. Д. 8260. Л. 11–14об.

[1205] Там же. Л. 17–17об.

Р. Дама, обвинив их в том, что они решили без боя оставить 10 из 12 провинций Неаполитанского королевства[1206]).

В одной из многих конфиденциальных записок, написанных в декабре 1805 г. Д.П. Татищеву, королева Мария Каролина не могла скрыть своего отчаяния: «Поражение кажется совершенным и полным, а оба юных государя [Александр I и Франц II] унижены настолько, что, позабыв союзников и друзей, думают только о том, чтобы получить пощаду и безопасность от человека, который насмехается над ними в публичных листках в подобной жестокой манере. Я вижу наш крах решенным, несомненным»[1207].

Именно в тот день, когда была написана эта записка (25 декабря), Татищев получил через отправленного в качестве курьера полковника Шепелева рескрипты и письма от князя Чарторыйского, написанные в Голиче 24 ноября 1805 г. (спустя три дня после сражения при Аустерлице). Генералу Ласси предписывалось вывести войска из Южной Италии, Татищеву было поручено успокоить неаполитанский двор и посоветовать ему соблюдать условия подписанного маркизом ди Галло договора о нейтралитете, а сам факт высадки союзных войск представить французскому правительству как акт нарушения нейтралитета короля Обеих Сицилий со стороны русских и англичан, подобный действиям французов в 1803 г. («Королевство Неаполитанское из-за своей слабости не в силах воспротивиться ни тем, ни другим и вынуждено незаслуженно страдать в связи с этим»[1208]). О том же Чарторыйский написал и в частном письме Татищеву, заранее предвидев его реакцию: «Вы будете, мой дорогой Дмитрий Павлович, в гневе и отчаянии из-за столь пагубного развития событий»[1209]. Сразу после получения пакетов из Голича Татищев сообщил содержание приказов королеве, чем вызвал у нее и других членов династии тяжелое эмоциональное потрясение («Вся королевская семья,

[1206] *Damas R.* Op. cit. P. 418.

[1207] ОР РНБ. Ф. 836. Д. 2. Л. 13. Записка королевы Марии Каролины, 25 декабря 1805 г.

[1208] ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 652.

[1209] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 2об.

заливающаяся слезами, сделала меня свидетелем сцены, неподдающейся описанию»[1210]).

31 декабря 1805 г. генерал Ласси сообщил своим подчиненным о воле императора Александра I и необходимости принятия мер для вывода русского корпуса из Неаполитанского королевства. Д.П. Татищев, наряду с генерал-майором Р.К. Анрепом и неаполитанским генералом Р. Дама был противником немедленного вывода войск. Идя навстречу просьбам неаполитанского двора, посланник попытался совместно с Р. Дама убедить Ласси отложить вывод войск до того момента, пока не станут известны результаты переговоров, начатых неаполитанским двором с французами в Риме (7 января 1806 г. в столицу Папского государства был отправлен кардинал Руффо [1211], вслед за ним должен был отправиться герцог ди Сан-Теодоро для ведения прямых переговоров с Жозефом Бонапартом). Генерал Ласси согласился и отдал приказы о размещении союзных войск за рекой Вольтурно, однако Дж.Г. Крейг отказался выполнить приказ и самовольно отправился с английским корпусом в Портичи, а оттуда в Кастелламмаре для подготовки посадки на суда. Самовольные действия британского генерала, ослабившие союзные силы, заставили главнокомандующего поторопиться с организацией вывода русского корпуса (Ласси сообщил об этом в письме Татищеву от 2 (14) января 1806 г.[1212]) Уже 3 января на русские корабли, прибывшие в гавань Байи, началась погрузка продовольствия, а с 5 января – десантных войск[1213]. 9 (21) января 1806 г. британская эскадра снялась с якоря, в тот же день в море из Байи вышел первый отряд русской эскадры. В целом же вывод русских войск растянулся до 13 (25) января, когда из Байи вышли два последних

[1210] ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 30.

[1211] *Acton H.* The Bourbons of Naples (1734–1825). London, Prion Books Limited, 1998. P. 544.

[1212] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 26.

[1213] *Рукавишников Е.Н.* Указ. соч. С. 72–73.

линейных корабля. На флагмане русской эскадры «Ретвизан» под командованием А.С. Грейга 11 января покинул Южную Италию и генерал Б.П. Ласси[1214].

Накануне вывода союзных войск, 6 января 1806 г. в Неаполе стало известно о заключении между Францией и Австрией Пресбургского мира (26 декабря 1805 г.) (сообщая об этом Д.П. Татищеву, Мария Каролина, все эти дни пребывавшая в состоянии гнева и отчаяния, писала: «Наш приговор был подписан...»[1215]) Руководя подготовкой мирного договора с венским двором, Наполеон сознательно отстранил австрийцев от участия в любых переговорах по Неаполю («Больше не стоит вопроса о Неаполе. Я не хочу, чтобы император в это вмешивался, и я хочу наконец-то покарать эту мерзавку (coquine) [Марию Каролину]», – написал он Талейрану 14 декабря[1216]). Буквально на следующий день после заключения Пресбургского мира император французов заявил в своем Шенбруннском воззвании (27 декабря): «Неаполитанская династия прекратила править, ее существование несовместимо со спокойствием Европы и достоинством моей короны»[1217]. Ни переговоры герцога Сан-Теодора в Риме, ни личные письма королевы Наполеону, ни попытки подкупа уже не могли спасти королевство от полномасштабного французского вторжения. По городу распространялись панические настроения, наряду с острой критикой в адрес союзников, о которой особенно ярко свидетельствует письмо Д.П. Татищева Чарторыйскому от 8 (20) января («Лаццарони говорят: “Макк нас запятнал, Ласси нас бросил (Mack ci maccò, Lascy ci lasciò)”»[1218]) Сам Татищев, чувствуя свою ответственность за крах королевства, находился в тяжелом эмоциональном состоянии (14 января А.Я. Булгаков писал брату: «На несчастие наше, Дмитрий Павлович занемог и лежит в постели. Он очень встревожен; кажется, будто для того

[1214] Там же. С. 73.

[1215] ОР РНБ. Ф. 836. Д. 2. Л. 17.

[1216] *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale. V. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz, 1805 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2008. P. 889.

[1217] *Driault E.* Op. cit. P. 297.

[1218] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 2об.

приехал в Неаполь, чтобы потерять королевство. Между нами сказано, это все бы не случилось, ежели бы наши не бухнули сюда... Он видит себя, невинным образом, орудием всего зла»[1219]). 23 января 1806 г. король Фердинанд IV, не дожидаясь результатов переговоров в Риме, вместе с британским посланником Эллиотом покинул Неаполь на борту неаполитанского судна, отправившись на Сицилию. В то же самое время конвой генерала Крейга вместо того, чтобы вернуться на Мальту, бросил якорь в порту Мессины. Так и не получив официального ответа неаполитанского двора на предложение помощи в обороне Сицилии (и король Фердинанд IV, и маркиз Чирчелло изначально были настроены к британцам враждебно), и опасаясь результатов франко-неаполитанских переговоров, британский генерал решил взять ситуацию в свои руки. В конечном счете уже 13 февраля, благодаря в том числе Дж. Актону, вернувшему себе положение доверенного советника Фердинанда IV, генералу Крейгу было отправлено официальное письмо короля, приглашавшее его высадить английские войска в Мессине[1220].

Таким образом, оправдались самые худшие предположения Д.П. Татищева. Еще в депеше Чарторыйскому от 27 января (8 февраля) 1806 г. он писал: «Еще никогда ни одна держава не была в более неприятной ситуации: французы служат предлогом для англичан для того, чтобы завладеть Сицилией, англичане – для французов для того, чтобы стать хозяевами Неаполя»[1221]. Как и в июле 1805 г., русский посланник обвинял англичан (прежде всего Х. Эллиота и Дж.Г. Крейга) в стремлении навлечь французов на Неаполитанское королевство и под этим предлогом занять Сицилию, а в действиях Крейга видел осуществление того замысла, о котором подозревал с самого начала[1222].

[1219] *Братья Булгаковы.* Указ. соч. С. 94–95.

[1220] *Flayhart W.H.* Op. cit. P. 161–172.

[1221] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 43об.

[1222] Там же. Л. 40об.

В начале февраля 1806 г. пребывание русской миссии в Неаполе подошло к концу. 9 февраля герцог ди Сан-Теодоро вернулся в Неаполь с известием о невозможности достичь компромисса с французами, которые за пять дней до этого уже вступили на территорию королевства. 11 февраля королева Мария Каролина с дочерями отправилась в Палермо, а наследный принц собрался выехать в Калабрию, чтобы, возглавив 17-тысячную армию, продолжить сопротивление французам. По приглашению наследного принца российский посланник Д.П. Татищев и канцелярский служитель А.Я. Булгаков должны были его сопровождать, в то время как секретарь посольства П.И. Карпов и остальные сотрудники миссии вместе с двором отправились в Палермо [1223]. В депеше, написанной накануне отъезда из столицы, Д.П. Татищев писал: «Я осмеливаюсь надеяться, что Е.И.В-во одобрит мотивы, которыми я руководствовался, решив следовать за наследным принцем, считая среди них наиболее важными стараться уничтожить негативное впечатление, которые могли произвести на этого принца... последние события, произошедшие в этой стране, а также усилить в нем мнение, что только система России согласуется с интересами неаполитанского двора»[1224].

Уже 14 февраля 1806 г. Неаполь был оккупирован французской армией.

Таким образом, англо-русская экспедиция, несмотря на тщательную подготовку, продолжавшуюся с весны 1804 г., обернулась для союзников катастрофой. На это повлиял целый ряд факторов, включая как объективное изменение стратегической обстановки после поражения союзников в Южной Германии и заключения австро-французского мира, так и глубину противоречий между участниками коалиции. Для российского посланника при дворе короля Обеих Сицилий, впервые получившего настолько широкие полномочия и действовавшего с такой энергией и успехом, сохранение Неаполитанского королевства означало безопасность Западных Балкан от французского вторжения, в то время как британцы концентрировали свои усилия на защите Сицилии. С другой

[1223] *Братья Булгаковы.* Указ. соч. С. 95.

[1224] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 62.

стороны, с лета 1805 г. для санкт-петербургского двора осуществление десанта в Южной Италии было лишь небольшой частью более масштабного плана, согласованного с австрийцами (с чем вряд ли мог согласиться неаполитанский двор, который, несмотря на свои постоянные колебания, предлагал идею высадки в королевстве русских войск с весны 1804 г., преследуя цели по обеспечению собственной безопасности).

4.3. Российская империя и Сицилийское королевство в 1806–1808 гг.: от краха Третьей антифранцузской коалиции до разрыва дипломатических отношений

Последние два года существования регулярных дипломатических связей между Санкт-Петербургом и Палермо ознаменовались постепенно усугублявшимся кризисом. Неаполитанское королевство было захвачено французами (уже в марте 1805 г. Жозеф Бонапарт был провозглашен королем Обеих Сицилий, а в апреле 1805 г. последние части королевской армии во главе с наследным принцем Франческо, потерпев поражение при Кампо-Тенезе, отступили из Калабрии на Сицилию через Мессинский пролив). Помимо того, что, овладев Таранто, Отранто и Бари, французские войска вновь господствовали на адриатическом побережье Италии, по Пресбургскому миру французам были переданы австрийские территории на западном побережье Балкан (Истрия, Далмация и Котор), откуда они могли угрожать безопасности как султанских владений, так и Ионических островов. Именно адриатический театр военных действий в 1806 году стал основным, а главную роль в новой кампании сыграл вице-адмирал Д.Н. Сенявин, прибывший на Корфу в январе 1806 г. и взявший на себя общее командование морскими и сухопутными силами Российской империи на Ионических островах (в том числе частью десантного отряда, вернувшегося из Южной Италии).

Российский посланник при сицилийском дворе Д.П. Татищев был одним из главных корреспондентов как вице-адмирала Д.Н. Сенявина, так и российских агентов на Западных Балканах. Действуя в условиях затрудненной коммуникации с

Санкт-Петербургом (письма и депеши в 1806 г. могли идти до адресата около четырех месяцев), он не боялся взять на себя инициативу, исходя из собственного понимания интересов Российской империи. Еще находясь в охваченном паникой Неаполе и получив первые известия о заключении австро-французского мира в Пресбурге, Татищев написал своему давнему корреспонденту полковнику М.К. Ивеличу (16 (28) января), поручив ему в случае занятия Котора французами поднять против них черногорцев[1225]. Похожее пожелание было им высказано и в письме находившемуся в Черногории статскому советнику С.А. Санковскому[1226]. О сложившейся ситуации Д.П. Татищев написал и Д.Н. Сенявину, предложив ему занять укрепленные пункты в Далмации перед тем, как австрийцы передадут контроль за ней французским войскам[1227]. Фактически именно это и было сделано русским отрядом с эскадры Д.Н. Сенявина во главе с капитаном 1 ранга Г.Г. Белли, 16 февраля прибывшим в Которскую бухту и уже 22 февраля совместно с черногорцами получившим контроль за Котором, ранее занятом австрийцами[1228]. С марта 1806 г. между русской эскадрой и французскими войсками начались ожесточенные боевые действия за контроль над Далмацией и Рагузой, с переменным успехом продолжавшиеся до 1807 г.[1229]

В марте 1806 г. вместе с наследным принцем Д.П. Татищев прибыл из Калабрии в Мессину и оттуда отправился в Палермо. Положение Сицилийского королевства в своих депешах и письмах он продолжал оценивать как критическое, по-прежнему особенно негативно отзываясь о политике британцев: по его мнению,

---

[1225] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 56–57.

[1226] *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 37–38.

[1227] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8262. Л. 14–14об. Письмо Д.П. Татищева графу С.Р. Воронцову, 25 марта (7 апреля) 1806 г.

[1228] *Грачев В.П.* Указ. соч. С. 40.

[1229] *Чиняков М.К.* Далматинская экспедиция (1806–1807) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 13. М., 2015. С. 27–62.

британский посланник Х. Эллиот совместно с первым министром Дж. Актоном стремились сделать все для того, чтобы рассорить короля Фердинанда IV («малоспособного в делах, но чрезвычайно ревнивого к своей власти») с королевой Марией Каролиной и наследным принцем, а их главный замысел, как и прежде, сводился к установлению полного британского контроля над Сицилией. Д.П. Татищев оценивал этот план как полностью противоположный интересам Российской империи в Средиземном море и угрожавший русским морским базам в Восточном Средиземноморье («Вспомните, мой князь, – писал он Чарторыйскому 20 марта (1 апреля) 1806 г., – что для того, чтобы прибрести Мальту лондонский двор не остановился перед недовольством, которое в то время вызвал с нашей стороны. То же самое произошло и с Мессиной, и кто может предсказать, не станет ли он вслед за этим завистливо смотреть на наши приобретения в Корфу и на Адриатике»[1230]). Более того, в одном из частных писем Чарторыйскому Татищев утверждал, что Эллиот, рассматривая его как «неудобного свидетеля», сделал все для того, чтобы российский посланник был отозван[1231]. В то же самое время и сам Татищев просил об отзыве, видя свое положение бесполезным, а российскую миссию при дворе короля Обеих Сицилий обреченной на пассивную и малозначительную роль («Для всего, что здесь необходимо делать, в настоящий момент более чем достаточно Карпова... Я бы предпочел быть отправленным в Далмацию или еще куда-то, где в настоящий момент можно быть полезным»[1232]). Надежды Татищева на возможность покинуть Сицилию должно было «подогреть» полученное им в эти дни личное письмо Чарторыйского от 5 февраля 1806 г., в котором управляющий МИД предлагал дипломату отправиться вместе с генералом Ласси на Корфу для устройства «славянских и греческих дел», после чего ему

[1230] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8262. Л. 72.

[1231] Там же. Л. 74–75.

[1232] Там же. Л. 74об.–75.

фактически была обещана миссия в Лондоне[1233]. Спустя несколько месяцев, однако, желание Татищева получить отзыв от сицилийского поста уже не нашло одобрения в Санкт-Петербурге. В официальной депеше от 13 июня 1806 г. Чарторыйский подчеркивал, что отъезд Татищева в настоящий момент мог лишь «усилить отчаяние двора» и заставить сицилийцев чувствовать себя «полностью покинутыми» российским монархом. При этом характерно, что момент, в который российский посланник мог покинуть место своего пребывания, в этой депеше был описан следующим образом: «В то время, когда Е.В. король увидит себя в необходимости покинуть свою нынешнюю резиденцию или вследствие французского вторжения, или в результате какой-нибудь договоренности (transaction) с Англией»[1234].

Именно Великобритания теперь играла главную роль в защите Сицилии от французского вторжения. Если русские войска противостояли французам в Далмации, англичане в 1806 г. попытались перейти в наступление в Южной Италии. В мае 1806 г. британский десант завладел островом Капри в Неаполитанском заливе, а уже в конце июня 1806 г. корпус английских войск под командованием генерал-майора Дж. Стюарта высадился в Калабрии. Экспедиция увенчалась победой британских войск в битве при Майде 4 июля 1806 г., однако практически сразу после этого успеха десант был эвакуирован обратно на Сицилию[1235]. После этого британское командование не предпринимало никаких

[1233] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 149. Л. 18об. См. копию депеши А. Чарторыйского от 8 февраля 1806 г. о положении дел в Европе после Пресбургского мира: *Кондратьева Е.В.* Представители рода Татищевых на дипломатической службе: участие полномочного министра в Неаполитанском королевстве Д.П. Татищева в военно-политических событиях 1805–1806 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XXII. Сборник материалов. М., 2026. С. 127–134.

[1234] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8258. Л. 44об.

[1235] См.: *Сабитова Л.Р.* Противостояние через пролив: англичане и французы в Южной Италии в 1805–1808 гг. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 189–191; *Hopton R.* The battle of Maida 1806: Fifteen Minutes of Glory. Barnsley, 2002. Д.П. Татищев одной из главных причин возвращения британского корпуса на Сицилию считал получение первых известий о

наступательных действий против захваченного французами Неаполитанского королевства, несмотря на повторяющиеся просьбы сицилийского двора, который из-за слабости собственных сил был вынужден ограничиться распространением воззваний среди населения Калабрии, призывая его к восстанию против французов[1236].

Уже в начале 1807 г. ни королева Мария Каролина, ни маркиз Чирчелло не скрывали своей критичности к англичанам и британскому посланнику Драммонду, который возглавил британскую миссию в Палермо в конце 1806 г. и сразу же инициировал переговоры о заключении нового союзного договора (этот трактат, поначалу вызвавший большое беспокойство сицилийского правительства, был, в итоге, подписан 23 марта 1807 г.[1237]) Фактически именно противостояние между «партией» королевы и британским командованием стало с этого времени одной из главных составляющих внутренней политики Сицилийского королевства (несомненным успехом королевы стала отставка Дж. Актона в августе 1806 г.[1238]) Если британцы стремились оказывать влияние на короля и сицилийское дворянство, то королева и ее окружение пытались заручиться поддержкой российского посланника. 28 апреля 1807 г. маркиз Чирчелло написал Д.П. Татищеву записку, в которой передавал слухи о том, что англичане («партия Фокса») преисполнены решимости завладеть Сицилией и даже готовят переворот, который мог бы им позволить свергнуть на острове власть Фердинанда IV[1239]. Передавая оригинал записки императору Александру I, в своей реляции от 28 апреля (10 мая)

подписанном в Париже мире между Россией и Францией, а само усиление британских гарнизонов на острове после возвращения войск из Калабрии был склонен оценивать как очередное доказательство стремления Лондона завладеть Сицилией.

[1236] *Granata S.A.* Monarchie Mediterranee. Ferdinando IV di Borbone tra Sicilia ed Europa (1806–1815). Roma. 2016. P. 22–23.

[1237] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8265. Л. 61–66.

[1238] *Acton H.* Op. cit. P. 573.

[1239] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8264. Л. 4–6.

1807 г. (полученной в Тильзите 16 мая) Татищев указывал на то, что эти подробности ему сообщила лично королева Мария Каролина.

На российско-сицилийских переговорах как в Санкт-Петербурге, так и в Палермо речь по-прежнему шла о возможности оказания сицилийскому двору военной помощи. Уже 8 февраля 1806 г. (еще до получения известий о результатах англо-русской экспедиции) А. Чарторыйский по предложению британского двора предписал Татищеву, в том случае если французы откажутся соблюдать нейтралитет Неаполитанского королевства, озаботиться отправкой части русских войск на Сицилию (как отмечал управляющий министерством, это могло бы облегчить проблемы снабжения гарнизона на Корфу продовольствием) [1240] . Сходным образом оценивал обстановку и герцог ди Серракаприола, который в начале 1806 г. крайне негативно воспринял известие о высадке и тем более отступлении союзного экспедиционного корпуса, возложив главную вину за произошедшее на генерала Ласси [1241] (впоследствии герцог ди Серракаприола пришел к выводу, что одной из главных причин краха экспедиции стало «соперничество интересов (gelosia di interessi)» между Россией и Англией, пагубных последствий которого можно было бы легко избежать, не объединяя русские и английские войска под одним командованием[1242]). Весной–летом 1806 г. в своей переписке с МИД неаполитанский дипломат настаивал на необходимости усиления русских войск на Корфу и их отправки в Южную Италию для защиты Сицилии и освобождения от французов Неаполитанского королевства («Если не прийти на помощь Его Величеству, Ионические острова (Les Isles de Corfou [sic!]) не смогут долго сопротивляться, и однажды, как только они будут подчинены, Россия заранее должна быть уверена в том, что французы и турки объединятся для

[1240] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8258. Л. 29–30.

[1241] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10749. Л. 108–114. Записка герцога ди Серракаприола, 27 июня 1806 г. («Fait historique»).

[1242] *Mafrici M.V.* P Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. P. 246.

того, чтобы на нее напасть»[1243]; «Прийти на помощь народу, полностью преданному России [неаполитанцам], и произвести диверсию самую мощную и самую необходимую для того, чтобы заставить Бонапарта отказаться от безумия общего господства (la folie de la Domination générale)»[1244]). В начале августа 1806 г. неаполитанский дипломат даже представил МИД большой мемуар, посвященный возможности осуществления десанта 12–15 тысячного корпуса русских войск в провинции Абруцци и Анконе, целью которой должно было стать очищение от французов всей Италии и восстановление власти легитимных монархов[1245].

К весне 1806 г. реализовать любой проект высадки русских войск в Италии было уже довольно сложно. Получив депешу Чарторыйского от 8 февраля в начале июня 1806 г., Д.П. Татищев, считавший саму идею об отправке на Сицилию русских войск благотворной (особенно для противодействия замыслам Великобритании), вынужден был считаться с отсутствием на Корфу необходимого количества русских вооруженных сил (зимой 1806 г. генерал Ласси, руководствуясь старыми приказами, вывел большую часть экспедиционного корпуса в черноморские порты, а тех войск, которые остались на Ионических островах, едва хватало для обороны Корфу и действий против французов в Далмации). Тем не менее, Татищев счел необходимым представить желание Александра I об отправке русских войск на Сицилию королю Фердинанду IV, а затем и Дж. Актону, однако не получил от них никакого однозначного и позитивного ответа[1246] (и самим Татищевым, и санкт-петербургским двором это было воспринято как отказ[1247]). Повторная просьба об отправке русских войск, однако уже не на Сицилию, а на территорию Неаполитанского королевства (в Апулию), была адресована Татищеву самим

[1243] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10749. Л. 26об. –27. Нота герцога ди Серракаприола А. Чарторыйскому, 6 марта 1806 г.

[1244] Там же. Л. 116. Письмо герцога ди Серракаприола А.Я. Будбергу, 1 июля 1806 г.

[1245] Там же. Л. 147–148об.

[1246] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8262. Л. 80–82об.

[1247] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10750. Л. 17–17об.

сицилийским двором в конце июня 1806 г., в самый разгар подготовки английского десанта в Калабрию. В письме Чарторыйскому от 17 (29) июля Татищев сообщал о своих переговорах с сицилийским правительством: осознавая невозможность исполнить просьбу о высадке войск в Апулии из-за нехватки русских сил на Корфу, он, тем не менее, пошел навстречу сицилийскому двору и 16 (28) июня написал письмо вице-адмиралу Сенявину, в котором предложил хотя бы отправить небольшую эскадру для крейсирования у берегов Апулии[1248]. Как писал Татищев управляющему МИД, его главной целью по-прежнему было внушение сицилийскому двору уверенности в готовности императора Александра I оказывать ему помощь, а также противодействие Эллиоту, который совместно с Актоном пытался представить королю любую надежду на российскую помощь «ложной и иллюзорной»[1249].

Конечно, на практике оказание военной помощи королю Обеих Сицилий со стороны России уже не было возможным. Особенно отчетливо это стало понятно в конце 1806 г., когда произошел окончательный разрыв между Санкт-Петербургом и Османской Портой, после чего черноморские проливы оказались закрыты для русских военных и транспортных кораблей (русско-турецкий конфликт, связанный со статусом Молдавии и Валахии, продолжался с августа 1806 г.: в ноябре русские войска вступили на территорию Дунайских княжеств, а уже в декабре последовало объявление Османской империей войны, после чего российский полномочный министр А.Я. Италинский покинул Константинополь). Разрыв с Османской империей невольно заставил Д.П. Татищева изменить свое мнение о британской политике в Средиземноморье (в письме Д.Н. Сенявину от 3 (15) января 1807 г. он писал: «Что же касается до усиления агличан в здешних водах, я полагаю таковую меру в теперешних обстоятельствах за полезную»[1250]). В то же время в конце 1806 г. шла активная подготовка к новой кампании против французов на территории

[1248] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 108–108об., 113–115.

[1249] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 108об.

[1250] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8265. Л. 4.

Восточной Пруссии: уже в октябре русские войска пересекли прусскую границу, а в декабре начались боевые действия [1251]. 15 ноября 1806 г. новый министр иностранных дел барон А.Я. Будберг (в июне 1806 г. сменивший во главе МИД А. Чарторыйского[1252]) направил Д.П. Татищеву депешу, в которой, хотя и писал о приказах императора вице-адмиралу Д.Н. Сенявину по возможности блокировать силами своей эскадры оккупированные французами адриатические порты Неаполитанского королевства, тем не менее, делал однозначный вывод о необходимости сконцентрировать все усилия на защите главных интересов Российской империи: «Наши первые заботы должны быть обращены к защите наших собственных границ, а также наиболее прямых интересов империи» [1253] (А.Я. Будберг в целом являлся сторонником оборонительной внешней политики, ход которой должно было, по его мнению, определять не дипломатическое, а военное ведомство[1254]). И хотя в 1807 г. вопрос о военной помощи неаполитанским Бурбонам также поднимался неоднократно (особенно герцогом ди Серракаприола), никаких результатов эти представления уже не имели.

Другим важнейшим требованием сицилийской двора, на котором он продолжал настаивать как в 1806, так и в 1807 гг., было соблюдение Российской империей 11 статьи союзной конвенции, в соответствии с которой любые переговоры с Францией должны были вестись на основе защиты прав короля Обеих Сицилий.

[1251] *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 169–173.

[1252] В Палермо отставка Чарторыйского была особенно негативно воспринята А.Я. Булгаковым, надеявшимся, что дружеские отношения между Чарторыйским и Татищевым способствуют его продвижению по карьерной лестнице: «Это большая потеря для нас. Адам был друг Дмитрия Павловича и ничего ему не отказывал; это бы сделало мою фортуну» (*Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 99).

[1253] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8258. Л. 61.

[1254] Очерки истории Министерства иностранных дел. Том третий. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. / под ред. А.Ю. Мешкова, А.И. Кузнецова, И.А. Мелихова, П.В. Стегния. М., 2002. С. 57–58.

В Санкт-Петербурге речь об этом шла на конференции 28 апреля 1806 г. (на которой герцог ди Серракаприола также получил подтверждение решения Александра I отказаться от британских субсидий за время пребывания русского корпуса в Неаполитанском королевстве в пользу сицилийского двора)[1255]. В тот момент напоминание неаполитанской стороны о содержании 11 статьи конвенции имело особый смысл: еще в феврале 1806 г. санкт-петербургский двор решил начать мирные переговоры с Францией, а в начале мая 1806 г. с этой целью в Париж был отправлен сотрудник МИД П.Я. Убри. Характерно, что в данных ему инструкциях, датированных 30 апреля (12 мая) 1806 г., речь шла в первую очередь о «сохранении Россией ее военных сил на Корфу», оговаривалась также необходимость предоставления королю Фердинанду IV «мирного владения Сицилией» в обмен на признание за Наполеоном императорского титула, однако не шло и речи о восстановлении власти короля Обеих Сицилий в Неаполитанском королевстве[1256] (сам Наполеон в письме своему брату Жозефу от 21 мая 1806 г. выражал уверенность: «Новости, полученные мной из России, свидетельствуют, что ради заключения мира русские покинут королеву Неаполя»[1257]). 8 (20) июля 1806 г. П.Я. Убри подписал мирный договор с Францией, по условиям которого российские войска должны были очистить Далмацию и Которскую бухту, вернувшись на Корфу, а французы обещали гарантировать независимость Республики Семи Островов и Османской империи. В соответствии с секретной статьей договора сыну короля Фердинанда IV (в том случае, если «в силу обстоятельств» сам монарх «не должен будет более продолжать владеть Сицилиею») необходимо было предоставить в качестве компенсации

[1255] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10750. Л. 3–6об. Проект ноты, врученной герцогу ди Серракаприола на конференции 28 апреля 1806 г.

[1256] ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 134–137.

[1257] *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale. V. 6. Vers le Grand Empire, 1806 / sous la direction de T. Lentz. Paris: Fayard, 2009. P. 447.

принадлежавшие Испании Балеарские острова, в таком случае российский император должен был признать нового короля Обеих Сицилий[1258].

Впоследствии этот договор не был ратифицирован Александром I, однако первые известия о подписании российско-французского договора, полученные в Палермо в начале сентября 1806 г., вызвали настоящую панику у королевы и сицилийского министерства (вопреки предположению М.Л. Кавальканти[1259], на Сицилии с самого начала знали содержание секретных статей о Балеарских островах). Д.П. Татищев, видя совершенное несоответствие условий трактата своим собственным предписаниям, поначалу попытался представить документ как текст французского ультиматума[1260]. Спустя некоторое время факт подписания договора был подтвержден депешами из Лондона от князя Кастельчикала, которому о случившемся сообщил российский дипломатический представитель граф П.А. Строганов, уверивший неаполитанского дипломата в том, что император никогда не ратифицирует подобный акт. Тем не менее, несмотря на уверения Строганова и схожее мнение самого Татищева, сицилийский двор воспринимал ситуацию иначе. В депеше от 18 (30) сентября 1806 г. Д.П. Татищев писал: «Королева... приписывала как высказывания графа Строганова, так и мои, нашему частному мнению, которое, как верила Ее Величество, не совпадает с таковым санкт-петербургского кабинета... Считая себя покинутой Россией и совершенно не рассчитывая на Англию, королева видела, как бездна разверзается у ее ног»[1261]. Уже спустя несколько дней из депеш графа А.К. Разумовского стало известно об отказе императора Александра I ратифицировать договор, однако сам факт недоверия королевы к политике Санкт-Петербурга представляется достаточно важным (видимо, именно стремление укрепить ослабевшие связи между Сицилией и

[1258] ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 226–231.

[1259] *Cavalcanti M.L.* Le relazione commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève. 1979. P. 225–226.

[1260] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8260. Л. 132об.

[1261] Там же. Л. 151–151об.

Россией заставили Марию Каролину весной 1807 г. в разговоре с Татищевым вернуться к своему давнему проекту династического брака между принцем Леопольдом и великой княжной Анной Павловной – хотя важно отметить, что, по свидетельству Татищева, королева впервые упоминала об этой идее еще во время пребывания двора в Неаполе[1262]). С большим недоверием и подозрительностью теперь относился к политике Российской империи и неаполитанский посланник в Санкт-Петербурге герцог ди Серракаприола (18 марта министру иностранных дел барону Будбергу даже пришлось оправдываться перед неаполитанцем за долгое молчание, уверяя, что причина молчания – не в «новых политических обстоятельствах», а в загруженности работой из-за отъезда императора[1263]).

Летом 1807 г. на Сицилии стало известно о ходе переговоров о заключении союза между Россией, Англией и Австрией (по всей видимости, речь шла о проекте присоединения Вены и Лондона к российско-прусской Бартенштейнской конвенции, подписанной 14 (26) апреля 1807 г., которое, однако, так и не состоялось из-за взаимных противоречий держав в Германии[1264]). В ноте маркиза Чирчелло Д.П. Татищеву от 6 июля 1807 г. было сообщено о желании короля соучаствовать в этой коалиции[1265]. К тому времени, однако, обстановка в Европе изменилась радикальным образом. Если еще в конце мая 1807 г. в письме герцогу ди Серракаприола, посвященному возможности посредничества Санкт-Петербурга на переговорах между Палермо, Веной и Лондоном, министр иностранных дел А.Я. Будберг признавал возможным участие России в англо-неаполитанских переговорах (в то время как с Веной сицилийский двор должен был договариваться самостоятельно)[1266], то после поражения русской армии в битве при Фридланде и

[1262] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8265. Л. 79–80об. Депеша Д.П. Татищева, 3 (17) апреля 1807 г.

[1263] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10752. Л. 6–7об.

[1264] *Искюль С.Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 125–128.

[1265] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8265. Л. 95–95об.

[1266] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10752. Л. 8–10об.

начала российско-французских переговоров в Тильзите любое участие Санкт-Петербурге в судьбе неаполитанских Бурбонов стало невозможным.

Российско-французский договор о мире и дружбе, подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. положил конец участию России в войне Четвертой коалиции и стал новой вехой в истории средиземноморской политики Санкт-Петербурга. Фактически Российская империя уступала Франции свою зону влияния в Восточном Средиземноморье и отказывалась от поддержки неаполитанских Бурбонов: в соответствии с 15 статьей Александр I признавал Жозефа Бонапарта неаполитанским королем, 1 и 2 отдельные и секретные статьи обязывали российскую сторону вывести войска из Котора и передать под власть Франции Ионические острова, а 4 отдельная и секретная статья содержала обязательство российского императора признать Жозефа Бонапарта сицилийским королем после того, как Фердинанд IV получит в качестве компенсации Балеарские острова или остров Кандия (Крит)[1267]. В тот же день был подписан и союзный договор, который обязывал Российскую империю в случае отказа Лондона от российского посредничества объявить войну Англии [1268] . Признав Жозефа Бонапарта неаполитанским королем, российская сторона фактически реализовала идею, которая обсуждалась среди российского руководства еще с конца 1806 г. (среди тех, кто предлагал пожертвовать интересами неаполитанских Бурбонов ради восстановления мира с Францией, был и А. Чарторыйский, в декабре 1806 г. представивший записку «О преимуществах мирных переговоров с Бонапартом»[1269]).

В Палермо новость о подписании Тильзитского мира вызвала острую и негативную реакцию (в письме генералу Р. Дама королева Мария Каролина писала:

[1267] ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 631–642.

[1268] Там же. С. 642–646.

[1269] *Додолев М.А.* Франко-русский союз 1807 г. и Сицилия (К истории разрыва дипломатических отношений между Россией и Сицилией в 1808 г.) // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 80.

«Я не могу Вам сказать, насколько я была шокирована, и какое отвращение я испытываю к позорному миру, заключенному ничтожным Александром»[1270]). В Санкт-Петербурге герцог ди Серракаприола, официально уведомленный о подписании мира циркулярной нотой, 6 августа разосланный среди представителей дипломатического корпуса[1271], также протестовал, в длинной записке от 9 августа 1807 г. представив российско-французский договор как нарушающий «священные права» короля Обеих Сицилий, которые российский монарх был обязан защищать в соответствии с конвенцией от 10 сентября 1805 г.[1272] Реакция императора Александра I была вполне ожидаемой. На ответной ноте от 15 августа, отправленной герцогу ди Серракаприола, российский монарх собственноручно написал: «Россия, предоставленная сама себе (abandonée à elle-même), была вынуждена не думать ни о чем, кроме своих собственных интересов. Трактат в Тильзите был следствием этого»[1273].

За Тильзитским миром последовало стремительное ухудшение русско-английских отношений. Уже 5 (17) ноября Д.П. Татищев, который так и не был официально уведомлен о российско-французском договоре, сообщил о мерах предосторожности, которые предприняло британское командование на Сицилии, опасаясь эскадры Сенявина (из-за распространившихся слухов о совместных российско-французских проектах по захвату Сицилии), а также о запрете британским командующим в Мессине войти в порт русскому судну, чтобы пополнить припасы[1274]. О позиции сицилийского министерства российский посланник писал: «Что касается маркиза ди Чирчелло, он умолял меня понять, что, будучи оставленным нашим двором, они целиком отданы на милость англичан (il

[1270] *Acton H.* Op. cit. P. 579.

[1271] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10752. Л. 15.

[1272] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10751. Л. 101–103.

[1273] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10752. Л. 16. Копия резолюции Александра I.

[1274] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8265. Л. 105–108.

se trouvait entièrement à la discretion des Anglais), в силу чего вынуждены делать все, что те им предпишут»[1275].

Отношения России и Великобритании были официально разорваны 24 октября (5 ноября) 1807 г. (в ответ на бомбардировку британским флотом Копенгагена). В начале января 1808 г. порт Палермо, в котором находилось несколько русских судов, включая военный фрегат «Венус», был блокирован британской эскадрой. В ответ на ноту Татищева с вопросом о том, может ли сицилийское правительство гарантировать русским кораблям безопасность, маркиз Чирчелло отвечал, что «будущность Е.В. короля Обеих Сицилий слишком тесно связана с судьбой Англии», в силу чего пребывание русского фрегата на палермском рейде было названо не соответствующим ни «обстоятельствам», ни «договоренностям» между Палермо и Лондоном[1276]. Руководитель сицилийского департамента иностранных дел, таким образом, прямо требовал, чтобы русский военный корабль вышел из гавани Палермо, что неминуемо сделало бы его жертвой английской эскадры. Конфликт едва не закончился вооруженным столкновением между русским фрегатом и британским флотом (англичане требовали сдать корабль и готовились захватить фрегат силой; по поручению Татищева, представившего маркизу Чирчелло, что русские моряки скорее взорвут фрегат, чем отдадут его англичанам, П.И. Карпов прибыл на борт «Венуса» и велел морякам готовиться к обороне). Решить ситуацию миром помогли личные связи российского посланника с королевой Марией Каролиной, которая согласилась взять фрегат на «хранение» сицилийского правительства с тайным обязательством вернуть его российской стороне при первой же возможности[1277] (о том же шла речь и в конфиденциальном

[1275] Там же. Л. 107об.

[1276] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8269. Л. 6–6об.

[1277] *Додолев М.А.* Указ. соч. С. 88–90; *Гребенщикова Г.А.* Фрегат «Венус» в русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб., 2015. С. 184–188. Фрегат так и не был возвращен российской стороне.

письме короля Фердинанда IV императору Александру I, которое, судя по всему, было написано самим Татищевым[1278]).

Официально дипломатические отношения между Российской империей и Сицилийским королевством были разорваны в соответствии с нотой Д.П. Татищева от 29 декабря 1807 г. (10 января 1808 г.), в которой содержались следующие строки: «Поскольку подобный враждебный акт не может рассматриваться иначе, как объявление войны моему августейшему господину императору со стороны Его Сицилийского Величества, с настоящего момента я слагаю с себя характер, в котором я был аккредитован при короле. Вследствие этого я снял со своего дома российский герб и буду оставаться в Палермо как частное лицо до того момента, пока мои домашние дела не позволят мне покинуть эту страну вместе со всеми лицами, приписанными к сей миссии»[1279] (депеша от 17 (22) января 1808 г. и приложенные к ней копии документов были отправлены Татищевым в Санкт-Петербург вместе с секретарем посольства А.Я. Булгаковым, которого посланник рекомендовал министру иностранных дел графу Н.П. Румянцеву, прося наградить орденом Св. Анны: «Я беру на себя смелость рекомендовать этого молодого человека особому попечению Вашего Превосходительства. В течение трех лет он служил чрезвычайно усердно, он единственный разделял все мои труды»[1280]). 21 февраля 1808 г. Д.П. Татищев вместе с сотрудниками российского посольства покинул Палермо и отправился в Рим. Незадолго до его отъезда, 15 февраля 1808 г. королева Мария Каролина написала ему прощальное письмо, в котором, желая дипломату счастливого пути, подвергла жестокой критике англичан, обвинявших ее в «пристрастии к русским (partialité Russe)»: «Это политическое порабощение, направленное лично против меня, лишает меня удовольствия вновь Вас увидеть... Наши единственные, не союзники даже, а хозяева, так называемые защитники…

[1278] ОР РНБ. Ф. 762. Д. 34. Л. 1–2. Текст написан почерком Татищева, карандашом, с многочисленными исправлениями.

[1279] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8269. Л. 9.

[1280] Там же. Л. 4.

Эта нация со своим богатством и морской силой верит, что обладает деспотическим правом на весь мир»[1281].

В Санкт-Петербурге о разрыве дипломатических отношений между Российской империей и Сицилийским королевством стало известно в апреле 1808 г. Официальной нотой от 18 апреля герцогу ди Серракаприола было сообщено об отказе рассматривать его в качестве иностранного министра[1282]. Другой нотой, написанной в тот же день, ему было дозволено остаться в России в качестве частного лица[1283]. В ответных записках и нотах, выражая благодарность за гостеприимство, герцог ди Серракаприола с горечью писал о том, что разрыв отношений между государствами был вызван исключительно пагубными обстоятельствами настоящего времени, и король Обеих Сицилий, «твердый и постоянный в связях, установленных с 1776 года», в будущем, когда изменятся обстоятельства, будет продолжать рассчитывать на поддержку Российской империи[1284].

Таким образом, дистанцирование между Санкт-Петербургом и Палермо, а затем и разрыв дипломатических отношений (1808 г.) оказались предопределены самим характером изменения стратегической обстановки в Средиземноморье. Захват французами Истрии и Далмации требовал особого внимания к Западным Балканам, а ослабление русского контингента на Корфу не позволяло оказать эффективную помощь сицилийским Бурбонам, несмотря на постоянные просьбы со стороны сицилийского правительства и герцога ди Серракаприола. В этих условиях положение российской миссии вновь было периферийным и неизбежно должно было осложниться после начала Русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), положившей конец российско-османскому союзу (1799 г.), некогда являвшемуся одной из несущих конструкций новой, более активной внешней политики

[1281] ОР РНБ. Ф. 836. Д. 2. Л. 26–27.

[1282] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10753. Л. 2–3об.

[1283] Там же. Л. 5–5об.

[1284] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10754. Л. 8–8об., 9, 10–10об.

Российской империи на средиземноморском направлении. Таким образом, де-факто к сворачиванию активной политики России в средиземноморском регионе привел отнюдь не Тильзитский договор, а тот набор объективных стратегических обстоятельств, которые ему предшествовали и во многом сделали желательным поиск временного компромисса с наполеоновской Францией (как справедливо отмечает В.М. Безотосный, русский стратегический курс и после Тильзита продолжал быть нацеленным на будущую борьбу с Наполеоном, мир с которым Александр I воспринимал не иначе как временную передышку [1285]). Ради достижения мира с Францией, которого требовала сложившаяся критическая ситуация, российское руководство было готово пожертвовать интересами малых государств Южной Европы, а ставшее следствием Тильзита начало «странной» русско-английской войны неизбежно повлекло за собой официальный разрыв дипломатических отношений между Санкт-Петербургом и палермским двором, в тот момент полностью находившимся под влиянием Великобритании.

4.4. Выводы к главе 4

В первые годы правления Александра I, несмотря на стремление нового императора и его ближайшего окружения к проведению изоляционистского курса и, в целом, на их достаточно критическое отношение к политике Павла I, те проблемы, которые в свое время привели к вовлечению России в войну Второй коалиции, способствовали новому разрыву с Францией и началу складывания Третьей коалиции. Одной из этих проблем был и неаполитанский фактор, по-прежнему тесно связанный с проблемой безопасности Ионических островов и Западных Балкан от французского вторжения (оккупация французской армией Таранто, Бари и Отранто не только нарушала российско-французские договоренности, но и напрямую угрожала российским стратегическим интересам в регионе).

[1285] *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 222.

Поначалу российская миссия в Неаполе играла второстепенную роль и не участвовала в планировании высадки русских войск в Южной Италии, выполняя преимущественно информационную функцию (более того, после отставки Дж. Актона в мае 1804 г. российский поверенный в делах не имел никаких неформальных каналов взаимодействия с неаполитанским двором). Ситуация изменилась после приезда в Неаполь Д.П. Татищева, высокопоставленного чиновника МИД, обладавшего широкими полномочиями. Действуя энергично и независимо, Татищев смог подорвать единоличное влияние британского дипломата Х. Эллиота на неаполитанский двор, заручиться доверием королевы и министерства, и добиться заключения конвенции от 10 сентября 1805 г. Несмотря на дипломатические успехи Татищева и тщательную подготовку, в течение полутора лет осуществлявшуюся дипломатами и военным командованием, экспедиция 1805 г. обернулась катастрофой, на что повлияло как изменение обстановки в Европе после краха союзников в Южной Германии, так и русско-английские противоречия в понимании стратегических приоритетов в Центральном Средиземноморье (в конечном счете только англичане вышли из ситуации победителями, сумев установить контроль за Сицилией).

В 1806 г. оказание активной помощи Сицилийскому королевству стало невозможным. Начавшаяся Русско-турецкая война, закрывшая для русских кораблей черноморские проливы (фактически изолировав русскую военно-морскую базу на Корфу), и поражения союзников в Восточной Пруссии способствовали тому, что Российская империя, оказавшись «предоставлена сама себе (abandonée à elle-même)», была вынуждена заботиться о собственных интересах и прекратила поддержку отдаленного итальянского двора ради достижения временного компромисса с наполеоновской Францией. Последовавший за этим разрыв между Россией и Англией сделал неизбежным и разрыв дипломатических отношений между Санкт-Петербургом и Палермо.

Заключение

По результатам исследования в соответствии с поставленными задачами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, дипломатические отношения Российской империи с Неаполитанским королевством в конце XVIII в. были значимой, хотя и периферийной частью средиземноморского направления внешней политики Санкт-Петербурга (в то время как в приоритете были проблемы Балкан и режима черноморских проливов). Сближение России с Неаполем, начатое в конце 1770-х – начале 1780-х гг., изначально преследовало цель развития торговых связей и укрепление позиций Российской империи в Средиземном море накануне ожидавшегося разрыва с Османской империей (с самого начала Неаполитанское королевство воспринималось санкт-петербургским двором как плацдарм на пути к Западным Балканам). При этом важную роль в этом сближении сыграли не только экономические и стратегические интересы Российской империи, но и позиция руководства Неаполитанского королевства, в 1780-е гг. стремившегося выйти из-под опеки испанского двора и проводить политику активного нейтралитета.

После начала Французской революции и Революционных войн (1792–1802 гг.) ситуация постепенно начала меняться. Взаимодействие между Российской империей и Неаполитанским королевством приобрело характер совместной борьбы с французским влиянием в Центральном и Восточном Средиземноморье. Это взаимодействие выражалось в том числе в тесном сотрудничестве российского и неаполитанского дипломатических представителей в Константинополе (выросшего из неаполитанского посредничества на заключительном этапе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.)

Помимо этого, 1780–1790-е гг. стали временем складывания инфраструктуры взаимных дипломатических миссий: именно системный характер отношений между обоими дворами, сформировавшийся в 1780-е гг., и объективно периферийная роль Южной Италии во внешней политике Российской империи (что проявилось как в отказе императрицы Екатерины II от династического брака с

неаполитанскими Бурбонами, так и в условиях российско-британского союзного договора 1795 г., выводившего Средиземное море из зоны непосредственных российских интересов) способствовали практически безболезненному улаживанию дипломатического скандала, вызванного поведением неопытного российского полномочного министра графа Ф.Г. Головкина (1795–1796 гг.), значительно превысившего собственные полномочия и действовавшего вопреки инструкциям из Санкт-Петербурга.

Во-вторых, российско-неаполитанский союзный договор 1798 г., в заключении которого главную роль сыграл неаполитанский дипломат в Санкт-Петербурге (1783–1808, 1812–1822 гг.) Антонино Мареска герцог ди Серракаприола (апологетически настроеный по отношению к политике императора Павла I), был вызван к жизни как стратегическими, так и идеологическими причинами. Это был первый международный правовой акт, предполагавший отправку русских войск на территорию Апеннинского полуострова (осенью – зимой 1798 г. это условие имело ярко выраженный антиавстрийский характер, противореча российско-австрийским договоренностям лета 1798 г.: венский двор традиционно рассматривал Апеннинский полуостров как собственную сферу влияния, а в ноябре 1798 г. отказался поддержать короля Обеих Сицилий, вступившего в военный конфликт с Французской республикой). Непосредственной причиной подписания российско-неаполитанского договора 1798 г. стало расширение французской экспансии в Средиземноморье, противоречившее как неаполитанским, так и российским интересам (создание «республик-сестер» на Апеннинском полуострове, захват Мальты, высадка в Египте). Таким образом, этот договор являлся логическим продолжением российско-османского союза, ставшего ответом на действия французов, напрвленные против Османской Порты, и открывшего для русских военных кораблей проход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы, сделав возможным отправку в Восточное Средиземноморье соединенной эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Еще одна статья российско-неаполитанского договора предполагала взаимные гарантии по Мальте. Герцог ди Серракаприола с готовностью поддержал все мальтийские инициативы императора Павла I, а сицилийский двор практически сразу выразил свое согласие на признание российского монарха великим магистром ордена Св. Иоанна Иерусалимского (это звание император Павел I принял на себя в декабре 1798 г.) – и это было достаточно важно, учитывая, что именно король Обеих Сицилий признавался на международной арене верховным сувереном острова Мальта. В данном случае со стратегическими интересами оказались тесно переплетены интересы идеологические (и то, и другое должно было, по мнению участников событий, служить «общему делу» борьбы с Французской республикой).

В-третьих, российская миссия при неаполитанском дворе, формально встроенная в систему учреждений Коллегии иностранных дел, сохраняла автономный характер из-за своей периферийности и географической удаленности. Ее сотрудники страдали из-за недофинансирования и бытовых проблем: их жалованье в 1779–1800 гг. оставалось неизменным (несмотря на кризис финансовой системы Неаполитанского королевства в 1790-е гг. и повсеместный рост цен), а аренда помещений и поддержание достойного образа жизни требовали дополнительных затрат, из-за чего многие сотрудники посольства были вынуждены прибегать к услугам ростовщиков и помощи местных негоциантов (путем вложения денег под процент для участия в финансовых операциях).

Главную роль в повседневной деятельности миссии играла не формальная иерархия, а система неформальных горизонтальных и вертикальных связей: в 1790-е – начале 1800-х гг. реальным руководителем миссии был советник посольства и поверенный в делах А.Я. Италинский, обладавший большим опытом и пользовавшийся доверием неаполитанского двора, в то время как полномочные министры, формально возглавлявшие посольство (П.М. Скавронский, В.В. Мусин-Пушкин-Брюс), зачастую выполняли лишь репрезентативные и церемониальные функции (важно отметить, что граница между приватной и профессиональной

сферами жизни сотрудников российской миссии вообще была трудноразличимой). В 1799–1800 гг. в условиях начавшихся военных действий в Южной Европе санкт-петербургский двор фактически легализовал уже сложившуюся к тому времени неформальную иерархию, сначала наделив А.Я. Италинского чрезвычайными полномочиями по взаимодействию с русскими войсками в Средиземноморье, а затем назначив его российским посланником при дворе короля Обеих Сицилий (январь 1800 г.) Несмотря на это, деятельность миссии по-прежнему была затруднена из-за коммуникационного разрыва и не всегда однозначных приказов из Санкт-Петербурга.

В-четвертых, во время войны Второй антифранцузской коалиции все попытки неаполитанских дипломатов соучаствовать в планировании кампании потерпели крах, а русские войска так и не были направлены в Южную Италию, вопреки условиям российско-неаполитанского союзного договора 1798 г. (во многом это было связано с тем, что главным центром планирования оставалась Вена, где настояли на реализации собственного плана и заблокировали любые попытки вмешательства со стороны представителей Сицилийского королевства). Наконец, уже к лету 1799 г. наметился серьезный конфликт интересов между неаполитанскими Бурбонами и австрийскими Габсбургами: опасаясь «завоевательных видов» венского двора и пытаясь противопоставить росту австрийского влияния на полуострове собственное территориальное расширение, сицилийский двор стремился опереться в борьбе с Веной на обещанный императором Павлом I корпус русских войск, а в его отсутствие – на эскадру адмирала Ф.Ф. Ушакова, пришедшую на Сицилию в августе 1799 г.

Посредником между сицилийским двором и русским адмиралом являлся А.Я. Италинский, получивший новые полномочия из Санкт-Петербурга, однако из-за отзыва русской эскадры в Черное море он так и не сумел выполнить возложенные на него задачи (связанные как с координацией действий между союзниками, так и с обеспечением власти императора Павла I над островом Мальта). Неудачей закончилась и миссия неаполитанского дипломата М. Мастрилли маркиза ди Галло,

который, прибыв в Санкт-Петербург летом 1799 г., поставил вопрос об угрозе австрийского доминирования в Италии и необходимости получения королем Обеих Сицилий защитного барьера на северной границе за счет бывших папских владений (в конечном счете маркиз ди Галло оказался дезавуирован самим сицилийским королем и был вынужден уехать из России). Неаполитанский фактор сыграл, таким образом, важную роль в кризисе Второй антифранцузской коалиции, объективно усугубив конфликт между Российской империей и Австрийской монархией, по-разному воспринимавшими цели войны.

В-пятых, после разрыва с Австрийской монархией и охлаждения отношений с Великобританией связи Российской империи с Неаполитанским королевством сохраняли вид внешнего согласия, хотя после вывода из Средиземного моря русской эскадры Санкт-Петербургский двор уже не мог оказать неаполитанским Бурбонам никакой реальной помощи. Крах австрийской армии в Северной Италии в битве при Маренго (июнь 1800 г.), заключение перемирия между Австрийской монархией и Французской республикой, а также стремление венского кабинета отстранить неаполитанский двор от переговоров с французами (которые должны были быть посвящены в том числе послевоенному урегулированию на Апеннинском полуострове) оказали непосредственное влияние на решение санкт-петербургского двора начать сближение с Францией. Одной из главных целей этого сближения, начатого в конце лета 1800 г., было стремление Павла I и руководства Коллегии иностранных дел, предотвратив риск сговора между австрийским двором и французским кабинетом, принять участие в переговорах об «общем мире» на основе идей европейского равновесия и баланса сил, выступив гарантом независимости и территориальной целостности своих малых союзников (в том числе Неаполитанского королевства). Из этой идеи, в итоге, так ничего и не вышло: формально согласившись с российскими условиями и допустив российское посредничество в Германии, французская сторона фактически отстранила санкт-петербургский двор от участия в переговорах о судьбе итальянских государств. Несмотря на протесты неаполитанского и российского представителей в Париже, а

также на попытки российского посланника при сицилийском дворе вступить в прямые переговоры с французским командованием в Центральной Италии, в марте 1801 г. Французская республика навязала неаполитанскому двору сепаратный Флорентийский мирный договор, который предусматривал оккупацию французскими войсками адриатических провинций королевства, совершенно не соответствуя российским интересам в регионе.

В-шестых, в начале правления императора Александра I потенциальная угроза балканским владениям Османской империи и русской военной базе на Ионических островах со стороны французских войск, в 1803 г. повторно оккупировавших неаполитанские порты на побережье Адриатики (Таранто, Бари и Отранто), стала одним из важных факторов, ускоривших разрыв между Россией и Францией. С весны 1804 г. российское руководство планировало высадку англо-русского корпуса в Южной Италии, участвуя в секретных переговорах с неаполитанскими Бурбонами и лондонским кабинетом, а также координируя деятельность своих дипломатов и военных командующих в Средиземноморье (генерал-майора Р.К. Анрепа и генерала Б.П. Ласси). Сам характер этого планирования, растянувшегося на полтора года, серьезно отличался от стратегического планирования предшествующего царствования. Санкт-петербургский двор сознательно пошел на децентрализацию, предоставив широкие полномочия будущему главнокомандующему генералу Б.П. Ласси (который заранее прибыл в Южную Италию для изучения обстановки), а также Д.П. Татищеву, новому посланнику при неаполитанском дворе, который, хотя и не был встроен в систему локальных связей, однако являлся одним из руководителей Министерства иностранных дел и и близким другом управляющего министерством А. Чарторыйского. Большой дипломатический опыт Д.П. Татищева позволил ему не просто выстроить доверительные отношения с неаполитанским двором и министерством, но также заключить с Неаполитанским королевством новую союзную конвенцию (сентябрь 1805 г.) и способствовать его отказу от соблюдения нейтралитета.

Несмотря на дипломатические успехи Д.П. Татищева на финальном этапе подготовки экспедиции и успешную высадку в Неаполитанском заливе англо-русского экспедиционного корпуса (ноябрь 1805 г.), к началу 1806 г. военные поражения союзников в Центральной Европе (битва при Аустерлице), выход из войны венского двора и усугублявшиеся противоречия между Российской империей и Великобританией, по-разному смотревшими на цели совместных действий в Южной Италии, привели к сворачиванию экспедиции и эвакуации войск из Неаполитанского королевства. Вновь важную роль сыграл коммуникационный разрыв, помешавший быстрой координации действий между командованием в Неаполе и санкт-петербургским двором. При этом важно отметить, что император Александр I, подписывая приказ о выводе войск из Южной Италии, руководствовался прагматизмом, воспринимая высадку в Неаполитанском королевстве всего лишь как вспомогательный отвлекающий маневр в пользу австрийской армии, потерявший смысл после выхода Австрийской монархии из Третьей антифранцузской коалиции.

В-седьмых, после вывода большей части русского экспедиционного корпуса в Черное море и начала Русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), оборвавшей связи между русским военным контингеном на Ионических островах и черноморскими портами, средиземноморское направление неизбежно потеряло для Российской империи свое прежнее значение. Закрытие Босфора и Дарданелл для русских военных кораблей, а также активные боевые действия против французских войск на западном побережье Балканского полуострова, начавшиеся еще зимой 1806 г. (Далматинская экспедиция 1806–1807 гг.), сделали невозможным оказание деятельной помощи династии неаполитанских Бурбонов силами российских войск. Несмотря на просьбы сицилийского двора российскому посланнику в Палермо Д.П. Татищеву и многочисленные представления российскому МИД от неаполитанского дипломата в Санкт-Петербурге А. Мареска герцога ди Серракаприола, российское руководство уже в 1806 г. фактически дистанцировалось от поддержки короля Обеих Сицилий (что стало объективным

следствием потери стратегических позиций в Средиземном море и нового курса российского руководства, направленного в первую очередь на защиту интересов Российской империи в Северной Европе).

Тильзитский мир 1807 г. был, безусловно, временной передышкой и вынужденным шагом, потребовавшим от Санкт-Петербурга отказаться как от плацдарма в Восточном Средиземноморье, так и от поддержки Сицилийского королевства. По условиям этого договора российская сторона признавала Жозефа Бонапарта королем Обеих Сицилий (вопреки российско-неаполитанской союзной конвенции 1805 г.), а ставшее прямым следствием Тильзитского мира начало вооруженного конфликта с Великобританией (к тому времени фактически осуществлявшей протекторат над Сицилией) сделало неизбежным разрыв дипломатических отношений между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий. В отличие от императора Павла I, чья внешняя политика, преследуя объективные стратегические цели, в то же время оставалась «политикой принципов», Александр I и его окружение, несмотря на декларируемые ими идеологические цели (в которые они искренне верили), показали себя гораздо более прагматичными политиками, способными на отказ от неудобных международных обязательств в том случае, если этого требовала сложившаяся обстановка и реальные интересы Российской империи.

Список использованных источников и литературы

I. Архивные фонды

Архив внешней политики Российской империи (Москва)

1. Ф. 2. Внутренние коллежские дела
2. Ф. 5. Секретные мнения Коллегии иностранных дел
3. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрация)
4. Ф. 8. Высочайше опробованные доклады по сношениям России с иностранными державами
5. Ф. 66. Сношения России с Мальтой
6. Ф. 70. Сношения России с Неаполем
7. Ф. 133. Канцелярия Министерства иностранных дел
8. Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел
9. Ф. 270. Генеральное консульство в Неаполе
10. Ф. 340. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД

Российский государственный архив древних актов (Москва)

1. Ф. 28. Орден Святого Иоанна Иерусалимского

Российский государственный Военно-исторический архив (Москва)

1. Ф. 2. Канцелярия Военной коллегии

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

1. Ф. 762. Д.П. Татищев

2. Ф. 836. А.И. Чернышев

Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Мюнхен)

1. Gesandtschaft St. Petersburg. 28. Politische Korrespondenz (aus dem Archiv Bray-Irlb), 1800 [Электронный ресурс]. – URL: https://dfg-viewer.de/show?tx_dlf[double]=0&tx_dlf[id]=https://www.gda.bayern.de/gvl/mets?exportId=3b4edea5-3d61-4842-a1cd-79eb01b16a60&tx_dlf[page]=39&cHash=1d1d5e78073ef34e169b9c5a91e55f3b (дата обращения: 20.05.2026)

II. Международные правовые акты

1. Договор, заключенный Россиею и королем Обеих Сицилий. О взаимной дружбе и торговле. СПб., 1787 [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004142244?page=1&rotate=0&theme=white– (дата обращения: 19.01.2026)

2. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, Т. 2, 6, 9. СПб., 1875–1892.

3. *Martens G.F.* Recueil des principaux Traités d’Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, de Limites, d’Echange etc. conclus par les puissances de l’Europe. T. VI. 1795–1799. Gottingue: Dieterich, 1829. 473 p.

4. *De Clercq M.* Recueil des traités de la France. T. I. 1713–1802. Paris, 1864. 640 p.

5. Traité de Campo–Formio entre la République française, représentée par Napoléon Bonaparte, et l'Autriche, représentée par Martius Mastrilli, Louis de Cobenzl, Maximilien de Mervelot et Ignace de Degelmann. Campo–Formio, le 26 vendémiaire an VI // AF/III/59/235/1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/rechercheconsultation/consultation/ir/consultationIR.actio

n?irId=FRAN_IR_055193&udId=A1_45&details=true&gotoArchivesNums=false&auSeinIR=true (дата обращения: 22.08.2025)

III. Публикации официальной делопроизводственной документации

1. А.В. Суворов. Документы. Т. IV / под ред. Г.П. Мещерякова. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1953. 676 с.

2. Адмирал Ушаков. Т. I–III / под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства СССР, 1951–1956.

3. Архив Государственного совета. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. Т. III. Ч. 2. 884 стб.

4. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. 1789–1796 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 42. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 532 с.

5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1–3. М.: Госполитиздат, 1960–1963.

6. Депеши графа Литты, посланника мальтийского ордена в С. Петербурге, писанные в конце 1796 г. и в начале 1797 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 164–274.

7. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. проф. Александра Трачевского. Т. 1–2 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70, 77. СПб., 1890–1891.

8. Дневник словесных повелений императора Павла графу Ф.В. Ростопчину // Русская старина, 1912, вып. 10. С. 257–271.

9. *Auriol Ch.* La France, L'Angleterre et Naples de 1803 à 1806. T. 1–2. Paris: Plon-Nourrit, 1904–1905.

10. *Bailleu P.* Preussen und Frenkreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. V. 1–2, Leipzig: S. Hirzel, 1881–1882.

11. *Bonaparte Napoléon.* Correspondance générale / sous la direction de T. Lentz. V. 1–6. Paris: Fayard, 2006–2009.

12. *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910. 347 p.

13. Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. G. Penzo Doria. Venezia: La Malcontenta, 1993. 251 p.

14. The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson / ed. by sir N.H. Nicolas. V. III–IV. London: H. Colburn, 1845.

15. Lettere di John Acton, Ferdinando di Borbone e Maria Carolina d'Asburgo-Lorena a Francesco Maria Statella (ottobre 1799 – giugnio 1800) / a cura di L. Alonzi. Rubbettino Editore, 2013. 433 p.

16. Report of the manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. V. 6. Dublin, 1908. 588 p.

17. La riconquista del Regno di Napoli nel 1799. Lettere del cardinal Ruffo, del re, della regina e del ministro Acton / a cura di B. Croce. Bari: G. Laterza & figli, 1943. 303 p.

18. *Rose J.H.* Select dispatches from the British Foreign Office Archive relating to the formation of the Third Coalition against France 1804–1805. London: Royal historical society, 1904. 289 p.

19. Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österr. Ministers des Äussern: Beiträge zur Beurtheilung der politischen Verhältnisse Europas in den Jahren 1792–1801 / von A. von Vivenot. V. 1–2, Wien: Wilhelm Braumüller, 1872.

20. *Vivenot A. von.* Zur Geschichte des Rastadter Congresses: urkundiche Beiträge zur Geschichte der deutschen Politik Oesterreichs währed der Kriege gegen die französische Revolution October 1797 – juni 1799. Wien: Wilhelm Braumüller, 1871. 541 S.

IV. Публикации материалов личного происхождения

1. Архив князя Воронцова. Кн. IX, XX. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1876–1881.

2. *Братья Булгаковы.* Том 1. Письма 1802–1820 гг. М.: Захаров, 2010. 752 с.

3. Воспоминания Ф.П. Фонтона. Юмористические, политические и военные письма. Лейпциг: Вагнер, 1862. 267 с.

4. *Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты и воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; предисл. и примеч. С. Боннэ; Сост., вступит. ст., подгот. текста, коммен. Д. Исмаил-Заде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с.

5. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка / под ред. В.С. Лопатина. М.: Наука, 1997. 991 с.

6. Из писем Александра Яковлевича Булгакова в Москву к отцу его Якову Ивановичу. 1802–й год // Русский архив. 1898. № 8. С. 600–643.

7. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы / сост., вступ ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 920 с.

8. *Левенштерн Е.Е.* Дневники Е. Е. Левенштерна, офицера Русского Императорского флота / пер. с нем. Т. К. Шафрановской и А. Шурбелева. СПб.: Крига, 2024. 840 с.

9. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вст. ст. А. Кизеветтера. Т. 1. М.: К.Ф. Некрасов, 1912. 388 с.

10. *Местр Ж. де.* Петербургские письма 1803–1817. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 336 с.

11. *Миранда Франсиско де.* Путешествие по Российской империи. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2001. 364 с.

12. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла Первого // Рыцарь трона / сост. и ред. А.В. Скоробогатов. М., 2012. С. 23–149.

13. Эпоха 1812 года в мемуарах и дневниках российских дипломатов. М.: «Кучково поле»: ИКС-ХИСТОРИ, 2024. 416 с.

14. *Bray F.G.* Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen Francois Gabriel de Bray (1765–1832). Leipzig: S. Hirzel, 1901. 293 S.

15. Correspondance inédite de Marie-Caroline, reine de Naples et de Sicile, avec le marquis de Gallo (1792–1806) / par M. le Commandant Weil. Paris: Plon-Nourrit, 1911. 71 p.

16. *Damas R.* Mémoires du comte Roger de Damas / publié et annotés par J. Rambaud. Paris: Plon, 1912. 488 p.

17. *Ferdinando IV di Borbone.* Diario segreto 1796–1799 / ed. curata da E. Dessì, M. Maccaferri. M2 Edizioni. 2023. 357 p.

18. Mémoire de Marie Caroline reine de Naples / par R.M. Johnston. Cambridge: Harvard University Press, 1912. 340 p.

19. Memorie del duca di Gallo / a cura di B. Maresca // Archivio storico per le Province Napoletane. Anno XIII. Fasc. II. Napoli, 1888. P. 204–441.

20. *Oginski M.* Memoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'a la fin de 1815. T. II. Paris, 1833. 432 p.

V. Публицистика

1. Estratto degli atti principali che mettono in chiaro la causa di delitto di stato pendente nel Parlamento di Suezia riguardo alla conspirazione tramata contro il presente Governo del Regno... [S. l.], 1794. 192 p.

2. *[Monti V.]* Lettera di Francesco Piranesi al Signor Generale D. Giovanni Acton. [S. l.], 1795. 115 p.

VI. Литература

1. *Агеев А.С.* «Да хранит Бог столь великого и здравомыслящего монарха!»: император Павел I и его политический курс глазами неаполитанского дипломата (по материалам перлюстрации) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2025. Вып. 126. С. 34–48.

2. *Агеев А.С.* Дипломатический скандал в эпоху Екатерины II: миссия графа Ф.Г. Головкина в Неаполе (1795–1796 гг.) // Клио. 2026. № 1 (229). С. 73–80.

3. *Агеев А.С.* Королевство Обеих Сицилий между Павлом I и Наполеоном Бонапартом: «неаполитанский вопрос» в российско-французских переговорах (1800–1801 гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (21–24 октября 2025 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М.: ИРИ РАН, 2025. С. 77–84.

4. *Агеев А.С.* Между адмиралом Ф.Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А.Я. Италинского в Неаполе (1799 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. С. 81–101. DOI: 10.7256/2454–0609.2025.1.73560 [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73560 (дата обращения: 23.08.2025)

5. *Агеев А.С.* Неаполитанская миссия А.Я. Италинского по материалам личного архива дипломата (опыт реконструкции дипломатической повседневности) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 8 (154). [Электронный ресурс]. – URL: https://history.jes.su/s207987840036453–7–1/ (дата обращения: 18.03.2026).

6. *Агеева О.Г.* Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Фонд «Связь эпох», 2018. 440 с.

7. *Александренко В.Н.* Император Павел I и англичане (извлечение из донесений Витворта) // Русская старина, Т. XCVI. № 10. 1898. С. 93–106.

8. *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897. 550 с.

9. *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: Индрик, 2013. 280 с.

10. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. СПб.: Типография Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ, 1840. 270 с.

11. *Барбье П.* Празднества в Неаполе: Театр, музыка и кастраты в XVIII веке. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 416 с.

12. Безопасность Российской империи: проблемы, дискурсы, практики в XVIII–XIX веках / под ред. Н. Иванова, Н. Катцера, К. Дитце. М.: Новое литературное обозрение, 2026. 800 с.

13. *Безотосный В.М.* Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М.: Русские витязи, 2017. 72 с.

14. *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 631 с.

15. *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 746 с.

16. *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 719 с.

17. *Бовыкин Д.Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе. Письмо Павла I принцу Конде (3 августа 1797 г.) из фондов Национального архива Франции // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 7 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2006. С. 77–86.

18. *Борецкий-Бергфельд И.* Император Павел I и политическая судьба Италии // Русская старина. 1912. №3, С. 509–522

19. *Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. СПб.: Т-во А.С. Суворина, 1914. 686 с.

20. Великая Французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. 552 с.

21. *Висковатов А.В.* Военные происшествия в Неаполитанском королевстве // Славянин. 1827. Ч. 4. № LI. С. 437–449; № LII. С. 473–490; 1828. Ч. 5. № VIII. С. 271–286; № IX. С. 307–325; № X. С. 351–364.

22. *Горулева Е.А.* Краткая летопись придворной Певческой капеллы в рукописи А.Е. Хомутенко // Десятые открытые слушания «Института Петербурга»: Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. СПб., 2003. С. 1–8.

23. *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М.: ИСлРАН, 2003. 281 с.

24. *Гребенщикова Г.А.* Андрей Яковлевич Италинский // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 20–35.

25. *Гребенщикова Г.А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. III. Три войны Екатерины Великой. Часть третья. СПб.: Остров, 2023. 648 с.

26. *Гребенщикова Г.А.* Фрегат «Венус» в русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб.: Остров, 2015. 200 с.

27. *Григорович Н.И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. 1747–1787 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. XXVI. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1879. 674 с.

28. Дворец гр. Апраксина // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 14.

29. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); РОССПЭН, 2004. 496 с.

30. *Джеджула К.Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев: Издательство Киевского университета, 1972. 452 с.

31. *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972. 368 с.

32. «…Душевно к вам привязан»: Переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы) / сост. и науч. ред. Майя Лавринович. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. 308 с.

33. *Ершов А.И.* Старейший русский хор. Л.: Советский композитор, 1978. 192 с.

34. *Зазулина Н.Н.* Миссия великого князя. Путешествие Павла Петровича в 1781–1782 годах. М.: Бослен, 2015. 544 с.

35. *Зайцева Д. В.* Неаполитанская республика 1799 г. в донесениях русского дипломата В.В. Мусина-Пушкина-Брюса: новый взгляд на источник // Французский ежегодник 2024. Т. 57. М., 2024, С. 113–127

36. *Искюль С.Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М.: Индрик, 2007. 392 с.

37. История Балкан: Век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2004. 546 с.

38. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / отв. ред. О.В. Орлик, отв. секр. В.Н. Пономарев. М.: Международные отношения, 1995. 448 с.

39. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. Т. I–V. СПб., 1852–1853.

40. История дипломатии / под ред. В.А. Зорина и др. Т. 1–5. М.: Госполитиздат, 1959–1974.

41. История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. 872 с.

42. История Италии / под ред. акад. С.Д. Сказкина. Т. 1–2. М.: Наука, 1970.

43. История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. История Османского государства и общества. М.: Восточная литература, 2006. 603 с.

44. Италия – Россия: четыре века музыки. М.: Посольство Италии в Москве, 2017. 440 с.

45. *Клейнман Г.А.* Русско-турецкий союз 1799 г. // Доклады и сообщения Исторического факультета. Выпуск третий. М., 1945. С. 9–23.

46. *Кондратенко Р.В.* Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах. СПб.: Гангут, 2014. 380 с.

47. *Кондратьева Е.В.* Представители рода Татищевых на дипломатической службе: участие полномочного министра в Неаполитанском королевстве Д.П. Татищева в военно-политических событиях 1805–1806 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XXII. Сборник материалов. М., 2026. С. 120–134.

48. *Крачковский И.Ю.* Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве» // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Наука, 1953, С. 23–30.

49. *Кудрявцева Е.П.* Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. 348 с.

50. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.

51. *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII века) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78.

52. *Митрофанов А.А.* Французский дипломат на русской службе. Миссии графа д'Антрэга в Венеции (1795–1797 годы) // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65. № 5. С. 140–153.

53. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1844. 304 с.

54. *Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2009. 780 с.

55. *Овчинников В.Д.* Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль: ООО «Академия 76», 2016. 656 с.

56. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 368 с.

57. *Орлов Н.А.* Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.

58. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2020. 440 с.

59. Очерки истории Министерства иностранных дел. Том третий. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. / под ред. А.Ю. Мешкова, А.И. Кузнецова, И.А. Мелихова, П.В. Стегния. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 421 с.

60. *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.

61. *Петрова М.А.* Иезуиты в церковной политике Павла I // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 161–180.

62. *Петрова М.А.* Международные отношения и дипломатия XVIII века в современной российской историографии // История международных отношений: Актуальные проблемы отечественной историографии. Том 3 / под общей ред. А.В. Малыгина. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 99–112.

63. *Петрушевский А.В.* Генералиссимус князь Суворов. Т. 3. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1884. 458 с.

64. *Платен К.Х. фон.* Стединк. Курт фон Стединк (1746–1837) – космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 511 с.

65. *Пляскина Е.В.* Развитие отечественного церковно-певческого образования // Мир науки, культуры, образования. № 1 (4). 2007. С. 37–43.

66. *Полевщикова Е.В.* Одесские издания в книжном собрании Воронцовского дворца в Одессе (конец 1820-х – 1880 г.): особенности формирования репертуара в семейной библиотеке // Бібліотечний Меркурій. 2020. Вип. 2 (24). С. 104–122.

67. *Поливанов М.Д.* М.М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг. СПб.: 1-я женская типография товарищества «Печатного станка», 1912. 93 с.

68. *Поплавская И.А.* Неаполитанское королевство и Россия в начале XIX в.: на материале переписки братьев Булгаковых // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 170–191.

69. *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб.: Алетейя, 2009. 207 с.

70. *Рогинский В.В.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М.: Весь мир, 2012. 520 с.

71. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. 840 с.

72. Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М.: Наука, 1968. 464 с.

73. *Рукавишников Е.Н.* Опыт, обретенный ценой неудач. Неаполитанский десант капитан-командора А.С. Грейга (1805–1806 гг.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 6. С. 66–75.

74. *Сабитова Л.Р.* Противостояние через пролив: англичане и французы в Южной Италии в 1805–1808 гг. // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 181–192.

75. *Сальца Л.* Неаполь. От барокко к Просвещению. М.: Вече, 2017. 304 с.

76. *Сибирева Г.А.* В.В. Мусин-Пушкин-Брюс – дипломат, масон, меценат // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 18. С. 266–285.

77. *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII века. М.: Наука, 1981. 196 с.

78. *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в 1777–1791 гг. (становление отношений) // Проблемы итальянской истории. М., 1978. С. 200–226.

79. *Сибирева Г.А.* Неаполитанская революция 1799 года и Россия // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С. 56–86.

80. *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция, 1801–1812. М.: Наука, 1966. 208 с.

81. *Скаммакка дель Мурго Е.* Графы Лудольф. М.: Зебра Е, 2013. 400 с.

82. *Смилянская Е.Б., Моряков Е.Ю.* Британский посол в Петербурге при Екатерине II: дипломатия и мелочи жизни лорда Чарльза Каткарта. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 496 с.

83. *Соколов А.Б.* «Очаковское дело». Англо-российский конфликт 1791 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3–22.

84. *Соколов О.В.* Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. СПб.: Питер, 2019. 656 с.

85. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М.: Наука, 1983. 302 с.

86. *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976. 376 с.

87. *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Издательство АН СССР, 1962. 504 с.

88. *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М.: Международные отношения, 2013. 350 с.

89. *Стегний П.В.* Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов, сер. Международные отношения, 2022. № 1 (2). С. 5–28.

90. *Стегний П.В.* «Прощайте, мадам Корф». Из истории тайной дипломатии времен Французской революции. М.: Международные отношения, 2025. 384 с.

91. *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

92. *Суслова Н.А.* Дмитрий Павлович Татищев (1767 – 1845) // Из глубины времен. 1995. № 5. С. 100–112.

93. *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. 400 с.

94. *Тарле Е.В.* Сочинения. Т. X. М.: Издательство АН СССР, 1959. 878 с.

95. *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М.: ТЕРРА, 1993. 382 с.

96. *Филиппо М. ди.* К истории отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 5–23.

97. *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М.: Наука, 1995. 439 с.

98. *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI: Русско-французские отношения (1774–1792). М.: Наука, 2001. 528 с.

99. *Чиняков М.К.* Далматинская экспедиция (1806–1807) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 27–63.

100. *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41.

101. *Шапиро А.Л.* Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX века // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 253–288.

102. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1901. 606 с.

103. *Шмигельските-Стукене Р.* Михал Клеофас Огинский: политик, дипломат, министр. Минск: Научный мир, 2015. 192 с.

104. *Acton H.* The Bourbons of Naples (1734–1825). London: Prion Books Limited, 1998. 750 p.

105. *Addante L.* I cannibali dei Borbone. Antropofagia e politica nell'Europa moderna. Roma–Bari: Laterza, 2021. 192 p.

106. *Barra V.* Maria Carolina, la principessa di Jaci e la “cabala spagnola” // Meteore. Ascese e oblio nei territori dell'Italia Spagnola (metà XVI–metà XVIII sec.) / a cura di Calabrese M.C., Cremonini C., Scalisi L. // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2024. № 9–10. P. 517–532.

107. *Bely L.* L’art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIIe siècle. Paris: Presses universitaires de France, 2007. 745 p.

108. *Blanch L.* Scritti storici / a cura di B. Croce. V. I. Il Regno di Napoli dal 1801 al 1806 e la campagna del Murat nel 1815. Bari: Laterza, 1945. 853 p.

109. *Blondy A.* Marie-Caroline d’Autriche. Reine de Naples et sœur de Marie-Antoinette. Paris: Perrin, 2025. 443 p.

110. *Blondy A.* Paul Ier. La folie d'un tsar. Paris: Perrin, 2020. 333 p.

111. *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia, 1775–1815. Genève: Librérie Droz. 1979. 398 p.

112. *Conforti L.* Napoli nel 1799. Critica e documenti inediti. Napoli: E. Anfossi, 1889. 320 p.

113. *Cortese N.* La mediazione Napoletana nelle trattative di pace tra Russia e Turchia nel 1790–91 (con lettere inedite di Caterina II e di Maria Carolina) // Russia. Rivista di letteratura, storia e filosofia / diretta da E. Lo Gatto. Anno I. V. I. Napoli, 1921. P. 74–103.

114. *Croce B.* La Rivoluzione Napoletana del 1799. Napoli: Bibliopolis, 1998. 477 p.

115. *Croce B.* Uomini e cose della vecchia Italia. V. II. Bari: G. Laterza & figli, 1927. 321 p.

116. *Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Pevolutions (1780–1860). Oxford University Press. 2009. 380 p.

117. *Driault E.* Napoléon et l'Europe. V. 2. Austerlitz. La fin du Saint-Empire (1804–1806). Paris: Félix Alcan, 1912. 516 p.

118. *Ettore M.G. d’Alessandro di Pescolanciano.* Una dimora gentilizia napoletana nel quartiere S. Ferdinando. Palazzo d’Alessandro-Pescolanciano. Centro

Studi d’Alessandro Pescolanciano. 2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.famigliadalessandro.it/palazzovianardones.pdf (дата обращения: 24.03.2026)

119. *Flayhart WH.* Counterpoint to Trafalgar: The Anglo-Russian invasion of Naples, 1805–1806. University of South Carolina Press., 1992. 209 p.

120. *Firges P.* French Revolutionaries in the Ottoman Empire. Diplomacy, Political Culture, and the Limiting of Universal Revolution, 1792–1798. Oxford University Press, 2017. 304 p.

121. *Gin E.* Ferdinando IV di Borbone. Il Regno di Napoli e il Grande Gioco del Mediterraneo. Rubbettino, 2022. 152 p.

122. *Giura V.* Russia, Stati Uniti d’America e Regno di Napoli nell’età del Risorgimento. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1967. 362 p.

123. *Gramsci A.* Il Risorgimento. Torino: G. Einaudi Editore, 1952. 236 p.

124. *Granata S.A.* Monarchie Mediterranee. Ferdinando IV di Borbone tra Sicilia ed Europa (1806–1815). Roma: Carocci editore. 2016. 236 p.

125. *Hague W.* William Pitt the Yonger. New York: Alfred A. Knopf, 2005. 614 p.

126. *Hopton R.* The battle of Maida 1806: Fifteen Minutes of Glory. Barnsley, 2002. 220 p.

127. *Jenkins I., Sloan K.* Vases and Volcanoes: Sir William Hamilton and His Collection. British Museum Press, 1996. 320 p.

128. *Ilari V., Crociani P., Boeri G.* Le Due Sicilie nelle guerre napoleoniche (1800–1815). T. I–II. Roma: Ufficio Storico SME, 2008. 1088 p.

129. *Ilari V., Crociani P., Paoletti C.* Storia militare dell'Italia giacobina (1796–1802). T. I–II. Roma: Ufficio Storico SME, 2001. 1323 p.

130. Io, la Regina II / a cura di G. Sodano e G. Brevetti. Palermo: Quaderni – Mediterranea – ricerche storiche, 2020. 362 p.

131. *Knight C.* Il Regno di Napoli dalla tutela all'emancipazione (1775–1789). Lettere di Ferdinando IV a Carlo III ad altri documenti inediti. V. II. Napoli: Società Napoletana di Storia Patria, 2015. 775 p.

132. *Knight R.* The Pursuit of Victory. The Life and Achievement of Horatio Nelson. New York: Basic Books, 2005. 909 p.

133. *Mackesy P.* The War in the Mediterranean, 1803–1810. Cambridge: Harvard University Press, 1957. 448 p.

134. *Mafrici M.V.* Al servizio del Re. Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e rotte commerciali (1777–1806). Napoli: La Valle Del Tempo, 2026. 336 p.

135. *Mafrici M.* Al servizio di Ferdinando IV. Antonino Maresca di Serracapriola a San Pietroburgo (1787–1806) // Mo.do digitale. Rivista di Storia, Scienze umane e Cultural Heritage. 2022. № 5–6. P. 209–244.

136. *Mafrici M.* La diplomazia in azione nel Sette-Ottocento: rapporti commerciali tra la Russia e il Regno di Napoli // Mediterraneo e/è Mar Nero. Due mari tra età moderna e contemporanea / a cura di L.M. Migliorini e M. Mafrici. Napoli, 2012. P. 31–54.

137. *Maresca B.* I due trattati stipulati dalla Corte Napoletana nel settembre 1805 // Archivio Storico per le Province Napoletane. Anno XII, fasc. III. Napoli, 1887. P. 1–115.

138. *Maresca B.* Il Cavaliere Antonio Micheroux nella reazione napolitana del 1799. Napoli: F. Giannini & figli, 1895. 252 p.

139. *Minto E.* A memoir of the right honorable Hugh Elliot. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1868. 436 p.

140. *Mori J.* The Culture of Diplomacy: Britain in Europe 1750–1830. Manchester University Press, 2011. 256 p.

141. *Nuzzo G.* La Monarchia delle Due Sicilie tra ancien régime e rivoluzione. Napoli: Arturo Berisio, 1972. 509 p.

142. Paul I: A reassessment of his life and reign / ed. by H. Ragsdale. University of Pittsburg, 1979. 211 p.

143. *Pezzi M.* Guglielmo Costantino Ludolf. Nota per la biografia di un diplomatico europeo tra Sette e Ottocento // Africana. Rivista di Studi Extraeuropei. XV (2009). Edistudio, 2009. P. 81–85.

144. *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Ėtudes diplomatiques. T. V. Paris : Plon-Nourrit, 1912. 480 p.

145. *Pingaud L.* Le Comte Fédor Golovkine d'après ses écrits publiés et inédites. Paris: Plon-Nourrit, 1905. 50 p.

146. *Ragsdale H.* Détente in the Napoleonic Era. Bonaparte and the Russians. Lawrence: The Regents Press of Kansas, 1980. 195 p.

147. *Ragsdale H.* Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project // The Slavonic and East European Review. Vol. 66, № 1. 1988. P. 91–117.

148. *Rao A.M., Villani P.* Napoli 1799–1815. Dalla repubblica alla monarchia amministrativa. Napoli: Edizioni del Sole, 1994. 319 p.

149. Re e briganti. Monarchia borbonica, controrivoluzione e brigantaggio politico nel Mezzogiorno d'Italia (1799–1895) / a cura di E. Gin e S. Sonetti. Rubbettino, 2021. 240 p.

150. *Roider K.* Baron Thugut and Austria's response to the French Revolution. Princeton University Press, 1987. 436 p.

151. *Romanenko K.* The development of the Russian consular network in the Italian Peninsula after the annexation of Crimea (1783) by the Russian Empire: the role of Russian officials // Diaspora neo-greca nell'Italia Centro-Meridionale della prima età moderna (sec. XV–XVIII). Atti del convegno. Venezia, 27–29 giugno 2023 / a cura di G.D. Pagratis. Atene, 2025. P. 299–316.

152. *Romano R.* Prezzi, salari e servizi a Napoli nel secolo XVIII (1734–1806). Milano: Banca commerciale italiana, 1965. 162 p.

153. *Sani V.* 1799. Napoli. La rivoluzione. Edizioni Osanni Venosa. 1999. 264 p.

154. *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Klarendon Press, 1994. 916 p.

155. Storia di Napoli. V. 8. Arte, cultura e società nel '700. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1971. 866 p.

156. *Takushinova B.* I russi e il Grand Tour nel Regno di Napoli. Viaggi, diplomazia, collezionismo. Napoli: Luciano Editore, 2023. 188 p.

157. *Takushinova B.* Napoli e San Pietroburgo tra diplomazia e arte. Antonino e Nicola Maresca di Serracapriola // Russia e Stati italiani al tramonto dell'Antico Regime / a cura di M. Natalizi, M. Navone, D. Tongiorgi, Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2025. P. 167–185

158. *Zaugg R.* Guerra, rivoluzione, xenofobia. L'espulsione dei francesi dal Regno di Napoli (1793) // Il Mediterraneo delle città: scambi, confronti, culture, rappresentazioni. Viella, 2008. P. 299–321.

VII. Диссертации

1. *Верченкова В.В.* Осада Тулона 1793 года: геополитический и антропологический аспекты: дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.2. М.: ФГБОУ ИВИ РАН, 2023. 282 с.

2. *Amore D.* Napoli, San Pietroburgo e il Mediterraneo, 1777–1861 (Tesi di dottorato). Napoli / Paris: Centre de recherches sur l'histoire des slaves, 2017. 323 p.

VIII. Справочные издания

1. Государственность России: словарь-справочник. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частноправовые акты: конец XV века – февраль 1917 года. Ч. 2. М.: Наука, 2009. 398 с.

2. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1 / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: АН СССР, 1984. 224 с.

3. Энциклопедический словарь, под ред. Ф.А. Брокгауза и Е.А. Ефрона. Т. XXIV. СПб., 1898. 503 с.

4. Biografiskt lexikon för Finland 1. Svenska tiden. Helsingfors / Stockholm: Atlantis, 2008. 1047 s. [Электронный ресурс]. – URL: https://blf.fi/index.php (дата обращения: 01.05.2026)

5. Dizionario Biografico degli Italiani. V. 25, 70, 72, 73. Roma: Treccani, 1981, 2008–2009 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/elenco–opere/Dizionario_Biografico/1/ (дата обращения: 01.05.2026)